

ЯПОНИЯ

ЕЖЕГОДНИК

1998

1999

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

*

ИНСТИТУТ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

*

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

*

АССОЦИАЦИЯ ЯПОНОВЕДОВ

ББК 66.2 (5Я) я5
Я70

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР А. И. КРАВЦЕВИЧ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. М. АЛПАТОВ, Т. П. ГИГОРЬЕВА,
Н. П. ДМИТРИЕВСКАЯ (ответственный секретарь),
В. Н. ЕРЕМИН, А. А. ИСКЕНДЕРОВ, И. П. ЛЕБЕДЕВА,
М. Г. НОСОВ, В. Н. ПАВЛЯТЕНКО, В. О. ПЕРФИЛЬЕВ,
В. Б. РАМЗЕС, В. И. САПЛИН, К. О. САРКИСОВ,
А. И. СЕНАТОРОВ, К. Е. ЧЕРЕВКО

Я70 Япония 1998 – 1999. Ежегодник. – М., 1999, – 272 с.

В очередном выпуске ежегодника освещается широкий круг проблем современной жизни Японии, поднимаются вопросы, связанные с ее историей. Большое внимание уделяется внутренней и внешней политике, экономике и управлению. Помещены статьи, исследующие проблемы культуры, образования и литературы, публикуются переводы рассказов японской писательницы.

**С 1994 г. издание осуществляется при поддержке
Японского фонда**

Я 0805000000-023 (без объявл.-99)
001(01) – 99

ISBN 5-88440-106-X

© Ассоциация японоведов, 1999

ЯПОНИЯ

1998 – 1999

ЕЖЕГОДНИК

МОСКВА

1999

Структурные реформы: идеология и политическая борьба

А.И. Сенаторов

В сегодняшней Японии наибольшую актуальность приобрели, пожалуй, две тесно связанные между собой проблемы. Это, – во-первых, неотложные задачи выхода из затянувшегося экономического застоя и восстановления нормальной работы национальной финансовой системы; во-вторых, столь же неотложные, но рассчитанные на перспективу структурные реформы.

Отвечая на вопрос, зачем следует спешить с реформами, один из сторонников глубоких перемен в социально-экономическом фундаменте послевоенной Японии, бывший премьер-министр Я. Накасонэ называет три довода.

1. Реформы нужны для восстановления благоприятной конъюнктуры, стабилизации национальной экономики.

2. В ходе реформ следует создать экономическую и политическую систему, «отвечающую условиям Японии XXI века», в том числе с учетом демографических изменений, старения населения страны.

3. Реформы требуются, чтобы не уступить в соперничестве с иностранными государствами¹.

В том, что фундаментальные реформы назрели, в Японии признают практически все общественные слои и политические силы. Однако конкретное их содержание мыслится неоднозначно. Государственная стратегия и тактика реформ формируются в процессе противостояния различных идеологий и острой политической борьбы. Именно на этой стороне нынешних японских реформ автор настоящей статьи намерен сконцентрировать внимание, поскольку ранее уже имел возможность на страницах ежегодника и других изданий в общих чер-

¹ Тюо корон. 1997, № 6, с. 37.

тах рассказать о правительственных планах структурных реформ и первых шагах в их осуществлении².

Нельзя не заметить, что нынешний подход к реформам в Японии формируется на волне широкого распространения неоконсервативной, или неолиберальной идеологии.

Еще в начале 80-х годов Е.А. Пигулевская на страницах ежегодника отмечала активизацию в японской экономической мысли неоконсервативных течений, которые «в целом объединяет идея эффективности рыночного механизма и автоматического восстановления экономического равновесия, противопоставляемая позиции Кейнса о внутренней нестабильности и неспособности монополистического капитализма к саморегулированию, что делает необходимым государственное вмешательство». Среди антикейнсианских течений выделялся «ордолиберализм – японский вариант идеологии неолиберализма, близкий идеям американского ученого М. Фридмана (Чикагская школа) и западно-германской школы «Ордо» («Строй»), а также идеям Ф. Хайека о «правовом государстве»³.

Суть неолиберализма, по мнению Е.А. Пигулевской, заключается в том, что его адепты «признают нарушение механизма саморегулирования экономики, но ограничивают вмешательство государства лишь созданием условий для восстановления действия рыночного механизма путем поддержания конкурентных отношений»⁴.

В те же годы неолиберализм стал идейным источником поворота в экономической политике Японии. Следуя примеру Рейгана и Тетчер, в Японии также приступили к административно-финансовой реформе, направленной на ограничение сферы государственного вмешательства в экономику, что осуществлялось тогда главным образом через приватизацию государственных железных дорог и ряда других предприятий общественного сектора.

Но наиболее мощная волна неолиберализма докатилась до Японии гораздо позже. Помимо политических причин, на которых мы остановимся далее, это было связано, вероятно, с конъюнктурным всплеском восхваления «превосходства» и «особенностей» японской экономики на фоне успешного преодоления ею некоторых кризисных ситуаций, так называемых «нефтяных шоков».

В натиске неолиберализма новые аргументы в его пользу дал провал «реального социализма» в Советском Союзе и странах Восточной Европы. По этой

² См.: От политической перестройки к структурным реформам. – Япония 1996–1997. Ежегодник. М., 1997, с. 5–21; Административная реформа: от разработки планов к их реализации. – Япония 1997–1998. Ежегодник. М., 1998, с. 78–97; Япония: курс на структурные реформы. – Проблемы Дальнего Востока. 1998, № 2, с. 37–49.

³ Пигулевская Е.А. Кризис государственно-монополистического капитализма и поиски новых доктрин хозяйственного регулирования – Япония 1984. Ежегодник. М., 1985, с. 167.

⁴ Там же

же причине поблекла привлекательность социал-демократических представлений об экономике, включая кейнсианские методы государственного регулирования и концепцию «общества благосостояния». Упрочению позиций сторонников неолиберализма способствовали и обширные японо-американские связи, распространение модных американских теорий через тесные контакты академических кругов, обучение японцев в США и т.д. В дискуссии вокруг либеральных идей втягивались, помимо ученых и специалистов-практиков, политики и журналисты. Неолиберализм все больше становился орудием в политической борьбе, приобретал воинственный характер.

Можно полагать, что именно такой «экономический либерализм» как главный компонент неоконсерватизма – выходящий за рамки чисто научных представлений, грешащий полемическими перекосами – стал объектом анализа одного из исследователей этого идеологического течения, политолога Х. Отакэ. По его мнению, нынешнему экономическому либерализму присущи следующие характерные черты.

1. Почти полная зашоренность на универсальности принципа рыночной конкуренции, близкая к безусловной вера в эффективность рыночного механизма. Считается, что почти все проблемы могут быть позитивно решены при обеспечении максимальной эффективности рыночных отношений и свободы. В Японии особенно подчеркивается экономическая эффективность и рациональность рыночного механизма и с этой точки зрения жесткой критике подвергается концепция «государства благосостояния» и плановой экономики.

2. Экономический либерализм не ограничивается максимизацией рыночной эффективности в сфере обмена, а требует также рационализации способа производства. В этом смысле он предстает в качестве идеологии управления трудом, оправдывающей жесткий контроль на производстве, на рабочих местах. Экономический либерализм с его акцентом на поощрение индивидуализма противостоит профсоюзам как носителям социал-демократической идеологии.

3. «Антиполитическая окраска» экономического либерализма, с одной стороны, как это имеет место в Японии, выражается в требованиях дерегулирования, приватизации и децентрализации. С другой стороны, в той же Японии экономический либерализм выступает и против послевоенной конституционной политики, предполагающей «демократию масс», свободное партийное соперничество, против социальной ориентации государственной политики. Здесь двойственный подход: пока гарантируются экономические свободы можно сосуществовать с авторитарной системой, допускающей притеснение свобод политических.

4. Нацеленность на радикальное реформаторство, отрицающее поиск компромиссных решений. Воинственность и бескомпромиссность экономического либерализма заключает в себе опасность поворота либеральных реформ к «либеральной реакции».

5. Экономическому либерализму близки протестантские и конфуцианские ценности, отражающие мировоззрение элиты, «управителей системы»: устремленность в будущее, ориентация на эффективность, сосредоточенность на работе. Отсюда призывы либералов и к возрождению роли семьи и религии как институтов, согласующихся с рыночной экономикой⁵.

По мере внедрения идей неоллиберализма в общественное сознание долгие дискуссии о необходимости структурных реформ с середины 1993 г. вновь начинают материализовываться в планах и конкретных действиях на уровне правительства.

Главные причины успеха неоллиберальных концепций очевидны. Логика внутреннего развития Японии и потребность адаптации к интернационализирующейся мировой экономике со всей наглядностью выявили неотвратимость корректировки основ социально-экономической системы, остававшейся практически неизменной в течение полувека. Помимо того, в условиях глубокой вовлеченности Японии в мирохозяйственные связи не оставалось возможности и далее игнорировать прямой нажим из-за рубежа, в особенности, многократные американские требования ускорить реформы, придать им не поверхностный, а радикальный характер.

Хотя неоллиберализм стал в Японии модным и влиятельным идейным течением, нет оснований считать, что нынешние реформы будут безраздельно разветываться по сценариям его сторонников.

Действительно, в общественном мнении сформировалось в целом благожелательное отношение к реформам. Так, согласно опросу, проведенному газетой «Асахи» в декабре 1998 г., подавляющее большинство опрошенных заявили, что они признают необходимыми либо «большие» (42%), либо «частичные» (48%) перемены в основных методах политики и управления экономикой нынешней Японии. Против таких перемен высказалось всего 5%, такова же доля уклонившихся от ответа⁶.

Полное отторжение неоллиберальных идей, можно сказать, присуще лишь ограниченному кругу людей, примыкающих к крайне левому флангу политических сил. В то же время несогласие с проведением реформ исключительно по неоллиберальным рецептам проявляется у людей из разных слоев общества, с различным мировоззрением. Тем более, когда крайности неоллиберализма вступают в противоречие с возникшей вследствие окончания «холодной войны» и не обошедшей Японию тенденцией эволюции от бескомпромиссности к социальному компромиссу, от тотальной конфронтации в сторону предпочтения способам достижения консенсуса.

⁵ Отакэ Хидэо. Дзюсюги-тэки кайкаку-но дзидай (Время либеральных реформ) Токио, 1994, с. 28–32.

⁶ Асахи симбун. 01.01.1999.

В японской прессе все чаще высказываются опасения по поводу того, что в ходе реформ радикальные их сторонники, ратующие за полную экономическую свободу, настаивают на «твердом политическом руководстве», отрицают решение проблем национального значения по принципу консенсуса, внимательно прислушиваются к голосу предпринимательских организаций, но понижают роль профсоюзов, игнорируя их мнение.

Нередко неолиберальный акцент на «личной ответственности» каждого члена общества, в том числе на собственном материальном положении, воспринимается как чрезмерно жесткий, не соответствующий национальному менталитету, противопоставляемый традициям общественной солидарности. Обеспокоенность широких слоев населения вызывает реформа системы социального обеспечения, предусматривающая возложение большей, чем прежде, доли расходов на тех, кто особенно нуждается в ее услугах.

В профсоюзном движении, включая крупнейший его национальный центр, Японскую конфедерацию профсоюзов (Рэнго), восприняли как наступление на права трудящихся предпринимаемые правительством по требованию деловых кругов и оправдываемые желанием создать условия для гибкого и более полного использования рабочей силы попытки распространить дерегулирование на трудовое законодательство (пересмотр ряда положений лишь недавно принятых законов, касающихся условий труда женщин, командированных работников и т.п.).

Радикальные шаги по пересмотру различного рода регламентаций, ограждающих отрасли с низкой производительностью (мелкое предпринимательство, сельское хозяйство) от свободной конкуренции, особенно, когда предлагается их осуществить быстрыми темпами, также не могут не вызывать недовольства отнюдь не малочисленных слоев населения, заинтересованных в сохранении прежних условий их деятельности.

Наконец, продвижению идей радикального реформирования препятствует своего рода «бытовой» консерватизм. Как и в любой другой стране, в японских правящих кругах есть немало людей, которым не хотелось бы экспериментировать, разрушая установившиеся порядки, гарантировавшие им до сих пор устойчивое благоденствие. В этом смысле не случайна развернувшаяся в Японии критика в адрес «бюрократии». В средствах массовой информации тиражируются раздающиеся с разных сторон обвинения по поводу торможения реформ правительственными ведомствами, в том числе объясняемые боязнью правительственных чиновников потерять в процессе дерегулирования прежнюю значимость, полномочия, а, следовательно, и практические выгоды. За такой критикой стоят реальные факты, но суть осторожного подхода чиновников, в своей массе высококвалифицированных специалистов, к реформам нельзя сводить лишь к их эгоистическим помыслам или ведомственным интересам. Следует отметить также, что фактическим продолжением критики в адрес правительст-

венного аппарата стала широко обсуждаемая сейчас проблема «зависимости политиков от бюрократии».

Изучая опыт европейских стран, многие японские ученые обращают внимание на то, что их послевоенное развитие происходило в условиях плодотворного идеологического противоборства, главной осью которого было соперничество либеральных и социал-демократических взглядов. Подобное развитие событий они считают желательным и при определении конкретного содержания нынешних реформ в Японии, поскольку это могло бы способствовать успешному поиску оптимальных решений многих проблем, неизбежно возникающих в процессе ломки ставших привычными, но устаревших порядков.

Характерно, что данный взгляд разделяют и люди, не вовлеченные в политическую борьбу на стороне какой-либо партии. Так, Ю. Ногути, профессор университета Хитоцубаси, известный жесткой критикой сохраняющихся доныне в Японии многих реликтов «системы 1940 г.», т.е. элементов мобилизационной системы управления по типу экономики военного времени, полагает необходимым, чтобы решения по реформам принимались на принципиальной основе в обстановке «противостояния идеалов либерализма и социал-демократии, между которыми идет спор в оценке рыночного механизма и конкуренции». Одновременно он сетует по поводу слабости японской социал-демократии, особенно ее деградации в последние годы. Согласно его утверждениям реальным проводником социал-демократических идей в послевоенной Японии были не оппозиционные партии, а влиятельные круги в среде «бюрократии», правительственных чиновников⁸.

Недостаточность влияния социал-демократической партии в Японии, о чем в первую очередь свидетельствовал ее фактический статус «вечной оппозиции» при долговременном монопольном правлении либерал-демократов, в определенной степени возмещалась существованием промежуточных идеологий, в чем-то близких к социал-демократической. К такого рода идейным течениям Х. Отакэ, например, относит «кооперацию в деревне», «исправленный капитализм финансовых кругов»⁹, «массовую демократию консервативных партий». Сотрудничая с социал-демократами, носители промежуточной идеологии, как счи-

⁸ Ногути Юкио. 1940-нэн гайсэй. Сараба «сэндзи кэйдзай» (Система 1940 г. Прощай, «военная экономика»). Токио, 1995, с. 186

⁸ Там же, с. 179

⁹ Имеются в виду некоторые нетипичные для финансовых кругов концепции: например, разработанные в 1947 г. в Ассоциации корпоративных руководителей (Кэйдзай доюкай) предложения по демократизации экономики, включая идеи «отделения собственности от управления», партнерские отношения между расхочими и предпринимателями, конструктивное сотрудничество последних с профсоюзами и т.д. См. Масамура Кимихико. Сэнго си (Послевоенная история). Токио, т. 2, 1985, с. 225–226.

тает Х. Отакэ, «во многих случаях становятся впереди них, противостоят экономическому либерализму»¹⁰.

Признание существования социал-демократических идей за пределами левого крыла политических сил в Японии не является чем-то необычным. Они просматриваются даже в политике консервативных правительств, поскольку в их деятельности в большей или меньшей степени, но постоянно проявлялось внимание к социальному аспекту.

На практике противоборство идей в современном усложняющемся, плюралистическом обществе нельзя свести к упрощенному, двухполюсному пониманию. Это не может не отразиться и на законодательных, правительственных решениях, касающихся глубины и темпов реформ.

Идеологические споры вокруг реформ продолжают. В то время как натиск со стороны последователей неолиберальных рецептов их проведения не ослабляется, слышны и призывы к осмотрительности.

Наблюдательные японцы не упускают из виду, что засилье «рыночников» в их теперешней экономической науке заметно отличается от новых веяний в США, где, разрабатывая прогнозы на XXI век, начали всерьез думать, как преодолеть ожидающиеся крупные рыночные сбои, даже потрясения.

«Полагаю, — говорит экономический обозреватель К. Утихаси, — что в XXI в. проявятся противоречия между «чрезмерным рыночным подходом» и «реалистическим, по мере возможности, использованием рынка». По меньшей мере, вульгарное стремление сторонников дерегулирования брать США за образец будет опровергнуто действительностью самого американского экономического общества... Следует отличать «пересмотр регулирования» от дерегулирования по представлениям «новых классиков», абсолютизирующих рыночные принципы»¹¹.

Несмотря на наличие политических и общественных сил, с разных позиций отвергающих полностью или частично неолиберальные идеи, либо по другим причинам не готовых оказать активную поддержку предлагаемым реформам, к настоящему времени неолиберальные взгляды на пересмотр многих важных элементов нынешнего социально-экономического порядка в Японии утверждаются в правящей элите, нейтрализуют сопротивление идеологических противников и тех, кто по иным причинам остерегается реформ. Особую сумятицу они внесли в ряды сторонников социал-демократических представлений о существовании экономической политики государства, его роли в жизни общества в целом.

Характерно, что разработка правительственного курса на осуществление реформ началась и продолжается на фоне быстротекущих перемен в расстановке политических сил, реорганизации большинства партий.

¹⁰ Отакэ Хидэо. Дзюсюги-тэки кайкаку-но дзидай. с. 36

¹¹ Сэкай. 1997. май. с. 116, 118.

Наиболее влиятельная в стране Либерально-демократическая партия (ЛДП), обладавшая до 1993 г. монополией на власть, пережила раскол и на некоторое время была отстранена от правления, затем вернулась к власти в коалиции со своими бывшими противниками, социалистами, а, возвратив утерянное большинство в палате представителей, сформировала правительство без партнеров по коалиции. С июня 1998 г. ЛДП немногим более полугода действовала как единственная правящая партия.

За это же время Социалистическая партия Японии прошла тернистый путь преобразования в Социал-демократическую партию (СДП), сопровождавшийся расколами партийных рядов, приняла участие в двух правительственных коалициях, первая из которых была направлена против ЛДП, а вторая представляла союз с ней при фактически господствующей роли либерал-демократов. Наконец, в 1998 г. в канун выборов в палату советников СДП возвратилась в оппозицию. В конечном счете из второй по влиянию в обществе и представленности в парламенте партии нынешняя СДП, потерпев крупные поражения на парламентских выборах, оттеснена на обочину политической жизни страны.

Учрежденные депутатами парламента, покинувшими ЛДП, партии, руководствуясь замыслом формирования в Японии двухпартийной политической системы, в конце 1994 г. совместно с «партиями среднего пути» объединились в Партию новых рубежей (ПНР), которая претендовала на роль единоличного соперника либерал-демократов в борьбе за власть. ПНР смогла стать второй парламентской партией, но отсутствие внутри нее согласия по многим актуальным проблемам, авторитарность ее руководителя И. Одзава и прочие причины привели после трех лет ее существования к самороспуску.

Осенью 1996 г. в Японии родилась Демократическая партия (ДП) как объединение политиков разных течений – социал-демократического (лица, покинувшие СДП) и либерального (преимущественно бывшие либерал-демократы). Весной 1998 г. ДП расширилась за счет слияния с частью партий и групп, образовавшихся на месте распушенной ПНР. Благодаря этому ДП стала крупнейшей среди партий оппозиции.

Правое крыло распушенной Партии новых рубежей оформилось в Либеральную партию. Еще одна часть политиков ПНР, представленная бывшими членами Комэйто, опиравшимися на поддержку буддийской организации Сока гаккай, образовала Новую партию «Мир», вступила в тесное сотрудничество с партией Комэй. В ноябре 1998 г. эти две партии объединились под названием Комэйто (Партия чистой политики).

В конце 1998 г. обозначился новый расклад в диспозиции политических сил, ставший непосредственным откликом на крайне неудачные для либерал-демократов июльские выборы в палату советников. Резкое сокращение депутатского корпуса правящей партии в этой части парламента, где она и до того большинством не располагала, побудило ее искать поддержку среди партий оп-

позиции. С другой стороны, для Либеральной партии выборы означали отсутствие перспектив удовлетворительного самостоятельного существования, а также и надежд на успешную борьбу за приход к власти совместно с прочими оппозиционными партиями. Появился взаимный интерес к реализации бродившей внутри обеих партий идеи «консервативно-консервативной коалиции». В ноябре между руководителями ЛДП и ЛП была достигнута принципиальная договоренность о создании коалиции. В январе 1999 г. К. Обути, реорганизовав свой кабинет, дал старт правительству новой коалиции.

В стороне от организационной чехарды политических сил удержалась лишь Коммунистическая партия Японии (КПЯ).

Таким образом, на начало 1999 г. вырисовалась следующая картина расстановки политических сил. Правящий лагерь представлен ЛДП и ЛП, ведущее положение в правительственной коалиции, естественно, сохранилось за либерал-демократами, имеющими большое превосходство над любой из прочих партий. Главная сила среди оппозиции – Демократическая партия. С переходом ЛП, неизменно причислявшей себя к «консерваторам», на положение правящей партии политический спектр оппозиционных сил сужается, а роль ДП как наиболее сильного оппонента правительству возрастает. Третья парламентская партия, которой стала новая, воссоединенная Комэйто, претендует на роль «центра», между правящей коалицией и ДП. СДП, утратившая прежнее политическое влияние, после возвращения в оппозицию будет, вероятно, стремиться к демонстрации позиций левее ДП. Что же касается коммунистов, то они традиционно остаются крайними на левом фланге оппозиции.

Каково же принципиальное отношение японских партий к назревшим системным переменам, чем при нынешней расстановке политических сил будет определяться их тактика при обсуждении в парламенте законопроектов, конкретизирующих содержание и темпы уже намеченных реформ?

Путь к принятию правительственных решений о курсе на широкие реформы был довольно долгим и трудным. После относительно ограниченной административно-финансовой реформы, осуществленной в 80-е годы правительством либерал-демократов, наступило временное затишье. Оно определялось, с одной стороны, самоуспокоенностью ЛДП, утерей ее прежней динамичности, как следствия непомерно затянувшегося единоличного правления, а с другой стороны, концентрацией усилий на отражении атак оппозиции в связи с чередой громких разоблачений коррупции политиков правящей партии.

Признав необходимость первоочередного проведения «политической реформы с целью очищения политики», либерал-демократы потратили ряд лет на то, чтобы направить ее в выгодное для сохранения своего правящего положения русло. Но маневры руководства ЛДП вокруг политической реформы вызвали раскол внутри партии, сделавший возможным переход власти летом 1993 г. к коалиции прежних оппозиционных партий с новыми партиями и группами, соз-

данными политиками, которые ушли из ЛДП. В таких условиях инициатива в постановке задачи проведения разносторонних структурных реформ перешла к правительственной коалиции без либерал-демократов. Кабинет М. Хосокава, объявив своей первоочередной целью реализацию политической реформы, в то же время выразил намерение приступить к административной и экономической реформам, начал подготовку к ним и даже сделал первые практические шаги на пути их осуществления.

Когда же либерал-демократы вновь вернулись к власти, им пришлось предстать в роли продолжателей дела своих политических противников. Столь неудобную для них позицию Р. Хасимото попытался компенсировать большим радикализмом. Став главой трехпартийного кабинета министров, он объявил его «правительством реформ». В январе 1997 г. Р. Хасимото возглавил и провозгласил курс «шести больших реформ», демонстрируя тем самым собственную инициативу и как бы превосходство над любыми оппонентами в готовности к крупномасштабным переменам. Особое значение при этом обращалось на такой новый элемент в планах административной реформы, как реорганизация правительственных органов посредством сокращения наполовину числа министерств и управлений.

Кабинет либерал-демократов, который после их поражения на выборах в палату советников летом 1998 г. возглавил К. Обути, подтвердил приверженность курсу реформ, «опираясь на принципы и идеалы, принятые кабинетом Хасимото»¹². Вместе с тем из заявлений и действий нового правительства вытекает, что расстройство финансовой системы и продолжение экономического застоя, возможно, станут причиной корректировки планов реформирования и замедления темпов их реализации.

Официальный курс Либерально-демократической партии состоит в том, чтобы Япония вступила в XXI век, завершив в основном уже провозглашенные масштабные структурные реформы: административную, бюджетную, финансовую систему, экономической структуры, социального обеспечения, образования. Этот курс отвечает целевым установкам ЛДП, считающей себя «консервативной партией, которая сохраняет историю и традиции Японии, но вместе с тем в соответствии с велением времени осуществляет реформы, вносит вклад в историческое развитие и прогресс путем использования лучших культурных и социальных достижений нашей эпохи»¹³.

Приняв курс на реформы, правительство ЛДП конкретизирует его, стремясь по возможности полнее учитывать мнение Федерации экономических организаций Японии (Кэйданрэн). Первичные рекомендации по проведению реформ готовятся (как это было при правлении ЛДП) в консультативных органах пра-

¹² Асахи симбун. 08.08.1998.

¹³ Вага то-но кихон хосин (Основной курс нашей партии) Токио, 1998, с. 9.

вительства с неизменным участием и во главе с руководящими деятелями Кэйданрэн. Не ограничиваясь выражением общих пожеланий о направленности и принципах реформ, Кэйданрэн систематически передает сугубо конкретные требования, например, перечни объектов дерегулирования. В деловых кругах Японии не скрывают удовлетворения тем, что в конечном счете их настояния находят отражение в политике правительства либерал-демократов.

В 1996 г. Кэйданрэн приняла концепцию построения «активно действующего глобального государства». Согласно разъяснению председателя федерации С. Тоёда имеется в виду такое государство, в котором ставка делается на активность отдельных личностей и предприятий, работающих под собственную ответственность, а вся деятельность государства соотнобразуется с глобальной обстановкой. С этой целью необходимо «решительно осуществить три большие структурные реформы: административную (в первую очередь отмена или смягчение регулирования), финансовую и налоговую». С. Тоёда подчеркнул роль Кэйданрэн как генератора «глубоких преобразований нынешней экономической и социальной системы», призвал экономические круги к всесторонней поддержке реформ, чтобы они «осуществлялись с необратимой решительностью». Символично, что эти слова были сказаны в контексте выраженного главой Кэйданрэн восхищения увиденного им при посещении Франции, Испании и Италии «твердого политического руководства при осуществлении таких непопулярных мер, как пересмотр системы социального обеспечения»¹⁴.

После отставки кабинета Р. Хасимото предпринимательские организации высказались за продолжение курса реформ новым правительством либерал-демократов, но с учетом большего внимания к решению неотложных экономических и финансовых проблем.

При всей очевидности громадного влияния предпринимательских организаций на формирование правительственного курса структурных реформ его нельзя рассматривать как идентичный взглядам представителей крупного капитала на конкретное содержание, приоритеты, темпы реформ. Чтобы не растерять свой электорат, правящая партия должна считаться и с интересами малого бизнеса, крестьян (благополучие тех и других зависит от сохранения их государственной поддержки), думать о смягчении негативных последствий реформ для социально слабых, малоимущих слоев населения. Помимо того, сказывается наличие внутри ЛДП влиятельных групп, так называемых «парламентских кланов», лоббирующих корпоративные или ведомственные интересы.

Отношение Либеральной партии к реформам определяется практическими взглядами ее авторитарного лидера И. Одзава, который наряду с Я. Накасонэ из ЛДП является среди японских политиков, видимо, самым настойчивым проводником неолиберальных идей. В Японии довольно широко известны призывы

¹⁴ Гэкан Кэйданрэн 1997, январь, с. 4–5

Одзава к «свободе от регулирования», переходу от «управления по типу контроля», к «управлению по типу установления правил», продолжению приватизации, осуществлению глубокой децентрализации и одновременно «сильному политическому руководству» на основе расширения властных возможностей премьер-министра, путем соединения правящей партии и кабинета министров «в одно целое» и отказа от практики достижения консенсуса¹⁵. Свои взгляды И. Одзава публично изложил еще перед выходом из ЛДП и стремился претворить их в жизнь, возглавляя Партию обновления, затем Партию новых рубежей. Одзава и его сторонники резко критиковали ЛДП, в том числе и тогда, когда Р. Хасимото провозгласил курс на проведение шести реформ, за «нерешительность» и «неспособность» к радикальному реформированию.

Позиция Либеральной партии в отношении реформ образно представлена в словах ее генерального секретаря Т. Нода: «ЛДП настаивает на ремонте крыши, а мы говорим о необходимости перестройки фундамента. Вот где наиболее важный водораздел»¹⁶. По взглядам руководства ЛП, «пассивность» ЛДП проистекает прежде всего из ее «зависимости от бюрократии».

Пока не ясно, насколько последовательно ЛП будет отстаивать в новой коалиции с ЛДП свои изначальные взгляды на глубину реформ. Можно предположить, что, покинув оппозицию, партия несколько ослабит и собственный радикализм. Но на стадии согласования совместной с ЛДП политической платформы она требовала, например, более основательного, чем намечает ЛДП, пересмотра нынешнего порядка налогообложения, предлагала вновь вернуться к политической реформе, сократить число депутатов обеих палат парламента за счет той части, которая избирается по пропорциональной системе, партийным спискам (ЛДП считает возможным лишь изучить эту идею в парламенте)¹⁷.

В отличие от Либеральной партии, четко выразившей настроенность на фундаментальные перемены, главная сила оппозиции – Демократическая партия не столь радикальна, ее взгляды на реформы не устоялись. Родившись как объединение политиков социал-демократического и либерального течений, она постепенно дрейфует вправо. На момент учреждения ДП ее программные документы содержали общее требование «большого поворота» в разных сферах жизни страны, включая продолжение политической реформы, осуществление глубокой административно-финансовой реформы и реформы образования. В содержании самих реформ акцент делался на полное раскрытие творческого потенциала гражданского общества и индивидуумов, особенно на расширение «демократии участия». Своеобразие позиции ДП проявлялось в том, что укрепление рыночной экономики связывалось с активизацией в ней «гражданского

¹⁵ Одзава Итиро. Нихон кайдзо кэйкаку (Программа перестройки Японии). Токио, 1993.

¹⁶ Асахи симбун. 05.08.1998.

¹⁷ Асахи симбун. 05.01.1999.

сектора», к которому отнесены мелкие и средние предприниматели, фермеры, кооперативы, а также некоммерческие организации. Ставилась задача построения к 2010 г. «децентрализованного государства» с малым правительством в центре и собственными, обладающими большими полномочиями правительствами на местах¹⁸.

В процессе объединения с бывшими правыми социал-демократами и либералами из распавшейся Партии новых рубежей весной 1998 г. были разработаны новые программные установки ДП, определившие ее место «демократического центра», стоящего, по собственному определению демократов, на позициях, которые отличаются как от признания «рыночного всемогущества», так и упования на «государство благосостояния». Демократическая партия заявила о намерении «активно использовать рыночные функции, побуждающие к свободе и эффективности, и одновременно уделять важное внимание роли правительства в обеспечении духа сосуществования, предоставлении равных возможностей»¹⁹.

Объявив себя сторонницей структурных реформ в политической, экономической и социальной сферах, ДП поставила, в частности, задачу «отвергнуть политику бюрократического типа, активно осуществлять смягчение государственного регулирования, утвердить открытость информации», в процессе реформирования «стремиться к снижению налогов, сокращению излишних расходов, приданию большей стабильности пенсионной системе» и т.д.²⁰. Эти программные установки, во многом близкие к взглядам, распространенным среди либерал-демократов, носят довольно абстрактный характер, но делают в целом предсказуемым поведение парламентской группы ДП при обсуждении и принятии правительственных законопроектов, касающихся проведения реформ. ДП выступает с их критикой, стремясь найти в них недостатки, требуя внесения поправок. Нередко ДП самостоятельно или совместно с другими партиями оппозиции вносит альтернативные законопроекты или дополнительные предложения. Соперничая с ЛДП, желая не допустить полной идентификации собственных взглядов с правительственными предложениями, демократы настаивают на учреждении полномочного органа административного надзора, внесли в парламент проекты законов об основах административной реформы, об открытости информации, об этике государственного служащего.

Объединение Новой партии «Мир» с партией Комэй осуществлено по существу на основе возвращения к принципам, которыми руководствовалась прежняя Комэйто до ее роспуска в 1994 г. Как известно, тогда Комэйто подчеркивала приверженность гуманизму, поиску путей к прогрессу в процессе достижения

¹⁸ Асахи симбун. 12.09.1997.

¹⁹ Асахи симбун. 13.03.1998.

²⁰ Нихон кэйдай симбун. 13.03.1998.

согласия, гармонии в соответствии с японским менталитетом, в центр практической деятельности ставила социальные проблемы. Во временном программном документе новой Комэйто также определяется «центристская» ориентация, указывается нацеленность на проведение «политики гуманизма», обращенного к новым условиям XXI в. Имея электоральную поддержку главным образом в средних слоях крупных городов, партия поддерживает структурные реформы, одновременно обещая приложить максимальные усилия к недопущению их негативных социальных последствий.

Разъясняя программные установки, представитель Комэйто Т. Кандзаки заявил: «В эпоху большой конкуренции люди, занимающие сильное положение в обществе, не знают, когда они станут слабыми. Мы придерживаемся представления о таком обществе, в котором сбалансированы опора на собственные возможности, взаимная помощь, общественная поддержка, думаем о «по возможности малом, но эффективном правительстве»²¹. Новой Комэйто придется считаться и со сделанными ее предшественниками летом 1998 г. выборными обещаниями всемерно добиваться сохранения нынешнего уровня пенсий, общего улучшения качества социального обеспечения, причем при уменьшении бремени трудящихся на эти цели, что входит в противоречие с правительственными планами реформ структуры финансов и системы социального обеспечения. Помимо того, при осуществлении административной реформы Комэй обязалась особое внимание уделять расширению прав местного самоуправления, повышению их финансовой самостоятельности, законодательному оформлению открытости административной информации, т.е. активно действовать в тех сферах, где правящая партия проявляет нерешительность и колебания.

Социал-демократическая партия непосредственно участвовала в формировании правительственного курса на реформы как при коалиционном правлении без либерал-демократов, так и в сотрудничестве с ними. В обоих случаях «правящее положение» этой партии становилось возможным на путях трансформации господствующих внутри нее взглядов в сторону социал-демократии западно-европейского типа.

В 1993 г. партия отказалась от своего прежнего социалистического представления об экономике, признав идеальной «смешанную экономику, в которой надлежащим образом сочетаются рыночный механизм и общественное регулирование»²². А в 1995 г., высказавшись за «рыночную экономику, сосуществующую с природной средой» и за «справедливую свободную внешнюю торговлю», она пошла дальше, поставив задачу «отказа от экономического регулирования, мешающего активизации рыночной экономики»²³. С преобразованием СПЯ в

²¹ Асахи симбун. 06.11.1999.

²² Гэккан сякайто 1993, июль, с. 14

²³ Гэккан сякайто 1995, июль, с. 37–38

СДП программные установки партии стали расплывчатыми, более неопределенными. Наблюдая за дискуссиями среди японских социал-демократов, можно заметить, что многие из них склоняются к идее так называемого «гражданского социализма», в котором все проблемы должны решаться при активном участии субъектов гражданского общества, при минимальном вмешательстве государства, открыто, с обеспечением возможностей для народного контроля.

Независимо от внутренних споров идеологического характера СДП выступала принципиальным сторонником структурных реформ, пыталась оказать фактической воздействие на их содержание, чтобы не допустить ущемления интересов малоимущих, слабо защищенных слоев населения. Социал-демократы вернулись в оппозицию, осознав собственные ограниченные возможности влиять на правительственные решения в коалиции с таким могущественным партнером, как ЛДП, председатель СДП Т. Дои надеется на лучшие времена для своей партии в будущем, лет через десять: «Социал-демократия, признающая рыночную экономику и отдающая приоритет заботе об экономически и социально слабых, непременно станет в будущем главной силой и в Японии»²⁴.

Резким контрастом к характерному для всех названных выше партий общему, по существу конструктивному, настрою на глубокие реформы выглядит позиция Коммунистической партии. Формально японские коммунисты реформы не отвергают. Заявляя об отсутствии какого-либо родства с «социал-демократическим течением», они сегодня высказывают близкие к нему взгляды: «Наша партия ориентируется на большой прогресс в будущем. Но она уверена, что развитие общества пойдет поэтапно, разрешая одну за другой актуальные для народа проблемы». Признается необходимость для японского общества «демократических реформ в рамках капитализма», которые предполагается проводить с целью «защиты народных интересов и ломки политики преимущественной ориентации на крупные предприятия»²⁵.

В практической же деятельности КПЯ трудно заметить элементы конструктивизма, скорее, ее можно по-прежнему называть партией протеста, отрицания. Жестко критикуя «реформы Хасимото», КПЯ усматривает в них единственную цель устранить все неудобные для крупных предприятий регламентации, ухудшить существующую систему социального обеспечения, свести до минимума ответственность перед обществом за состояние жизни народа²⁶. Эта точка зрения определяет содержание работы депутатской группы коммунистов в парламенте, которая принимает активное участие в обсуждении законопроектов по реформе.

²⁴ Асахи симбун. 26.06.1998.

²⁵ Нихон кёсанго дай 21-кай тайкай кэттэй сю (Сборник решений 21-го съезда Коммунистической партии Японии). Токио, 1997, с. 57.

²⁶ Там же, с. 12.

Из краткого обзора отношения политических партий к нынешним реформам видно не только общее признание ими необходимости крупных перемен, но и характерное для них, кроме КПЯ, близкое, а иногда почти полностью совпадающее понимание направленности осуществляемых и предстоящих изменений.

Тем не менее представления партий о приоритетах, очередности и темпах реформ заметно различаются. Несомненно, это связано с положением каждой партии: находится ли она у власти или, напротив, в оппозиции. Но главным образом сказывается естественное желание партии акцентировать внимание на проблемах, в решении которых заинтересован ее традиционный, надежный электорат. Когда же объявляется создание новой партии (нередкое явление за шесть лет перетасовки политических сил), то и в данном случае ее инициаторы не могут обойтись без демонстрации отличия своей партии от существующих. Новизна, своеобразие взгляда каждой партии на будущее Японии и необходимые реформы рассматриваются как стимул привлечения на ее сторону избирателей, в особенности из числа людей, разочаровавшихся в нынешней политике.

Актуальность проблемы реформирования делает ее удобным средством борьбы за власть. Выдвигая по тактическим соображениям требование отставки правительства или развертывая пропаганду на парламентских выборах, оппозиционные партии прибегают к использованию такого сильного аргумента, как «отсутствие решимости» и «неспособность» стоящих у власти приступить к «подлинным» или «фундаментальным» реформам.

Острую политическую борьбу следует ожидать и в дальнейшем, в процессе конкретизации курса структурных реформ. Важным фактором ее исхода является расстановка политических сил в парламенте.

Правящие партии располагают теперь устойчивым большинством в палате представителей (на январь 1999 г. 303 депутатских мандата из 500), но не имеют его в палате советников (116 из 252). Оппозиция по-прежнему сильно разобщена, но совместные действия оппозиционных партий не исключаются.

Все это обуславливает продвижение реформ в основном по правительственному замыслу, хотя и в ходе поиска компромиссных решений.

В середине 1997 г. Я. Накасонэ, остающийся влиятельным в ЛДП политическим деятелем, с присущей ему эмоциональностью нарисовал благоприятную для проведения реформ картину расстановки партийных сил. «Мураяма из Социал-демократической партии, Такэмура из Сакигакэ и я совместно подталкиваем правительство... Одзава из Партии новых рубежей стоит за более радикальную, чем я считаю нужной, реформу. Хатояма и Кан из Демократической партии, особенно последний, также сторонники решительной реформы. В

мое время (имеется в виду административно-финансовая реформа 80-х годов. — А.С.) такой благоприятной обстановки не было»²⁷.

По-иному, отнюдь не в позитивном плане, сближение позиций правящей и оппозиционных партий в вопросе о реформах оценивалось в профсоюзах. Так, в связи с включением в планы административной реформы пересмотра трудового законодательства председатель Японской конфедерации профсоюзов Э. Васио вынужден был в конце 1997 г. констатировать, что «противостоять неоконсерватизму» остается лишь «уже загнившему коммунизму и социализму старого типа» и что конфедерацию «совершенно не удовлетворяют» партии, которые она поддерживает, поскольку СДП сотрудничает с либерал-демократами, оппозиционные Партия новых рубежей, Демократическая партия и Партия солнца «разобщены, заняты внутренними противоречиями, не имеют ясных принципов и идеалов»²⁸.

Реформы в Японии еще не прошли и половины пути. С принятием рамочного закона о реорганизации центральных министерств и управлений, споры вокруг административной реформы смещаются к конкретным проблемам рационализации работы каждого из преобразуемых ведомств (в ближайшее время предстоит принять законы об их структуре, функциях и полномочиях). Острые дискуссии можно ожидать и в определении новых объектов дерегулирования, особенно касающегося трудовых отношений, упорядочения особых юридических лиц (предприятий с общественным капиталом, созданных для решения задач определенного социального значения), ликвидации исключений из применения антимонопольного законодательства. Сомнительны быстрые темпы и глубина децентрализации, скорее, здесь будет преобладать правительственная осторожность.

Особую актуальность имеет поиск оптимальных решений, связанных с реформами в сфере финансов: пересмотр налоговой системы, определение приоритетов в расходовании государственных средств, в особенности на общественные предприятия, социальное обеспечение, поддержку малого бизнеса и сельского хозяйства, проблемы ответственности и контроля в банковской системе и т.д. Отвечающие интересам всего японского общества решения по этим сложным проблемам трудно представить без взаимных уступок политических партий.

* * *

Поворот Японии к осуществлению структурных реформ произошел под воздействием целого ряда объективных факторов внутреннего и внешнего пла-

²⁷ Тую корон. 1997, № 6, с. 38.

²⁸ Тую корон. 1997, № 12, с. 72–73

на, диктующих повышение эффективности хозяйствования путем более широкого и свободного использования принципов рыночной экономики. Само же существование реформ вырабатывается под несомненным влиянием неолберальной идеологии и на фоне столь же очевидного отступления социал-демократической, в ходе продолжающихся более пяти лет крупных перемен в расстановке японских политических сил.

Одновременно существуют объективные и субъективные причины, побуждающие к тому, чтобы в ходе реформирования проявлялась достаточная осмотрительность, просчитывались возможные отрицательные его последствия для политической стабильности и социальных отношений внутри страны, полнее учитывался японский национальный менталитет, изыскивались пути к «международному согласию», не ущемляющему интересы Японии.

Практически все партии мыслят осуществление реформ не иначе, как в рамках действующей демократической конституции, которая позволяет каждой из них легитимно отстаивать интересы стоящих за ними общественных слоев. Важная предпосылка сбалансированного, отвечающего долгосрочным интересам всего общества, реформирования – сохранение многопартийности японского парламента. Характерно, что японцев заметно беспокоит резкое отступление социал-демократии, нивелировка взглядов различных партий по многим принципиальным вопросам. Все чаще слышатся предупреждения об опасностях, тающихся в «переходе все партий на позиции правящей» (изобретен даже соответствующий термин – соётока) и формировании единомыслия, которые рассматриваются как несовместимые с демократическим функционированием государства.

История Партии новых рубежей – один из фрагментов «реорганизации политических сил» Японии

И.А. Цветова

В начале 90-х годов для японцев стали привычными сообщения о том, что та или иная группа депутатов парламента объявила об учреждении еще одной «новой партии». Число политических партий непрестанно множилось, пока в декабре 1994 г. не реализовалась идея создания «новой партии», которая претендовала на роль конкурента самой крупной в стране политической силы – либерал-демократов. Ею стала Новая прогрессивная партия (Синсинто), избравшая для международного общения броское название – Партия новых рубежей (ПНР, New Frontier Party). Правда, продержалась она на политической арене недолго. В последние дни 1997 г. последовало решение о ее роспуске. Опыт трехлетней истории ПНР – наглядное свидетельство того, насколько трудно обеспечить сменяемость власти в Японии, когда сторонники формирования в стране двухпартийной политической системы исходят из замысла конкуренции в борьбе за власть двух крупных партий, близких по мировоззрению и социальной ориентации.

При рассмотрении процесса создания, а также весьма короткого периода практической деятельности ПНР мы стремились выявить основные черты и особенности этой партии, определяющие ее место в политической системе современной Японии. С этой точки зрения исследование необходимо начать с краткой характеристики предшественников ПНР.

Предшественники Партии новых рубежей

В Партии новых рубежей объединились различные политические силы, среди которых заметно выделялись две группы: 1) партии, образованные консервативными политиками, покинувшими Либерально-демократическую партию (ЛДП), – Партия обновления, Новая партия – Будущее (Мираи), Либеральная партия; 2) партии прежней оппозиции, традиционно называвшиеся в Японии «центристскими», или «среднего пути», – Партия чистой политики (Комэйто), Партия демократического социализма (ПДС), Социал-демократический союз (СДС). Срединное положение между ними занимала Новая партия Японии (НПЯ). Каждая из этих сил формировалась в специфических условиях, обладала особыми политическими взглядами, собственной социальной опорой, что в последующем не могло не отразиться на процессе создания и самом характере Партии новых рубежей.

Рождение Партии обновления явилось следствием политического кризиса ЛДП, обострения внутрифракционных разногласий. Осенью 1992 г. наиболее влиятельная в ЛДП фракция Н. Такэсита раскололась на две группы, одну из которых возглавили видные, по японским понятиям относительно молодые, политики Итиро Одзава (род. в 1942 г.) и Цутому Хата (род. в 1935 г.). Полагая, что промедление в осуществлении политической реформы наносит большой удар по престижу ЛДП, эта группа потребовала от руководства партии решительных действий. Когда же парламент выразил недоверие премьер-министру К. Миядзава, группа вышла из ЛДП. 22 июня 1993 г. 44 депутата парламента из этой группы провозгласили образование Партии обновления. Председателем партии стал Ц. Хата, генеральным секретарем – И. Одзава. Заявив о приверженности «новому консерватизму и новому либерализму», партия в числе своих политических задач объявила введение смешанной системы выборов в палату представителей, расширение полномочий местного самоуправления, активное участие Японии в миротворческих акциях ООН и т.д.¹

На выборах в палату представителей в июле 1993 г. Партия обновления набрала 10,1% голосов избирателей и увеличила число своих депутатов с 36 до 55, заняв третье после ЛДП и Социал-демократической партии (СПЯ, с 1996 г. СДП) место. Среди депутатов палаты представителей, избранных от Партии обновления, более 60% в прошлом были правительственными чиновниками и местными политиками так же, как и среди депутатов ЛДП. Только в отличие от последних депутаты Партии обновления были более молоды и за редким исключением на ключевые посты в кабинете министров не назначались, что, по-

¹ Асахи симбун.02.07.1993.

видимому, являлось одной из основных причин их выхода из ЛДП. В новой партии они надеялись на лучшую политическую карьеру. В дальнейшем к Партии обновления присоединилась небольшая группа из пяти депутатов парламента во главе с Муцуки Като, покинувшая ЛДП после выборов летом 1993 г. За каждым из парламентариев, большинство из которых составляли весьма состоятельные люди, в Партии обновления стояли персональные общества поддержки на выборах. Покидая ЛДП, они вполне могли рассчитывать, по крайней мере, на сохранение своего положения в парламенте.

Наиболее сильной фигурой в Партии обновления считался И. Одзава, «унаследовавший» в 1969 г. после смерти отца место депутата палаты представителей по его избирательному округу, а затем сделавший быструю карьеру в ЛДП и правительстве, опираясь на поддержку К. Танака, а затем Н. Такэсита. В 1989—1991 гг. И. Одзава был генеральным секретарем ЛДП. Как влиятельный закулисный политик, он сыграл большую роль в процессе реорганизации политических сил. Уже в середине 1991 г., высказываясь за политическую реформу, в основе которой должно быть изменение системы выборов в палату представителей, И. Одзава не скрывал ее направленности: «Следует ликвидировать социалистическую партию как первую среди оппозиции. Иного пути, как выборы по малым избирательным округам, не придумаешь»².

В дальнейшем И. Одзава стал активным пропагандистом и последовательным проводником в жизнь идеи двухпартийной системы, при которой за власть соперничают только две крупные партии. Призывая к реформам, необходимым для выживания Японии в новых международных условиях, И. Одзава считал, что для этого требуется «сильная власть», отказ от «политики консультаций и согласия». В нынешней обстановке, отмечал он, «нужна система, при которой лицо, получившее от народа власть демократическим путем, обладает возможностью принимать решения под свою ответственность»³.

В апреле 1994 г., после отставки коалиционного правительства М. Хосокава, в процессе решения вопроса о составе будущего правительства из ЛДП вышли две группы депутатов парламента, провозгласивших образование самостоятельных партийных объединений. Новой партией — **Мираи** во главе с Митихико Кано (род. в 1942 г.) и **Либеральной партией** во главе с Кодзи Какидзава (род. в 1942 г.).

Еще несколько депутатов парламента покинули ЛДП после того, как в начале июля 1994 г. они, вопреки решению партии не поддержав на выборах премьер-министра социалиста Т. Мураяма, голосовали за кандидатуру Т. Кайфу. Ими были учреждены Общество высоких стремлений (Косикай), представленное шестью депутатами парламента, включая бывшего премьер-министра То-

² Одзава Итиро танкэн (Исследование Итиро Одзава). Токио, 1991, с. 200.

³ *Одзава Итиро*. Нихон кайдзю кэикаку (Программа перестройки Японии). Токио, 1993, с. 25.

сики Кайфу; Общество реформ (Кайкаку-но кай), объединившее пять депутатов; Либеральное общество (Рибэнару-но кай), созданное двумя депутатами.

В конце июля 1994 г. Либеральная партия, Общество высоких стремлений, Новая партия – Мираи и Общество реформ объединились в **Лигу либеральных реформ**, приняв решение добиваться создания единой парламентской фракции партий прежней правящей коалиции. В лигу вошли 22 депутата парламента, ее председателем был избран Т. Кайфу.

Из бывших центристских партий **Комэйто** обладала в парламенте наиболее прочными позициями (52 депутата в палате представителей и 24 – в палате советников на конец 1993 г.). Комэйто имела большую сеть партийных организаций в крупных городах, множество освобожденных партийных работников в центре и на местах, свои печатные органы, отличалась высокой партийной дисциплиной. Повседневная работа среди городских жителей обеспечивала партии продвижение своих представителей в парламент и органы местного самоуправления. Представленная в местных собраниях разного уровня более чем 3 тыс. депутатов, она отставала по этому показателю только от ЛДП.

Комэйто выдвигала проект создания коалиционного правительства «среднего пути», стремилась договориться с СПЯ и ПДС, требуя от социалистов пересмотра их курса, особенно в области внешней политики. Лидеры партии без колебаний приветствовали возможность создания более широкой правящей коалиции. Отметим, что в ходе «реорганизации политических сил» произошло тесное сближение между генеральными секретарями Комэйто и Партии обновления – Юити Итикава и Итиро Одзава. В первом коалиционном правительстве во главе с Хосокава Комэйто получила четыре министерских поста, во втором правительстве Хата – шесть (Партия обновления – соответственно семь и восемь).

Партия демократического социализма была образована в январе 1960 г. членами фракций правого крыла СПЯ. Социальная опора ПДС – профсоюзы частных предприятий, признающие идею сотрудничества труда и капитала.

Первоначальные программные установки ПДС копировали взгляды немецкой социал-демократии и были направлены на формирование имиджа «партии порядка и реформ», идущей по «среднему пути». В 1992 г. партия приняла новую программу, в которой отсутствовали упоминания о социализме. ПДС была объявлена партией реформ, которые должны были проводиться на основе идеалов «свободы, справедливости, дружбы» в условиях «международного соглашения»⁴ Среди членов этой партии была популярна идея сплочения в первую очередь с СПЯ, Комэйто, СДС. В то же время в ПДС никогда не исключалась воз-

⁴ Минсято корё киякусю (Программа и устав Партии демократического социализма). Токио, 1992, с. 12.

возможность сотрудничества с «частью либерал-демократов». В парламенте ПДС также весьма часто поддерживала правящую ЛДП.

Несмотря на официальную поддержку со стороны многих профсоюзов, ПДС не удалось расширить свой электорат. В 1993 г. на выборах в палату представителей за ее кандидатов было отдано менее 4% голосов и избрано 15 депутатов. В палате советников ПДС представляли 13 депутатов. В первом коалиционном правительстве партия получила только один министерский портфель, во втором – два.

Социал-демократический союз был учрежден в 1978 г. последователями известного деятеля правого крыла СПЯ Сабуро Эда, покинувшими эту партию из-за принципиального несогласия с радикализмом ее программного документа «Путь к социализму в Японии». Провозгласив себя сторонником «гражданского социализма», СДС безуспешно пытался найти социальную опору в гражданских движениях, стремился к формированию в парламенте совместных фракций с Новым либеральным клубом, пока эта группа не вернулась в ЛДП, затем попеременно с ПДС и СПЯ. СДС не удалось занять прочные позиции в парламенте. На конец 1993 г. у него было четыре депутата в палате представителей и один – в палате советников. В январе 1994 г. партию покинули два влиятельных политика – Х. Дэн и Н. Кан, а 22 мая 1994 г. СДС объявил о своем роспуске и слиянии с Новой партией Японии. Лидер СДС Сацуки Эда заявил, что «с рождением коалиционного правительства Хосокава одна из исторических миссий СДС, стремившегося к сменяемости власти, осуществлена»⁵. Был принят курс добиваться после слияния с НПЯ формирования «либеральной коалиции» с участием СПЯ, ПДС, Новой партии – Сакигаэ и других сил.

Новая партия Японии была образована в мае 1992 г. бывшим либерал-демократом Морихиро Хосокава на волне растущего недоверия избирателей ко всем прежним партиям, особенно к правящей ЛДП, выражавших резкое недовольство их политикой и стилем работы, ростом коррупции среди политических деятелей. Объявив о своей «либерально-социальной ориентации», НПЯ дебютировала на выборах в палату советников под лозунгом «лишить власти безыдейных политиков, рождающих своей коррумпированностью неверие, разочарование и безразличие у народа». Кандидатами в депутаты от партии были выдвинуты известные в стране деятели – специалисты по актуальным проблемам в разных областях современной жизни, не принимавшие ранее активного участия в политике. В результате на первых для НПЯ выборах было получено 8% голосов и избрано в палату советников четыре депутата, что сопоставимо по результатам с Партией демократического социализма. НПЯ успешно выступила на некоторых местных выборах, в том числе в Токийское городское собрание, где,

⁵ Асахи симбун. 23.05.1994.

требуя расширения полномочий местного самоуправления, предложила новых кандидатов.

В июле 1993 г. на выборах в палату представителей НПЯ набрала более 8% голосов избирателей главным образом за счет электората СПЯ, получив 35 депутатских мандатов. Все депутаты, за исключением М. Хосокава, были избраны в парламент впервые. В то время как в общем числе избранных депутатов парламента около 30% явились выходцами из бюрократии, в НПЯ на них приходилось лишь 6%. Депутаты НПЯ были представлены руководящими работниками общественных организаций (14%), лицами свободных профессий и работниками средств массовой информации (по 6%), предпринимателями и прочими (24%)⁶. Не удивительно, что М. Хосокава, умело организовавший предвыборную кампанию и привлекший к большой политике множество «новичков», приобрел как создатель новой партии авторитет, притом не только в рамках НПЯ.

Новая партия Японии стремилась не допустить резкого обострения отношений с ЛДП, одновременно налаживая дружественные связи с партиями центристской оппозиции. Обсуждая возможности создания коалиционного правительства в целях отстранения ЛДП от власти, М. Хосокава первоначально заявлял о намерении следовать собственным курсом в роли «третьей силы», дистанцируясь как от ЛДП, так и от противостоящей ей коалиции. Однако в дальнейшем он поддержал замысел формирования правящей коалиции без ЛДП с главной задачей осуществления политической реформы. Более того, М. Хосокава был избран премьер-министром семипартийного коалиционного правительства (август 1993 г. – апрель 1994 г.).

М. Хосокава стремился к принятию самостоятельных решений без учета мнения других участников коалиции, особенно социалистов. Помимо настойчивых усилий по скорейшему принятию законов о политической реформе, в первую очередь касающихся изменения порядка выборов в палату представителей, он предпринял ряд шагов, направленных на экономическую и административную реформы, в том числе с целью смягчения государственного регулирования. В отличие от прежних глав правительства М. Хосокава решился на публичное признание агрессивного характера прошлой войны Японии. Его стремительное восхождение на вершину власти оборвалось в результате разоблачения фактов незаконного получения им денежных средств от предпринимателей для политической карьеры. Вынужденная отставка М. Хосокава с поста премьер-министра одновременно означала резкое ослабление НПЯ как самостоятельной политической силы. М. Хосокава лишился авторитета в НПЯ, а его линия на тесное сотрудничество с Партией обновления вызвала уход из партии ряда депутатов.

⁶ Майнити симбун 20.07.1993

Предпосылки и процесс создания новой партии

Главной причиной появления Партии новых рубежей как новой политической силы, способной противостоять либерал-демократам в борьбе за власть, явился по существу кризис ЛДП. Несменяемость власти породила тесное сращивание политиков этой партии с бюрократией и деловыми кругами и, как следствие, их коррупцию. Кроме того, отсутствие реального соперника ввиду раздробленности сил оппозиции лишило либерал-демократов первоначально присущего им динамизма, чутья и быстрой реакции на происходящие в стране и в мире перемены. Общественное недовольство либерал-демократами распространялось и на оппозиционные партии, неспособные к энергичной и эффективной борьбе за власть, и вело в итоге к абсентеизму. В таких условиях произошел раскол в рядах правящей ЛДП, возникли «новые партии», у традиционных оппозиционных партий появилось стремление, забыв о разногласиях между собой, вместе с политиками, покинувшими ЛДП, использовать ослабление либерал-демократов для прихода к власти.

Летом 1993 г. оппозиция, вновь образованные партии и группы, вышедших из ЛДП политиков, объединенные общим желанием прийти к власти, создали коалицию, положив конец однопартийному правлению либерал-демократов. Главной задачей первого коалиционного, семипартийного правительства во главе с М. Хосокава было проведение политической реформы. Центральным моментом этой реформы, о которой много говорили с конца 80-х годов как о средстве борьбы с коррупцией, на деле стал пересмотр порядка выборов в палату представителей. Вместо выборов исключительно по многомандатным округам, которые гарантировали многопартийность парламента, была введена смешанная система: большая часть депутатов избиралась в одномандатных округах по мажоритарной системе, меньшая – по пропорциональной системе и партийным спискам. Новый порядок выборов в палату представителей значительно ограничил возможности сохранения многопартийного состава парламента. В результате начавшаяся в стране реорганизация политических сил, которая первоначально выражалась в росте числа новых партий и групп, с принятием законов, касающихся политической реформы, не могла не смениться новой тенденцией к объединению партий и парламентских фракций.

Дальнейшая перестройка политических сил пошла в соответствии с концепцией формирования двух крупных партий, соперничающих между собой и сменяющих друг друга у власти. Этой концепцией руководствовались как политики, покинувшие ЛДП и пользовавшиеся моральной и финансовой поддержкой предпринимателей, так и партии бывшей оппозиции, поощряемые руководством Японской конфедерации профсоюзов (Рэнго). Однако идея «крупной партии», которую в противовес ЛДП собирались создать ее прежние политики, не совпадала с той, которая пропагандировалась среди СПЯ и партий «среднего

пути». Первые по существу не видели места для социалистов в новой партии, вторые же считали возможным создание крупной партии «демократическо-либерального толка».

Уже в семипартийном коалиционном правительстве бывшие либерал-демократы всячески стремились оттеснить СПЯ на задний план. Участие социалистов во втором коалиционном правительстве было сорвано из-за того, что за их спиной сразу же после голосования СПЯ за избрание премьер-министром лидера Партии обновления Ц. Хата было объявлено о создании в палате представителей объединенной фракции Кайсин, в которую вошли депутаты Партии обновления, НПЯ, ПДС, Либеральной партии и Общества реформ. Еще ранее, в феврале 1994 г., в палате советников появилась объединенная фракция Синрокуфукай из депутатов НПЯ, Партии обновления, ПДС и некоторых других групп. Стало очевидным, что амбициозные политики из числа бывших либерал-демократов стремились осуществить замысел создания новой крупной политической силы путем налаживания тесного парламентского сотрудничества различных партий, исключая СПЯ.

Особенно остро проблема новой крупной партии встала после того, как коалиционный кабинет министров Ц. Хата рухнул, лишившись поддержки социалистов, а в июне 1994 г. было создано правительство трехпартийной коалиции (СПЯ, ЛДП, Новая партия – Сакигакэ) во главе с лидером СПЯ Т. Мураяма. В поисках путей возвращения к власти руководители партий прежней правящей коалиции, перешедшие теперь на положение оппозиции, пришли к выводу о необходимости их полного политического и организационного объединения. Вместе с тем каждая из партий была озабочена будущим характером программы и политического курса объединения, а также в еще большей степени рядом сугубо прагматических вопросов: будет ли гарантирована поддержка их депутатам парламента и местных собраний со стороны новой партии, смогут ли продолжать свою деятельность их партийные функционеры, какие у них перспективы в случае прихода новой партии к политической власти.

Наиболее настойчиво добивались объединения бывшие либерал-демократы, познавшие вкус власти. В конце июля 1994 г. генеральный секретарь Партии обновления И. Одзава заявил, что имеется достаточно возможностей для возврата к власти, если поторопиться с созданием «новой новой партии», которая бы объединила партии оппозиции, «успешно решив проблему выдвижения кандидатов» на предстоящих выборах в палату представителей по новой избирательной системе⁷.

Вскоре на встрече лидеров Партии обновления (Ц. Хата), НПЯ (М. Хосокава), ПДС (Т. Ёнэдзава) и Лиги либеральных реформ (Т. Кайфу) были согласованы «Главные принципы» нового политического объединения. Подтвердив

⁷ Асахи симбун. 31.07.1994.

стремление к «формированию большого союза в целях проведения здоровой политики», участники встречи согласились, что новая партия будет следовать принципам «международного согласия», «скорейшего ослабления государственного регулирования и роста общественного капитала», «справедливого мирного общества и богатой семьи»⁸.

Значительные расхождения возникли по организационным проблемам, которые обсуждались в более расширенном составе представителей пяти партий. Генеральный секретарь Партии обновления И. Олзава выступил за скорейшее образование новой партии, представителей же НПЯ и ПДС это не устраивало. В конце концов было решено начать с создания подготовительного органа.

28 сентября 1994 г. были учреждены Подготовительный совет новой партии и объединенная парламентская группа девяти партий и фракций в палате представителей под названием «Кайкаку». В палате советников подобная группа, хотя и в меньшем составе (депутаты от Партии обновления, НПЯ, ПДС и некоторых малых фракций, кроме депутатов Комэйто), уже существовала с февраля того же года. В Подготовительный совет вошли депутаты обеих объединенных парламентских групп (186 из группы Кайкаку и 37 из Синрокуфукай), общее собрание которых должно было утверждать все принимаемые им решения. Помимо Совещания лидеров партий, в Подготовительном совете был сформирован Исполнительный комитет, под руководством которого осуществлялась практическая деятельность в специальных комиссиях. Таким образом, вся подготовительная работа была возложена на парламентариев, фактическое руководство ею вверялось Исполнительному комитету во главе с генеральным секретарем Партии обновления И. Олзава.

30 октября 1994 г. Новая партия Японии провела съезд, принявший решение о ее роспуске с целью участия в «новой новой партии» и положивший конец ее самостоятельной деятельности.

Наибольшие трудности по вопросу организационного оформления в составе новой партии возникли у ПДС и Комэйто. Последние в отличие от других партий, представленных главным образом парламентариями, которые опирались на персональные общества поддержки, повсеместно имели сеть партийных организаций, свои печатные органы, не могли не считаться с мнениями местных организаций и их членов.

Оригинальный способ вхождения в «новую новую партию» избрала Комэйто. 5 ноября 1994 г. съезд партии принял решение разделить ее на две части: одна часть в составе депутатов палаты представителей и не подлежащих переизбранию на выборах 1995 г. депутатов палаты советников принимает участие в создании новой партии, другая, включая депутатов палаты советников, которым надлежало переизбираться через семь месяцев, временно сохраняется как само-

⁸ Асахи симбун. 08.07.1994.

стоятельная организация и таковой выступает на выборах в органы местного самоуправления⁹.

Таким образом, передавая большую часть своих парламентариев в новую партию, Комэйто в то же время выразила намерение продолжить свое существование с упором на деятельность в местных органах самоуправления, при этом оставаясь мощным органом внешней поддержки новой партии на парламентских выборах. На съезде было избрано руководство Комэйто, приняты документы, отразившие ее курс в новом качестве.

Не без колебаний пошла на роспуск Партия демократического социализма. При анкетировании за участие в новой партии высказалось 55% ее депутатов местных собраний, 14% — против¹⁰. Решающее значение для роспуска ПДС имело обещание профсоюзного Дружественного совета (Юай кайги) и впредь оказывать всемерную помощь депутатам ПДС, которые образуют собственную политическую группу в новой партии. Видный деятель ПДС, ее бывший председатель К. Оути отказался войти в новую партию, узнав о решении авторитарной религиозной организации Сока гаккай активно поддерживать эту партию¹¹.

16 ноября 1994 г. Партия обновления, не имевшая до этого даже устава, на своей первой и последней национальной конференции с участием 76 депутатов парламента и около 300 представителей префектур единогласно приняла «Декларацию о роспуске». Сама же процедура роспуска назначалась на 9 декабря — самый канун ожидавшегося провозглашения новой партии. Участники конференции выразили желание в рамках новой партии следовать курсу реформ. Однако в японской прессе отмечалось, что главным «центральным фактором» в Партии обновления, как и в ЛДП, была появившаяся возможность участия в распределении министерских и прочих постов¹². Следует добавить, что роспуск Партии обновления происходил на фоне резкого обострения соперничества за руководящую роль в ней между председателем Ц. Хата и генеральным секретарем И. Одзава, позиции которого постоянно упрочивались.

Члены Подготовительного совета, будучи депутатами парламента, естественно, в первую очередь были обеспокоены определением порядка утверждения кандидатов будущей партии на предстоящих выборах в парламента, в частности в палату представителей, по новой избирательной системе. Они разработали проект регламента, содержащий следующие основные положения:

— запрещается выдвижение ближайших родственников выбывающего парламентария по его избирательному округу (так называемое «наследование депутатского места»);

⁹ Нихон кэйдай симбун, 06.11.1994.

¹⁰ Асахи симбун, 02.11.1994.

¹¹ Нихон кэйдай симбун, 02.12.1994.

¹² Асахи симбун, 16.11.1994.

— отдавать предпочтение действующему депутату, оправдавшему народное доверие, с особым вниманием подходить к лицам старше 70 лет, длительное время избиравшимся депутатами, учитывая их собственное намерение (заметьте, что в Комэйто был установлен возрастной ценз в 66 лет);

— относиться к прежде избиравшимся депутатам как к действующим (т. е. отдавать им приоритет);

— в случае затруднений при отборе кандидатов на выборы в палату представителей по одномандатным округам приоритет отдается в порядке следующей очередности: 1) действующий депутат данной палаты, входящий в новую партию; 2) лицо, ранее избиравшееся депутатом палаты представителей или палаты советников; 3) лицо, соответствующее требованиям впервые выдвигающегося депутатом в парламент;

— нынешние депутаты парламента, вошедшие в новую партию, становятся кандидатами по какому-либо избирательному округу;

— кандидаты партии на выборах в палату представителей по пропорциональной системе, к которым предъявляются особо жесткие требования, регистрируются в списках в порядке следующей очередности: глава партии и бывшие премьер-министры, руководящие деятели новой и прежних партий. Допустимо двойное выдвижение — по пропорциональной системе и по одномандатным округам¹³.

Структура будущей партии предусматривала формирование «теневых кабинетов министров», члены которого готовились бы к созданию правительства в случае победы партии на выборах.

Штаб партии было решено разместить в здании ПДС, а также помещениях Партии обновления. Членские взносы были утверждены в размере 1 тыс. иен в месяц.

Много внимания было уделено выбору названия партии. Специальная комиссия пришла к заключению, что оно должно отражать не идеологию, а определенный имидж партии, поэтому отвергла включение в название слова «реформы». Название было принято путем голосования членов Подготовительного совета. Большинство (130 из 225) поддержало название «Новая прогрессивная партия» («Синсинто»). На английский язык оно было переведено как «New Frontier Party», т. е. буквально «Партия новых рубежей»¹⁴.

При обсуждении основ политики будущей партии столкнулись разные подходы ее участников к толкованию конституции, пониманию международного вклада Японии, оценке ее милитаристского прошлого. Так, представители Комэйто отстаивали позицию уважения конституции, в то время как члены Партии

¹³ Майнити симбун. 11.11.1994.

¹⁴ Асахи симбун. 25.11.1994.

обновления и Либеральной партии склонялись к ее пересмотру. В проекте, предложенном Партией демократического социализма, в соответствии с пожеланиями профцентра Рэнго содержалось даже положение об участии новой партии в Соинтерне¹⁵. Чтобы уклониться от возникающих трений, лидеры партий и Исполнительный комитет Подготовительного совета предложили сократить и упростить первоначальные проекты, в результате чего политические установки новой партии приобрели нечеткий характер. В итоге был составлен и одобрен Подготовительным советом предельно краткий компромиссный проект программы, содержащий самые общие положения.

В нем были заверения о том, что партия будет стремиться к построению «новой Японии, ответственной за мир и процветание во всем мире», к осуществлению «неустанных реформ» и проведению «ответственной политики». Партия высказывалась за активное участие Японии в строительстве нового международного порядка, обеспечении мира и экономическом развитии, за передовую роль страны в разрешении глобальных проблем, за «целенаправленную дипломатию». Выражалось стремление к построению «жизнеспособного общества благосостояния» в условиях старения нации и к созданию «культурного государства, вносящего мировой вклад». Наконец, провозглашалось строительство «партии народного участия»¹⁶.

Помимо проекта программы, был разработан документ «Важнейшие моменты актуальной политики». В нем подчеркивалась готовность к неустанным, неограниченным реформам, что, по существу, подразумевало возможность пересмотра конституции. Провозглашенная в документе «целенаправленная дипломатия» означала преодоление «пацифизма одной страны», активное участие в урегулировании мира, «центральную роль в ООН», «японо-американскую ось», «внимание к странам Азии». Здесь же содержался призыв к проведению международного саммита с целью реформы ООН и выдвигалась задача включения Японии в состав постоянных членов Совета безопасности. В документе говорилось о стремлении к миру и процветанию в Азиатско-тихоокеанском регионе.

Отвечая на волнующую японцев проблему отношения к конституции в тесной связи с вопросом о вооруженных силах Японии и возможности их участия в зарубежной деятельности, а также японо-американском военном союзе, в документе подчеркивалась готовность «на основе идеалов мирной конституции» последовательно придерживаться «исключительно обороны», сохранять силы самообороны в «минимально необходимых» пределах. Партия высказывалась за твердое соблюдение договора безопасности с США, активное участие Японии в миротворческой деятельности ООН, предлагая в связи с этим «изучить возмож-

¹⁵ Майнити симбун. 11.11.1994

¹⁶ Нихон кэйдай симбун. 25.11.1994

ность пересмотра соответствующего японского закона, замораживающего японское участие в войсках ООН по поддержанию мира».

Партия выступила за осуществление «плана реформы экономической системы Японии», которая должна обеспечить в стране условия для успешной экономической деятельности на принципах ее полной реализации¹⁷.

Вслед за согласованием программных установок и политического курса ПНР был определен порядок избрания главы партии – вопрос чрезвычайно важный при столь разнообразном составе. В соответствии с принятым решением кандидат на этот пост должен заручиться рекомендацией не менее 20 депутатов парламента, право избирать главу партии было предоставлено парламентариям-членам Подготовительного совета.

Кандидатами на пост председателя новой партии были выдвинуты Тосики Кайфу, лидер Лиги либеральных реформ, бывший премьер-министр; Цутому Хата, председатель Партии обновления, бывший премьер-министр; Такаси Ёнэдзава, председатель ПДС. Не исключалась возможность того, что еще одним сильным претендентом может стать И. Одзава, однако он от выдвижения в качестве кандидата воздержался. Выборы председателя ПНР состоялись 8 декабря 1994 г. Большинство депутатов (131 из 214) поддержало Т. Кайфу. Генеральным секретарем без голосования был избран И. Одзава, успешно осуществивший руководство сложной подготовительной работой.

10 декабря 1994 г. в г. Иокогама прошла торжественная церемония основания Партии новых рубежей. Учредительный съезд утвердил название, программу и другие документы партии, одобренные Подготовительным советом, члены которого стали участниками съезда. Заместителями председателя были избраны два претендента на пост председателя партии Ц. Хата и Т. Ёнэдзава, еще одним заместителем стал бывший председатель Комэйто Косиро Исида. Политический совет возглавил бывший генеральный секретарь Комэйто Юити Итикава, ближайший сподвижник И. Одзава по сколачиванию новой партии. Совет по изучению политики партии, один из руководящих органов, возглавил председатель ПДС Кэнсэй Накано. В целом в центральное руководство вошли видные деятели от всех влившихся в ПНР партий и группировок, но главные позиции в нем оказались в руках неоконсерваторов — выходцев из рядов ЛДП, что было связано с формированием руководства фактически пропорционально численности депутатов от каждой из распущенных партий и групп.

Появление новой партии консервативной ориентации, в которой не могло оказаться незамеченным засилье бывших либерал-демократов, с тревогой было воспринято общественностью и средствами массовой информации Японии. Образование ПНР явилось серьезным событием в реорганизации японских политических сил, означавшим создание реальных предпосылок для формирования

¹⁷ Там же.

в стране двухпартийной системы, в которой другим партиям в будущем может не найтись места или их влияние в парламенте будет сведено к минимуму.

Цель ПНР – скорейший приход к власти

После создания ПНР вышла на второе место после ЛДП по численности депутатов парламента, вплотную приблизившись к последней в палате представителей. Парламентарии, объединившиеся в новой партии, не собирались прозябать в оппозиции или пассивно ожидать кризиса правящей коалиции. Выдвигая задачу прихода к власти, с одной стороны, они стремились к формированию имиджа ПНР как партии, готовой к руководству страной. На это было нацелено создание теневого кабинета «правительства завтрашнего дня» во главе с Т. Кайфу. С другой стороны, члены ПНР развернули активное наступление на правящую коалицию, обвиняя ее в неспособности к эффективному правлению. Пропаганда ПНР подчеркивала неестественность, даже «дикость» коалиции бывших противников – социалистов и либерал-демократов, предсказывала ее быстрый конец. Рассчитывая на отставку правительства и досрочные выборы в палату представителей, депутаты от ПНР стали широко применять в парламенте методы обструкции, торможения принятия законодательных актов. Одновременно утрясались внутрипартийные разногласия, осуществлялся отбор кандидатов на предстоящие парламентские выборы.

Серьезной пробой сил для ПНР явились выборы в палату советников в июле 1995 г., когда переизбиралась половина ее состава. Основу предвыборной платформы партии составили политические установки, принятые на ее учредительном съезде. В ходе избирательной кампании ПНР развернула всестороннюю критику правящих партий, прежде всего СПЯ, и премьер-министра, социалиста Т. Мураяма. На выборах партия выступила весьма успешно, доказав на практике свои возможности на равных соперничать с самой крупной политической силой – либерал-демократами. ПНР добилась избрания 40 депутатов (ЛДП – 46), причем по пропорциональной системе за ее депутатов голосовало 30,9% избирателей, т. е. больше чем за ЛДП (21,1%). В результате по общей численности депутатов в палате советников эта партия вышла на второе место после ЛДП, отодвинув СПЯ на третью позицию (ЛДП – 107 депутатов, ПНР – 56, СПЯ – 38)¹⁸.

Крупный успех ПНР был следствием тесного сотрудничества и координации действий на выборах прежде разрозненных политических сил, располагавших базой поддержки и электоратом, а теперь объединенных в одной партии. Так неоконсерваторов поддерживали предпринимательские круги, ПДС опиралась

¹⁸ Асахи симбун. 24 07 1995

на профсоюзы, Комэйто — на религиозную организацию Сока гаккай. Следует отметить большую активность Сока гаккай с ее значительными людскими ресурсами, позволившими мобилизовать на проведение избирательной кампании массы активистов, и немалыми финансовыми возможностями. Понятно, что Сока гаккай наиболее энергично поддерживала кандидатов — выходцев из Комэйто.

Мощная поддержка кандидатов ПНР со стороны религиозной организации Сока гаккай была воспринята в лагере правящей оппозиции как незаконная. Либерал-демократы выступили с обвинениями в том, что на подготовку к выборам Сока гаккай использовала денежные средства, полученные от предприятий, не подлежавших налогообложению, и потребовали вызова в парламент для дачи показаний почетного президента Сока гаккай Д. Икэда. Несмотря на возражения со стороны депутатов от ПНР, правящая коалиция провела через парламент поправки к Закону о религиозных юридических лицах, сужающие возможности бесконтрольного участия религиозных организаций в политических мероприятиях. Хотя изначально поправки мотивировались необходимостью не допустить антиобщественной деятельности (например, выступлений секты АУМ синрикё), ПНР восприняла этот акт как направленный непосредственно против нее и нарушающий конституционные гарантии свободы вероисповедания.

По-прежнему трудной задачей для партии оставалось создание постоянно действующих партийных организаций, в которых бы совместно действовали бывшие члены распущенных партий. Этому препятствовали сохранявшиеся пристрастия и старые методы работы парламентариев. Одни из них, бывшие либерал-демократы, главное внимание уделяли собственным обществам поддержки, другие отдавали приоритет опоре на Комэйто, хотя и преобразованной, но сохранившей самостоятельность и все необходимые органы и средства для повседневной работы в массах. Ежедневная газета «Комэй» фактически стала рупором ПНР, естественно, выражая особые симпатии депутатам парламента — выходцам из Комэйто.

Внутри партии все более стали проявляться признаки разгорающейся борьбы за власть, в том числе среди неоконсерваторов. Часть бывших членов Партии обновления весьма настороженно отнеслась к тому, что руководство ПНР осуществлялось союзом Т. Кайфу — И. Одзава при фактическом главенстве второго. Учитывая это, И. Одзава начал активно сплачивать вокруг себя единомышленников. В мае 1995 г. большая группа сторонников Одзава — парламентариев среднего возраста и начинающих — образовала Общество думающих об ответственности за политику Японии при чрезвычайных обстоятельствах¹⁹.

¹⁹ Асахи симбун. 20.05 1995.

В этих условиях партия вновь возвращается к вопросу изучения наиболее целесообразных способов ее организационной структуры, включая выборы лидера партии и структуру центральных органов, тем более что при учреждении ПНР был принят лишь временный устав.

М. Хосокава при поддержке молодых депутатов парламента выступил с идеей открытых выборов председателя ПНР с участием всех членов партии. Первоначально руководство партии отвергло предложение, мотивировав это фактическим отсутствием местных парторганизаций, однако позже к идее Хосокава вновь вернулись, существенно дополнив ее новыми положениями. Согласно принятой руководством инструкции претенденты на пост председателя партии должны заручиться поддержкой не менее 20 депутатов парламента, при этом в выборах участие принимают не только члены и «друзья» партии, но и «любые граждане Японии, достигшие 18 лет, сочувствующие идеалам и политике партии и уплатившие за участие в выборах определенный взнос» (1 тыс. иен). Если в первом туре голосования кандидат не получает большинства голосов, то председатель партии избирается на основе повторного голосования депутатов парламента по двум кандидатам, занявшим высшие места²⁰.

Показная демократичность идеи открытых для широких масс выборов председателя партии, направленная на повышение его авторитета и расширение электората, на практике таила опасность того, что победу одержит скорее всего кандидат, располагающий большими финансовыми возможностями для привлечения на свою сторону голосов как в партии, так и, особенно, вне ее.

Выборы председателя были назначены на середину декабря 1995 г. Т. Кайфу не стал рисковать и заранее снял свою кандидатуру. Претендентами на лидерство в партии стали бывшие руководители Партии обновления Ц. Хата и И. Одзава. При сравнении их политических программ, имевших много общего по таким актуальным проблемам, как налоговая реформа, антикризисные мероприятия, административная реформа, внешняя и оборонительная политика, в глаза бросается отличие в манере изложения взглядов. В то время как Ц. Хата указывал общее направление решения той или иной проблемы, И. Одзава стремился конкретизировать свои предложения, подчеркивая их радикальный характер. Хотя его программа, на первый взгляд, казалась более аргументированной, она носила откровенно популистский характер.

Что касается взглядов претендентов на политическую реформу, то Ц. Хата ограничился констатацией того, что новый порядок выборов в палату представителей ведет к формированию двухпартийной системы, без чего «не были бы возможны структурные реформы», тогда как И. Одзава использовал политическую программу для пропаганды своей прежней идеи о создании сильной политической власти путем соединения правительства и правящей партии в «единое

²⁰ Нихон кэйдай симбун. 15.11.1995, полный текст инструкции см.: Комэй симбун. 15.11.1995

целое», расширения возможностей премьер-министра в принятии единоличных решений и т.д.²¹

Результаты выборов показали значительное превосходство И. Одзава над его соперником, в том числе за счет привлечения к голосованию лиц, не являющихся официальными членами или «друзьями» ПНР. За И. Одзава голосовали 1120 тыс. человек, в том числе 114 тыс. членов и «друзей» партии, за Ц. Хата – 567 тыс., в том числе чуть меньшее (109 тыс.) число членов и «друзей» партии²².

18 декабря 1995 г. собрание депутатов парламента от ПНР утвердило И. Одзава председателем партии. И. Одзава назначил генеральным секретарем Т. Ёнэзава, бывшего председателя ПДС.

В начале января 1996 г. была утверждена новая структура центральных руководящих органов, в которой статус председателя партии и его полномочия еще более укрепились. Для трех бывших премьер-министров, включая первого председателя ПНР Ц. Хата, учреждались посты «высших советников». Кроме того, было создано Советание постоянных советников во главе с бывшим председателем Комэйто. Заместителями генерального секретаря стали выходцы из ЛДП и Комэйто. В целом персональный состав руководящих органов ПНР обеспечивал полное преимущество бывших либерал-демократов, тесно сотрудничающих с председателем партии. Из 22 ответственных должностей в центральном руководстве 14 заняли выходцы из ЛДП, пять – бывшие деятели Комэйто и лишь три – члены руководства прежней ПДС.

После завершения формирования нового руководства 18 января 1996 г. состоялся второй съезд ПНР, на котором были заслушаны доклады об уставе партии и новом составе руководства, приняты проекты курса политической деятельности на 1996 г. и «концепции политики в условиях правления ПНР», а также три резолюции, включая «резолюцию о непременной победе на выборах». Вся работа съезда, начиная с краткого приветствия председателя партии И. Одзава и кончая принятием заключительной декларации, проходила в атмосфере призывов к быстрейшему роспуску палаты представителей и выражения решимости сделать 1996 г. годом победы на парламентских выборах и прихода к власти. И. Одзава в своем приветственном слове высказал пожелание, чтобы в основу политики партии была положена его программа, изложенная накануне выборов на пост главы партии²³.

«Концепция политики в условиях правления ПНР» во многом повторяла «Важнейшие моменты актуальной политики», принятые в процессе учреждения партии. Было лишь конкретизировано отношение ПНР к действующей консти-

²¹ Нихон кюйдзай симбун. 17.12.1994.

²² Асахи симбун. 28.12.1995.

²³ Комэй симбун. 19.01.1996

туции. Недвусмысленно говорилось об ее устарелости, отставании от происшедших перемен в международной и внутренней обстановке. Была выдвинута задача «всенародного обсуждения в течение нескольких лет новой конституции, которая станет моделью для Японии XXI века», хотя и оговаривалось желание «сохранить и развивать» содержащиеся в нынешней конституции «идеалы народного суверенитета, пацифизма, уважения основных прав человека»²⁴.

В соответствии с решениями съезда парламентская фракция ПНР еще более усилила оппозиционную правительственным законопроектам деятельность. Она активно протестовала против законопроекта, предлагавшего покрыть значительную часть долгов компаний, финансировавших жилищное строительство, за счет налогоплательщиков. Депутаты парламента от ПНР парализовали деятельность бюджетной комиссии, надеясь на то, что если страна останется без бюджета, правительство будет вынуждено уйти в отставку.

Регулярные опросы общественного мнения, проводимые крупнейшими японскими газетами свидетельствовали о том, что Партия новых рубежей далеко отставала по популярности от ЛДП, хотя шла впереди СДП. Одновременно они указывали на тенденцию резкого снижения поддержки ПНР по сравнению с начальным периодом ее образования. Так, по опросам «Асахи симбун», за ПНР в декабре 1994 г. высказывался 21% респондентов, в марте и июне 1995 г. – 16%, в сентябре 1995 г. этот показатель возрос до 20%, в феврале 1996 г. вновь опустился до 16%, в мае 1996 г. – до 14%. За этот же период рейтинг ЛДП непрерывно увеличивался – с 36 до 47%²⁵. Таким образом, шансы единоличного прихода к власти у ПНР на втором году ее существования резко уменьшились.

Не случайно в Партии новых рубежей начали подумывать о возможных вариантах коалиционного правления, обращая взоры прежде всего в сторону их главного конкурента – либеральных демократов. В этой связи интересно заявление председателя ПНР И. Одзава, сделанное во время визита в КНР 5 мая 1996 г. Отвергая возможность коалиции с ЛДП, он в то же время высказался за солидарность «неоконсерваторов с консерваторами» по отдельным политическим проблемам при условии ликвидации нынешней трехпартийной коалиции²⁶.

В августе 1996 г. был произведен дальнейший пересмотр состава руководства ПНР в сторону усиления позиций бывших либерал-демократов. Генеральному секретарю Т. Ёнэдзава предложили пост почетного постоянного заместителя председателя партии, новым генеральным секретарем стал бывший либерал-демократ Такэо Нисиока.

²⁴ Комэй симбун. 18.01.1996

²⁵ Асахи симбун. 15.05.1996.

²⁶ Асахи симбун. 13.05.1996.

На начало 1996 г. ПНР имела в палате представителей 170 депутатов (из 511) в палате советников – 68 с учетом депутатов Комэйто, еще не вошедших в ПНР (из 252), у ЛДП было соответственно 207 и 111 депутатов²⁷. Выборы в палату представителей по новой избирательной системе, состоявшиеся 20 октября 1996 г., внесли изменения в это соотношение – число депутатов от ПНР в нижней палате сократилось до 156, тогда как от ЛДП увеличилось до 239, т. е. либерал-демократы подтвердили свое лидерство в палате представителей и смогли несколько укрепить свои позиции. Партия новых рубежей заняла второе место, но ее честолюбивые намерения обойти ЛДП или хотя бы приблизиться к ней, добившись резкого увеличения числа депутатов, оказались неоправданными. Теперь ПНР не могла добиться превосходства над ЛДП даже при маловероятной ситуации сплочения со всеми другими партиями и получения поддержки независимых депутатов.

Распад Партии новых рубежей

После парламентских выборов все более очевидной становилась непрочность позиций ПНР, поскольку она являлась конгломератом разнородных групп депутатов парламента, которых к объединению толкнули прежде всего прагматические соображения, стремление к скорейшему приходу к власти, а не общность политических взглядов. В партии нарастало открытое возмущение авторитарными действиями председателя ПНР И. Одзава, стремившегося решать важнейшие вопросы, в том числе кадровые, по своему усмотрению, не считаясь с мнением других. Многие депутаты парламента, включая ближайших соратников И. Одзава, поняли, что их карьерные интересы ущемляются.

Большого накала достигли противоречия между И. Одзава и бывшим премьер-министром Ц. Хата. Став лидером ПНР, Одзава оттеснил Хата от практического руководства партией, сделав его членом почетного, но не имеющего реальных полномочий «совещания высших советников партии» наряду с другими бывшими премьер-министрами – М. Хосокава и Т. Кайфу. В свою очередь Ц. Хата развернул публичную критику председателя ПНР, упрекая его в популизме и авторитарности.

Конфликт двух амбициозных политиков завершился уходом Ц. Хата и его сторонников (13 депутатов парламента) из ПНР. 23 декабря 1996 г. они провозгласили образование самостоятельной политической организации – **Партии солнца** (Тайёто). Как отмечала японская пресса, для Ц. Хата такой шаг был «последним шансом» проявить себя в качестве влиятельного политика и избежать политического забвения.

²⁷ Асахи симбун. 21.01.1996.

Наиболее трудным для ПНР стал третий год ее существования. Обострились разногласия между И. Одзава и бывшим лидером Новой партии Японии М. Хосокава. Резкое недовольство председателем ПНР, стремившимся проводить на практике провозглашенный им курс на «консервативно-консервативную коалицию» первоначально в форме сотрудничества с ЛДП по отдельным политическим вопросам, высказали депутаты парламента, избранные при поддержке Сока гаккай и состоявшие ранее в Комэйто. В связи с осуждением «консервативно-консервативной коалиции» со стороны профсоюзов часть бывших правых социал-демократов внутри ПНР также проявила несогласие с курсом И. Одзава.

К началу второй половины 1997 г. число депутатов парламента, покинувших ПНР после выборов в палату представителей, достигло 30, среди которых были такие видные политические деятели, как М. Хосокава и К. Айти. В июле сильный удар по авторитету ПНР нанесло поражение всех ее кандидатов на выборах в Токийское собрание.

В декабре 1997 г. истек срок полномочий И. Одзава на посту председателя ПНР. На этот раз от открытых выборов лидера всеми членами партии и ее «друзьями» было решено отказаться. В выборах участвовали главным образом депутаты парламента. Невзирая на острую критику, И. Одзава вновь включился в борьбу за лидерство и одержал победу над другим претендентом – М. Кано (230 голосов за, 182 – против). Однако успех И. Одзава явился фактическим концом Партии новых рубежей.

27 декабря 1997 г. на общем собрании депутатов парламента от ПНР было принято решение о самороспуске. Уход ПНР с политической арены, несомненно, укрепил лидирующее положение ЛДП, снизил зависимость ее однопартийного кабинета министров от внеправительственной поддержки со стороны остававшихся на положении «правящих партий» СДП и Сакигакэ. Более того, с развалом ПНР некоторые из ее депутатов парламента возвратились в ЛДП и последняя вновь получила большинство в палате представителей.

Что же определило недолговечность Партии новых рубежей?

Будучи широким объединением разных политических сил, ПНР не смогла выработать и претворить в жизнь последовательную, устойчивую политическую платформу, в равной мере устраивавшую столь же неоднородную ее социальную опору, начиная от финансово-промышленных кругов до наемных работников, объединенных в профсоюзы. ПНР металась от популистских обещаний и неоправданно жесткого противостояния коалиционному правительству ЛДП, СДП и Сакигакэ, в том числе отнюдь не демократическими методами, к откровенной поддержке непопулярных правительственных решений.

Партия новых рубежей по существу была верхушечным объединением политической элиты, парламентариев. Национальной партийной организации создать практически не удалось. Опорой партии на местах оставались личные общества поддержки бывших либерал-демократов, религиозное общество Сока

гаккай и партия Комэй (ее газета «Комэй» была главным рупором ПНР), профсоюзы, ранее поддерживавшие Партию демократического социализма. В такой обстановке засилье в руководстве ПНР выходцев из ЛДП не могло не вызвать недовольство других участников партии, особенно усилившееся из-за авторитарных методов руководства партией, которыми отличался И. Одава.

Распад Партии новых рубежей показал, что для формирования в Японии двухпартийной системы по типу американской, к какой стремился И. Одава, одного изменения избирательной системы в сторону поощрения процесса укрупнения политических партий отнюдь не достаточно.

В первые дни 1998 г. в парламенте вместо распушенной ПНР зарегистрировались шесть новых партий и прочих самостоятельных политических организаций:

- Либеральная партия (54 депутата парламента) – выходцы из ЛДП во главе с И. Одава;

- Новая партия «Мир» (37 депутатов палаты представителей) – выходцы из Комэйто, пользовавшиеся поддержкой Сока гаккай, во главе с Т.Кандзаки;

- Новая партия «Дружба» (23 депутата парламента) – бывшие правые социал-демократы, избиравшиеся в парламент при опоре на профсоюзы, во главе с К. Накано;

- Голос народа (18 депутатов парламента) – выходцы из ЛДП во главе с М. Кано;

- Клуб «Рассвет» (18 депутатов палаты советников, избравшихся при поддержке партии Комэй и тесно связанных с Сока гаккай);

- Клуб «Реформы» (12 молодых депутатов парламента) во главе с ветераном парламента, бывшим либерал-демократом Т. Одава.

Не трудно заметить, что распад ПНР произошел по существовавшей до образования этой партии партийной принадлежности парламентариев.

Распад Партии новых рубежей повлек за собой небывалую в истории Японии раздробленность оппозиции. На политической арене страны, по образному выражению японских журналистов, одновременно выступали «один сильный и десять слабых» игроков. Сильный игрок – это ЛДП, которая с распадом ПНР восстановила свое большинство в палате представителей и получила возможность более твердо проводить свою политическую линию, не опасаясь мощного сопротивления со стороны оппозиции.

В сложившейся обстановке неуютно почувствовали себя как «союзники» ЛДП, так и, тем более, партии оппозиции.

Внутри СДП продолжались споры, следует ли ей считать себя «правящей партией» или решительно перейти в оппозицию. Генеральный секретарь СДП С. Ито неоднократно призывал изучить итальянский опыт создания левоцентристского блока «Олива», однако при нынешнем, весьма шатком, положении

социал-демократам не приходилось рассчитывать на роль инициатора объединительного процесса.

В кругах оппозиции председатель Демократической партии Н. Кан также не раз позитивно отзывался об итальянском опыте, особенно акцентируя идею сплочения оппозиции на основе договоренности о выдвижении единого кандидата на пост главы правительства. Исчезновение ПНР стало сигналом к началу деятельности по сплочению оппозиции со стороны Демократической партии и Партии солнца, лидеры которых Н. Кан и Ц. Хата и ранее мечтали выступить в роли застрельщиков объединительного процесса. Бесперспективность существования в рамках небольших объединений парламентариев поняли также вновь созданные после раскола ПНР политические партии и группы. Размежевание сменилось тенденцией к сплочению в форме образования объединенных парламентских фракций и формирования укрупненных партий.

Первый шаг в этом направлении сделали Демократическая партия, Партия солнца, Новая партия «Дружба», Голос народа и Лига демократических реформ (небольшая фракция депутатов, избранных при поддержке профсоюзов). 7 января 1998 г. они образовали объединенную парламентскую фракцию Миньюрэн (98 депутатов палаты представителей и 41 депутат палаты советников). Представителем Миньюрэн был избран председатель ДП Н. Кан.

Парламентарии из Новой партии «Мир» и Клуба «Реформы» (46 депутатов) объединились в единую фракцию в палате советников Хэйва кайкаку Клуб «Рассвет» влился в состав партии Комэй.

Демократическая партия настаивала на быстрейшем преобразовании Миньюрэн в политическую партию, однако консервативно ориентированные участники этой парламентской фракции предпочли начать со своего собственного организационного объединения, которое обеспечило бы им большее влияние в процессе формирования новой партии.

23 января 1998 г. на месте распушенных политических объединений Голоса народа, Партии солнца и «От пяти» была создана Партия демократической политики (ПДП). Руководящие посты в ней заняли лидеры трех ликвидированных партий, председателем стал Ц. Хата, генеральным секретарем – М. Кано, разработку программных документов поручили М. Хосокава. ПДП заявила о намерении действовать в составе объединенной фракции Миньюрэн.

В марте 1998 г. переговоры внутри Миньюрэн завершились договоренностью о сплочении всех ее участников в новую партию. Было достигнуто согласие назвать ее «Демократической партией», выполняющей задачи «демократического центра», а не «левого центра», и отмежевывающейся от неоконсерватизма типа политики Рейгана или Тетчер 90-х годов, как об этом говорил Н. Кан накануне этой договоренности²⁸.

²⁸ Асахи симбун. 12.03.1998.

В интересах сплочения прежняя Демократическая партия пошла на серьезные уступки консервативным участникам новой партии, а также бывшим социал-демократам, сняв, в частности, свое требование «японо-американской безопасности без размещения американских войск» (на территории Японии).

Предварительно были определены следующие основы политического курса новой Демократической партии:

- проведение структурных реформ, отвечающих задачам нового времени, в политической, экономической и общественной областях;
- построение общества справедливого и свободного выбора;
- защита жизни народа, в условиях нестабильности и при наступлении старости;
- обеспечение безопасности страны в условиях периода «после холодной войны», проведение самостоятельной внешней политики;
- осуществление политической реформы с целью подлинного развития демократии²⁹.

В начале апреля были определены форма организации и конкретный состав новой Демократической партии. Председателем (лидером) партии был избран Н. Кан (из прежней ДП), генеральным секретарем (руководителем исполнительного органа) – Ц. Хата (из ПДП).

Официально рождение новой, укрупненной Демократической партии было оформлено на объединительном съезде, состоявшемся 27 апреля 1998 г. Накануне съезда Партия демократической политики, Новая партия «Дружба» и Лига демократических реформ объявили о своем роспуске. От участия в объединении отказались лишь несколько депутатов парламента.

Новая Демократическая партия стала второй по представительству в парламенте партией (131 депутат), в 2,8 раза уступая либерал-демократам. На выборах в палату советников в июле 1998 г. она ставила задачу не допустить восставления большинства ЛДП в этой палате. Н. Кан заявил, что ДП будет добиваться скорейшей отставки кабинета Р.Хасимото и роспуска палаты представителей при появлении подходящего момента для выражения парламентского недоверия правительству³⁰. Однако ЛДП вновь удалось одержать победу на выборах и сформировать однопартийное правительство.

Следует отметить, что нынешние комбинации в продолжающейся перегруппировке политических сил строятся главным образом в целях решения задачи предотвратить дальнейшее вытеснение соперников ЛДП на парламентских выборах, иными словами, сохранения многопартийности парламента. Между тем прежний неудачный опыт в этой области, прежде всего Партии новых рубежей, позволяет усомниться в возможности реализации намеченной цели на пути соз-

²⁹ Нихон кэйдзай симбун. 13.03.1998.

³⁰ Асахи симбун. 09.04.1998.

дания все новых объединений разнородной политической элиты в виде аморфных партий без национальной организации и прочной социальной опоры, без прочного фундамента.

Избирательная система: первые уроки реформы

Д.В. Стрельцов

Существенным элементом реформ 90-х годов, направленных на оздоровление политической жизни в Японии, ослабление фактора «политики денег», укрепление демократических механизмов в общественном управлении, явилась избирательная реформа 1994 г. Проведенные по новым правилам выборы в палату представителей в ноябре 1996 г. и в палату советников в июле 1998 г. позволили сделать первые выводы относительно степени эффективности избирательной реформы и оценить ее последствия с позиций кратко- и среднесрочной перспективы. Анализ этих последствий приобретает особое значение с той точки зрения, что он дает возможность не только оценить политическую конъюнктуру с политолого-статистических позиций (расклад сил между фракциями и внутрипарламентскими группировками, возможности новых приобретений и т.д.), но и понять, что принципиально нового было привнесено в сам политический процесс, в какой степени реформы повлияли на традиционную модель номинации депутатского корпуса, наконец, какие свежие избирательные технологии появились в Японии с вступлением в силу обновленных избирательных законов.

Уместно короткими штрихами обозначить основные положения избирательной реформы¹. В палате представителей число депутатских мест сократилось с 511 до 500. Вместо существовавших с 1925 г. средних избирательных округов вводились малые избирательные округа, которые обеспечивали палате представителей 300 депутатских мандатов. Общенациональный округ пропор-

¹ Подробнее см.: Молодякова Э.В. Избирательная система Японии. – Японский опыт для российских реформ, 1998, № 3, с. 45–54.

ционального представительства на выборах в палату представителей упразднен. Оставшиеся 200 депутатских мест «разыгрывались» в более мелких округах пропорционального представительства, организованных на основе 11 территориальных блоков. В палате советников была оставлена смешанная система выборов, сложившаяся в 1982 г. В целом она напоминает систему выборов палаты представителей с той лишь разницей, что в палате советников действует не региональный, а общенациональный округ пропорционального представительства (100 мандатов), в то время как мажоритарные округа (152 мандата) имеют больший масштаб, действуя на уровне префектуры.

Важной частью избирательной реформы 1994 г. явилась новая редакция Закона о регулировании политических фондов, призванного повысить прозрачность финансирования избирательных кампаний выборных должностных лиц. В частности, вводился запрет на передачу политических пожертвований отдельным кандидатам; право на их получение предоставлялось только политическим партиям и иным оговоренным в законе общественным организациям. Одновременно вводилась система государственных дотаций политическим партиям, представленным в парламенте. Величина их стала определяться пропорционально норме представительства.

Многие шаги были сделаны в направлении ужесточения требований к самим формам проведения избирательных кампаний. Важным нововведением стало ужесточение системы солидарной ответственности кандидатов в депутаты, за привлечение своих сторонников к подготовке и осуществлению действий, которые противоречат законам, регулирующим процедуру избирательных кампаний. В соответствии с обновленной редакцией положений о солидарной ответственности итоги выборов аннулировались в случае нарушения Закона о выборах не только самим кандидатом и его официальными личными секретарями, как это было раньше, но и другими его сторонниками – частными секретарями, сотрудниками и активистами избирательного штаба и т.д. Эти нововведения были направлены на предотвращение попыток прямого и косвенного подкупа избирателей, а также в целях недопущения морального давления на избирателей.

Во главу угла избирательной реформы 1994 г. ставились удешевление дорогостоящих избирательных кампаний кандидатов в депутаты всех уровней и повышение роли политических партий в выборах. Считалось, что меньшие масштабы малых избирательных округов позволят кандидатам ослабить свою зависимость от корпоративных и частных источников финансирования избирательных кампаний, свести предвыборные расходы до минимума и сблизить претендента на депутатское место с электоратом. Переход на государственные дотации в условиях действия параллельной избирательной системы (сосуществование в рамках одной избирательной системы мажоритарных округов и округов пропорционального принципа), при которой значительная часть списочного

состава парламента избирается по партийным спискам, имел своей целью перенести накал предвыборного соперничества между отдельными кандидатами в плоскость межпартийной борьбы концепций, позиций, политических линий и т.д.

Обновление избирательного закона должно было решить и другую застарелую проблему — неравноценность голосов избирателей. Если в период формирования избирательной демографической карты (1945 г.) на каждый округ приходилась примерно одинаковая доля населения (около 200 тыс. человек), то к 1985 г. соотношение в «весе» голосов в наиболее контрастных по этому показателю округах достигло почти пятикратной отметки. Даже после ряда судебных исков и перекройки карты округов в начале 90-х годов указанное соотношение составляло почти трехкратную величину². Предполагалось, что введение малых округов позволит регулировать эту проблему более эффективно.

Результаты выборов 1996 и 1998 гг. показали, что проблемы избирательной системы еще далеки от своего разрешения и что процесс ее перестройки должен носить перманентный характер.

Говоря о позитивных моментах, которые привнесла реформа, нельзя не отметить факт реального удешевления избирательного процесса. Расходы отдельных депутатов на избирательную кампанию действительно уменьшились. В ходе опросов, последовавших за выборами 1996 г., выяснилось, что число депутатов, заявивших о сокращении своего избирательного бюджета, в 3 раза превысило число тех, кто заявил об обратном³. Как и следовало предполагать, в условиях избирательных кампаний в малых округах потребовалось меньше открыток, плакатов, представительских мероприятий и т.д. Вместе с тем говорить о безоговорочном успехе реформы было бы преждевременно, поскольку существенного ослабления фактора денег в ходе избирательных кампаний достичь не удалось.

Выборы 1996 и 1998 гг. показали, что без коренной трансформации многих основополагающих принципов японской политической культуры решение коренных задач избирательной реформы оказывается если не невозможным, то отодвигается на долгосрочную перспективу.

Прежде всего следует остановиться на тех особенностях механизма номинации депутатского корпуса, которые, как прошедшие выборы, не только сохранили, но и упрочили свои показатели функции постоянного локомотива «политики денег». Эти особенности продолжают перманентно генерировать затратный характер японской избирательной системы и торпедируют любые попытки оздоровить моральный климат избирательных кампаний.

² Майнити симбун. 01.12.1996

³ Асахи симбун. 28.11.1996.

Стало общепризнанным, что первостепенную роль в шансах на успех играют три момента: комплекс неформальных связей кандидата с избирателями округа (интеграция в структуру локальной политической и светской жизни на правах ее неформального лидера), благоприятный имидж «уважаемого человека» в глазах электората и, наконец, наличие достаточных для проведения полноценной избирательной кампании политических фондов. Это, безусловно, отражает сложившиеся политические реалии. Вместе с тем простая констатация указанных моментов неспособна дать объяснение неудачам многолетних попыток покончить с коррупцией в среде депутатского корпуса, обуздать порочную «политику денег».

Перечисленные выше условия успеха кандидата в депутаты следует рассматривать в контексте действия целого комплекса глубинных и необычайно цепких политических, социальных, нравственных, психологических и даже иррационально-мистических связей, характеризующих взаимоотношения «депутат – округ». Именно эти связи дали основание политологам именовать избирательный округ феодальным понятием «вотчина» («дзибан»).

Особенность положения депутата парламента в рамках этих связей определяется спецификой роли и места представительной власти в системе государственного управления. Депутатские полномочия имеют здесь исключительное (большее, чем в других странах) значение с точки зрения обеспечения специфических партикулярных интересов избирательного округа на общенациональном уровне. В Японии наблюдается меньший, чем где бы то ни было, уровень финансовой самостоятельности общественных проектов на местах и их контроль со стороны муниципальных властей, а также существенно большая зависимость от централизованных бюджетных источников. На этом фоне распределение бюджетных ассигнований на крупные публичные проекты на местах во многом зависит от эффективности лоббистских усилий отдельных депутатов и от их места в иерархии власти. Многие японские политологи отмечают отсутствие в Японии развитой системы распределения полномочий между местной и центральной властями, что заставляет депутатов парламента вмешиваться в процесс распределения общественных ассигнований и субсидий. Это позволяет действующим депутатам правящей партии создавать себе все более лояльную «вотчину».

Закреплению узколокальных, «местнических» приоритетов в депутатской деятельности способствовала и специфика избирательной системы, сформировавшейся в основном в середине 20-х годов и принципиально не изменявшейся вплоть до 1994 г. Речь идет о средних избирательных округах, поставляющих в парламент от трех до пяти депутатских мандатов. В период однопартийного господства Либерально-демократической партии (ЛДП), как известно, предвыборную борьбу в таких округах характеризовало отсутствие четко выраженного элемента межпартийного соперничества, а также ожесточенная конкуренция

между кандидатами от одной (правящей) партии. В этих условиях ориентация на локальные интересы округа, успешный опыт их лоббирования в парламенте стали выступать в качестве дополнительной мотивации для привлечения избирателей к той или иной кандидатуре.

В то же время ставка только на партийную принадлежность традиционно не давала существенных результатов в борьбе за депутатское кресло. Этому в значительной степени способствовала традиционно высокая степень аполитичности японского избирателя, определяемая более сильной, чем в других странах, изолированностью политики от социально-экономической сферы (управляемой, скорее, бюрократией), слабостью политического лидерства, несоответствием многих провозглашаемых правящей партией лозунгов и программ тем проблемам, которые вынуждены решать рядовые японцы в повседневной жизни. Не случайно в политологический оборот естественным образом вошел тезис о том, что ЛДП является высокоперсонифицированной партией, депутаты которой шли на выборы с собственными идеями и лозунгами, хотя и в рамках общепартийного идейно-теоретического начала. С приходом эпохи коалиционных правительств и появлением новых крупных политических партий ситуация коренным образом не изменилась, поскольку практически все партии начали выступать со сходными лозунгами, не позволяющими или с трудом позволяющими идентифицировать партийную самобытность.

Вместе с тем в Японии роль депутата традиционно не ограничивается обеспечением экономической подкормки округа из центра — она гораздо шире. Речь идет об особом значении депутатского статуса как консолидирующего и интегрирующего начала местного сообщества, вытекающего из специфического положения депутата в качестве связующего звена между населением округа и центром. В Японии не сложилась жесткая исполнительная вертикаль власти типа «центр — регионы — местные сообщества», характерная для стран с президентской формой правления. В этих условиях фигура депутата стала ключевой с точки зрения обеспечения причастности рядового избирателя к «большой политике», что проявляется не только и не столько с точки зрения легитимной функции депутата как представителя своих избирателей в высших органах власти. Депутат, помимо всего прочего, выступает как формальный и неформальный лидер местного сообщества, обеспечивая своей активностью в регионе консолидацию и идентификацию тех интересов последнего, которые в дальнейшем станут объектом лоббистской деятельности в стенах парламента.

Для более полного понимания особенности статуса депутата следует отметить и глубинный психологический подтекст его неформального единения с местной элитой, проявляющегося в виде различных церемониалов и представительских мероприятий. Посещение «слугой народа» свадебных банкетов и званых вечеров — это, скорее, не дань традиции, а метод утверждения патронажа над местным сообществом, который в равной степени нужен и депутату, и ме-

стной элите. Известно, что практически все социальные структуры японского общества построены по феодально-иерархическому принципу, где сюзерен утверждает свою власть не только за счет жесткой дисциплины, но и за счет распределения среди вассалов «милостей», приобретающих вполне материальную форму. Этим можно, в частности, объяснить устоявшуюся традицию публичного одаривания хозяев дома, посещаемого депутатом, денежными подарками (как правило, от 10 тыс. до 30 тыс. иен). Эти деньги, вложенные в затейливо украшенный личным вензелем депутата конверт, выступают в глазах присутствующих некоей мистической субстанцией, которая олицетворяет «милость» высшей государственной власти и которая, в свою очередь, как бы узаконивает право данного политика представлять сообщество в органах государственной власти. Именно в этом, пожалуй, следует видеть поразительную цепкость и устойчивость «политики денег», под которой понимается перемещение огромных сумм денежных средств от корпораций через различного рода посредников в карман депутата и далее – к представителям местной элиты. Ясно, что попытки покончить с такой политикой лишь при помощи запретов и регламентаций оказываются несостоятельными.

Важным фактором сохранения затратной модели избирательной системы продолжает оставаться традиционная система мобилизации голосов избирателей с помощью обществ поддержки, получившая распространение в условиях существования депутатских «вотчин».

Переход на малые округа сделал сохранение и укрепление структуры обществ поддержки еще более насущной задачей. Это легко объяснить: чем уже границы округа, тем большую роль играют межличностные связи на уровне местной общины (уровень деревни – поселка), а также межобщинные связи на уровне местного сообщества (уровень небольшого города как административного центра прилегающего района) и связи между местными сообществами (уровень всего малого избирательного округа, объединяющего несколько небольших административных центров). Общества поддержки в данном контексте выступают механизмом структуризации и унификации всего комплекса неформальных связей кандидата с рядовыми избирателями, проявляющихся в виде многослойной и многоуровневой пирамиды.

Необходимо отметить, что внедрение малых округов привело к упрочению организационной структурированности депутатских «вотчин», которые в новых условиях в отличие от периода аморфных средних округов приобрели более зримые и очерченные контуры.

В ноябре 1996 г. на совещании руководства ЛДП, посвященном итогам выборов в палату представителей, было отмечено, что особенностью этих выборов, впервые проведенных по новому закону, стала приверженность кандидатов лозунгу «не политический курс, а рукопожатие!», который подразумевал приоритетность аспекта близости к электорату, т.е. внешнего имиджа претен-

лента в ущерб содержательной стороне его предвыборной программы. Было выявлено, что для выполнения этой установки в ходе избирательной кампании личные секретари и иные члены команды кандидатов ЛДП обошли практически все без исключения дома избирателей округа, что потребовало огромных затрат⁴. Таким образом, политическая культура «консенсуса», описанная американским политологом Д. Куртисом в начале 70-х годов⁵, проявила себя с особой силой на выборах 1996 г. В малых округах в значительно большей степени, чем в средних, потребовались такие незаменимые факторы, как межличностное общение или, употребляя термин японского политического сленга, «локальные и кровные связи».

Можно сказать, что модель малых округов еще больше усилила региональную направленность политической сферы, заставляя депутатов глубже вникать в насущные проблемы округа. В значительной степени через свой депутатский корпус, завязанный на общества поддержки, основные политические партии черпают информацию с мест и узнают об эффективности государственной политики в регионах. Вероятно, именно в этом кроется причина того, что в Японии не прижилась выпестованная в США система так называемых «фокусных представительных групп», с помощью которых партии проводят целевые опросы населения по различным аспектам социальной сферы.

Следует подчеркнуть, что связка «кандидат - общество поддержки (местная элита) - электорат → депутат - партия» и при новой избирательной модели остается стержневым элементом японской политической системы, в рамках которой депутат является не просто ключевой фигурой политической сферы, но и ее основной структурообразующей единицей, особенно если это касается региональной политики. Политические партии и группировки в регионах имеют более или менее подчиненное значение. Обратная связь с электоратом при такой модели осуществляется на центральном уровне за счет так называемых «подарочных законопроектов» (обеспечивающих определенные местности государственными инвестициями, подрядами на общественные работы и т.д.), к которым партии не имеют прямого отношения не только формально, но и реально.

Интересно, что западная модель (американский и английский варианты), наоборот, предусматривает приоритет политической партии, которая является основной «матрицей» политической сферы на региональном уровне. Именно партия решает в период избирательных кампаний, кого из перспективных политиков и в каких округах выставить в качестве кандидатур, как сманеврировать в интересах оптимизации стратегии баллотирования для обеспечения своих будущих интересов в парламенте. Подобный вариант особенно характерен для

⁴ Там же

⁵ См. *Curtis Gerald Election Campaigning Japanese Style* N Y, 1971.

Великобритании, где консерваторы накануне выборов зачастую перебрасывают своих кандидатов из округа в округ. Таким образом, классический вариант западной модели взаимосвязей между партиями, депутатским корпусом и рядовыми избирателями можно условно представить так: «партия – «фокусная группа» – электорат → партия – кандидат – депутат – партия».

Важное значение для оценки японской политической конъюнктуры локального уровня имеет также учет того обстоятельства, что общества поддержки, дающие тому или иному кандидату организационную основу для баллотирования, как и прежде, представляют собой исключительно его «личный капитал» и не имеют определенной политической окраски, равно как и места в партийной структуре (правда, речь не идет о левых и леволиберальных политиках, вынужденных в большей степени опираться на поддержку своей партии). Характерно в этой связи высказывание в 1996 г. одного из новоизбранных депутатов Партии новых рубежей (ПНР) от префектуры Тиба М. Иоку, который заявил: «В моем обществе поддержки большинство составляют сторонники ЛДП. Но если я попрошу, они будут поддерживать лично меня»⁶. Уместно в этой связи вспомнить период «воюющих княжеств» из японской средневековой истории и провести аналогию обществ поддержки с феодальным войском, верным своему князю вне зависимости от его политических воззрений, в то время как военный предводитель мог пользоваться полной свободой выбора союзников.

Консервации традиционной системы номинации депутатского корпуса служат и многие элементы социально-мировоззренческой психологии японского электората, в частности, сохранение фактора самооценности депутатского стажа и возраста кандидатов в глазах избирателей. По-прежнему шансы на большее уважение и поддержку со стороны рядовых избирателей предпочтительнее у тех кандидатов, которые имеют за плечами более чем двукратный парламентский стаж. При этом данное положение распространяется не только на самого депутата, но и на его потомков. Именно этим объясняется чрезвычайно высокий удельный вес и потомственных политиков в японском парламенте.

Так, среди депутатов палаты представителей, прошедших на выборах 1996 г. более четверти (123 человека из 500) являются детьми или внуками депутатов прошлых созывов. При этом, как показала практика, традиция наследования депутатского мандата характерна для всех новых партий, отпочковавшихся от ЛДП. Например, в палате представителей насчитывается 21 депутат из бывшей ПНР и 19 от Демократической партии, относящихся ко второму или третьему поколениям. В основе поразительной цепкости правила наследования лежит как консервативная ментальность общества продвижения по стар-

⁶ AERA. 03.11.1996, p. 30.

шинству⁷, так и реально действующие в правящей партии механизмы политического ранжирования – чем больше парламентский стаж, тем выше место в партийной и парламентской иерархии.

Вопреки первоначальным замыслам, которые предполагали обеспечение равных условий для всех желающих выставить свою кандидатуру и честную конкуренцию на стадии номинации, избирательная реформа фактически предоставила односторонние преимущества руководителям местных партийных организаций и тем самым усилила самоорганизованность депутатских «вотчин».

Дело в том, что к организациям по управлению денежными средствами (ОУДН), которые являлись легальными получателями частных и корпоративных политических пожертвований и были призваны обеспечить общественный контроль за их распределением, оказалось возможным отнести местные организации политических партий, охватывающие по несколько населенных пунктов. В результате этого основные средства политических фондов стали без каких-либо условий поступать главе местного филиала партии, который практически всегда одновременно является «перспективным» кандидатом данной партии на предстоящих выборах. По опубликованном в ноябре 1998 г. газетой «Асахи» данным, именно местные партийные организации наряду с прочими ОУДН и обществами поддержки стали главными получателями политических фондов на выборах 1996 г.⁸ В этих условиях местный политический босс, укрепляя свою финансовую самостоятельность, получал значительные преимущества в отношении возможных конкурентов.

В то же время шансы «новичков», даже тех, кто заручился поддержкой центральных партийных органов, оказались весьма проблематичными. Этому способствовало то обстоятельство, что в малых округах, в отличие от средних, правящая партия может от своего имени выставлять лишь одного официально номинированного кандидата.

Один из характерных примеров, касающихся выборов в палату представителей 1996 г., был приведен в японском журнале «AERA». Некто Т. Янада, начинающий политик, получил официальную поддержку центрального штаба ЛДП на баллотирование в 8-м округе префектуры Тиба. Иллюзии в отношении шансов на победу только за счет собственных способностей были достаточно быстро развеяны, как только ему пришлось столкнуться с конкуренцией в лице ставленника местной элиты. Выяснилось, что неотъемлемым условием для номинации в качестве официального представителя от ЛДП является также согла-

⁷ В Японии по-прежнему действует правило, в соответствии с которым продвижение по службе напрямую зависит от стажа; это правило экстраполируется в сознании избирателей и на субъективную оценку кандидатуры.

⁸ Асахи симбун. 15.11.1998.

сие местного партийного отделения, необходимость в котором вытекает из статуса единственного официального кандидата от правящей партии.

Т. Янада отмечал, что он был поражен тем объемом финансовых затрат и организационных усилий, чтобы обеспечить себе официальную номинацию в борьбе с местным партийным лидером. Самая сложная задача, как выяснилось, заключалась в получении благосклонности со стороны региональной торгово-промышленной палаты, являющейся наиболее репрезентативным и влиятельным объединением местной элиты. Главное заключалось не в организации теоретических или тематических дискуссий с местным выдвиженцем по типу теледебатов, а в наращивании чисто представительской деятельности, не несущей какой-либо идейно-политической окраски. Иными словами, вопрос решался на уровне итогов соревнования в помпезности политических вечеров, богатства и убранства офисов, щедрости денежных подарков при посещении свадеб, похорон, презентаций, величине штатов помощников и т.д. При этом объем работы у «новичка» должен быть в 2–3 раза больше, чем у местного лидера, уже создавшего себе организационно-финансовую базу. Самовыдвижение потребовало от Т. Янада содержания как минимум трех офисов (в каждом из трех городов округа – Касава, Абики и Сёнан), а также найма команды помощников численностью как минимум 50 человек, необходимой для обеспечения более тесных связей с избирателями. Подсчет реальной сметы полномасштабной избирательной кампании, превысившей все мыслимые расчеты, заставил Т. Янада отказаться от баллотирования в пользу местного кандидата, уже имеющего достаточную известность в округе⁹.

Интересно, что подобного рода узколокальное предвыборное соперничество между региональным боссом и «пришельцем» было характерно для конца 50-х – начала 60-х годов, когда наблюдалось достаточно четкое разделение границ «вотчин» консервативных депутатов и не проявлялось сколько-нибудь серьезной конкуренции между действующими депутатами от ЛДП. Борьба между последними в рамках одного округа стала разгораться, скорее, с 70-х годов, когда в связи с демографическими сдвигами голосов одной «вотчины» оказалось недостаточно для гарантированного избрания, что заставляло кандидатов бороться за более широкие электоральные слои¹⁰. В этом смысле можно сказать, что переход к малым округам создал ситуацию, схожую с той, что существовала на ранней стадии системы однопартийного правления ЛДП. В обоих случаях отсутствие сильной конкуренции между своими (что объективно является позитивным фактором, ограничивающим масштабы «политики денег») сочетается со многими отрицательными чертами «вотчинной» модели избирательной стратегии – слабым уровнем партийного руководства выборами, фактической бес-

⁹ AERA. 03.11.1996, p. 29-30.

¹⁰ См. *Сато С., Мацудзаки Т.* Дзиминто сэйкэн (Власть ЛДП). Токио. 1986, с. 58.

контрольностью за использованием политических фондов на местах, организационным усилением «вотчин» и предоставлением действующим депутатам полного карт-бланша на подбор средств проведения избирательной кампании.

Таким образом, повышение роли фактора «регионализации» избирательной стратегии ЛДП еще больше усилило личностное начало в избирательных технологиях в противоположность началу партийному. В конечном счете это предоставило кандидату большую, чем в западных странах, свободу от требований партийной дисциплины и иных ограничений, налагаемых принадлежностью к определенной партийной фракции. С учетом традиции либерального отношения к свободному перемещению депутатов из партии в партию (из одной парламентской фракции в другую), мотивированному не трансформацией взглядов и политических платформ, а главным образом конъюнктурными соображениями, в первую очередь интересами личной выгоды отдельных депутатов и логикой политического момента, прогнозировать расклад сил в парламенте и соответственно перспективы развития политической обстановки исключительно на основе данных об итогах выборов оказывается значительно труднее, нежели в условиях жесткого партийного руководства выборами. Характерным в этой связи является рост численности депутатского корпуса ЛДП в течение года после выборов в нижнюю палату парламента в октябре 1996 г. Если сразу после выборов ЛДП располагала лишь 239 местами в парламенте, то к марту 1998 г. ее представительство увеличилось до 260 мандатов за счет депутатов, перешедших в ЛДП главным образом, исходя из конъюнктурных соображений.

Выборы наглядно продемонстрировали, что политические партии оказываются в новых условиях в меньшей степени способными выдвигать привлекательные для избирателей политические лозунги и облекать их в красивую упаковку. Профессор Окадаки из университета Васэда, уподобляя японскую политическую сферу рынку, отмечал, что партии давно уже неспособны самостоятельно создавать «товары» для этого рынка (т.е. политические установки, концепции, платформы)¹¹. Практически заблокированным оказался процесс создания каких-либо «мозговых центров» при партиях, которые должны были бы появиться параллельно диверсификации состава участников политической арены. Например, как сообщалось, лишь 1% государственных дотаций, предусмотренных Законом о политических фондах, использовался ЛДП на исследовательские нужды, т.е. для изучения потребностей избирателей на местах и разработки политических платформ, в то время как основные средства тратились на представительские цели, содержание громоздкого партийного аппарата и «подкормку» местных партийных структур¹². Профессор Токийского университета Т. Сасаки отмечал, что после избирательной реформы партии не обрели

¹¹ Асахи симбун. 29.11.1996.

¹² Тюо корон 1996. № 12, с. 68.

четких механизмов контроля за рациональным использованием политических фондов. По его мнению, на передний план сейчас выходит необходимость в законодательном ограничении расходования средств централизованных политических фондов местными партийными филиалами, а также в создании системы солидарной ответственности центральных и местных партийных органов за расходование таких фондов¹³.

Безусловно, отсутствие у ЛДП хорошо выраженного «политического лица» на выборах 1996 г. имеет объективные причины. Известно, что за долгие годы монопольного господства партия превратилась в своего рода «организацию власти», точнее, в важный компонент властной структуры, в рамках которого происходило согласование разнополюсных интересов разнообразных групп и социальных слоев. Вступивший в предвыборную гонку кандидат от ЛДП традиционно заручался поддержкой различных, зачастую противоборствующих организаций. Теперь же, с переходом на малые округа, необходимость в согласовании поддержки со стороны различных полюсов местного политического спектра многократно возросла: партия выставляет единую согласованную кандидатуру, что заставляет ее задействовать максимально широкий диапазон политических сил и с максимальной осторожностью подходить к своим политическим лозунгам. Так, на выборах 1996 г. кандидат от ЛДП в районе Кинки заручился поддержкой таких разномастных в политическом отношении организаций, как местные профсоюзы Дзидзиро, профсоюз Дзэндзицу, Союз освобождения потомков буракумин (париев) и т.д. Как писала газета «Асахи», в этих условиях для получения 51% голосов можно смело выступать с тезисом типа «В день, когда идет дождь, налицо плохая погода»¹⁴.

Наличие столь широкого спектра поддержки ЛДП на выборах дало основания многим обозревателям заявить о ЛДП как о «партии-универмаге»¹⁵. Имеется в виду, что избиратель, отдавая предпочтение ЛДП, может найти удовлетворение любому из своих политических пристрастий, подобно тому как клиент универмага имеет возможность приобрести любой вид товара.

Справедливости ради следует отметить, что с введением малых округов проявилась и противоположная тенденция – определенное повышение роли «партийного начала» по сравнению с «личностным началом». Это связано с увеличением значимости «партийной марки» в ходе предвыборной борьбы в малых округах, где кандидат выступает единственным представителем своей партии. Так, раньше наблюдались случаи, когда кандидат одерживал победу на выборах, заручившись официальной поддержкой избирательного штаба ЛДП, а затем переходил в другую партию, преследуя свои личные цели (когда ЛДП в

¹³ Асахи симбун 15.11.1998

¹⁴ Асахи симбун 27.11.1996

¹⁵ Там же

1993 г. оказалась в оппозиции, некоторые из ее депутатов, привыкших чувствовать себя в «обойме власти», перешли в ПНР и другие партии правящей коалиции). Теперь же, при наличии малых округов, как отмечал профессор университета Гакусюин С. Кавани, сделать это будет весьма затруднительно, поскольку подобное поведение было бы сочтено оскорблением в отношении других членов партии¹⁶. Впрочем, продолжающаяся практика свободного перехода депутатов из фракции во фракцию говорит о том, что лояльность партийному знамени не стала пока приоритетом в системе политических ценностей депутатского корпуса.

По сравнению с малыми округами, гораздо большее значение партийный фактор имеет в округах пропорционального представительства, где выдвижение проходит по партийным спискам. Чтобы успешно ранжироваться в таком списке, оказавшись в нем одним из первых, кандидат должен быть достаточно весомой фигурой в партийной иерархии и таким образом олицетворять собой чисто партийные интересы. Между тем особенностью новой избирательной модели стала возможность одновременного баллотирования в малом округе и округе пропорционального представительства. При этом ЛДП и ДПЯ активно использовали правило, в соответствии с которым под одним и тем же номером в партийном списке могут идти сразу несколько человек. Это дает дополнительную «подстраховку», поскольку те депутаты, которые проигрывают в малом округе, имея (дополнительно) высокое место в партийном списке, проходят в парламент уже по округу пропорционального представительства. Хотя многие считают это правило несправедливым, оно позволяет крупным партиям гарантированно иметь в своем депутатском корпусе людей, составляющих руководящий костяк.

И все же не следует переоценивать возможности «партийного элемента» в избирательной стратегии ЛДП и иных партий. С учетом рассмотренных выше избирательных технологий, основанных на максимальном задействовании местных обществ поддержки, можно предположить, что ЛДП в своей избирательной тактике будет по-прежнему делать упор на финансовую и организационную поддержку избирательных кампаний отдельных депутатов в ущерб работе по пропаганде партийного имиджа. Этот вывод косвенно подтверждается тем обстоятельством, что лозунги администрации Р. Хасимото (типа лозунга административной реформы), призванные повысить политическое реноме партии консерваторов, не нашли должного отклика у населения. По указанной причине доля депутатов ЛДП, избранных в парламент по партийным спискам, относительно депутатов, избранных в малых избирательных округах, вероятнее всего, останется не столь значительной по сравнению с другими партиями — ДПЯ, Социал-демократической партии (СДП) и др.

¹⁶ AERA. 03.11.1996, p. 30

В то же время на повестку дня настойчивее ставится вопрос о мерах по кардинальному обновлению партийного имиджа и соответствующему перемещению акцентов в избирательных технологиях. Это особенно отчетливо продемонстрировали выборы в палату советников, состоявшиеся в июле 1998 г., на которых ЛДП потерпела сокрушительное поражение, потеряв 17 мест и лишившись большинства в верхней палате парламента. Безусловно, основную роль здесь сыграли чисто экономические факторы: в год выборов динамика ВВП впервые за 23 года стала отрицательной, продолжился рост безработицы и падение реальных доходов населения. Вместе с тем нельзя не видеть и ошибки в избирательной стратегии либерал-демократов, в частности, их изначально неверную одностороннюю ставку на традиционные методы «ловли голосов» путем задействования обществ поддержки индивидуальных кандидатов. Эти методы, как известно, эффективны лишь в условиях низкой активности избирателей, особенно в крупных городах, когда решающими оказываются «твердые голоса» слабоурбанизированных префектур. Вопреки ожиданиям партийных идеологов, в 1998 г. участие в выборах достигло небывалой за последние годы отметки в 58,8% (на предыдущих выборах в палату советников 1995 г. этот показатель составлял 44%). Будучи неспособной привлечь на свою сторону «плавающие голоса» практически ни в одном из густонаселенных регионов центральной Японии, ЛДП не получила ни единого мандата в Токио, Осака, префектурах Анги, Хёго, Канагава и Сайтама. Многие наблюдатели справедливо указывали, что достучаться до сердец рядовых избирателей ЛДП помешало именно отсутствие ярко выраженной «партийной марки».

Кризис избирательной стратегии ЛДП отразил расхожий термин, удачно введенный в оборот после выборов в палату советников редактором американского журнала «Ориентал Экономик Сапорт» Р. Кацем. Он назвал ЛДП «партией Юрского периода», имея в виду, что ее члены, несмотря ни на что, действуют по старинке, проявляя лояльность партийному истеблишменту и стремясь проводить политику только с прицелом на свои «вотчины»¹⁷.

Критически оценивая итоги выборов, идеологи ЛДП стали более четко осознавать, что традиционная «согласительная модель» номинации депутатского корпуса не способствует и выдвижению в политику ярких, талантливых личностей, которые могли бы обновить партийный имидж. Выборы 1996 и 1998 гг. наглядно продемонстрировали, что эта модель, отсеивающая яркие индивидуальности и дающая зеленый свет лояльным «плодам системы», начинает давать сбой и во многих случаях приносит явно отрицательные результаты.

Пока трудно сказать, что будет сделано консерваторами для «обновления крови». На выборах 1996 г. у ЛДП насчитывалось лишь семь «новичков» (у ПНР – 49), причем все они проиграли (от ПНР было избрано 11 человек). Прав-

¹⁷ Weeklypost 20.07.1998

да, как сообщалось, «новичками» этих кандидатов можно было назвать с большой натяжкой, поскольку основную их часть составляли экс-секретари и депутаты местных органов власти. По всей видимости, перспектива успешной номинации для кандидатов от ЛДП и иных партий консервативной ориентации (Либеральной партии – ЛП и др.) будет главным образом определяться их успехами в создании собственных структур поддержки в регионах.

В противоположность ЛДП и Либеральной партии Демократическая партия пытается строить свою избирательную стратегию на базе сети народной поддержки. Все наблюдатели единодушно отмечают, что отсутствие разветвленной региональной сети является ахиллесовой пятой ДПЯ. Стремясь восполнить этот недостаток, партия поставила своей целью отладить пирамидальный принцип кадровой номинации, при котором кандидаты, выдвинутые своими структурами (не обязательно партийными), постепенно проходят «наверх», минуя стадии все более высокого согласования.

* * *

В условиях несовершенства избирательной реформы и сохранения множества нерешенных проблем на повестку дня выходят вопросы о продолжении процесса преобразований избирательной системы страны.

Некоторые аспекты перспективной модификации избирательной системы лежат на поверхности. Так, следует ожидать дальнейшей перекройки карты избирательных округов. Напомним, что «нарезка» малых округов в соответствии с законами 1994 г. проходила по принципу пропорционального распределения между префектурами. Эксперты подсчитали, что данный принцип неизбежно приводит к появлению разницы в цене голосов, которая будет увеличиваться по мере углубления демографических изменений в различных регионах страны. В то же время законодательно закрепленный принцип пропорционального распределения не позволяет Комиссии по разграничению округов модифицировать их границы в соответствии с реальной демографической картиной. По некоторым оценкам, к парламентским выборам 1999 г. соотношение в цене голосов между наиболее контрастными округами составило 2,5 раза¹⁸.

Положение усугубляется тем, что мажоритарная избирательная система, введенная с появлением малых округов, неизбежно приводит к значительному проценту так называемых «мертвых голосов», к которым относятся все голоса, поданные за проигравших в данном округе кандидатов. Так, на выборах 1996 г. абсолютное число «мертвых голосов» было беспрецедентно большим, составив 30 млн. Необходимо отметить, что процент «таких голосов» был значительно более низким в средних округах, где побеждают сразу несколько кандидатов.

¹⁸ Асахи симбун. 28.12.1996

Поскольку данная проблема не может быть решена радикально, на передний план выходят косвенные методы обеспечения справедливого волеизъявления. Во-первых, возможно возвращение к средним округам, что позволило бы избежать большого числа «мертвых голосов», но усилило бы неравноценность голосов и возродило бы ожесточенную конкуренцию между депутатами от одной партии и таким образом обострило бы проблемы «политики денег». Среди парламентариев уже появилась влиятельная группа депутатов во главе с председателем Либеральной партии И. Одзава и видным деятелем ЛДП С. Кадзияма, которые активно пропагандируют эту идею¹⁹. Во-вторых, возможно проведение регулярной перекройки границ малых округов с тем, чтобы, смирившись с «мертвыми голосами», не допустить большой разницы в цене голоса. В настоящее время активно прорабатывается вариант о законодательно закреплённом недопущении более чем двухкратного разрыва, что, как предполагается, потребует пересмотра границ округов не позднее 2000 г.

Следует ожидать также ужесточения законов и положений, призванных повысить ответственность кандидатов за подкуп избирателей и использование нечестных методов при проведении избирательных кампаний. Действующее же на данный момент законодательство пока относится к нарушителям более чем либерально. Например, упомянутая выше система солидарной ответственности была задействована по итогам выборов 1996 г. лишь дважды, причем в одном случае (с депутатом от 3-го округа префектуры Вакаяма М. Нода) вопрос об объявлении итогов выборов недействительными решался на уровне Верховного суда. Суд вынес обвинительный приговор, в соответствии с которым депутат-секретарь которого был уличен во вручении денежных подарков избирателям, на пять лет лишился права выставлять свою кандидатуру в парламент в «своем» округе. Многие японские газеты справедливо отмечали, что это решение носит половинчатый характер, так как не запрещает политику выставляться в любом другом округе, равно как баллотироваться в «своем» округе в местные органы законодательной власти. Однако даже столь мягкий вердикт, как сообщалось, вызвал среди коллег незадачливого депутата массовые отклики сочувствия и моральной поддержки²⁰.

Вместе с тем очевидно, что применение комплекса законов, регулирующих формирование политических фондов, неспособно дать сиюминутного эффекта в борьбе с «политикой денег». Основные цели избирательной реформы, по всей видимости, так и останутся невыполненными без коренной трансформации консервативной ментальности японского электората, изживания архаичных и даже полупфеодалных политических традиций на местном уровне.

¹⁹ Майнити симбун. 18.11.1998.

²⁰ Иомнири симбун. 18.11.1998.

Что же касается более радикальных шагов по изменению базовых принципов японской избирательной системы, то их осуществление представляется в кратко- и среднесрочной перспективе крайне маловероятным.

Трудноосуществимой следует назвать возможность применения совмещенной системы выборов, успешно апробированной в Германии. Вопрос о введении такой системы неоднократно дискутировался на стадии подготовки избирательной реформы. При такой системе, голосование в малых округах проходит исключительно по партийным спискам. Депутатские места распределяются по принципу пропорционального представительства, а «персонификация» полученных партиями мандатов — в соответствии с их номерами в партийных списках. Данный вариант, по всей видимости, нереален для Японии прежде всего в силу своей чрезмерной радикальности: он потребовал бы от либерал-демократов полностью отказаться от традиционной «согласительной модели» номинации, основанной на системе обществ поддержки.

Еще менее вероятной представляется реформа самих конституционных норм и принципов формирования японского парламента, которые, собственно, и составляют суть избирательной системы, хотя эти нормы и принципы при тщательном рассмотрении оказываются весьма далеки от совершенства. В этой связи уместно затронуть важную проблему неадекватности японской избирательной системы классическим канонам нормативной теории формирования представительной власти.

Японская избирательная система часто критикуется за то, что она предусматривает аналогичные механизмы формирования верхней и нижней палат парламента, в то время как эти принципы изначально должны быть разными в силу различных роли и функций палат в системе законодательной власти. Так, обе палаты на 60% избираются в мажоритарных избирательных округах, которые отличаются лишь размерами. Оставшиеся 40% мест проводятся в обеих палатах через округа пропорционального представительства, которые с 1994 г. также отличаются только своими масштабами — в палате представителей подобные округа действуют на уровне 11 крупных территориальных блоков, в то время как в палате советников имеется лишь один (общенациональный) избирательный округ.

Таким образом, обе палаты японского парламента имеют общий совместительный принцип формирования, заключающийся в сочетании регионального и общенационального (списочного) принципов.

С позиций нормативной теории верхняя палата парламента должна выражать на высшем законодательном уровне интересы отдельных регионов (административных единиц управления) вне зависимости от численности их населения и национального состава, в то время как нижняя палата — инструмент нивелирования и абстрактизации интересов различных избирателей, которые получают как бы усредненные очертания. С точки зрения этой теории механизм вы-

боров в верхнюю палату должен основываться на системе избирательных округов, по границам совпадающих с административными единицами – субъектами государственного устройства, в нижнюю – на сочетании (в разных вариантах) региональных и общенациональных избирательных округов, позволяющих оптимизировать мнение избирателей как жителей данной местности и одновременно носителей определенных политических взглядов. При этом региональные (малые или средние) округа отражают партикуляристские интересы конкретного региона, общенациональные же, основанные на системе партийных списков, – идеологические предпочтения электората.

Многие исследователи отмечают, что отсутствие различий в формировании верхней и нижней палат лишает первую смысла существования²¹. Нередко можно услышать мнение о том, что верхняя палата вообще не нужна, так как в Японии с ее моноэтническим национальным составом отсутствует полноценный федерализм, являющийся главной предпосылкой эффективного функционирования двухпалатной системы.

Однако с учетом традиции двухпалатности японского парламента, зафиксированной в конституции и являющейся одним из базовых элементов политического строя страны, трудно ожидать перехода на однопалатную модель. Маловероятной представляется и коренная реформа избирательной системы в соответствии с требованиями нормативной теории, (например, отмена мажоритарных округов при выборах в палату советников и распределение мандатов исключительно через общенациональный округ, равно как и преобразование палаты советников в палату губернаторов, подобную той, что имеется в США или России). И дело здесь вовсе не в упрямости и чрезмерной консервативности депутатского корпуса, который должен инициировать соответствующие поправки к конституции. Речь в данном случае идет о важном для основ демократии значении палаты советников, вытекающем не только из ее положения в системе законодательной власти, но и из особенностей механизма ее формирования.

Эти особенности носят весьма противоречивый характер.

С одной стороны, палата советников в соответствии со своим статусом более устойчива к колебаниям политической конъюнктуры. Она не подвержена роспуску со стороны исполнительной власти. Депутаты верхней палаты гарантированно получают шестилетний мандат пребывания у власти. Это обстоятельство заставляет их в большей степени думать об общенациональных интересах и долгосрочных государственных программах.

С другой стороны, палата советников играет важную роль в представительстве идеологических меньшинств на уровне государственной власти. В отличие от стран с федеративным устройством, Япония не нуждается в специальном органе представительства наиболее крупных административных субъектов, како-

²¹ См.: Япония: переворачивая страницу. М., 1998, с. 114–116.

выми являются префектуры. Формируясь на 40% на базе общенационального округа, палата советников сильнее, чем палата представителей, отражает интересы малых и средних политических партий, которые получают возможность проведения своих депутатов за счет партийных списков. Так, на выборах в палату советников 1995 г. три политические партии (КПЯ, Сакигакэ и Дайнини курабу), не набравшие в сумме и 10% голосов, получили соответственно 5, 2 и 1 мандат, тогда как в условиях мажоритарной системы они не добились бы ни одного²². Япония в этом смысле выгодно отличается от США, где на выборах в сенат действует чисто мажоритарный принцип формирования. в результате чего туда фактически не может попасть ни одна партия, помимо Республиканской и Демократической.

На первый взгляд, два указанных момента противоречат друг другу. В самом деле, акцент на правах представительства малых партий (меньшинств) отражает, скорее, специфику политической конъюнктуры в момент выборов и по идее должен быть отнесен к нижней палате, где должна преобладать межпартийная конкуренция, в то время как «устойчивость», предполагающая преемственность власти и неизменность долгосрочного курса, является явным атрибутом верхней палаты. Однако здесь следует видеть диалектическое сочетание двух противоборствующих начал, позволяющее палате советников выполнять функцию примирения разноплановых и разносторонних социальных интересов ради преемственности долгосрочной государственной политики.

Это обстоятельство выступает на передний план с учетом нестабильности нижней палаты, подвергающейся постоянному риску быть распушенной, а также того факта, что палата советников занимает ключевое, отнюдь не меньшее, чем палата представителей, место в законодательном процессе. Хотя по конституции мнение нижней палаты является главенствующим при расхождении мнений с верхней, в реальности в послевоенной истории было очень мало случаев, когда судьба законопроекта решалась подобным образом. Даже в 1989 г., когда в верхней палате победила оппозиция, это не привело к пробуксовке законодательного процесса.

²² Асахи симбун. 26.06.1998.

История взаимоотношений религии и государства в Японии

С.Б. Маркарьян

На протяжении тысячелетий существования человечества именно религия являлась организующим началом общества. Она представляла собой сложный социальный институт, вобравший в себя все богатство народной жизни, в том числе верования, мораль, право, этику. По сей день практически во всех обществах религия продолжает оставаться существенным компонентом их жизнедеятельности, достаточно независимым от экономики и политики. Однако, как явствуют, например, события в странах мусульманского мира (и бывшие республики Советского Союза не составляют исключения), она становится важным инструментом в руках политических элит. Именно они целенаправленно работают над консервацией и распространением религиозного сознания в самых широких слоях населения. Не секрет, что в основе многих межэтнических конфликтов лежат религиозные распри. Поэтому часто бывает трудно понять те или иные общественные или политические события без учета религиозного сознания того или иного народа.

Религиозное сознание в широком смысле присуще как индивидууму, так и народу в целом. Религия как догмат может исчезнуть, но религиозное чувство, как правило, переживает всяческие религиозные формы и течения, при этом богатство интеллектуальной жизни лишь обогащает его. Удивительно широкая панорама религиозной жизни в современной Японии – яркое тому подтверждение.

Отношение японцев к религии как ценности неоднозначно. В конце 80-х годов согласно опросу общественного мнения удельный вес верующих разных конфессий достигал 35% численности населения. Большое число неверующих,

однако, не означает, что японцам чужда религиозность. Такое впечатление создается, если подходить с евроцентристскими нормами веры в единого бога. Признание равноправия двух религий (синто и буддизма, а также морально-этических учений конфуцианства и даосизма, по мнению европейцев, свидетельствует о равнодушии японцев к религии, более того, об их неверии вообще.

Такое непонимание характера религиозного сознания японцев во многом связано с тем, что христианство признает неукоснительную правоту только одной идеи, одной церкви, все остальное – враждебное, чужое. В Японии же никогда не существовало единой религиозной организации, подчиняющей и контролирующей всю жизнь человека. И религиозная жизнь японцев никогда не была сконцентрирована лишь на чем-то одном. Каждая семья была связана с синтоистским святилищем в силу географического положения и причислялась к буддийскому храму в силу семейной традиции. Поэтому можно, пожалуй, определить синто как общинную религию, а буддизм – как семейную, имея в виду организационный принцип. Многие религиозные обряды совершались дома, в семье, без участия священнослужителей. Семья и дом были центром религиозной жизни японцев. Такое отношение сформировалось под влиянием синто, японского буддизма и конфуцианства.

Конфуцианство принесло с собой более сложные образцы поведения, нормы и ритуалы. Прежде всего, конечно, речь шла об отношениях государя и подданных и об управлении государством, а затем уже об отношениях в семье. Тем самым на переднем плане оказывались отношения в группе, и группа доминировала над индивидуумом. (Отсюда, видимо, до сих пор права человека в Японии не представляют такую большую ценность, как на Западе.) С этим, очевидно, связана и традиция устанавливать дома алтари – буддийский (буцудан, символизирующий память об усопших) и синтоистский (камидана, олицетворяющий благодарность божествам). Роль семьи в религии как религиозного института сохранялась и позднее в иерархической структуре: главная семья – боковые семьи (хонкэ – бункэ). С древности японцы участвовали в религиозной жизни не как индивиды, а как единая семья, другими словами, сначала выступала группа, а затем личность. Глава общины, клана и государства был и политическим лидером и священнослужителем, направляя все действия верующих.

Существование двух главных религий постулировал еще в VI в. принц Сётоку, с именем которого и связано внедрение буддизма в стране. «Нет никакого противоречия в трех религиях, – говорил Сётоку. – Синто... обращено к прошлому, а не к настоящему или будущему. О настоящем заботится учение Конфуция, которое имеет, однако, тот недостаток, что не глядит дальше вперед. Только буддизм раскрывает нам будущее человека. И так как будущим занят человек, он не может в нашей стране пройти мимо буддизма»¹. (Позже синто и

¹ Цит. по: Возрождение Париж, 30.04.1934

буддизм поделили между собой жизненный путь человека: рождение и жизнь шли по канонам синто, а похороны – буддизма.) Эта формула дает ключ к пониманию того, как формировалось религиозное сознание японцев и складывался их национальный характер.

В основе религиозного сознания японцев лежит синто, хотя первоначально он не являлся религией в строгом значении этого слова, а представлял собой своего рода мозаику из разнообразных верований, культов, ритуалов и этических норм, которые пронизывали повседневную жизнь того времени. Его можно рассматривать как форму мировосприятия и мироощущения.

Многие народные верования существовали и продолжают существовать независимо от организованных религий. Это важная часть религиозной жизни людей. Они передаются в устной традиции и ежегодных праздниках, зависят от локальной специфики и направления хозяйственной деятельности. Такие праздники, связанные с сезонностью, часто проводятся без официальных религиозных служителей семьями и общинами. Их значение в религиозной практике столь велико, что для их обозначения используется специальный термин – *нэндзю гэдзи* (досл. ежегодные праздничные действия).

В синто два основных культа – природы и предков. Иррациональный по своей сущности культ предков имеет огромную социальную силу. Он лег в основу концепции преемственности, идущей от богов-демиургов к земным, а от них к легендарным императорам и далее к предкам ныне здравствующего. Таким образом, с древних времен в воззрениях синто присутствовала идея государственности. Японцы на протяжении веков жили с легендой о божественном происхождении своих островов и непрерывности императорской династии, что и сформировало один из аспектов их религиозного сознания.

Император как первосвященник синто, обладающий магической силой общения с божествами, сохранял свое место в иерархии общества, даже будучи отстраненным от политической власти. Во многом это способствовало сохранению роли национальной религии как общей для всех японцев идеологии даже в период укоренения и широкого распространения буддизма. В синто нет строго разработанных канонів и догм, у него нет конкретных основателей и пророков, что является неотъемлемым свойством любой мировой религии. Это делало его открытым для восприятия не только буддизма, но и конфуцианских и даосских морально-этических норм, а позднее и христианства. Именно буддизм и вся континентальная культура в целом оказали влияние на формирование учения синто.

Правящие круги увидели в буддизме идеологическую опору создания централизованного государства. Отсюда тесная связь буддизма с государственной властью. «Буддийская церковная иерархия – монахи и прелаты разных степеней, – писал Н.И. Конрад, – представляла для Японии готовую модель феодального общества. Буддийские храмы и монастыри могли стать опорными пунктами

ми для установления централизованной системы управления. Недаром в дальнейшем в Японии церковное и административное районирование страны полностью совпадало»².

Буддизм не был воспринят как абсолютно чуждый элемент и населением, поскольку, вовлекая людей в свою орбиту, не требовал от них отказа от прежних верований. Кроме того, в японском варианте были смягчены некоторые универсальные элементы, и буддизм стал близок существующему социальному порядку и традиционной системе ценностей. Более того, он дополнил местные культы рядом этических понятий, которые в них отсутствовали. Буддизм принял свой окончательный вид, когда проповедь его доктрин полностью перешла в руки местных священнослужителей. В результате он укоренился в стране без классических религиозных войн и привел к формированию синто-буддийского синкретизма. Обе религии нуждались друг в друге – буддизму нужна была поддержка народа, а синто – «благосклонность» правящих кругов.

Таким образом, идея государственности в японском варианте буддизма соединилась с сакральностью императорской власти синто, что не могло не повлиять на характер религиозного сознания японцев. Большой знаток Японии Лавкадио Хёрн (1850–1904), проживший там долгие годы, буквально растворившийся в ней, принявший не только буддизм, но и японское имя (Коидзуми Ягумо), усмотрел в сосуществовании двух главных религий основу моральной стойкости ее населения. Он писал: «Япония обязана величайшей благодарностью обоим своим религиям, создателям и хранителям ее моральной силы: синтоизму, который учит, что человек должен думать об императоре и государстве прежде, чем о себе и своих близких, и буддизму, который воспитал в нем способность к самоотречению, к самозабвению, к терпеливому перенесению страданий и к примирению в качестве неизменяемого закона с потерей всего любимого и зависимостью от всего ненавистного»³.

Заметное влияние на религиозное сознание японцев оказало и конфуцианство, которое принесло с собой более сложные образцы поведения, нормы и ритуалы. Прежде всего, конечно, речь шла об отношениях государя и подданных, об управлении государством. Усвоение и мирное сосуществование синто, буддизма и конфуцианства явились результатом присущего японцам прагматизма, адаптивности их мировосприятия, которому они обязаны своей традицией.

В результате в Японии существует калейдоскоп различных религий. По словам, приведенным в книге историка Тикао Фудзисава, «синто – корни и ствол, конфуцианство – листья и ветки, а буддизм – цветы и плоды»⁴. Синтоизм и буддизм существуют как организованные религии. Синто донес и сохра-

² Конрад Н.И. Избранные труды. М., 1974, с. 67

³ Хэрн Л. Душа Японии. М., 1997, с. 48

⁴ Fujisawa Chikao. Zen and Shinto. The Story of Japanese Philosophy, N Y. 1959, p. 2.

нил мифологизированное происхождение Японии и ее народа, литургическую практику, каноны устройства святилищ и проведения разного рода религиозно-праздничных действий – мацури. Буддизм принес с собой традицию постройки пышных храмов, наполненных произведениями искусства, а также мемориальные службы по ушедшим. Конфуцианство представляет собой морально-этическое учение, оказавшее огромное влияние на японскую культурную традицию. По словам итальянского японоведа Ф. Маранини, «тень Конфуция» до сих пор витает над японским обществом. Даосизм в большей степени повлиял на народные верования, привнеся в них, в частности, существующее до сих пор понятие счастливых и несчастливых дней. Позже в эту панораму вписалось и христианство, которое оказало определенное воздействие на образование и социальные отношения. Возникшие в основном в XX в. так называемые новые религии, инкорпорировали многие прежние религиозные воззрения и верования и добавили вновь созданные доктрины.

В современной Японии, согласно официальной статистике, насчитывается 118 млн. последователей национальной религии синто, 96 млн. – буддизма и 1,5 млн. христиан при том, что население ее составляет менее 130 млн. человек. Такое, на первый взгляд, парадоксальное явление не кажется таковым, если учесть социопсихологические особенности населения, государственную политику в отношении религии и в целом религиозное сознание японцев, т.е. все то, что сформировало японскую модель религиозной жизни.

Приверженность одной религии в Японии – явление чрезвычайно редкое. Здесь наблюдается религиозный плюрализм. Поэтому японцам традиционно не были свойственны религиозные распри на доктринальном уровне, что столетиями часто наблюдалось на Западе. Нередко вера японцев базируется просто на обычаях и традициях. Они не могут назвать имена многих синтоистских и буддийских богов, но знают, что эти боги существуют, ибо мифология известна всем. Если подходить с такой точки зрения, то практически все японцы религиозны. Даже те, кто считает себя неверующим, привычно исполняют различные религиозные обряды во время свадеб, похорон, национальных праздников. По удачному выражению немецкого исследователя истории Японии Ю. Берндта, японцам свойственна «нерелигиозная религиозность».

При всех поправках на «исторический коэффициент» в основе религиозного сознания японцев лежит некая константа, которую можно увидеть и в зеркале современности. Непрерывная линия японской истории персонифицируется в императорской династии. Императоры играют роль харизматической личности не в силу своих личных достоинств, а благодаря своему статусу. Обожествление императора было связано с тем, что он символизировал вечность государства. Японские императоры обладают, заимствуя выражение М. Вебера, «наследственной харизмой». Очевидно, это послужило сохранению в конституции 1947 г. признания статуса императора как «символа государства и единства нации».

Отношения «религия и государство», «религия и власть», «религия и идеология», «религия и политика» – явление глобальное, которое надо рассматривать в контексте культуры разных народов. И все оценки в этой сфере нельзя абсолютизировать. Например, в России в условиях унитарного монархизма была лишь одна главная правящая церковь – православная, и к ней было приписано большинство населения. Она не была самостоятельной уже со времени татаро-монгольского ига, когда князья начали подчинять ее своей власти. Поэтому известный постулат «Богу – богово, а кесарю – кесарево» не мог быть применен к православной России. В Японии же при исходной достаточно тесной связи религии и государства буквально до середины XIX в. не было столь явно проявляющейся зависимости одной религии от власти. Возможно, в значительной мере это отражало двойственный характер самой власти: императорской, опирающейся на синто, и сёгунской – на буддизм.

Однако в условиях наметившегося разложения Токугавского сёгуната (середина XVIII в.) трудности, переживаемые обществом, связывались прежде всего с засильем чужеродной (китайской) культуры, в том числе с буддизмом. Выход из создавшегося положения нарождавшаяся контрэлита искала на путях восстановления подлинной императорской власти, возрождения национальных ценностей, признания уникальности отечественной культуры и нации вообще, усиления роли синто как духовной основы для формирования новой официальной идеологии. «В условиях почти непрерывных социальных и материальных изгибов жизни, конфликтности, разломов, смутной неясности будущего важно было иметь прочный нравственно-духовный фундамент, стержень, опираясь на который можно легче ориентироваться в калейдоскопе современности, не разрушаться, не мельчиться в сиюминутной суете»⁵. Эти слова специалиста по отечественной культуре Б.Ф. Егорова, сказанные им о России прошлого века, вполне можно отнести к Японии, искавшей в то же самое время пути выхода из структурного кризиса и сохранения национальной независимости при столкновении со странами Запада.

Вместе с тем политика японских правящих кругов по использованию религии и манипулированию ею в период от реставрации Мэйдзи до окончания второй мировой войны (прежде всего речь идет о государственном синто) дает негативный опыт, который может быть небезинтересен для многих стран в настоящее время. Когда после капитуляции Японии государственный синто был ликвидирован, удар был нанесен синто в целом. Он потерял свою жизненную силу, как это в послемэйдзийское время случилось с буддизмом, который на протяжении веков использовался правящей элитой как идеологическое орудие.

Новая официальная мэйдзийская идеология опиралась на принцип единства религиозного ритуала и управления (сайсэй итти), восстановленный сразу же по-

⁵ Из истории русской культуры. Т. 5 (XIX век). М., 1996. с. 166.

сле реставрации. Это был первый шаг на пути «соединения религии и государства». В основе этой идеологии преобладал религиозный аспект, выразившийся в утверждении государственного синто, ставшим духовным орудием возрождения власти императора, а затем политики милитаризма и агрессии. И это несмотря на то, что конституция 1889 г. гарантировала свободу вероисповедания, правда, с некоторыми оговорками. В статье 28-й говорилось: «Японские подданные пользуются свободой вероисповедания, если она не нарушает порядка и спокойствия и не наносит ущерба их обязанностям как подданным»⁶. Эта свобода означала защиту религии от государства. Подобное понимание было заимствовано из концепции религиозной свободы на Западе, где шла постоянная борьба за политическую власть между церковью и государством. В Японии же религия никогда не угрожала государственной власти (за редким исключением, например во время периодов Нара и Хэйан, когда буддийские монахи претендовали на политическую власть), что отражало конфуцианскую традицию с ее иерархической системой и приматом роли государства.

Идея государственного синто впервые была высказана в документе, подготовленном в 1871 г. министерством религиозного образования, в котором выдвигался тезис «святилищам – государственное вероисповедание». «Соединение этого тезиса со структурой государства, – по мнению крупнейшего современного специалиста по истории синто Корэмару Сакамото, – есть ядро процесса формирования государственного синто»⁷.

В государственном синто в отличие от народного именно идеологическая сторона была главной. Возрождение синто (на многие годы отодвинутого на задний план буддизмом) преследовало не только собственно религиозные цели. Основанный на территориальном принципе адептов, синто содействовал реализации политических целей по сплочению нации и укреплению японской государственности на основе религиозного сознания. Это была поддержка государства религией. Из синто были особо выделены ритуалы, связанные с императором и им был придан характер государственных актов. Тем самым выхолащивалась религиозная составляющая синто. Государственный синто стал не более чем этическим культом поклонения божественным предкам, что способствовало подъему национализма в конце прошлого века. Признавая свободу вероисповедания, государство в то же время оказывало поддержку государственному синто как общенациональному культу (это противоречие было снято лишь после окончания второй мировой войны).

В новой правительственной структуре были учреждены два органа по делам религии: один, ведающий синтоистскими святилищами (дзиндзякёку – досл. от-

⁶ Японцы о Японии. Спб., 1904, с. 531

⁷ Сакамото Корэмару. Кокка синто кайсэй катэй-но кэнкю (Исследование процесса формирования государственного синто) Токио, 1994, с. 20

дел по делам синтоистских святилищ), которые строго ранжировались; другой – всеми остальными конфессиями (сюкёкёку – досл. отдел по делам религий), в отношении которых проводилась дискриминационная политика. Государственный синто официально был поставлен над всеми религиями. Лишь он играл основную роль в национальных ритуалах и этике. Это было его эксклюзивным правом. Храмам высшей категории было даже запрещено заниматься отправлением повседневных служб. Все это превращало синто в государственную структуру. Моральное воспитание в школах (обязательный предмет согласно императорскому рескрипту о воспитании 1890 г.) сводилось к усвоению религиозных догматов. В 1900 г. и дзиндзякёку и сюкёкёку были отнесены к юрисдикции министерства внутренних дел, а в 1913 г. отдел по делам религий был передан в ведение министерства просвещения, что еще больше отделяло государственный синто от религии как таковой. Организации государственного синто получили статус «общественных юридических лиц». Другие храмы и секты смогли получить статус «частных юридических лиц» лишь в 1939 г. с вступлением в силу Закона о религиозных организациях. Этот закон давал возможность государству манипулировать принципом свободы религии. Произошло полное подчинение религии государству. Можно провести некоторую параллель со знаменитой российской триединой формулой «православие, самодержавие, народность».

В лице государственного синто проявилась своего рода суррогатная религия (квазирелигия). Из синто был взят лишь нужный в то время правящей элите культ извечного существования императорской династии. В конституции 1889 г. прямо было записано: «Японская империя должна управляться и над ней должна царствовать непрерывная во веки веков линия императоров... Император есть лицо священное и неприкосновенное»⁸. Один из создателей новой Японии Хиробуми Ито (1841–1909) полагал, что и буддизм и синто утратили свою власть как религии и не могут быть духовной опорой нации. Эта роль отводилась императору. Ито писал: «Император ведет свое происхождение от неба; его происхождение священо и божественно; он поставлен выше всех своих подданных. Он должен быть чтим и неприкосновенен»⁹.

Подобные взгляды разделяло подавляющее большинство политиков того времени. Значимость императора в духовной жизни общества, который по-прежнему оставался первосвященником синто, можно сравнить с влиянием христианства в странах Запада. Некоторые специалисты не без основания расценивают возвеличивание культа богини солнца Аматэрасу – «прародительницы императорской династии» (как своего рода христианизацию синто¹⁰, т.е. пре-

⁸ Японцы о Японии, с. 530.

⁹ Там же, с. 34.

¹⁰ Бунгэй синдзю. 1995, июнь, с. 38.

вращение его как бы в монотеистическую религию. Однако модернизация страны, усвоение ею достижений западной цивилизации, которую формировало христианское мировоззрение, шло как раз без принятия самого христианства. Модернизирующееся японское общество, имевшее свою духовную основу – государственного синто, не нуждалось в христианстве.

Превратив синто в инструмент государственной политики, что шло вразрез с адаптивным религиозным сознанием японцев, правящая элита создала тем самым серьезные трудности для всех религиозных течений в послевоенный период. Выделение одной религии нарушило сложившиеся веками связи государства с синто и буддизмом, баланс между этими двумя религиями. Более того, это затронуло сами верования японцев, которые на уровне подсознания равно воспринимали обе религии, поставив их перед необходимостью выбора. Однако такая политика государства не могла разрушить древнюю традицию сосуществования религий. Иными словами, история не подвластна никаким правительственным указам. Тем не менее они, безусловно, оставили рубец в душе японцев.

Кардинально изменила и юридически закрепила новые отношения религии и государства конституция 1947 г. Еще до ее принятия, 4 октября 1945 г. в соответствии с Потсдамской декларацией Штаб оккупационных войск издал директиву о ликвидации ограничений политических, гражданских и религиозных свобод, а в декабре того же года – «Об отмене государственного покровительства, увековечивания, руководства и распространения государственного синто», в которой говорилось о полном отделении синто от государства, о его равноправии с другими религиями и о свободе адептов принимать участие в тех или иных синтоистских обрядах, т.е. народный синто сохранялся. Последней директивой представителям государственной системы всех уровней запрещалось посещение синтоистских храмов и отправление там служб как представителям власти. В соответствии с этой директивой правительство издало указ об изменении Закона о религиозных организациях и учреждении религиозных юридических лиц (была ликвидирована иерархия святилищ и все они стали юридическими лицами), а затем аннулировало и все законодательные акты, касающиеся синто¹¹. В 1946 г., после изменения довоенного закона о религиозных организациях, они получили статус религиозных юридических лиц и перешли в ведомство министерства просвещения. Тем самым святилища государственного синто законодательно уравнивались с другими религиозными организациями.

В статье 20-й конституции указывалось: «Свобода религии гарантируется для всех. Ни одна из религиозных организаций не должна получать от государства никаких привилегий и не может пользоваться политической властью. Никто не может принуждаться к участию в каких-либо религиозных актах, празднествах, церемониях или обрядах. Государство и его органы должны воздерживаться

¹¹ Цунэтада Маюми. Синто-но сэкан (Мир синто). Осака, 1994. с. 209

ваться от проведения религиозного обучения и какой-либо иной религиозной деятельности». В статье 89-й было записано: «Никакие государственные денежные средства или иное имущество не могут ассигновываться или предназначаться для использования, выгоды или содержания какого-либо религиозного учреждения или ассоциации или для каких-либо благотворительных, просветительских или филантропических учреждений, не находящихся под контролем публичных властей»¹².

Таким образом, конституция юридически закрепляла принципы свободы вероисповедания, отделения религии от государства. И это было действительным отделением в отличие от «первого отделения», когда мэйдзийское правительство отказалось от поддержки бывшей государственной религии – буддизма и заменила ее квазирелигией – государственным синто.

Отринув теократические принципы довоенной системы, конституция 1947 г. дала простор развитию индивидуализма, как базы построения нового общества. Новая конституция и особенно ее статьи, касающиеся религии, стимулировали поиски духовного обновления и не в последнюю очередь осознание преступных деяний японских милитаристов, чья идеология покоилась на государственном синто.

В результате был поставлен барьер между общественной, политической жизнью и частной – религиозной, что сказалось в дальнейшем на отношении японцев к вопросам веры. В настоящее время большинство из них признают ее делом сугубо личным, интимным, а потому зачастую считают вопросы об их принадлежности к той или иной конфессии незачастыми и даже бестактными. Японцы практически не интересуются и не придают значения тому, какую веру исповедует, тот или иной политический деятель, в отличие от ситуации в западных странах. В частности, когда Такако Дои впервые в истории страны стала лидером Социал-демократической партии Японии, а затем спикером палаты представителей парламента, все японские средства массовой информации воздавали ей должное как женщине-политику столь высокого ранга, но нигде не упоминалось, что она христианка, в то время как на Западе этому уделялось значительное внимание. К слову сказать, среди политической элиты Японии не так уж мало христиан, прежде всего протестантов, но это никак не фиксируется и не влияет на их политическую карьеру.

На основе указа 1946 г. об изменении Закона о религиозных организациях в апреле 1951 г. был принят Закон о религиозных юридических лицах, так как необходимо было законодательно регулировать появление и исчезновение в послевоенные годы различных религиозных организаций и сект, а также привести Закон о религиозных организациях в соответствие с измененным Гражданским кодексом. Закон о религиозных юридических лицах предоставлял всем религи-

¹² Современная Япония М., 1973, с. 759, 760, 770.

озным организациям право владеть храмами и святилищами со всем их имуществом, заниматься хозяйственной деятельностью, а также в соответствии с положениями конституции запрещал всем органам государственной власти вмешиваться в дела отправления служб и других религиозных действий; административные меры могли быть оправданы лишь в случае угрозы общественному порядку и необходимости предупреждения противоправных действий (гл.1, ст.1). Таким образом, утверждался принцип самоуправления всех религиозных организаций. Это шло вразрез с традицией государственной политики в отношении религии, ибо на протяжении многих веков (с 701 г., когда был введен земельный кодекс, до 1945 г.) религиозные организации всегда использовались в интересах государства. Они находились под контролем государства и одновременно под его защитой.

Согласно закону под определение религиозной организации подходили различные школы или секты (хокацу сюкё дантай) и связанные с ними святилища, храмы, церкви и разные миссионерские группы (гл.1, ст.2), которые выступали как первичные организации. И те и другие могли стать юридическими лицами, для чего надлежало подать заявление для получения лицензии в соответствующие инстанции: в департамент культуры министерства просвещения на имя министра или префектуральные управления на имя губернаторов¹³.

По состоянию на 1993 г. 373 религиозные секты, являющиеся юридическими лицами, относились к юрисдикции министерства просвещения. С ними были связаны 173 тыс. святилищ, храмов, церквей и других религиозных групп со статусом юридического лица и 47 тыс., которые не имели этого статуса. Под юрисдикцией префектуральных управлений находилось 42 секты, которые насчитывали 272 юридических лица и 154 религиозные организации без этого статуса. Кроме того, в ведении префектуральных управлений находилось 598 святилищ и храмов, которые будучи юридическими лицами, представляли секты, не являющиеся таковыми, а также около 6 тыс. независимых религиозных юридических лиц (т.е. не входящих в секты или школы). Таким образом, к середине 90-х годов в стране существовало 425 школ и сект (в том числе 15 буддийских), объединяющих около 200 тыс. религиозных юридических лиц¹⁴. К тому же храмы и святилища в большинстве своем являются членами различных Ассоциаций на местном и национальном уровне (например, Религиозная лига Японии – Нихон сюкё рэммэй или Национальный христианский совет – Нихон кирисутокё кёгикай), но эти организации не имеют статуса юридического лица¹⁵.

¹³ Роппо дзэнсё (Свод законов). Токио, т. 1, 1968, с. 59.

¹⁴ Сюкё нэнкан (Ежегодник по проблемам религии. 1990–1995). Токио, с. 24.

¹⁵ Japanese Religion. Tokyo, 1981, p. 169, 170.

Закон 1951 г. предусматривал роспуск религиозных юридических лиц по следующим причинам: желание той или иной организации; слияние нескольких организаций; лишение лицензии; банкротство; роспуск по решению суда; ликвидация секты, к которой относится юридическое лицо. Однако сама процедура роспуска была определена нечетко (к слову сказать, формулировки в японских законах вообще достаточно туманны и дают возможность их широкого толкования).

Этот закон был достаточно либеральным. Во-первых, он отражал конфуцианское понимание отношений государства и религии, которые никогда не были соперниками в борьбе за власть, как это было на Западе. Во-вторых, он был продуктом своего времени – периода демократизации страны, когда взхлеб воспринимались западные ценности, и свобода понималась как абсолютное отсутствие государственного вмешательства и контроля.

Практически до разоблачения в 1995 г. буддийской секты АУМ синрикё этот закон не вызывал нареканий в обществе, хотя оно очень внимательно следит за взаимоотношениями религии и государства, чутко реагируя на попытки нарушения соответствующих статей Основного закона. Серьезные дискуссии и противодействия, например, вызвали возрождение в качестве официального праздника довоенного Дня основания империи, связанного с культом императора (было изменено лишь название – «День основания государства»); восстановление традиции посещения официальными лицами святилища Ясукуни, а также соблюдение некоторых синтоистских ритуалов при вступлении на престол нынешнего императора Акихито, которые преподносились как не религиозные, а государственные акты.

Наибольший резонанс в современном демократическом японском обществе получили официальные посещения Ясукуни премьер-министрами и членами их кабинетов, в которых усматривали попытку реанимировать довоенные духовные ценности государственного синто и нарушение провозглашенного конституцией принципа отделения религии от государства. Подобные шаги правительства вызвали чрезвычайно серьезное возмущение и протесты со стороны ряда азиатских стран, особенно жесткие со стороны КНР, поскольку в Ясукуни были обожествлены и души бывших военных лидеров Японии, осужденных как военные преступники Международным военным трибуналом. Это привело к тому, что правительство отказалось от участия в церемониях храма, оставив это на совести каждого политика. Но окончательно этот вопрос до сих пор не решен, свидетельством чему является создание в 1997 г. межпартийной группы депутатов парламента, выступающей за право официальных визитов в храм¹⁶.

Понимание проблемы свободы религии от государства, свободы вероисповедания и характера отношений индивидуума и религиозной организации, т.е.

¹⁶ The Asahi Evening News. 21 05.1997.

укоренения принципа свободы религии в японском обществе, высветил достаточно показательный инцидент с обожествлением военнослужащего сил самообороны, погибшего при исполнении служебных обязанностей¹⁷. Суть инцидента состояла в том, что этот военнослужащий по инициативе Ассоциации сил самообороны преф. Ямагути был обожествлен в местном «святилище защиты отечества» («гококу дзиндзя»), т.е. стал божеством, что представляет само по себе религиозный акт. Это было сделано вопреки воле его жены – христианки, в то время как для других его родственников это была великая честь. Она опротестовала решение в суде, расценив его как нарушение статьи 20-й конституции и вмешательство государства в дела религии. Районный и префектуральные суды поддержали ее иск, но верховный суд отменил их решения и признал законным действия ассоциации, ибо она выступала не от лица государства. Поддержка же ассоциации местным руководством сил самообороны была расценена, как направленная на поднятие престижа военнослужащих и не имевшая религиозного характера. Более того, отмечалось, что «свобода религии» означает свободу от навязывания той или иной религии по своему желанию, и поэтому храм был волен обожествить этого военнослужащего, точно так же, как его жена – исповедовать христианство. В данном случае именно от нее требовалась терпимость в отношении действий синтоистского святилища. Верховному суду не раз приходилось рассматривать дела, трактуемые как нарушение статьи 20-й конституции. В большинстве случаев в его решениях не усматривалось нарушений Основного закона и обосновывались они существующими обычаями.

Это еще раз показывает, что западное понимание свободы религии, которое было после войны привнесено в японское общество, еще органично не вошло в национальную культурную традицию, сформированную содружеством религий. Поэтому японское общество не считают подлинно светским в западном понимании. Подобные инциденты, а также антиобщественная деятельность религиозных организаций, например АУМ синрикё, под прикрытием религии, а также вмешательство религиозных организаций в политику послужили основными причинами пересмотра Закона о религиозных юридических лицах 1951 г.

Критика этого закона, развернувшаяся в 1995 г., затрагивала процедуру выдачи лицензий на учреждение религиозных организаций и методы контроля за их деятельностью. Это касалось работы местных органов власти и министерства просвещения, которые курируют данные организации. Однако реально у них не было серьезной возможности контролировать все религиозные юридические лица. Более того, не только административные органы, но и полиция и суды практически не вмешивались в деятельность религиозных организаций, смотрели сквозь пальцы на отдельные противоправные действия. Это оправдывалось принципом невмешательства государства в дела религии, что и сделало воз-

¹⁷ Japan Quarterly 1988, October–December, p. 358, 359.

возможным появление таких экстремистских сект, как АУМ синрикё. Таким образом, стала очевидной необходимость внесения поправок в Закон о религиозных юридических лицах.

Осенью 1995 г. Специальная комиссия Совета по делам религиозных юридических лиц при министерстве просвещения подготовила рекомендации, которые и легли в основу проекта поправок к закону 1951 г. Они предусматривали усиление контроля за деятельностью религиозных юридических лиц. В частности, им вменялось в обязанность ежегодно предоставлять соответствующим органам власти, а также верующим и другим заинтересованным кругам финансовые документы для проверки. Предлагалось передать большую часть религиозных организаций, имеющих филиалы в нескольких префектурах, в ведение центральной власти, т.е. министерства просвещения. Более того, отчета можно было потребовать в случае возникновения сомнения относительно характера их деятельности. Исправленный закон вступил в силу в декабре 1996 г.

Японский тип отношений религии и государства в определенной степени можно сопоставить с французской моделью, которая по сравнению с другими европейскими странами наиболее бескомпромиссно, жестко соблюдает принцип отделения религии от государства. В других странах Западной Европы, в частности в Германии, существует, например, налог на церковные нужды (его платят не по обязанности, а по моральному долгу, но это делает большинство), в США президент при вступлении в должность клянется на Библии, а в сенате и конгрессе так же, как и в военных академиях, есть свои священники. Это уже не столько религиозность, сколько традиция.

Религиозная жизнь сегодняшней Японии определена теми изменениями, которые произошли в социально-экономической структуре общества после второй мировой войны. Немаловажное значение имело отделение церкви от государства, а также потеря храмами их материальной базы. Наиболее чувствительный удар, как уже говорилось, был нанесен синтоистской общине из-за государственного синто. Объединения жителей локальных обществ было запрещено поддерживать синтоистские святилища (вспомним, что именно они были организующими центрами жизни квартала, поселка, деревни). Положение буддийских храмовых комплексов было серьезно подорвано аграрной реформой, которая лишила их значительной земельной собственности. Наиболее сильно пострадали мелкие и средние сельские храмы, поскольку они владели пахотной землей. Крупные это затронуло в меньшей степени, ибо они имели в основном площади под культовыми постройками и много лесных угодий. В ходе реформы правительство продало им и часть государственных земель, которые они стали использовать в коммерческих целях. Это привело к поляризации храмов традиционных школ буддизма. Но самым главным, что ослабило прежние позиции храмов, была урбанизация. Именно она вызвала к жизни огромные миграционные потоки, которые рвали прежние социальные связи. Согласно дово-

енному Гражданскому кодексу семья рассматривалась как корпоративное юридическое лицо. И храмы опирались на семью как на юридическое лицо. Изменение Гражданского кодекса, подорвавшего семейную систему, значительно снизило значимость храмов.

Послевоенная политика правительства в отношении религии негативно сказалась на положении буддизма и привела к распространению так называемых новых религий в основном буддийского толка. Упрощение процедуры регистрации религиозных организаций на основе закона 1951 г. стимулировало дробление довоенных буддийских сект, ослабило связи головных храмов с их филиалами. В большинстве случаев это было вызвано экономическими причинами, а не расхождениями в толковании догматов.

В условиях ослабления позиций двух главных религий в общественной жизни страны большое значение и влияние приобрели новые религии, которые сумели приспособить свою догматику и организацию к современной действительности. О них стоит упомянуть, ибо их деятельность вновь привлекла внимание к проблеме отношений государства и религии. По большей части – это религиозные организации нитирэнзовского толка. Современным японцам импонирует идея средневекового великого проповедника Нитирэна (XIII в.) о том, что приверженность «истинной вере» (своеобразное толкование сутры Лотоса) является главной предпосылкой спасения от бед не только индивидуума, но и общества в целом. Это придает как бы демократический характер его учению. Свойственный этой школе буддизма неподдельный интерес к действительной жизни соответствует прагматическому отношению японцев к религии вообще.

Примерно половина всех религиозных организаций в стране относится к новым религиям, число адептов которых составляет ¼ числа верующих, но активность первых намного превосходит инициативность приверженцев всех других конфессий. Активность, напористость, динамизм привлекают в ряды новых сект значительное число последователей. Известный специалист по проблемам религии Нобуюки Кадзи замечает по этому поводу: «Новые религии полны энтузиазма...Они действуют очень энергично, что относится как к их лидерам, так и к последователям. Но, когда организация достигает определенного предела, энтузиазм спадает и люди начинают разочаровываться в ее деятельности. На этом фоне возникают новые организации и приверженцы старых переходят к ним. Тем самым энергичные новые религии постоянно воспроизводят сами себя и завоевывают новых приверженцев»¹⁸. В своей деятельности новые религии опираются прежде всего на массы верующих, а не на священнослужителей. Степень веры каждого адепта определяется числом «завербованных» им. Успе-

¹⁸ Кадзи Нобуюки. Тиммоку-но сюкэ: Дзикэ (Конфуцианство – молчаливая религия). Токио 1994, с. 11.

ху распространения новых религий в немалой степени способствуют и социопсихологические особенности японцев и прежде всего их тяга к группизму.

Общей характерной чертой практически всех новых религий является эклектичность, что, безусловно, уходит корнями в японскую религиозную традицию (вспомним хотя бы синто-буддийский синкретизм). Адаптивное религиозное сознание населения содействует в немалой степени их распространению. На это же работает упрощенность процедуры приобщения к ним и вообще всей обрядности, а также приспособление догматов к изменяющимся запросам верующих. Основой религиозной практики новых религий является обращенность к житейским проблемам верующих, а идея спасения в загробной жизни отодвинута на задний план. В результате создается иллюзорная возможность «получения» ответов на мучающие людей вопросы.

Из арсенала практики традиционных религий новые взяли на вооружение магию (шаманство). Этим в основном занимаются так называемые «новые религии», которые больше внимания уделяют не обновленчеству, а магии, мистике и вере в чудеса. К ним тянется та молодежь, которую отпугивает строгая дисциплина других религиозных организаций. Среди таких религий можно назвать Агон сю (создана в 1978 г.), с которой одно время был связан Сёко Асахара – основатель секты АУМ синрикё (настоящее имя – Тидзуо Мацумото).

Многие организации новых религий возглавляются харизматической личностью. Достаточно назвать Сока гаккай с Икэда Дайсаку¹⁹. В то же время они очень современны: широко используют в своей деятельности достижения науки и техники, средства массовой информации (все мы могли слушать по радио и видеть по телевидению проповеди «божественного учителя» Сёко Асахара), не чураются рекламы. Большинство организаций новых религий располагают хорошей издательской базой, владеют предприятиями и фирмами²⁰.

В отличие от традиционных некоторые организации новых религий не только проявляют интерес к политике, но и активно ею занимаются. Наибольшего успеха на этом поприще добилось Сока гаккай, создавшее собственную политическую партию – Комэйто. Однако, поскольку создание клерикальных партий не лежит в русле японской религиозной традиции, то достаточно быстро эта партия заявила о своей независимости от Сока гаккай, хотя основной ее электорат – адепты этого общества.

Очень часто общественное мнение в Японии склонно расценивать адептов новых религий как необразованных, более того, невежественных людей. На самом деле многие из них имеют хорошее образование, занимаются интеллектуальным трудом, но, не находя удовлетворения в традиционных религиях, идут

¹⁹ См., например: Державин И. К. Сока гаккай. Комэйто. М. 1972.

²⁰ О новых религиях см. подробнее: Буддизм в Японии. М., 1993, с. 324–359; *Известно вич А. Н. Светлов Г. И.* Лотос и политика. М., 1989.

по пути обновленчества. Однако этот путь, как показали события с сектой АУМ синрикё, может быть весьма опасным.

Внимание японской общественности было впервые привлечено к этой секте в конце 80-х годов в связи с возбуждением полицией дела об убийстве адвоката Цуцуми Сакамото, который занимался расследованием исчезновения семьи одного адепта этой секты. Глава секты – Сёко Асахара – личность незаурядная. Несмотря на физическую ущербность, он с детства воспитывал в себе черты лидера, был образован не только религиозно, но и светски. В руководстве секты, которая представляла собой хорошо структурированную организацию, было достаточно много людей с высшим образованием, в том числе окончивших такие престижные университеты, как Токийский или Кэйо. Этот факт породил в японском обществе миф о принадлежности лидеров АУМ синрикё к элите. На самом деле это была отнюдь не элита. Честолюбивые, амбициозные, они были недовольны своим положением в обществе, что в значительной мере толкнуло их к экстремизму. Этому же способствовала и претензия на создание доктрины, которая содержала идею отрыва индивидуума от семьи. Все это несло угрозу стабильности в обществе.

После провала политических притязаний АУМ синрикё (кандидаты секты не прошли в палату представителей на всеобщих выборах в 1989 г.), первых полицейских расследований ее деятельности Асахара под влиянием «Откровения Иоанна Богослова» стал разрабатывать свои эсхатологические концепции, приведшие к инцидентам с газом зарин. Следует заметить, что деятельность этой секты находилась в поле зрения полиции, но в силу достаточно либерального Закона о религиозных юридических лицах 1951 г. она не предпринимала активных действий, опасаясь обвинений во вмешательстве во внутренние дела секты.

После инцидента 20 марта 1995 г. в токийском метро, когда адепты секты АУМ синрикё распылили на станции «Касумигасэки» газ зарин, в результате чего пострадало несколько тысяч человек, правительство решило применить положение Закона о предотвращении подрывной деятельности о роспуске организаций (что не наблюдалось со времени принятия этого закона в 1952 г.) по отношению к АУМ синрикё. Однако полиция заняла осторожную позицию, считая необходимым получить более веские доказательства²¹.

В январе 1996 г. в соответствии с Законом о религиозных юридических лицах было предложено распустить эту секту и придать ей статус частной организации, не контролируемой и не защищаемой этим законом. Однако после многих месяцев слушаний дела об АУМ синрикё комиссия независимых экспертов при министерстве юстиции в январе 1998 г. отклонила запрос правительства о возможности ее роспуска, объясняя это тем, что после ареста ее лидеров она не представляет опасности для общества. Секта опять ведет активную работу по

²¹The Daily Yomiuri. 23.10.1997

привлечению новых адептов, по-прежнему используя так называемую интенсивную, доктринальную тренировку²². И это несмотря на то, что Асахара грозит смертная казнь через повешение. К слову сказать, министр юстиции К. Синоинаба выразил сожаление, что суд над ним так затягивается. Более того, в Интернете до сих пор существует страничка с проповедью Асахара. Согласно данным Главного полицейского управления, на сегодняшний день секта насчитывает около 2 тыс. членов и около 10 тыс. сочувствующих, а также располагает 20 различными объектами. В свое время свыше 400 членов секты было арестовано по различным обвинениям, но подавляющее большинство из них было освобождено и более половины вновь вернулось в секту и продолжает активно работать.

Пока правительство решает, кто возьмет на себя ликвидацию имущества секты (в частности, демонтаж завода по производству зарина в г. Камикусики и преф. Яманаси), АУМ синрикё приобретает новую недвижимость (конфисковано 30 строений, вновь приобретено 20). На принадлежащих ей предприятиях работает более 200 членов секты; все зарабатываемые ими деньги передаются в общую кассу. По данным полиции, доходы некоторых предприятий АУМ синрикё исчисляются несколькими миллионами долларов в год. В частности, объем продаж ее фирм, связанных со сбытом информационной техники (секта имеет дискаунтный магазин в знаменитом районе Токио Акихабара), составил в 1997 г. 4 млрд. иен.

В третью годовщину инцидента в токийском метро премьер-министр Рюта-ро Хасимото возложил букет белых хризантем около мемориальной доски на станции Касумигасэки, а министр юстиции заявил о том, что его министерство будет готовить новый пакет законов, направленный на предотвращение подобных преступлений²³.

АУМ синрикё бросила вызов религиозной традиции японцев и нанесла моральный удар по религии в целом. Не удивительно, что в 1995 г. сократилось число тех, кто причислял себя к верующим. Обозреватель «Асахи симбун» назвал эту секту, по структуре и управлению похожую на компанию, «карикатурой на индустриальное общество»²⁴. Возможно, что он не так уж и не прав. Само японское общество, переживающее серьезные экономические трудности и заметные перемены в политической системе, с усилением абсентеизма, потерей интереса избирателей к партиям в целом, размытием старой системы трудовых отношений по мере роста индивидуализма, дает для этого достаточно весомые основания. Но надо полагать, что, как свидетельствует опыт предшествующих тысячелетий, религиозное чувство, религиозное сознание не исчезнут, пока жив человек.

²² Ibidem, 21.03.1998.

²³ Ibidem, 20.03.1998..

²⁴ Асахи симбун. 19.05.1995

Япония и Латинская Америка – на пути к взаимовыгодному сотрудничеству

Д.А. Стапран

Что связывает Японию – островное государство площадью 370 тыс. кв. км и Латинскую Америку – гигантский материк, простирающийся на 20 млн. км? И вообще правомочно ли говорить о связях отдельно взятой страны и целого региона?

Идентичность экономик стран Латинской Америки, этническая и культурная общность, общая история и общие насущные проблемы, высокая степень экономической интеграции (Андская группа – Боливия, Колумбия, Эквадор, Перу, Венесуэла; общий рынок Южного конуса (МЕРКОСУР) – Бразилия, Аргентина, Парагвай, Уругвай, Боливия и Чили); достаточная степень политической интеграции в рамках группы Рио (куда входит большинство латиноамериканских стран) и Организации американских государств (ОАГ) дают весомые основания не только рассматривать регион в целом, но и говорить об общей экономической политике Японии по отношению к странам Латинской Америки. Наряду с ними следует обратить внимание на Мексику, как в силу перечисленных выше причин, так и в качестве связующего звена между латиноамериканскими странами и Соединенными Штатами Америки, а также на некоторые страны Карибского бассейна, хотя бы по той причине, что подавляющее большинство статистических изданий дает сводные данные для стран Латинской Америки и Карибского бассейна.

К сожалению, в настоящее время отношения Японии со странами Южноамериканского материка практически не исследуются, в то время когда ее связям со странами Юго-Восточной Азии (ЮВА), с Соединенными Штатами

странами Европы и Россией уделяется пристальное внимание. Хотя на самом деле основные показатели двусторонних экономических отношений Японии и стран Латинской Америки свидетельствуют о достаточно интенсивном их развитии и выявляют картину крайней заинтересованности сторон в углублении этого процесса. Поэтому бытующее среди современных политиков и некоторых ученых мнение о неприоритетности латиноамериканского региона для Японии и о второстепенной роли их двусторонних связей навряд ли можно назвать состоятельным.

Латиноамериканские страны, выйдя из экономической стагнации и политической нестабильности «потерянного десятилетия 80-х годов», которое характеризовалось повсеместной инфляцией и экономическим спадом, огромной внешней задолженностью региона (420 млрд. долл. в 1990 г.) и не до конца изжитыми последствиями экономической политики импортозамещения, укрепили свои позиции, и сейчас их экономики занимают одни из первых мест по темпам роста в мире (в 1997 г. – 5,2%¹), уступая лишь странам ЮВА. Валовой внутренний продукт региона достиг 1,5 трлн. долл. (5% мирового ВВП) по сравнению с 10 трлн. ВВП 15 стран ЕС, 7,2 трлн. США и 5 трлн. Японии². На долю Латинской Америки приходится 18% запасов нефти, 50% черных и легирующих металлов, 25% цветных металлов и 35% редких и рассеянных элементов, т.е. основных сырьевых ресурсов «капиталистического мира»³. Богатый природными и людскими ресурсами регион с огромным экономическим потенциалом имеет для сильной в финансовом отношении, но обделенной полезными ископаемыми Японии очень большое значение.

Помимо непосредственной торговли с латиноамериканскими странами, Япония также рассматривает регион (что даже более важно) как плацдарм для наступления на рынок США. Размещая свои производства в Латинской Америке, она использует льготный тарифный режим в торговле США с латиноамериканскими странами. Сегодня Латинская Америка – это также регион, достаточно выгодный для инвестиций, и японские фирмы активно занимаются вложением своих капиталов в экспортноориентированные отрасли производства.

Япония имеет и политическую основу сотрудничества со странами Латинской Америки, распространяя свою «Тихоокеанскую концепцию» и на побережье Южно-американского материка. Следуя концепции, она поддержала вступление в АТЭС Мексики (1994 г.) и Чили (1993 г.), а также Перу (1998 г.). Япо-

¹ The Economist. 21-27.03.1998, p 91.

² Statistical Abstract of Latin America. Vol. 32, 1996, UCLA.

³ К сожалению, отсутствуют сводные данные о ресурсном потенциале Латинской Америки в мировом масштабе. Данные приводятся согласно последнему выпуску справочника «Латинская Америка» за 1991 г. Но даже они дают возможность представить картину природных богатств региона.

ния заинтересована в политической стабильности в регионе, что является залогом выгодного полноценного экономического сотрудничества.

Страны Латинской Америки, в свою очередь нуждаются в японских инвестициях и кредитах – необходимой составляющей подъема национальных экономик, а также в новейших технологиях, следующих за переносом современных производств Японии на Южно-американский материк.

Следовательно, взаимовыгодность отношений и соответственно взаимозаинтересованность стран Латинской Америки и Японии очевидны. История японо-латиноамериканских отношений двух последних десятилетий, и особенно 90-х годов, дает возможность понять, в чем конкретно проявляется подобная заинтересованность. Эти отношения чрезвычайно многогранны и, помимо экономической и политической составляющих, включают в себя и этнический компонент – весьма значительную японскую диаспору, проживающую в латиноамериканских странах. При анализе всех аспектов связей Японии и Латинской Америки четко просматривается приоритет экономических отношений (торговля, прямые инвестиции Японии в страны региона, проблема долгового бремени этих стран и отношение к ней Японии, официальная помощь развитию) по сравнению с политическими, которые в основном обслуживают экономические интересы.

Поскольку основой экономических связей всегда является торговля, то рассмотрение всей совокупности японо-латиноамериканских экономических отношений следует начать именно с нее.

Торговые отношения Японии со странами Латинской Америки в 80 – 90-е годы можно разделить на два периода: первый – 80-е годы, когда наблюдались незначительные темпы роста торговли, а в ряде случаев даже спад; второй – 90-е годы, когда с улучшением экономической ситуации в латиноамериканских странах улучшались и показатели их торговли с Японией.

В 80-е годы имели место негативные тенденции в японской внешней торговле со странами региона. В первую половину 80-х годов сократился экспорт Японии в Латинскую Америку – с 8,4 млрд. долл. в 1980 г. до 7,4 млрд. в 1985 г., что определялось нехваткой валютных резервов у латиноамериканских стран, однако к 1990 г. он вырос до 9 млрд. долл. Некоторое улучшение наблюдалось в японском импорте из стран региона, который вырос с 5,6 млрд. долл. в 1980 г. до 9,4 млрд. в 1990 г. В то же время доля латиноамериканского региона в экспорте Японии снизилась с 6,5% в 1980 г. до 3,1% в 1990 г., тогда как его доля в импорте осталась на уровне 4%⁴. Однако некоторые страны Латинской Америки добились значительных успехов в торговле с Японией. Так, Бразилия за 1982–1990 гг. увеличила свой экспорт в Японию почти в 2 раза – с 1,6 млрд. долл. до 3,2 млрд. – за счет расширения поставок продукции черной металлур-

⁴ Данные согласно статистике японского министерства внешней торговли и промышленности.

гии и алюминиевой промышленности. Перу за еще меньший срок – с 1987 по 1991 г. – удалось увеличить свой экспорт в 3,5 раз, с 531 млн. до 1,9 млрд. долл.

Однако данные негативные тенденции были присущи торговле латиноамериканских стран со всеми странами мира, и если по абсолютным показателям доля Японии в торговле со странами Латинской Америки несколько снижалась, то ее относительные показатели (сравнительно с США и государствами-членами ЕС) увеличивались. На протяжении 80-х годов удельный вес Японии в экспорте продуктов питания латиноамериканских стран был практически равен доле США – 17–18%, а в экспорте прочей сельскохозяйственной продукции – 5–8% (доля, почти равная Западной Европе и в 3 раза, превышавшая долю США). Япония оставалась главным импортером минерального сырья, увеличив свой вес с 36% в 1980 г. до 42% в 1990 г. (по сравнению с 19,8% Западной Европы и 5,4% Соединенных Штатов). Доля Японии в импорте энергоресурсов из региона хотя и падала (с 25,3% до 18%), но по-прежнему оставалась на втором месте после США. Лишь в экспорте готовых товаров Япония занимала третье место⁵. В 1988 г. Япония обеспечивала себя за счет экспорта из Латинской Америки 19% нефти, 45% меди, 30% железной руды и цинка, 17% других металлов, а также 60% кофе и 14% сахара⁶.

Внутренняя структура торговли Японии с Латинской Америкой в этот период выглядела следующим образом. Основную часть импорта занимали сырьевые товары (сырье, продовольствие и минеральное топливо), хотя их доля снизилась с 73% в 1986 г. до 68% в 1990 г. На промышленные изделия, представленные в основном химической продукцией и цветными металлами (т.е. тем же самым сырьем, прошедшим лишь первичные стадии обработки) приходилось 32%, что больше соответствующей величины за 1986 г. на 7%. Лишь 4,1% из них являлись высокотехнологичными товарами. Однако доля последних постоянно росла, что было выгодно как для Японии, постепенно терявшей интерес к непереработанному сырью, так и для Латинской Америки, которая осознала неэффективность экспортно-сырьевой ориентации. Структура японского экспорта на протяжении всего периода не менялась. Он состоял на 90% из продукции тяжелого машиностроения и химической промышленности. Наиболее распространенными статьями экспорта, которые составляли около 80%, являлись суда, автомобили, телевизоры, а также продукция химических отраслей. Товары легкой промышленности занимали не более 4–5%⁷.

Ситуация резко изменилась с началом 90-х годов, которые стали своего рода рубежом в торговле Японии и Латинской Америки. Этому способствовал и

⁵ UNCTAD. Handbook of International Trade and Development Statistics (за соответствующие годы).

⁶ Journal of American Studies. Vol. 22, part 1./SOUTH, 1987, June

⁷ Trade Statistics (MOF) (за соответствующие годы).

достаточно активный экономический рост латиноамериканских государств, который достиг около 5,2% в 1997 г., и либерализация торговли (например, в Бразилии с 1990 по 1994 г. среднее значение таможенного тарифа снизилось с 45% до 14%, в Аргентине с 30% в 1990 г. до 13,9% в 1996 г., в Чили с 1979 г. оно стабильно составляло 11%⁸), и уже упоминавшееся принятие Чили, Мексики и Перу в АТЭС.

Сейчас Япония является вторым торговым партнером латиноамериканских стран после США. Латинская Америка во внешней торговле Японии занимает долю, равную 4–5%, и вполне может занять еще более весомое место в будущем. Сегодня Мексика, Бразилия, Чили, Аргентина и Панама – основные торговые партнеры Японии.

Ввиду перечисленных фактов японский экспорт в Латинскую Америку, находившийся на уровне 9 млрд. долл. в 1990 г., стремительно вырос до 19,7 млрд. в 1995 г. (4,45% общего объема японского экспорта). Однако из-за экономического кризиса в Японии, начало которому положил крах «экономического пузыря», он несколько снизился и составил 18 млрд. долл. в 1996 г. Импорт из Латинской Америки в Японию упал с 9,4 млрд. долл. в 1990 г. до 7,7 млрд. в 1993 г. Но его уровень был восстановлен и в 1995 г. составил 11,9 млрд. долл. (3,55% от общего японского импорта). В 1996 г. импорт снова снизился, но не значительно – до 11,5 млрд. долл.⁹

Во внутренней структуре торговли Японии и стран Латинской Америки по сравнению с 1990 г. произошли значительные изменения. В японском импорте из латиноамериканских государств доля товаров обрабатывающей промышленности составила 38%, доля сырья – 61,4% (28,8% – продовольствие, 27,5% – сырье, 5,1% – минеральное топливо), прочие товары – 0,6%. Рост доли товаров обрабатывающей промышленности свидетельствует об улучшении структуры латиноамериканского экспорта, так как это – один из показателей развитости экономики. Структура экспорта Японии в эти страны осталась неизменной. В 1995 г. 94,5% составили товары тяжелого машиностроения и химической промышленности, 4,2% – продукция легкой промышленности, 1,3% – прочие товары.

Пример внешней торговли свидетельствует о некотором расширении японского присутствия через рынки сбыта товаров в регионе Латинской Америки. Увеличение торгового оборота отвечает как интересам Японии, стремящейся экономическими инструментами усилить свое влияние в мире, так и интересам стран Латинской Америки. Последние стараются отойти от односторонней привязки к Соединенным Штатам, малейшее колебание в торговле с которыми может крайне пагубно отразиться на их экономиках. Не последнюю роль здесь иг-

⁸ Латинская Америка. 1998, № 3, с. 4-9.

⁹ White Book on Foreign Trade 1997, p. 334.

рает и более четкая и осторожная, нежели у США и Западной Европы, политика Японии по отношению к странам региона. И события недавнего времени подтверждают это – несмотря на ухудшение экономической ситуации в самой Японии, она, снизив свой экспорт, практически не снизила импорта из Латинской Америки, что, с одной стороны, увеличило положительное сальдо торгового баланса региона, а с другой – помогло предотвратить негативные последствия для экономик латиноамериканских стран.

Внешняя торговля для Японии – один из основных элементов усиления ее влияния на страны Латинской Америки и на мир в целом. Но в последнее время наиболее активно развивается *прямое инвестирование капиталов* за рубежом. В данном контексте речь пойдет только о прямых зарубежных инвестициях, так как именно они, в отличие от зачастую спекулятивного характера портфельных инвестиций способствуют экономическому развитию стран, в которые они направляются. Прямые инвестиции Японии постоянно растут и гораздо более стремительными темпами (66% в год за 1985-1990 гг.), чем общемировой показатель (28,9% за 1983-1989 гг.). Сейчас Япония занимает первое место в мире по их общему объему, который в 1996 г. составил 569 млрд. долл.¹⁰ (на настоящий момент их сумма равна приблизительно 750 млрд. долл.).

Инвестиционная деятельность Японии в Латинской Америке в рассматриваемый период велась достаточно активно: несмотря на кризис 80-х годов кумулятивный объем японских инвестиций вырос весьма заметно – с 6,1 млрд. долл. в 1980 г. до 40,5 млрд. долл. в 1990 г. В 90-е годы темпы роста капиталовложений еще больше увеличились, и в 1996 г. объем прямых инвестиций Японии в Латинской Америке составил 63,9 млрд. долл.¹¹ В результате латиноамериканские страны по абсолютной величине японских прямых инвестиций обогнали даже страны АСЕАН – 59 млрд. долл. по сравнению с 55 млрд. долл., по данным на 1995 г.

Если в абсолютном выражении в рассматриваемый период японские инвестиции в латиноамериканские страны росли, их доля в ежегодном объеме падала с 17,5% в 1979 г. до 11,5% в 1996 г.¹² Несмотря на относительное снижение доли Латинской Америки в общем объеме японских инвестиций, Япония превратилась в главного инвестора в регионе. По среднегодовым данным за 1985-1989 гг., ее доля в мировых прямых инвестициях в Латинскую Америку достигла 58%. Высокая степень зависимости национальных экономик от японского капитала, доминирующее положение которого по сравнению с капиталами других инвесторов очевидно, обеспечивает значительное влияние Японии в регионе, что позволяет ей чувствовать себя в роли относительного хозяина.

¹⁰ ASEAN Statistical Pocketbook. 1997, p. 61.

¹¹ Ibidem

¹² БИКИ. 11.10.1990

Структура японских инвестиций в страны Латинской Америки также имеет свои особенности. В 1994 г. 15% из них было направлено в производственную и 85% в непроизводственную сферы (в том числе 33% в финансовое и страховое дело и 32% в транспорт). Доля японских инвестиций в производственную сферу в Латинской Америке ниже их соответствующего общемирового показателя, что определяется отдаленностью Латинской Америки от берегов Японии и преобладанием деятельности японских торговых фирм, нежели производственных компаний.

Между тем географическое распределение японских инвестиций крайне неравномерно. Например, из 59 млрд. долл. прямых вложений, осуществленных Японией за 1951–1995 гг., 22,5 млрд. пришлось на Панаму, 9,9 млрд. на Каймановы острова, 4 млрд. на Бермудские острова и 3,8 млрд. на Багамы (в этих странах законодательство освобождает иностранные предприятия от налогообложения при совершении внешнеэкономических операций). Остальные инвестиции направлены в страны, среди которых ведущее место занимает Бразилия – 9,1 млрд. долл., затем следует Мексика – 3 млрд., Перу – 740 млн., Аргентина – 661 млн., Чили – 567 млн., Венесуэла – 523 млн. и Колумбия – 175 млн. долл.¹³.

Японский инвестиционный капитал играет существенную роль в отдельных отраслях экономик целого ряда латиноамериканских стран. Наиболее заметным является производство товаров и услуг в зонах либерального тарифного режима «макиладорас» в Бразилии и Мексике, где они образуют практически сплошной пояс вдоль границы с Соединенными Штатами. «Макиладорас» являются своеобразной лазейкой для японских корпораций, ищущих пути проникновения на североамериканский рынок. Ведь в США предусматривается пошлинная скидка на импортируемые из Латинской Америки товары, если для их производства использовалось американское сырье (в таких случаях пошлина взимается только со стоимости, добавленной на территории страны – производителя окончательной продукции). «Макиладорас» также привлекательны и низкими затратами на единицу труда (средняя почасовая оплата латиноамериканского рабочего в конце 80-х годов была в 1,5 – 2,3 раза ниже, чем в НИС ЮВА). Японским фирмам в 1989г. принадлежало 110 из 1600 таких производств¹⁴.

Япония активизирует проникновение своего капитала в Латинскую Америку путем создания новых организаций, занимающихся вывозом частного капитала. Так на рубеже 80–90-х годов под эгидой Кэйданрэн (Федерации экономических организаций Японии) была создана ДЖАЙДО (Японская организация для международного развития), под руководством которой были осуществлены проекты

¹³ Сэкай то Нихон-но кайгай тэкусэцу хиси. JETRO 1997. p. 517

¹⁴ БИКИ 11 10.1990

строительства целлюлозного комплекса в Бразилии, нефтехимических экспортоориентированных предприятий и гостиничного бизнеса в Мексике, добыча и обработка металлов в Аргентине¹⁵. Активизация идет и путем достижения соглашений с интеграционными группировками в Латинской Америке. Так было подписано соглашение между Андской группой и Японским институтом консалтинга, согласно которому страны, входящие в группу, будут получать консультационные услуги и технологии для осуществления различных проектов и программ развития¹⁶. Япония активно действует и через Международный инвестиционный фонд, созданный по инициативе Межамериканского банка развития. В 1992 г. она внесла туда 500 млн. долл. для политического и экономического развития стран Латинской Америки, а в 1993 г. – еще 1,2 млрд. долл.

Несмотря на незначительные колебания в тенденциях японских прямых инвестиций в Латинской Америке, их роль остается доминирующей в общем объеме иностранных инвестиций в регионе. Начало инвестиционной политике, безусловно, было положено правительственными капиталовложениями (такими, как целевые иенные займы и техническое содействие), за которыми последовали частные. Сейчас на примере Перу можно наблюдать процесс проникновения японского инвестиционного капитала в ускоренном варианте: вначале правительство, а также государственные и крупнейшие частные компании при поддержке правительства внедряют свой капитал, за которым идут более мелкие предприятия и компании.

Заметную роль играет Япония и в разрешении *проблемы долгового бремени* латиноамериканских стран. Как известно, в 1982 г. в мире разразился «долговой кризис» – 34 страны просрочили платежи по задолженности (среди них оказались крупнейшие должники из числа латиноамериканских стран – Аргентина, Бразилия, Чили, Эквадор, Мексика, Уругвай). К этому времени доля японских банков в долговых обязательствах региона составила 10%, тогда как доля США была равна 42%. Но сразу после долгового кризиса доля США в общем объеме кредитных средств, предоставленных Латинской Америке, стала падать, сократившись к середине 80-х годов до 31%, а доля Японии стала расти, достигнув 16% (причем она колебалась от 23,5% долговых обязательств Венесуэлы до 8,2% – Панамы). В итоге, к концу 90-х годов Япония обогнала США по объему долговых обязательств латиноамериканских стран¹⁷. В чем же причина такого развития ситуации?

Первая причина кроется в большей, чем в других странах, координации между японскими банками (в случае Латинской Америки – 28 банками, явившимися основными кредиторами латиноамериканских стран) и правительством,

¹⁵ Там же

¹⁶ БИКИ. 15.08.1989.

¹⁷ Там же.

что позволило Японии проводить скоординированное кредитование, а с началом долгового кризиса и более последовательную политику по его разрешению. Под давлением правительства в периоды 1973–1975 гг. и 1979–1980 гг. банки заморозили займы странам Латинской Америки; правительство же разработало и поддержало кредитные планы, в соответствии с которыми частные банки могли работать с определенной гарантией. В соответствии с этими же планами были осуществлены уже упоминавшиеся крупные нефтяные, металлургические и сельскохозяйственные проекты в Бразилии, Мексике и Перу. Наблюдалась координация и между самими банками, во главе которых, безусловно, стоял Банк Токио, так как он обладал наиболее полной информацией о состоянии дел в латиноамериканских странах, являлся основным кредитором и участвовал во всех конференциях в качестве основного представителя Японии. Банк Токио располагал 16 филиалами и двумя дочерними компаниями в восьми странах региона. Высокую степень координации подтверждает и тот факт, что в марте 1987 г. на Каймановых островах был создан консорциум из 28 японских банков с первоначальным капиталом в 280 млн. долл., который должен был скупить все долги японским банкам со скидкой в 20–30% и проводить в дальнейшем централизованную политику в отношении реструктуризации и возвращения долговых обязательств¹⁸.

Второй причиной является особый подход Японии к долговой проблеме. Поначалу она придерживалась американской политики в ее решении, суть которой была отражена в «Программе обеспечения устойчивого роста», более широко известной как «План Бейкера» (1985 г.). Согласно плану частные и международные банки, а также промышленно развитые страны совместно участвовали в кредитовании 15 должников среди развивающихся стран, основными из которых были страны Латинской Америки. Средства должны были использоваться для осуществления структурных преобразований в экономиках стран-дебиторов и создания условий для выплаты ими долга или обязательств по нему. Однако даже тогда Япония в отличие от американских банков, которые после начала долгового кризиса в срочном порядке стали вывозить свой капитал из региона, в 1984 г. дала отсрочку выплаты задолженности пяти латиноамериканским странам и трижды предоставляла займы Чили для выплаты долга другим государствам.

С углублением долгового кризиса США постоянно требовали от Японии предоставления все больших и больших заемных средств, а последняя взамен — большей самостоятельности в проведении собственной политики по преодолению этого кризиса. Япония еще в 1988 г. сделала попытку отойти от политики США в связи с фактическим провалом «Плана Бейкера». На встрече комиссии МВФ К. Миядзава изложил позицию Японии, согласно которой обеспечение

¹⁸ Journal of America Studies Vol. 22, part 1/SOUTH, 1987, June

экономического роста должно стать основной целью, достигнув которую можно было увеличить возможности развивающихся стран по обслуживанию долга. В отличие от США, которые придерживались политики простого возвращения своих средств, Япония понимала необходимость обеспечения экономического роста стран-дебиторов как единственно возможного выхода из подобной ситуации.

США вначале отвергли этот план, но, осознавая неэффективность прежней стратегии, пошли на изменения. В 1989 г. был принят «План Брейди», или «Новая стратегия в отношении долга», который включал основные предложения К. Миядзава и в принципе признавал возможность безвозвратного погашения части долга. Японские банки сразу же поддержали «План Брейди». Так Япония с присущей ей тактичностью, без скандала, добилась своей победы и большей самостоятельности в выборе стратегии в отношении должников Латинской Америки.

Тем временем реализация «Плана Брейди» набирала обороты. Президент Мексики Салинас первым принял этот план. Результаты были более чем значительными: впервые за потерянное десятилетие удалось обеспечить снижение инфляции до 13,7% и обеспечить экономический рост в 2,9%¹⁹. Япония сразу же активно подключилась к осуществлению плана: в сентябре 1989 г. министр иностранных дел Японии Т. Накаяма встретился со своими коллегами из группы Рио в Нью-Йорке и договорился о принятии большинством из них предложенного плана. В результате в 1990–1991 гг. эта программа была принята еще тремя странами – Уругваем, Коста-Рикой и Венесуэлой. В 1992 г. Аргентина и Бразилия присоединились к «Плану Брейди». В этом же году 21 японский банк списал 12 млрд. долл. долга латиноамериканских стран²⁰. В последующие годы большинство стран Латинской Америки присоединилось к «Плану Брейди». Япония была первой страной, которая приняла участие в программе капитализации долга, проводимой латиноамериканскими странами, дабы избежать оттока капитала. Японские фирмы приняли участие в пяти подобных крупных программах в Мексике и в двух – в Бразилии²¹.

В настоящее время Япония осуществляет свою политику в отношении долга латиноамериканских стран через Парижский и Лондонский клубы государств – крупнейших кредиторов. Результаты осуществления, по сути, японского плана налицо – в 1996 г. внешний долг региона составил 607 млрд. долл. Но это уже не огромная просроченная задолженность, а реструктурированный, постепенно возвращаемый долг, по которому стабильно выплачива-

¹⁹ Ibidem.

²⁰ ТАСС. 24.03.1993.

²¹ БИКИ. 11.10.1990

ются проценты²². В 1996 г. темпы роста долга составили наименьшую цифру с 1991 г. – 3,4%. Улучшаются и показатели обслуживания долга, которые достигли докризисного уровня 1980 г. В 1996 г. выплаты по процентам по отношению к экспорту по региону составили 14,5%, что является довольно хорошим показателем.

Япония очень активно использует такой инструмент влияния, как долговые обязательства развивающихся экономик Латинской Америки. Предоставляя кредиты, она, точнее ее банковско-промышленные структуры, еще больше усиливали свое присутствие в Латинской Америке, доведя его в конце 80-х годов до доминирующего уровня. Выработав свой, отличный от Соединенных Штатов подход к задолженности развивающихся стран, Япония заручилась доверием латиноамериканских государств. Однако не стоит переоценивать «бескорыстность» Японии, которая в первую очередь заинтересована в выгодах для своей экономики, в прибылях ее крупнейших корпораций, и цель всех действий в отношении долга в любом случае – его возврат. Скорее, здесь прослеживается «благоразумие» японских финансовых кругов, которые, не будучи скованными бескомпромиссной позицией США, а порой и МВФ, пришли к осознанию очевидного факта: латиноамериканские экономики на данном этапе не смогут обеспечить выплаты долга. Продолжать требовать выплату долга означало нести потери от нереализованного сотрудничества.

Частью нового плана является, как уже упоминалось выше, обеспечение качественного роста развивающихся экономик. Эта цель может быть достигнута различными средствами, в том числе и перечисленными выше (инвестиции, кредиты и т.д.), но самым льготным, безболезненным видом является помощь развивающимся странам, предоставляемая по линии *официальной помощи развитию (ОПР)*.

С 1980 по 1998 г. японская официальная помощь развитию латиноамериканских стран претерпела значительные изменения. Во-первых, увеличился ее объем: если в 1980 г. она составила всего 118 млн. долл., то в 1995 г. Япония направила в страны Латинской Америки 1,1 млрд. долл., т.е. ее объем вырос почти в 10 раз. Причем с 1980 по 1990 г. ОПР увеличивалась медленными темпами, а с 1991 г. темпы роста составили около 20% в год, достигнув в 1995г. пика – 37,2%. При этом доля Латинской Америки в общей массе японской официальной помощи развитию выросла с 6% в 1980 г. до 11% в 1995 г. и продолжает увеличиваться, тогда как ОПР Японии странам АТР постепенно сокращается²³.

²² Существует разница между *задолженностью* и *долгом*: Долг – это предоставленная странам сумма, по которой данной страной выплачиваются проценты. Долг никому иметь не возбраняется. *Задолженность* – это просроченный долг. Поэтому формулировка «просроченная задолженность» не совсем точна, но используется автором для предотвращения путаницы.

²³ Япония 1990. Ежегодник. М., 1991

Возросла доля Японии и в общемировом объеме помощи, идущей в латиноамериканские страны. Если в 1982 г. на Японию приходилось 13%, на США – 32% и на ЕС – 47%, то в 1993 г. соответственно 19,5%, 14% и 61,5%²⁴. Таким образом, если рассчитать доли стран-членов ЕС по отдельности, в 1993 г. Япония стала крупнейшим государством-донором латиноамериканских стран. Однако из-за экономической стагнации второй половины 90-х годов доля Японии сократилась к 1996 г. до 18,3%, а доля США возросла до 29,8%²⁵. Выход на первое место среди стран-доноров Латинской Америки попеременно то Японии то США показывает наличие соперничества между ними за экономическое влияние на этот регион.

Произошли изменения и во внутренней структуре помощи. Как известно, ОПР Японии состоит из *льготных кредитов, безвозмездной помощи и технического содействия*. Безусловно, страны Латинской Америки заинтересованы более всего в двух последних ее видах. Льготные кредиты, будучи предоставленными под проценты, могут сослужить хорошую службу для стран с нормальным платежным балансом, однако для стран с большой аккумулированной суммой долгов такой вид помощи влечет за собой опасность еще большего их нарастания. Идя навстречу странам региона, Япония постепенно уменьшала долю льготных кредитов, одновременно повышая долю безвозмездной помощи и технического содействия. Если на начало 80-х годов на долю льготных кредитов приходилось 70% всего объема помощи, технического содействия – 20%, безвозмездной помощи – 10%, то в 1995 г. эта пропорция составила 38,7%, 32,9% и 28,4% соответственно, что говорит о радикальном изменении структуры ОПР.

Льготные кредиты в основном предоставляются на нужды сельского хозяйства и на создание инфраструктуры, включающей в себя транспорт, энергию и средства связи. Японское правительство, создавая инфраструктуру, берет на себя самые низкоприбыльные вложения, на которые частные компании никогда не пойдут. Создав коммуникации, оно подготавливает почву для частного капитала, который гораздо охотнее инвестирует в «обжитые» зоны. Такая политика характерна для всей японской стратегии помощи: в Китае, НИС ЮВА и АСЕАН. В 1992 г. было подписано соглашение о ежегодном предоставлении правительственных средств и облигаций на сумму 100 млн. долл. латиноамериканским странам в течение пяти лет. Однако на самом деле эта сумма гораздо больше – от 200 млн. до 400 млн. долл. (в 1991 г. она даже составила 463 млн. долл.)²⁶.

²⁴ El Pais 24.10.1995.

²⁵ Japan 1997, An International Comparison. Japan Institute for Social and Economic Affairs. Tokyo, 1997, p. 65.

²⁶ Japan's ODA. Tokyo, 1996.

Техническое содействие развивалось достаточно высокими темпами, учитывая потребность латиноамериканских стран в новейших японских технологиях и их способность усваивать эти технологии. На протяжении 80-х годов Латинская Америка потребляла порядка 1/5 японской научно-технической помощи, в то время, как ее доля во всех остальных видах помощи не превышала 1/10. В 90-х годах регион стал вторым получателем научно-технической помощи Японии, а Бразилия и Мексика входят в десятку стран – крупнейших получателей японского технического содействия.

Безвозмездная помощь осуществляется в основном в таких областях, как здравоохранение, социальная сфера и экология, транспорт, связь, сельское хозяйство и культура. В 1995 г. на эти цели было предоставлено 324 млн. долл. Крупнейшими получателями ОПР являются Перу (общий объем помощи – 1,2 млрд. долл.), Мексика (1,2 млрд. долл.), Бразилия (1 млрд. долл.), Боливия (994 млн. долл.), Парагвай (760 млн. долл.) и Гондурас (626 млн. долл.).²⁷

Для обеспечения условий надежного роста экономики Япония обычно посылает «миссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству», чтобы наметить новые объекты помощи, а также наиболее выгодные направления для инвестирования и торговли. Такие миссии были посланы в Панаму, Перу и еще пять стран Центральной Америки в 1991 г., в Бразилию в 1992 г. и в Никарагуа и Сальвадор в 1994 г.

Япония осуществляет программы ОПР не только на двусторонней основе, но и в рамках Комитета содействия развитию Организации экономического сотрудничества и развития (КСР ОЭСР), в который входит 21 государство. На Японию приходится основная часть помощи, предоставляемой этой организацией, – 22,9%²⁸. Она же занимает первое место в Организации по оказанию помощи Перу, Бразилии, Мексике, Парагваю, Гондурасу, Чили, Аргентине, Эквадору и Панаме. В общем объеме помощи по линии КСР ОЭСР остальным странам Латинской Америки Япония занимает второе и третье места.

Предоставляя помощь, Япония не только содействует экономическому развитию латиноамериканских стран, но и преследует свои цели. Например, в 1990 г. Япония предоставила 200 млн. долл. безвозмездных кредитов Мексике, 100 млн. – Чили, 60 млн. – Никарагуа и 37 млн. долл. – Перу с тем, чтобы эти страны помогли ослабить недовольство США действиями Японии во время войны в Персидском заливе. Перу после прихода к власти Альберто Фухимори (перуанца японского происхождения) вернула себе статус главного получателя японской помощи среди латиноамериканских стран, которым она обладала до кризиса 80-х годов. Традиционная поддержка странами региона Японии при го-

²⁷ Ibidem, p. 336-339.

²⁸ Diplomatic Bluebook. 1996, p. 86

лосованиях по резолюциям ООН также тесно связана с предоставлением ОПР и другими формами японо-латиноамериканского сотрудничества.

Используя все инструменты экономической политики (торговлю, прямые инвестиции, действия в отношении долгового бремени и ОПР), Япония создает благоприятные условия для все большего завоевания своими компаниями латиноамериканского региона, как бы награждая их за тесное сотрудничество с правительством. Подобные инструменты использует каждое государство. Но Японию отличает политика гибкого сочетания этих инструментов, адекватно складывающейся ситуации. У Японии относительно большая свобода маневра, обусловленная как отсутствием особых обязательств (таких, как провозглашенные обязательства по поддержке экономик региона или обязательства в рамках каких-либо интеграционных объединений), связывающих ее с латиноамериканским регионом, так и более крупными экономическими резервами по сравнению с другими развитыми странами. Тесное сотрудничество правительства и крупнейших корпораций существенно расширяет возможности проведения совместной экономической политики. Важность экономических и политических связей с этим регионом для многих стран, в первую очередь для США, позволяет Японии, усиливая свое присутствие, ослаблять их позиции и тем самым оказывать на них косвенное влияние.

Япония развивает торговлю со странами Латинской Америки также и для эффективного проведения политики диверсификации импорта и экспорта. Торговля в совокупности с прямыми инвестициями и кредитами способствует росту экономик латиноамериканских стран, что в свою очередь необходимо для нормального функционирования всех механизмов сотрудничества.

В японо-латиноамериканских отношениях, необремененных привходящими факторами, как, например, проблема исторического прошлого в отношениях Японии со странами ЮВА, стремление к сотрудничеству проявляется с обеих сторон. Японское правительство и деловые круги стараются распространить свое влияние на как можно большее число регионов, в том числе и на страны Латинской Америки. Последние со своей стороны всячески поддерживают усилия Японии, понимая, что сотрудничество с ней способствует эффективному проведению их внутренних преобразований. Кроме того, укрепление отношений с Японией свидетельствует о стремлении стран региона к диверсификации внешнеэкономических связей с целью уменьшения односторонней зависимости от Соединенных Штатов.

Весьма существенное влияние на японо-латиноамериканские отношения оказывают этнические японцы, проживающие в странах Латинской Америки. Сейчас их численность составляет 2 млн. первого, второго, третьего и уже нарождающегося четвертого поколений. По данным на 1996 г. 1,5 млн. японцев

проживает в Бразилии²⁹. 80 тыс. в Перу, 32 тыс. в Аргентине, 12 тыс. в Мексике, 7,7 тыс. в Парагвае, 6,7 тыс. в Чили и еще по несколько тысяч в других странах региона³⁰. Многие из них, занимая прочные позиции как в финансовых, так и в политических кругах, служат как бы связующим звеном между японскими и латиноамериканскими компаниями. Японские фирмы стараются по мере возможности привлекать для работы в своих региональных представительствах лиц японского происхождения (они составляют от 20 до 30% рабочих и служащих)³¹.

В настоящее время все большее число этнических японцев приезжает на заработки в Японию, которую их предки в конце XIX – начале XX в. покинули в тех же целях. Стоит отметить, что для этого сложились весьма благоприятные условия: кризис 80-х годов, вынудивший латиноамериканских японцев покинуть обжитые места, совпал с острой нехваткой рабочих рук в Японии. Этот процесс, подкрепленный соответствующими законодательными актами японского правительства, принял значительные масштабы: число бразильцев, проживающих в Японии, с 1986 по 1992 г. возросло в 69 раз, а перуанцев – в 56 раз³², составив в 1992 г. 150 тыс. (11,5% всех иностранцев в Японии) и 31 тыс. (2,4%) соответственно.

Политическая активность Японии на латиноамериканском направлении нацелена в первую очередь на создание наиболее благоприятных условий для торгово-экономических отношений, а также на расширение политического и культурного диалога. Ее активизация началась еще в 1979 г., во время радикальной реформы японских внешнеполитических институтов. При МИДе Японии создается отдел по связям с Латино-Карибской Америкой (ЛКА). В составе отдела учреждается два бюро: первое осуществляет политику по отношению к Аргентине, Боливии, Бразилии, Чили, Парагваю, Уругваю и Перу, связи с которыми признаны приоритетными, второе – по отношению к остальным странам ЛКА. Выделение приоритетных стран и создание независимого отдела, занимающегося отношениями с ЛКА, говорит о повышении значения латиноамериканского региона для Японии. Однако на протяжении 80-х годов отношения с регионом развивались слабо и только с начала 90-х годов обозначился заметный прогресс. Экономический рост и усиливающаяся тенденция к демократизации в странах Латинской Америки, а также их стремление диверсифицировать свои внешние связи способствовали укреплению отношений со странами Азии, в том числе и с Японией. Последняя, не раз выдвигавшая идеи создания «Тихоокеанского сообщества», приветствовала это стремление и со своей стороны стала

²⁹ Diplomatic Bluebook 1995.

³⁰ Данные по сообщениям посольств.

³¹ Латинская Америка. 1991 г., № 3, с. 17.

³² Япония о себе и мире. Дайджест 1994, апрель.

активизировать сотрудничество. Сейчас основными направлениями японской внешней политики в отношении стран Латинской Америки являются: 1) поддержка демократии и развития; 2) укрепление политического диалога и расширение рамок взаимоотношений; 3) расширение культурного сотрудничества и популяризация отношений.

В рамках деятельности по содействию *развитию рыночной экономики и демократии* Япония направляет в Латинскую Америку различные экономические миссии и сотрудничает с другими развитыми странами в таких международных организациях, как «Партнерство для демократии и развития». Среди конкретных действий можно отметить посредничество Японии в восстановлении в июне 1993 г. дипломатических отношений между Перу и Венесуэлой, которые были прерваны в 1992 г. В марте – апреле 1994 г. Япония направила 15 наблюдателей для контроля за выборами в Сальвадоре, а в 1995 г. – в Перу, Гаити и Гватемале, которые проводились под эгидой ООН и Организации американских государств (ОАГ).

Встречи с представителями интеграционных объединений Латинской Америки в рамках *укрепления и расширения взаимоотношений*, начались в 1989 г., когда министр иностранных дел Японии Т. Накаяма провел беседу со своими коллегами из группы Рио, во время которой обсуждались вопросы мирного урегулирования конфликтов в Центральной Америке, ситуация в Панаме и проблема долгов. Министры договорились поддерживать и укреплять диалог. Затем в 1993 г. состоялась первая встреча министров иностранных дел Японии и стран-председателей группы Рио – Бразилии, Эквадора и Чили. На втором заседании, которое состоялось в 1994 г. страны выработали единый подход к расширению функций ООН, международной торговле и нераспространению ядерного оружия.

Во время очередной сессии ГА ООН в 1995 г. состоялась встреча министров иностранных дел Японии, Панамы и пяти стран Центральной Америки, где было принято решение о создании «Форума развития диалога и сотрудничества» для постоянного обмена мнениями и консультаций. Первое заседание форума прошло в ноябре 1995 г.

В рамках двусторонних японо-латиноамериканских отношений наиболее продуктивны отношения Японии с Мексикой, Перу и Чили.

Мексика с начала 90-х годов проводит активную дипломатию, направленную на расширение связей с тихоокеанским регионом в целом и Японией в частности. Прорыв в японо-чилийских отношениях был сделан во время визита президента Чили Патрисио Эйлвина в Токио в 1992 г. Были учреждены двусторонние «консультативные комитеты по развитию сотрудничества, устремленного в XXI век».

Однако наиболее тесные связи существуют между Японией и Перу. После избрания на пост президента Перуанской республики в 1990 г. А. Фухимори на-

нес свой первый официальный визит в Японию. Он встретился с премьер-министром Т. Кайфу, который заявил о своем намерении воссоздать ранее существовавшую систему международной поддержки Перу.

Перу получает от Японии огромные финансовые средства. При посещении Японии в ходе поездки Фухимори по странам ЮВА Перу было выделено 800 млн. долл. на строительство инфраструктуры в Лиме, и 600 млн. льготных кредитов. Примерно такую же сумму Перу получает ежегодно начиная с 1990 г. Япония оказала существенную поддержку Перу на международной арене, когда Фухимори приостановил действие конституции в 1992 г., а также во время перуанско-эквадорского и перуанско-венесуэльского конфликтов. Перу, осознавая важность сотрудничества с Японией, хотела бы играть роль «тихоокеанского моста» между Японией и Латинской Америкой, где главную скрипку, безусловно, будет играть Япония.

Сфера политических взаимоотношений пока в основном направлена на содействие укреплению экономических связей, но проявляются и первые зачатки чисто политического сотрудничества в рамках интегрального подхода Японии к своей внешней политике. В основном это проявляется в сотрудничестве латиноамериканских стран и Японии по вопросам реформирования Организации Объединенных Наций и голосованиям по ее резолюциям, за которое Япония щедро «платит» Латинской Америке экономическим сотрудничеством.

В заключение можно сделать вывод о том, что отношения латиноамериканских стран и Японии будут укрепляться и дальше. Причем еще долго в этих отношениях будет господствовать экономический аспект. Политическая составляющая сотрудничества будет носить второстепенный характер до тех пор, пока государства не будут готовы взять на себя конкретные телства друг перед другом в этой области. Это положение может исправить более активная деятельность Японии в миротворческих силах ООН и ее вступление в качестве постоянного члена в Совет Безопасности. Деньги безлики. А японский миротворец в военной форме на латиноамериканском континенте – это проявление силы державы и ее высшей формы сотрудничества, когда граждане Японии готовы защищать мир и порядок за десятки тысяч километров от родины.

Истоки и ход экономической депрессии 90-х годов

И.П. Лебедева

90-е годы оказались особым периодом в послевоенном развитии японской экономики. Неожиданно для многих с начала 90-х годов страна вступила в полосу экономических потрясений, положивших начало наиболее глубокой и затяжной за весь послевоенный период депрессии. Предшествовавшие депрессии, периодически поражавшие японскую экономику, продолжались в среднем 12–16 месяцев, при этом наиболее длительная из них, вызванная первым нефтяным «шоком» 1973–1974 гг. – 36 месяцев¹. Нынешняя депрессия, начавшаяся примерно в середине 1991 г., продолжается и по сей день, т.е. более семи лет, и перспективы выхода из нее все еще весьма неопределенны.

Затяжной характер депрессии 90-х годов определяется ее «многослойностью», т.е. тем, что она лишь отчасти связана с очередным циклическим спадом конъюнктуры, а в основном является как следствием краха экономики «мыльного пузыря» (механизма развития, сформировавшегося во второй половине 80-х годов), так и проявлением ряда сложных проблем, испытываемых японской экономической системой в целом.

Остановимся вначале на циклических аспектах депрессии 90-х годов.

Итак, еще в конце 80-х годов казалось, что ничто не может прервать поступательного движения японской экономики. С ноября 1986 г., после успешного преодоления отрицательных последствий повышения курса иены в экономике началось оживление, перешедшее в подъем, продолжавшийся вплоть до января – марта 1991 г. Общая продолжительность подъема составила 52 месяца, а

¹ Кики-но нака-но Нихон кигё (Японские предприятия в период кризиса). Токио, 1994, с. 9.

среднегодовые темпы роста – около 5,5%. Экономический рост этого периода поддерживали все ключевые компоненты внутреннего спроса – инвестиции в машины и оборудование, личное потребление, жилищное строительство, инвестиции в общественные работы, но лидерство принадлежало первым двум. Так, среднегодовые темпы роста частных инвестиций в оборудование составляли около 13%, а потребительских расходов – 4%.

Экономический рост, опирающийся на расширение инвестиций в оборудование и потребительских расходов, японские экономисты называли «самоподдерживающимся». Его механизм можно описать следующим образом. Рост потребительского спроса и увеличение инвестиций в оборудование обеспечивают развитие экономики, которое приводит к расширению занятости и доходов населения и повышению прибылей компаний. Это, в свою очередь, приводит к дальнейшему расширению потребительского спроса и росту инвестиций в оборудование, что обеспечивает новый виток экономического роста и т.д. и т.п.

В конце 80-х годов казалось, что раскручиванию этой спирали ничто не угрожает и что общие перспективы развития японской экономики весьма благоприятны.

Правда, некоторые японские экономисты еще тогда высказывали опасения, что объем частных инвестиций в оборудование слишком высок и что через определенный период времени это может привести к выходу производства за рамки платежеспособного спроса. Однако их оппоненты ссылались на существенные качественные отличия между последним экономическим подъемом, названным «Хэйсэй бумом», и всеми предшествовавшими, а именно на значительное изменение внутренней структуры частных инвестиций в машины и оборудование. Действительно, во второй половине 80-х годов в структуре инвестиций японских компаний резко возросла доля затрат на НИОКР, освоение новых продуктов, рационализацию производства, трудо- и энергосбережение и т.д. и одновременно значительно снизилась доля инвестиций в наращивание объемов производства. И если в среднем по послевоенным циклам увеличение объема инвестиций в машины и оборудование на 20% через 9 – 12 месяцев приводило к увеличению производственных мощностей на 5%, то в период «Хэйсэй бума» из-за значительного роста капитального коэффициента при адекватном уровне инвестирования темпы расширения мощностей были существенно ниже².

Итак, в реальном секторе японской экономики дела обстояли весьма благополучно, и хотя было очевидно, что на смену экономическому подъему рано или поздно придет ослабление конъюнктуры, ничто не предвещало, что оно примет столь драматические формы.

² Long-Term Credit Bank Economic Analysis. 1988, November, p. 5.

Ослабление конъюнктуры начало ощущаться в Японии с середины 1991 г., однако связано это было не столько с действием циклических факторов, сколько с развалом так называемой «bubble economy», или экономики «мыльного пузыря», под которой имеется в виду специфический механизм экономического развития, опирающийся на «повышение курса акций и цен на землю, оторванное от их реальной доходности»³. «Мыльный пузырь» в японской экономике начал быстро увеличиваться с середины 80-х годов, а лопнул в 1990 г., и это, по мнению японских экономистов, не только спровоцировало спад конъюнктуры в 1991 г., но и предопределило масштабность и глубину экономических потрясений 90-х годов.

Что же представлял собой этот «мыльный пузырь», каковы были причины его возникновения и механизм роста? Анализ этого сложного вопроса посвящено огромное число статей и книг как японских, так и зарубежных авторов⁴. Мы же остановимся на нем лишь в той степени, в какой это необходимо для уяснения существа тех проблем, с которыми столкнулась японская экономика в 90-е годы.

Говоря о причинах возникновения и развития «мыльного пузыря», прежде всего следует отметить, что общим фоном этого процесса стало динамичное развитие реального сектора японской экономики, которое предопределило сверхоптимистичные представления экономических агентов о перспективах развития японской экономики. Воплощению же этих настроений в реальные действия, собственно и приведшие к раздуванию «мыльного пузыря», способствовало значительное изменение общих условий деятельности финансовых и нефинансовых корпораций в 80-х годах в результате первых шагов по финансовой либерализации и активизации процесса интернационализации японской экономики.

Коренные изменения в финансовой сфере начались с принятия в 1980 г. Закона о валютных сделках, отменившего контроль за валютными операциями японских компаний. За ним последовали меры по либерализации процентных ставок по депозитам и расширению номенклатуры финансовых товаров, по смягчению условий выпуска компаниями облигаций и разрешению выпуска новых видов корпоративных ценных бумаг. Кроме того, были созданы новые финансовые инструменты (типа форвардных сделок с индексом курса акций Никкэй 225) и расширен доступ иностранных компаний на японский рынок ценных бумаг. Наконец, было упразднено огромное количество правил и регламентаций, регулировавших деятельность банков и корпораций⁵.

³ «Япония: полвека обновления», М., 1995, с. 265.

⁴ На русском языке см. раздел С.В. Брагинского, К. Нисида «Финансовые рынки и экономическое развитие» в книге «Япония: полвека обновления» (М., 1995).

⁵ Япония: полвека обновления, с. 269; Japanese Firms, Finance and Markets. Sydney, 1996, p. 214 – 215.

В результате финансового дерегулирования уже ко второй половине 80-х годов был не только резко расширен набор возможных финансовых операций для корпоративного сектора и населения, но и создана качественно новая — намного более конкурентная — среда, которая вынуждала японские банки и компании переносить центр тяжести при принятии управленческих решений с обеспечения долговременной стабильности на достижение прибыльности в краткосрочном плане. Большинство из них не были готовы к такого рода изменениям, и во второй половине 80-х годов огромные суммы денег были направлены в ненадежные инвестиционные проекты и спекулятивные операции, которые и привели к образованию и раздуванию «мыльного пузыря».

Остановимся вначале кратко на вопросе о том, какие изменения произошли под влиянием дерегулирования в финансовом менеджменте крупных компаний, которые наряду с банками явились основными участниками экономики «мыльного пузыря».

Если говорить о способах привлечения крупными компаниями внешних средств, то прямым следствием дерегулирования явилась так называемая секьюритизация финансов компаний, а именно отход от косвенных форм финансирования (банковских кредитов) при резком расширении объемов прямого финансирования (т.е. привлечения средств через рынок ценных бумаг). При этом принципиально новыми моментами прямого финансирования во второй половине 80-х годов явились следующие: во-первых, смягчение условий выпуска облигаций и появление таких их новых видов, как конвертируемые и гарантированные облигации⁶; во-вторых, создание в ноябре 1987 г. нового вида долговых обязательств компаний — коммерческих бумаг, ставших важным рынком краткосрочных капиталов, по своим масштабам сопоставимым с выпуском акций и облигаций.

О резко возросших масштабах операций на японском рынке ценных бумаг свидетельствуют следующие данные. Так, если за первую половину 80-х годов общий объем средств, привлеченных предприятиями через рынок ценных бумаг, составил 20 трлн. иен, то за период 1986–1989 гг. — 70,8 трлн. иен. Своего пика этот процесс достиг в 1989 г., когда через биржу было привлечено 27 трлн. иен⁷.

Поскольку, как отмечалось выше, вследствие чрезвычайно оптимистических оценок перспектив японской экономики всеми участниками экономического

⁶ Обычные облигации выпускаются на срок от 6 до 15 лет и дают владельцам право на получение фиксированного дохода. Конвертируемые облигации предоставляют их владельцам возможность превратить их через определенное время в акции. Гарантированные облигации наделяют их правом на приобретение новых акций компании. Во второй половине 80-х годов сложилась следующая модель: размещение конвертируемых облигаций внутри страны, а гарантированных — за рубежом.

⁷ Кики-но нака-но Нихон кигё, с. 185.

процесса курс акций непрерывно возрастал, издержки по привлечению внешних средств для крупных компаний неуклонно снижались. К концу декабря 1989 г. средний курс акций компаний, зарегистрированных на I секции Токийской биржи, достиг наивысшего в истории показателя – 38 915 иен; т.е. вырос почти в 2 раза по сравнению с серединой 80-х годов⁸. В то же время издержки по привлечению средств (рассчитанные как частное от деления объема денежных выплат на объем привлеченных средств) снизились с 4,20% в 1980 г. до 2,55% в 1985 г., 1,78% в 1987 г. и 1,55% в 1989 г.⁹

Возможность привлекать через рынок ценных бумаг огромные деньги под весьма низкие проценты привела к тому, что постепенно все большая их часть стала использоваться крупными компаниями не для развития материального производства, а для проведения различного рода финансовых операций с целью получения дополнительного дохода. Это направление деятельности компаний получило название «дзайтэку», что можно перевести как «искусство делать деньги путем финансовых операций». Так, по расчетам министерства финансов, если в первой половине 80-х годов на развитие материального производства (т.е. на инвестиции в оборудование и запасы) направлялось более 60% привлеченных средств, то во второй половине 80-х годов – лишь 16%¹⁰. Остальная же часть – более 80% – помещалась в различные финансовые инструменты с либерализованным процентом или направлялась на покупку акций и облигаций с целью получения доходов от игры «на повышение».

Таким образом, к концу 80-х годов для многих крупных компаний операции дзайтэку стали второй сферой бизнеса, доходы от которой достигали 40–50% общей суммы их доходов. Во второй половине 80-х годов объем операций дзайтэку крупных промышленных компаний почти в 4 раза превысил показатели первой половины десятилетия. Очевидно, что быстрое нарастание масштабов этих операций так же, как и покупка в спекулятивных целях земельных участков, акций и облигаций других компаний, способствовали раздуванию «мыльного пузыря».

Что касается участия банков в раздувании «мыльного пузыря», то прежде всего следует отметить, что в результате дерегулирования их роль в кредитно-финансовой системе Японии относительно уменьшилась. Особенно заметно это проявилось в отношениях банков с крупными промышленными компаниями. Вследствие секьюритизации финансов компаний их зависимость от банковских кредитов резко сократилась (во второй половине 80-х годов доля долгосрочных и краткосрочных кредитов в структуре внешних источников финансирования крупных промышленных компаний вообще проходила со знаком «минус»). Ос-

⁸ Миядзакэ Ёсикадзу. Фукуто фукэ (Сложная депрессия). Токио, 1993, с. 197.

⁹ Дайити кангё гинко тёса кихо. 1990, № 1, с. 10.

¹⁰ Кики-но нака-но Нихон кигё, с. 186

лабление зависимости от банковских кредитов в целом было более ярко выражено у компаний, не входящих в сюданы (финансово-промышленные группы), чем у их членов, но и последние, в том случае, если они удовлетворяли критериям, необходимым для листинга или выпуска облигаций, все больше переключались на привлечение средств через рынок ценных бумаг.

Более того, сократилась доля банков среди держателей акций и облигаций крупных компаний. Этот процесс начался еще раньше – в 70-е годы, на протяжении которых доля банков в структуре владения ценными бумагами компаний сократилась с 55 до 20%. В 80-х годах происходило дальнейшее ее снижение, и к концу декады во владении банков осталось чуть более 10% ценных бумаг крупных компаний, т.е. примерно столько, сколько находилось на руках физических лиц¹¹.

Разумеется, сказанное выше не означает, что система особых отношений крупных компаний с банками (так называемая «main bank system») оказалась подорванной – речь может идти лишь об относительном снижении ее роли.

Тем не менее, столкнувшись с этой новой реальностью, банки с целью компенсации потерь, связанных с отходом от них крупных компаний, вынуждены были расширить активные операции по другим направлениям, в том числе и довольно рискованным.

В целом, изменения, происшедшие в деятельности банков во второй половине 80-х годов, можно свести к следующему.

Во-первых, в структуре активных операций банков возросла доля кредитов мелким и средним фирмам (с 45% в 1985 г. до 58% в 1990 г.).

Во-вторых, заметно увеличилась доля кредитов компаниям по операциям с недвижимостью (с 7,7% в 1985 г. до 11,3% в 1990 г.), многие из которых также были мелкими.

В-третьих, возросла доля кредитов финансовым компаниям, компаниям по операциям с ценными бумагами, страховым фирмам (соответственно с 6,8 до 9,2%). При этом следует иметь в виду, что около 40% полученных средств направлялись затем на операции с недвижимостью и в строительные фирмы.

И, наконец, в-четвертых, ухудшилась структура активов и пассивов банков с точки зрения соотношения между долгосрочными и краткосрочными средствами. Так, с 1985 по 1990 г. доля краткосрочных кредитов в структуре активов снизилась с 55 до 31%, в то время как доля долгосрочных (более одного года) возросла с 39 до 56%. Что же касается пассивов, то здесь наблюдалась противоположная тенденция: удельный вес краткосрочных депозитов (на срок от 1 до 6 месяцев) в общей сумме срочных депозитов увеличился с нескольких процентов в 1985 г. до 40% в 1989 г.¹².

¹¹ Japanese Firms, Finance and Markets, с. 239.

¹² Japanese Firms, Finance and Markets, с. 261 – 262.

Поскольку основным залогом по кредитам была земля, цены на которую также непрерывно росли, создавалось впечатление, что отмеченные выше изменения в деятельности банков не несут в себе какой-либо угрозы, и только в начале 90-х годов, когда цены на землю стали падать, банки в полной мере ощутили последствия этой политики.

Другим направлением деятельности банков, внесшим свой вклад в раздувание «мыльного пузыря», стало их участие в биржевой лихорадке. Дело в том, что вследствие либерализации процентных ставок издержки по привлечению депозитов возросли, и для того, чтобы понизить цену капитала, банки с 1987 г. пошли на резкое расширение выпуска акций и облигаций. В результате традиционно низкий уровень собственного капитала японских банков поднялся до 9,9% в 1989 г., что даже перекрыло нормы, объявленные Банком международных расчетов¹³.

Банки и крупные промышленные компании явились основными, но не единственными участниками экономики «мыльного пузыря». Наряду с ними раздуванию «мыльного пузыря» способствовали и мелкие и средние фирмы (в основном как держатели акций и покупатели недвижимости), и сектор домашних хозяйств (как в роли потребителя дорогостоящих товаров, так и покупателя акций и земельных участков), и правительство (в лице органов, вырабатывавших кредитно-денежную политику, поощрявшую рост «мыльного пузыря»)¹⁴. При этом мало кто отдавал себе отчет в том, что происходит, поскольку, напомним, в реальном секторе японской экономики дела обстояли весьма благополучно. Каковы же были размеры «мыльного пузыря»? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо прежде всего обратиться к статистике национального богатства Японии.

Всего за 1982–1989 гг. размеры национального богатства страны увеличились в 2,2 раза, в том числе лишь за 1987–1989 гг. – почти на 30%. При этом доля материальных активов (начавшая падать после 1982 г., что с известной степенью условности и можно принять за начальную точку формирования «мыльного пузыря») сократилась за тот же период с 51 до 46,1%, а доля финансовых активов соответственно возросла с 49 до 53,9%.

Далее, при увеличении стоимости финансовых активов за 1982–1989 гг. в 3,1 раза стоимость акционерного капитала повысилась в 6,9 раз; что же касается материальных активов, то при их общем росте в 2 раза стоимость земли возросла в 2,5 раза. При этом лишь за 1987–1989 гг. стоимость акционерного капитала увеличилась на 90%, а стоимость земли – почти на 30%¹⁵.

¹³ Миядзакэ Ё. Фукуго фуке, с. 221 – 225. В июле 1988 г. Банк международных расчетов объявил, что для коммерческих банков, ведущих международные операции, вводятся следующие нормы собственного капитала: с марта 1991 г. – 7,2%, с марта 1993 г. – 8%.

¹⁴ Подробно см.: Япония: полвека обновления, с. 265 – 276.

¹⁵ Миядзакэ Ё. Фукуго фуке, с. 212 – 213

Эти данные достаточно красноречиво свидетельствуют о нарастании нездоровых тенденций в развитии японской экономики в 80-е годы. Однако более конкретно о размерах «мыльного пузыря» позволяют судить результаты расчетов, проведенных С.В. Брагинским и К. Нисида. Сопоставляя динамику стоимости акционерного и земельного капитала в 80-е годы с динамикой ВВП, и исходя из посылки, что в начале 80-х годов соотношение между ними было нормальным, авторы приходят к выводу, что за вторую половину 80-х годов размеры «мыльного пузыря» увеличились как минимум в 2–3 раза¹⁶.

Итак, экономика «мыльного пузыря» достигла своего пика к концу декабря 1989 г., когда курс акций компаний, зарегистрированных на 1 секции Токийской биржи поднялся до рекордной отметки – почти 39 тыс. иен. С точки зрения показателей экономического роста – темпов роста, уровня инфляции, динамики потребительского и инвестиционного спроса – Япония по-прежнему оставалась одной из наиболее благополучных стран в капиталистическом мире. И тем не менее в 1990 г. «мыльный пузырь» лопнул. Зная, как он раздувался, можно легко представить себе, что случилось после того, как он лопнул. Это был обратный процесс, но происходивший со значительно большей скоростью.

Первые признаки надвигающейся катастрофы появились 2 апреля 1990 г., когда курс акций упал до 28 002,7 иен, или на 28% по сравнению с концом декабря 1989 г. К лету он вновь несколько возрос (до 33 172,28 иен в середине июля) и на некоторое время стабилизировался. Однако 1 октября 1990 г., который стали называть японским «черным понедельником», произошел резкий и неожиданный обвал курса акций – показатель Никкэй понизился до 20 221,86 иены, т.е. на 49% по сравнению с концом декабря 1989 г.¹⁷ Этот день можно считать и точкой отсчета экономического кризиса 90-х годов.

Позже некоторые японские экономисты пытались объяснить столь шумный и быстрый крах экономики «мыльного пузыря» неумелыми действиями правительства, а именно тем, что, стремясь не допустить перегрева конъюнктуры, Банк Японии с мая 1989 г. начал довольно быстро поднимать учетную ставку процента (с 2,5% в апреле 1989 г. – до 3,25% в мае, 3,75% – в октябре, 4,25% – в декабре, 5,25% – в марте 1990 г. и 6% – в августе)¹⁸. Кроме того, стремясь ограничить спекулятивные сделки с землей, в апреле 1990 г. министерство финансов издало «Общие правила инвестирования в недвижимость», установившие запрет на продажу приобретенной земли в течение определенного времени¹⁹.

Однако, на наш взгляд, действия правительства лишь дали толчок процессу развала экономики «мыльного пузыря» (который все равно был неизбежен); что

¹⁶ Япония: полвека обновления, с. 267

¹⁷ Миядзаки Ё. Фукуто фукё. с. 197, 206.

¹⁸ Тоё кэйдзай токэй гэнпо 1998, №5, с. 28 (Приложение).

¹⁹ Кики-но нака-но Нихон кигё, с. 189

же касается «треска», с которым он лопнул, то это представляется вполне естественным, если вспомнить, каких огромных размеров он достиг.

Если в реальном секторе японской экономики в 1990 г. еще продолжался подъем (темпы роста ВВП составили 5,1%, промышленного производства – 4,1%, частные инвестиции в оборудование увеличились на 10,9%, а конечные потребительские расходы – на 4,4%)²⁰, то в сфере финансов кризис уже дал знать о себе в полной мере.

После резкого падения 1 октября 1990 г. курс акций несколько возрос (примерно до 25 тыс. иен к началу 1991 г.), но общие потери от обвала курса были огромны – в 1990 г. совокупная стоимость ценных бумаг снизилась на 270 трлн. иен, что эквивалентно 60% объема ВВП²¹. Резко сократились объемы привлечения средств через рынок ценных бумаг: с 27 трлн. иен в 1989 г. до 5 трлн. иен в 1990 г. При этом эмиссия внутри страны конвертируемых облигаций упала на 60%, а выпуск за рубежом гарантированных облигаций – на 68%²².

Наконец, если прибыли промышленных компаний благодаря доходам от реального сектора в 1990 г. возросли на 4,75%, то прибыли банков резко сократились: по категории городских банков – на 39,4%, по всем банкам – на 40,1%²³.

Затем с лагом примерно в полгода крах «мыльного пузыря» начал оказывать воздействие и на ситуацию в реальном секторе экономики, постепенно подтачивая существовавшие в нем позитивные тенденции развития. К лету 1991 г. эти позитивные тенденции были окончательно подорваны, и экономика Японии вошла в полосу глубокой и затяжной депрессии.

²⁰ Тоё кэйдзай токэй гэппо. 1997, №12, с. 6 – 7 (Приложение).

²¹ Кики-но нака-но Нихон кигё, с. 189; Кэйдзай хакусё, 1994, с. 200.

²² Миядзаки Ё. Фукуто фуке, с. 242; Кики-но нака-но Нихон кигё, с. 189.

²³ Миядзаки Ё. Фукуто фуке, с. 221, 225; Кэйдзай хакусё, 1994, с. 4

Таблица

**Динамика основных показателей экономического
роста за 1990 – 1997 гг.* , %**

	1990 г.	1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.
ВВП	5,1	3,8	1,0	0,3	0,6	1,4	3,5	0,9
Промышленное производство	4,1	1,7	-6,1	-4,5	0,9	3,4	2,7	4,2
Оптовые цены	2,0	0,6	1,6	2,9	2,0	1,0	0,1	1,5
Розничные цены	3,1	3,2	1,7	1,3	0,7	0,1	0,1	1,8
Конечный потребительский спрос	4,4	2,5	2,1	1,2	1,9	2,0	2,8	1,1
Частные инвестиции в жилищное строительство	4,8	8,5	6,5	2,4	8,5	-6,5	13,6	-15,7
Частные инвестиции в оборудование	10,9	6,3	-5,6	-10,2	-5,3	3,9	6,6	4,5
Уровень запасов готовой продукции (1990=100)	100,0	106,8	117,3	119,8	114,3	115,8	116,0	115,2
Уровень загрузки оборудования (1990 = 100)	100,0	98,0	89,9	84,3	84,2	86,0	86,6	89,1
Инвестиции в общественные работы	4,9	4,9	14,5	15,7	2,8	0,7	9,9	-11,1

*«Тоё кайдзай токусй гэнпо» 1997, № 12; 1998, № 5, с. 1–17 (Приложение)

Итак, как видно из приведенных данных, кризисные явления в японской экономике продолжали ощущаться вплоть до 1993–1994 гг. Причем, помимо всего прочего, ситуацию усугубил тот факт, что реальный сектор экономики с опозданием отреагировал на крах «мыльного пузыря», в частности, в 1991 г. частные инвестиции в оборудование возросли на 6,3%.

По своим проявлениям это был типичный экономический кризис. Хотя по показателю ВВП отрицательных темпов роста зарегистрировано не было, в промышленности произошел весьма ощутимый спад производства: в момент наинизшей точки падения – в 1993 г. – объем производства был на 10,3% ниже, чем в 1991 г. Одновременно наблюдалось нарастание уровня запасов готовой

продукции (почти на 20% за 1990–1993 гг.) и снижение степени загрузки оборудования (в 1993–1994 гг. более, чем на 15% по отношению к 1990 г.). Известно, что одним из наиболее чувствительных индикаторов состояния экономики являются частные инвестиции в оборудование. Их динамика в период кризиса весьма показательна: в 1992 г. они снизились на 5,6%, в 1993 г. – на 10,2%, в 1994 г. – на 5,3%.

Весьма вялой была и динамика конечного потребительского спроса: его объем увеличился всего лишь на 2,1% в 1992 г., 1,2% в 1993 г. и 1,9% в 1994 г. При этом на состоянии потребительского спроса в этот период сказались как прямые потери населения в результате биржевого краха (поскольку на руках у физических лиц находилось к началу 1990 г. 22,6% общего объема акций, их прямые потери от обесценения акций составили более 80 трлн. иен), так и общее чувство неопределенности и настороженности, вызванное депрессией и приведшее к снижению потребления (с 87% в 1991 г. до 86,1% в 1994 г. и 85,3% в 1995 г.).

В структуре элементов конечного спроса необычную для кризисного периода динамику продемонстрировали лишь частные инвестиции в жилищное строительство. Но этому существует довольно простое объяснение. Дело в том, что в период экономики «мыльного пузыря» из-за резкого роста цен на землю (и до этого находившихся на предельно высоком уровне) и повышения процентов по кредитам многие японские семьи вынуждены были либо навсегда расстаться с мечтой о приобретении собственного дома, либо отложить ее осуществление на неопределенное время. Однако последовавшее за крахом экономики «мыльного пузыря» падение цен на землю, а затем и процентов по кредитам на приобретение жилья способствовали заметному оживлению в сфере частного жилищного строительства. Кроме того, на начало 90-х годов пришелся очередной цикл обновления или перестройки домов, построенных до первого нефтяного кризиса, что также внесло свой вклад в расширение спроса в этой сфере.

Однако в целом ситуация была весьма сложной. При некоторых колебаниях цены на акции продолжали снижаться, достигнув наинизшей точки падения в третьем квартале 1992 г. В результате по сравнению с четвертым кварталом 1989 г. к концу 1992 г. они оказались на 53% ниже, а потери инвесторов к этому времени возросли до 370 трлн. иен²⁴.

Резко – в 2–2,5 раза по сравнению с началом 90-х годов – вырос уровень банкротств предприятий: с 6500 случаев в 1990 г. до более 14 тыс. в 1992 и 1993 гг.²⁵

Цены на недвижимость, прежде всего на землю, начавшие падать практически одновременно с курсом акций, к концу 1991 г. были на 14% ниже по срав-

²⁴ Woronoff Y. The Japanese Economic Crisis. L., 1996, p.247, Кэйдзай хакусё. 1994, с. 585.

²⁵ Тосё кэйдзай тоюэй гэнпо. 1997, №12, с. 6 (Приложение).

нению с концом 1990 г.; в 1992 г. они снизились еще на 20%, а к третьему кварталу 1993 г. — «дну» кризиса — упали еще на 10%²⁶. Таким образом, общее падение цен на недвижимость в указанный период составило около 40%.

Легко представить, какие огромные убытки из-за падения цен на недвижимость понесли строительные фирмы и компании по операциям с недвижимостью. Но вместе с ними в сложнейшем положении оказались банки и другие финансовые институты, принимавшие недвижимость в качестве залога при предоставлении кредитов.

Сразу после краха экономики «мыльного пузыря» перед банками со всей остротой встала проблема «плохих» (безнадежных) долгов. К сентябрю 1993 г. объем неуплаченных долгов по 21 крупнейшему банку составил 12,7 трлн. иен, а к марту 1994 г. он вырос до 14 трлн. иен²⁷. Причем эти цифры не учитывали реструктурированные кредиты, кредиты, по которым были произведены чисто символические выплаты и т.д. Однако уже тогда многие японские специалисты высказывали мнение, что реальный объем безнадежных долгов, по крайней мере, вдвое выше того, что отражает официальная статистика.

Другой проблемой, с которой столкнулись японские банки в начале 90-х годов, стало снижение рыночной стоимости их собственного капитала. По расчетам японского экономиста Акиёси Хориути с марта 1990 г. по март 1994 г. по группе городских банков стоимость их собственного капитала упала на 20,9 трлн. иен²⁸. Уже к концу 1990 г. уровень собственного капитала городских банков снизился до 7,68%, в то время как еще год назад он достигал почти 10%²⁹.

Ухудшение финансового положения японских банков тут же уловили международные рейтинговые компании, занимающиеся определением категории надежности банков. Уже в 1991 г. категории надежности почти по всем японским банкам были понижены, что отрицательно сказалось на условиях размещения ими своих облигаций.

Увеличение объема безнадежных долгов и снижение рыночной стоимости активов банков, привело к значительному ухудшению состояния их балансов. Стремясь исправить положение, в 1991–1992 гг. японские банки начали в огромных количествах продавать находящиеся в их владении акции других компаний, в том числе и партнеров по перекрестному акционерному владению. Эти действия вызвали такую панику на бирже, что Министерство финансов вынуждено было вмешаться и потребовать, чтобы банки воздержались от открытой продажи акций с целью недопущения их дальнейшего падения.

²⁶ Кэйдзай хакусё 1994, с. 585 – 586.

²⁷ Japanese Firms, Finance and Markets, p. 262.

²⁸ Там же, с. 263.

²⁹ Миядзаки Ё. Фукуто фуке, с. 225.

Другой реакцией банков на ухудшение финансового положения было значительное сокращение объемов кредитования различных сфер экономики. Так, например, за 1990–1994 гг. объем кредитов, выдаваемых под инвестиции в оборудование, сократился с 54,2 трлн. иен до 43,8 трлн. иен или почти на 20%³⁰.

Очевидно, что это не могло не сказаться отрицательно на макроэкономической ситуации в стране.

Разумеется, правительство не оставалось безучастным к тяжелому положению экономики. С середины 1991 г. оно начало понижать учетную ставку процента (доведя ее к концу 1993 г. до 3%, а к концу 1995 г. – до 0,5%), а также значительно увеличило вливания в экономику по линии инвестиций в общественные работы. Объем последних возрос с 30,5 трлн. иен в 1991 г., до 35,3 трлн. иен в 1992 г. и 40,7 трлн. иен в 1993 г.

Однако в отличие от предшествовавших циклов на этот раз эффективность антикризисных мер была крайне незначительной. И в 1993 г., и в 1994 г. промышленные предприятия по-прежнему были обременены избыточными производственными мощностями, а банки – колоссальными суммами безнадежных долгов. При этом и те и другие вынуждены были не только увеличивать, но, наоборот, сокращать масштабы своей деятельности с тем, чтобы урегулировать проблему балансов, структура которых заметно ухудшилась из-за резкого падения стоимости активов.

Хорошо известно, что обычно в периоды кризиса и депрессии для улучшения своего положения японские компании активно использовали расширение экспорта. Однако на этот раз и этот путь оказался малоэффективен. Дело в том, что до 1995 г. происходило довольно быстрое повышение курса иены (со 144,88 иен за 1 доллар в 1990 г. до 80 иен в апреле 1995 г.). Это привело к тому, что при относительно высоких темпах роста физического объема экспорта (на 16,5% за 1990–1994 гг.), его стоимостной объем, выраженный в иенах, не только не возрос, но даже уменьшился (на 3,3% за тот же период)³¹. Поэтому в данном случае расширение экспорта лишь позволило компаниям несколько повысить степень загрузки оборудования, но практически не оказало какого-либо положительного влияния на их финансовое положение.

Очевидно, что отрицательный вклад в экономический рост внешнего спроса лишь усугубил тяжелое положение японской экономики в первые годы депрессии.

«Дно» кризиса экономика прошла осенью 1993 г., хотя и в 1994 г. какого-либо улучшения ситуации не наблюдалось (так, объем частных инвестиций в оборудование продолжал сокращаться и уменьшился на 5,3% по сравнению с

³⁰ Тоё кайдзай токэй гэнпо. 1997, № 12, с. 5 (Приложение).

³¹ Тоё кайдзай токэй гэнпо. 1997, № 12, с. 3, 20 (Приложение).

предыдущим годом). Некоторое оживление началось лишь в 1995 г., но происходило это весьма вяло.

Обычно процесс оживления идет по следующей схеме: урегулирование запасов → рост производства → рост занятости → рост доходов → рост потребительских расходов → рост производства → рост прибылей компаний → рост инвестиций в оборудование → рост производства. Однако на этот раз в течение довольно длительного времени эта схема не работала, и только примерно с середины 1996 г. взаимосвязи в экономике начали постепенно восстанавливаться.

Во-первых, к этому времени заметно продвинулся вперед процесс урегулирования избыточных мощностей. Предприятия сократили их объем, закрыв многие старые заводы (хотя с точки зрения технического уровня они могли бы служить еще много лет). Это привело к некоторому повышению уровня загрузки оборудования и способствовало оживлению частных инвестиций в оборудование.

Во-вторых, примерно к середине 1996 г. начал сказываться положительный эффект от изменения с середины 1995 г. направленности движения валютного курса: период эндака (повышение курса иены) уступил место тенденции к знясу (понижение курса иены), и в результате вклад внешнего спроса в экономический рост из отрицательного стал положительным.

В-третьих, вследствие введения с 1994 г. мер налогового стимулирования (в результате которых за 1994–1996 гг. общее бремя подоходного налога было снижено на 3 трлн. иен) произошло оживление потребительского спроса.

И, наконец, в-четвертых, в условиях относительно низких цен на землю и снижения процентов по кредитам на строительство домов (так, процент по кредитам Корпорации жилищного строительства снизился с 5,5% в 1991 г. до 3,1% в октябре 1996 г.)³² быстрыми темпами продолжали расширяться частные инвестиции в жилищное строительство.

Таким образом, во второй половине 1996 г. определенное восстановление конъюнктуры было налицо. Так, если в 1995 г. рост инвестиций в оборудование наблюдался лишь в небольшой группе отраслей обрабатывающей промышленности (прежде всего, автомобилестроении и электронике), то в 1996 г. этот процесс захватил не только более широкий круг обрабатывающих отраслей, но и оптовую и розничную торговлю, лизинг и т.д., а также распространился на мелкие и средние предприятия. Причем, во всех отраслях опережающими темпами возрастали инвестиции в офисное оборудование, средства связи, компьютеры. При общем увеличении объема промышленного производства в 1996 г. на 2,7% производство средств связи и информации возросло на 62,5%, а их доля в производстве инвестиционных товаров составила 34%³³.

³² «Кэйэйдай хакусё» 1997, с. 22.

³³ Там же, с. 28–29.

Восстановление конъюнктуры сказалось и на динамике курсов акций: с осени 1995 г. началось их постепенное повышение, которое продолжалось до конца 1996 г.

Правительство всячески старалось поддержать восстановительные процессы в экономике. Еще в сентябре 1995 г. Банк Японии объявил о понижении официальной учетной ставки процента до 0,5% – самого низкого в истории уровня. Кроме того, как отмечалось выше, с 1994 г. начала осуществляться программа уменьшения бремени подоходных налогов, предусматривавшая ежегодное понижение объема основных налогов на 3,5 трлн. иен. А с 1994 г. по 1996 г. было проведено снижение специальных налогов, составившее 9,5 трлн. иен³⁴. И, наконец, правительство продолжало финансовые инъекции в экономику по линии инвестиций в общественные работы.

Однако результатом этой политики стало заметное ухудшение положения дел в области государственных финансов. Размеры государственного долга быстро нарастали и к концу 1996 г. достигли 445 трлн. иен, а центральный и местный бюджеты сводились со все большим дефицитом.

В качестве выхода из этой сложной ситуации было решено, во-первых, несколько сократить объем государственных инвестиций в экономику (и это начало осуществляться со второй половины 1996 г.), а, во-вторых, увеличить размеры налоговых поступлений путем повышения с 3 до 5% потребительского налога и приостановки в 1997 фин. г. практики очередного снижения подоходного и других налогов, введенной с 1994 г.

Как показал дальнейший ход событий, эти меры отрицательно повлияли на макроэкономическую ситуацию. Повышение потребительского налога и выплат населения по социальному страхованию при одновременной отмене адекватного снижения прямого налогообложения привело к сокращению располагаемых доходов населения, а, следовательно, и к снижению потребительских расходов. И, действительно, уже во втором квартале 1997 г. конечные потребительские расходы снизились на 5,7% по сравнению с первым кварталом того же года. Что еще более примечательно, так это начавшееся с первого квартала 1997 г. сокращение частных инвестиций в жилищное строительство – на 3,9% в первом квартале 1997 г. и на 11,5% – во втором (по отношению к уровню предыдущего квартала).

На сокращение потребительского спроса и частных инвестиций в жилищное строительство быстро отреагировали и частные инвестиции в оборудование – их вялый рост (на 0,8%) в первом квартале 1997 г. сменился сокращением (на 1,5%) во втором³⁵.

³⁴ Там же, с. 78.

³⁵ Тоё кэйзай токэй гэнпо. 1997, № 12, с. 2 (Приложение).

Таким образом, в 1997 г. макроэкономическая ситуация вновь ухудшилась. По последним оценкам темпы роста ВВП составили 0,9%, а промышленного производства – 4,2%; при этом частные инвестиции в оборудование выросли на 4,5%, конечный потребительский спрос на 1,1%, а частные инвестиции в жилищное строительство уменьшилось на 15,7%³⁶.

Наиболее точно изменение конъюнктуры, а также настроения, царящие в деловом мире Японии, отражаются в динамике курса акций. Снизившись с 20 500 иен в декабре 1996 г. до 18 000 – 18 500 иен в начале 1997 г., индекс курса акций Никкэй поднялся до 20 000 – 20 500 иен к лету 1997 г., но затем вновь начал падать и к концу декабря снизился примерно до 15 000 иен³⁷. При этом особенностью нынешней ситуации стали резкие контрасты в положении отдельных отраслей и даже предприятий. Так, с одной стороны, в транспортном машиностроении и электронной промышленности, где уровень международной конкурентоспособности и прибыльности предприятий достаточно высок, поддерживался весьма приличный курс акций, но, например, в сфере финансов и строительства, он показывал тенденцию к снижению³⁸.

Конечно, на ухудшение в 1997 г. макроэкономической ситуации оказали влияние отмеченные выше действия правительства, подорвавшие позитивные тенденции в динамике конечного спроса. Но тот факт, что эти тенденции оказались столь хрупки и что мощные антициклические меры, предпринятые правительством в предшествовавшие годы, так и не смогли обеспечить стабильного оживления, свидетельствует о наличии в японской экономике глубоких и сложных проблем.

Одна из них – тяжелое положение в сфере финансов. Дело в том, что оживление, ростки которого появились еще в 1995 г., коснулось лишь материального производства. Положение же кредитно-финансовой сферы не только не улучшилось, но даже ухудшилось. При этом главной проблемой японских банков и других финансовых институтов по-прежнему остается проблема безнадежных долгов.

По оценкам министерства финансов на июнь 1995 г. общая сумма безнадежных долгов по всем финансовым институтам, имеющим право на операции с депозитами, составила около 40 трлн. иен³⁹. Однако, по мнению многих японских специалистов, реальный объем безнадежных долгов по крайней мере вдвое превышает эту величину.

Министерство финансов всячески скрывает объективную информацию об объеме безнадежных долгов, полагая, что если не объявлять об этом открыто, то

³⁶ Тоё кэйдай токэй гэнто 1998, № 5, с. 2 (Приложение)

³⁷ The Daily Jomiji. 28.12.1997.

³⁸ Кэйдай хакусё 1997, с. 57

³⁹ Japanese Firms, Finance and Markets, p. 262.

постепенно ситуация (потенциально чреватая катастрофическими последствиями) улучшится сама собой. В то же время для урегулирования этой проблемы оно предпринимает определенные усилия.

В частности, еще в 1992 г. под руководством министерства финансов ведущими банками была создана Корпорация по совместной покупке кредитов, целью которой было помочь банкам списать безнадежные долги (поскольку в Японии свободное от налогообложения списание безнадежных долгов не разрешается, пока не начата процедура банкротства). При этом, когда банки переводят в эту корпорацию свои безнадежные долги, им разрешается списывать разницу между их номинальной и оценочной стоимостью (последнюю определяет специальная комиссия, состоящая из экспертов в области права, бухгалтерской отчетности, налогообложения и операций с недвижимостью) со значительными налоговыми послаблениями. Хотя потери банков при продаже этих долгов достигают 70% от их номинальной стоимости, они довольно активно используют этот механизм: с момента основания корпорации и по конец марта 1997 г. ею было приобретено безнадежных долгов на сумму 13,6 трлн. иен⁴⁰.

Предполагается, что до марта 1998 г. эта корпорация будет заниматься покупкой долгов, а затем сосредоточит усилия на проблеме их возврата.

В феврале 1994 г. министерство финансов объявило о введении и другого метода решения проблемы безнадежных долгов, а именно той их части, которая была предоставлена небанковским финансовым институтам. Банки получили разрешение создавать компании специального назначения, которые в обмен на безнадежные долги выдают банкам определенную часть своих акций. При этом разница между номинальной стоимостью долгов и рыночной стоимостью акций может быть списана банками с целью получения налоговых льгот⁴¹.

Тяжелое положение кредитно-финансовой системы Японии осенью 1997 г. было усугублено финансовым кризисом, охватившим целый ряд азиатских государств, и ознаменовалось серией банкротств крупнейших финансовых институтов Японии. Это еще больше подорвало надежды на скорое оздоровление макроэкономической ситуации, о чем свидетельствуют крайне пессимистические оценки специалистов и деловой элиты страны перспектив развития японской экономики в 1998 г.

Правительство Японии, осознавая всю серьезность положения, в конце 1997 г. объявило о принятии ряда чрезвычайных мер по поддержке и стимулированию экономики. Однако его активность в этом направлении сдерживается взятыми еще ранее обязательствами по оздоровлению государственных финансов, согласно которым к 2003 г. дефицит государственного бюджета должен

⁴⁰ Кэйдай хакусё. 1997, с. 104

⁴¹ Japanese Firms, Finance and Markets, p. 270

быть доведен до 3% ВВП (с тогдашних 88%). Несовместимость этих двух задач проявилась в противоречивом характере бюджета на 1998/99 фин. г. С одной стороны, он предусматривает сокращение на 2 трлн. иен налогов на физических лиц, предоставление субсидий мелким и средним предприятиям в размере 10 трлн. иен, а также выделение 10 трлн. иен Корпорации по страхованию депозитов для урегулирования финансовых проблем, а с другой – сокращение на 7,8% расходов на общественные работы и на 2,7% – расходов по линии программы государственных займов и инвестиций⁴². Правительство полагает при этом, что темпы роста экономики в 1998/99 фин. г. составят 1,9%, в то время как многие специалисты опасаются, что они не достигнут и 1%⁴³.

Что же все-таки происходит в японской экономике, почему вторая по экономической мощи держава мира так и не может преодолеть депрессию и почему перспективы восстановления конъюнктуры сейчас столь же неопределенны, как и в начале 90-х годов?

Большинство японских и западных специалистов сходятся во мнении, что причины затянувшейся депрессии заключаются не только и не столько в том, что еще не полностью «переварены» последствия краха экономики «мыльного пузыря», сколько в наличии глубоких структурных проблем, разрешить которые можно лишь путем радикального реформирования экономики.

В самом общем виде суть вопроса заключается в следующем. Из-за особой роли, которая отводилась Японии в период «холодной войны», долгое время ее западные партнеры не обращали внимания на то, что в ходе послевоенного развития в стране была создана экономическая система, по принципам функционирования заметно отличающаяся от западных рыночных хозяйств. Среди главных ее характеристик можно назвать следующие: крайне высокая степень регламентации и контроля за экономической деятельностью со стороны государства; высокий уровень взаимопонимания и сотрудничества между государством и частным капиталом; государственный протекционизм в отношении определенных секторов; ограничение конкуренции в отдельных сферах за счет жесткого государственного регулирования; «социализация» с помощью государства издержек и результатов экономического роста; специфические формы организации деловых отношений (по типу группирования «кэйрэцу» и «кигё сюдан»), в т.ч. особые отношения между банками и крупными компаниями; акценты банков и компаний на расширении доли на рынке в ущерб обеспечению прибыльности и т.д.⁴⁴.

Как показало послевоенное развитие Японии, эта модель (которую называли и «смешанной», и «планово-рыночной», и «рыночно-организационной») оказа-

⁴² The Daily Jomiuri. 28.12.1997.

⁴³ The Daily Jomiuri. 08.01.1998.

⁴⁴ Подробно см.: Японский феномен. М., 1996, гл. IV.

лась весьма эффективной с точки зрения мобилизации ресурсов и обеспечения экономического роста на этапе «догоняющего» развития. Однако по мере усиления экономической мощи и нарастания масштабов внешнеторговой экспансии Японии у ее западных партнеров стали все чаще возникать сомнения в отношении «легитимности» существования японской экономической системы. Окончание же «холодной войны» еще больше усилило голоса тех, кто заявлял, что «уникальная японская система – это не незначительное отклонение от базовой философии капитализма и рыночной экономики, а нечто, основанное на совершенно других ценностях и философии»⁴⁵.

В результате западные страны стали требовать от Японии проведения реформ, которые привели бы ее экономическую систему в соответствие с принципами, на которых основаны западные рыночные хозяйства. При этом речь шла, прежде всего, о необходимости снижения роли бюрократии и дерегулировании, о «маркетизации» деловой практики банков и компаний, об открытии японского рынка для иностранных товаров и капиталов, в том числе путем снятия таких «неформальных барьеров», как «кигё сюдан» и «кэйрэцу» и т.д.⁴⁶.

Собственно, и само тяжелое положение японской экономики в 90-е годы свидетельствует о том, что прежняя экономическая система дала сбой, что какие-то из ее основ перестали работать и что для выхода из кризиса необходимо проведение серьезных структурных реформ.

Хотя необходимость реформ декларировали все правительства, находившиеся у власти в 90-е годы, ни у одного из них не хватило политической воли для их реального осуществления. Более или менее внятно об основных направлениях реформирования японской экономики было заявлено лишь в конце 1997 г., когда у власти находился премьер-министр Р. Хасимото, но комплексной программы его проведения пока не существует. Что же касается отдельных направлений реформ, то на сегодняшний день дальше всего дело продвинулось в сфере дерегулирования.

Строго говоря, оно началось намного раньше – с принятия в декабре 1977 г. Плана рационализации системы разрешений, отменившего или упростившего процедуры выдачи разрешений в отношении 1240 случаев. В 80-е годы процесс дерегулирования прошел главным образом под знаком либерализации финансовой сферы (которая продолжилась и в 90-е годы), а также приватизации крупных государственных предприятий («Дэндэн» и «Кокутэцу»). 90-е годы были отмечены дальнейшей активизацией работы по дерегулированию, в результате

⁴⁵ Japanese Firms, Finance and Markets, p. 213.

⁴⁶ В наиболее полном виде набор требований западных стран к Японии был предъявлен на заседании межправительственной группы по японо-американским структурным противоречиям, состоявшемся в апреле 1990 г.

которой к концу десятилетия должно быть отменено около 4 тыс. различных правил и регламентаций.

С 1 апреля 1998 г. началась также крупномасштабная реформа кредитно-финансовой системы страны, получившая название «Большой взрыв». Она призвана оживить конкуренцию в этой сфере и способствовать ее оздоровлению как за счет снятия всевозможных регламентаций и ограничений на деятельность резидентов, так и путем открытия ее для конкуренции извне. И, наконец, с осени 1998 г. начнет осуществляться рассчитанная на пять лет реорганизация центральных министерств и ведомств, в результате которой их функции претерпят существенное изменение, а общее число сократится с нынешних 22 до 12.

Таким образом, медленно и может быть не столь радикально, как того требует нынешнее состояние японской экономики, на разворот страны в сторону создания более рыночной и эффективной модели начался. По-видимому, уже через 5–10 лет в Японии будет создана новая экономическая среда – более жесткая, более рыночная и конкурентная, и страна вновь сможет занять место лидера среди наиболее развитых государств. Что же касается ближайшего будущего, то оно выглядит не столь радужно. Начавшиеся реформы и другие меры по оздоровлению экономики пока не только не могут стимулировать оживление, но даже просто стабилизировать ситуацию.

Несмотря на огромное положительное сальдо торгового баланса, курс иены по отношению к доллару до последнего времени продолжал падать и в августе 1998 г. перешел отметку 140 иен за 1 долл., которую японские специалисты называли «психологическим барьером». Курс акций по-прежнему крайне низок и не показывает каких-либо признаков к повышению. Но самое главное – это то, что японские инвесторы продолжают переводить свои капиталы за границу, что собственно и вызывает падение курса иены. А за всем этим стоит крайне пессимистические настроения участников рынка в отношении ближайших перспектив японской экономики и, прежде всего, неверие в способность правительства быстро справиться со сложившейся ситуацией.

Японская наука перед лицом сложных проблем

Ю.Д. Денисов

Для современной Японии характерно широкое и быстрое освоение лучших достижений научно-технической мысли, использование их во всех видах практической деятельности. Это ставит японское общество на качественно новый экономический фундамент, поднимая его на весьма высокий уровень производства и потребления различных материальных и культурных благ. Правда, в первой половине 90-х годов в развитии японской экономики, как известно, произошел серьезный сбой. Однако и в этот период главной особенностью производства была опора на широчайшую «базу знаний», сформированную как национальной, так и мировой научно-технической мыслью, на мощные пласты информационных ресурсов, придающих современной японской экономике качественно новые свойства. С ними, по-видимому, в немалой степени связана ее проявлявшаяся и ранее способность к «выживанию» в самых напряженных условиях (рост цен на энергоносители, повышение курса иены и др.). Высокие технологии и наукоемкое производство, уменьшение в конечном продукте доли сырья и увеличение доли информации – такова основа экономического процесса в современной Японии, играющая свою важную роль и в постепенном преодолении трудностей 90-х годов.

Вместе с тем, чтобы выполнять роль эффективного стабилизатора экономического процесса, сфера науки и техники сама должна развиваться на здоровой основе – иметь хорошее финансовое обеспечение, регулярно обновлять оборудование лабораторий, иметь хорошо укомплектованный кадровый состав и т.д. Однако в виду того, что промышленные компании из-за кризисных явлений в экономике стали сокращать финансирование НИОКР (научных исследований и опытно-конструкторских работ), ежегодный прирост суммарных затрат на эти цели по стране в целом не только замедлился, но и вышел на отрицательные ве-

личины. Достигнув в 1992/93 фин. г. уровня 13,9 трлн. иен, в последующие два года японские расходы на НИОКР уже только сокращались – соответственно на 1,4% и 0,8%. И хотя это сокращение не столь уж велико, оно произошло впервые за весь послевоенный период. В результате объем японских НИОКР в 1994/95 фин. г., по существу, соответствовал уровню 1991/92 фин. г., а их объем в 1996/97 фин. г., составивший 14,9 трлн. иен, превысил уровень 1992/93 фин. г. лишь на 7,1%¹. Заметим для сравнения, что в 80-е годы за четырехлетний период объем японских НИОКР возрастал в среднем на 40%. Следовательно, экономические проблемы Японии начала 90-х годов весьма ощутимо затормозили развитие сферы исследований и разработок.

Более подробный анализ позволяет выяснить, что снижение расходов на НИОКР (общих и по промышленности) происходило лишь по статьям «Материалы» и «Основные фонды». По статье же «Трудозатраты» во всех группах исполнителей НИОКР отмечался ежегодный прирост расходов², что давало возможность увеличивать численность исследователей и разработчиков, правда, при сокращении обслуживающего персонала³:

Год	Весь персонал НИОКР	Исследователи и разработчики
1991	803 733 (558 261)	504 966 (330 996)
1992	812 985 (563 018)	518 869 (340 809)
1993	840 511 (583 961)	541 139 (356 406)
1994	846 829 (583 485)	558 307 (367 278)
1995	844 103 (577 725)	574 501 (376 639)
1996	844 235 (573 714)	586 936 (384 100)
1997	843 052 (568 222)	591 234 (384 811)

Таким образом, и в этот сложный период предпринимались и давали определенный эффект усилия, направленные на рост интеллектуального потенциала сферы исследований и разработок, причем стремление не допустить его ослаб-

¹ Кагаку гидзюцу ёран 1998 (Статистический справочник по науке и технике за 1998 г.). 1998, с. 26.

² «Трудозатраты» учитывают все виды выплат персоналу, который осуществляет и обслуживает процесс исследований и разработок, до уплаты налогов. В статье «Материалы» учитываются расходы не только на сами материалы, но и на оборудование со сроком пользования им менее одного года или стоимостью менее 200 тыс. иен и выше. В статье «Основные фонды» учитывается стоимость зданий и сооружений, транспортных средств, а также оборудования со сроком эксплуатации один год и более и стоимостью 200 тыс. иен и выше. В статье «Прочие расходы» учитываются затраты, не вошедшие в предыдущие три статьи: на топливо, водоснабжение и освещение, связь, командировки, полиграфические услуги и др.

³ Данные на 1 апреля соответствующего года, в скобках – по компаниям. Кагаку гидзюцу ёран 1998, с. 46.

ления было проявлено как на государственном, так и на частно-предпринимательском уровнях.

Как известно, 80-е годы были периодом исключительно быстрого роста наукоемкости японской экономики (измеряемой отношением объема НИОКР к объему продаж). Это вполне соответствует характеру процесса ее интеллектуализации: материалоемкие и энергоемкие производства сокращались, а в отраслях, опирающихся на достижения науки, техники и технологии и находящихся в фазе «накопления информационного капитала», затраты на НИОКР увеличивались намного быстрее объемов производства.

В начале 90-х годов этот процесс замедлился, а затем пошел в противоположном направлении, т.е. наукоемкость обнаружила тенденцию к снижению. В 1996/97 фин. г. ее величина в целом по экономике составила 2,73% (в 1991/92 фин. г. – 2,81%)⁴. Однако есть основания предполагать, что после стабилизации экономики рост наукоемкости вновь продолжится, поскольку для целого ряда производств (ЭВМ, особо чистые вещества, авиакосмическая техника, биотехнологическая продукция и др.) этот параметр в 3–5 раз выше, чем в среднем по обрабатывающей промышленности, и удельный вес таких производств будет возрастать.

Определенный интерес представляет оценка динамики наукоемкости методом сопоставления затрат на НИОКР со стоимостными показателями объемов производственных инвестиций. Отношение этих двух величин для экономики в целом в 1991/92 – 1995/96 фин. гг. возросло с 0,16 до 0,22. Затраты компаний на НИОКР вплоть до настоящего времени все еще существенно уступают объемам производственных инвестиций. Вместе с тем в отраслях обрабатывающей промышленности картина явно меняется: хотя на эти отрасли приходится меньше половины общего годового объема производственных инвестиций, их доля в финансировании промышленных НИОКР превышает 90%, а потому отношение «НИОКР/инвестиции» для них в несколько раз выше, чем в среднем по экономике. Например, в транспортном машиностроении, химическом и фармацевтическом производстве и особенно в электротехнической промышленности затраты на НИОКР составляли в 1990/91 фин. г. более 50% объема производственных инвестиций, а к середине 90-х годов даже превысили его, поскольку в 1992/93 – 1994/95 фин. гг. инвестиционная активность снизилась в большей степени, чем финансирование НИОКР⁵.

Представляется, что отношение «НИОКР/инвестиции» может служить достаточно объективной характеристикой наукоемкости производства, особенно в

⁴ Там же, с. 66.

⁵ Кэйдай ёран 1997 (Экономическое обозрение за 1997 г.). 1997, с. 132–133; Кагаку гидзюцу ёран 1997, с. 34–35.

стабильной фазе экономического развития, когда нет резких колебаний в обоих показателях.

Как известно, научно-технический прогресс основывается на последовательном включении в практическую деятельность новой информации, являющейся результатом непрерывного углубления научного поиска, в первую очередь развития фундаментальной науки. Именно от уровня последней во все большей степени зависят сегодня экономические перспективы. Поэтому в Японии фундаментальным исследованиям уделяется самое серьезное внимание. В 80-е годы в общей структуре НИОКР на них приходилось в среднем около 13,5%. Характерно, что даже в начале 90-х годов, когда в целом по стране произошло некоторое сокращение расходов на НИОКР, объемы фундаментальных исследований продолжали увеличиваться, повышалась и их доля в общем объеме НИОКР, составив в 1995/96 фин. г. 15%⁶.

Около половины объема японских фундаментальных исследований (48%) выполняется в учреждениях системы высшего образования (университеты, колледжи), примерно треть (32%) – в лабораториях компаний. Остальное приходится на государственные и частные НИИ.

Естественно, что содержание фундаментальных исследований, проводимых в Японии промышленными компаниями, в основном предопределяется стремлением форсировать инновационный процесс, произвести продукцию с новыми свойствами, привлекательную для широкого круга потребителей. Так, результаты анкетного опроса руководителей компаний, проведенного Управлением по науке и технике в 1994 г., свидетельствуют, что их главная забота при планировании НИОКР – обеспечить успех текущей деятельности компаний (мнение 80% респондентов)⁷. Однако это отнюдь не означает, что этап разработок является в компаниях приоритетом более высокого ранга, чем этап фундаментальных исследований. Не следует истолковывать таким образом и цифры, которые характеризуют структуру НИОКР, проводимых в компаниях (фин.г., %)⁸:

	1990/91	1991/92	1992/93	1993/94	1994/95	1995/96	1996/97
Фундаментальные исследования	6,4	6,8	6,9	6,7	6,8	6,6	6,3
Прикладные исследования	21,8	22,2	22,1	21,4	22,2	22,0	22,3
Разработки	71,8	71,1	71,1	71,9	71,1	71,3	71,5

⁶ Кагаку гидзюцу ёран 1997, с. 36–37.

⁷ Кагаку гидзюцу хакусё 1994, с. 293

⁸ Кагаку гидзюцу ёран 1998, с. 36–37

Ведь известно, что при всей дороговизне научных исследований значительно большие суммы необходимо направлять на практическую реализацию полученных результатов, их конструкторское и технологическое воплощение. Именно поэтому основная часть средств, которые компании тратят на НИОКР, приходится на этап разработок. Причем, как можно убедиться, даже в период экономического неблагополучия структура промышленных НИОКР обнаруживает высокую стабильность. По-видимому, логика инновационного процесса требует выдерживать эту структуру как оптимальную для нынешнего состояния японского научно-производственного потенциала.

Важным источником информационного обеспечения научно-технического прогресса в Японии по-прежнему служит импорт технологии (патентов, лицензий, ноу-хау и др.). В общем его потоке есть, безусловно, и вынужденное приобретение лицензий у зарубежных фирм, опередивших своих японских конкурентов и уже запатентовавших свои технические решения в Японии и других странах.

Тем не менее общие статистические данные об импорте технологии, хотя и приближенно, позволяют оценить дополнительный вклад в производство благодаря использованию результатов зарубежных НИОКР. Представленные ниже данные характеризуют импорт технологии японскими компаниями в течение первой половины 90-х годов. В скобках даны цифры для одной из отраслей, на которую неизменно приходится наибольшая часть приобретенных лицензий, — для электротехнической промышленности⁹:

Финансовый год	Число приобретенных лицензий	Платежи за импорт технологии, млрд. иен
1991/92	3175 (1988)	394,7 (161,2)
1992/93	3244 (2132)	413,9 (178,9)
1993/94	3029 (2023)	363,0 (159,2)
1994/95	3161 (2092)	370,7 (177,4)
1995/96	3901 (2105)	391,7 (199,7)
1996/97	3145 (1996)	442,0 (222,3)

Видно, что экономические проблемы этого периода оказали определенное влияние на динамику импорта технологии. Так в 1993/94 фин. г. оба показателя заметно понизились, причем в абсолютном выражении их спад был больше, чем прирост в следующем году. Резкое увеличение общего числа лицензий в 1995/96 фин. г. связано с тем, что текстильная и швейная отрасли закупили сразу свыше 1 тыс. лицензий, тогда как ранее их «квота» не превышала 300.

Обычно, говоря об импорте технологии, упоминают целый ряд малопривлекательных для импортера условий, которые он обязан соблюдать. В первую очередь

⁹ Там же, с. 90–91, 98–99.

речь идет об ограничениях на объемы продукции, выпускаемой по лицензиям, а также на масштабы и географию ее экспорта. Такая практика призвана защитить первоначального обладателя технологии от возможного ухудшения его рыночных позиций после продажи лицензии. Именно поэтому, как нередко подчеркивают, продаже подлежат отнюдь не новейшие результаты разработок, а уже реализованные в производстве и находящиеся накануне замены более совершенными технологиями.

Не отрицая справедливости этих широко распространенных суждений, все же обратим внимание на то, что в последнее время многие мелкие фирмы, как правило, из сферы так называемого венчурного бизнеса, специализируются исключительно на проведении исследований и разработок в области высоких технологий с целью последующей продажи их результатов. Каких-либо ограничений на использование последних они не выдвигают, поскольку своей производственной базы не имеют и не предполагают ее создавать, по крайней мере, в обозримом будущем. Так что импорт технологии остается для Японии достаточно перспективным направлением форсирования НТП, хотя его роль намного меньше, чем в первые послевоенные десятилетия.

Как можно было убедиться, развитие науки, техники и технологий в Японии опирается главным образом на деятельность частных компаний. Однако достаточно существенна и роль государства, тем более что оно предоставляет компаниям возможность осваивать многие новейшие научно-технические направления в рамках государственных проектов и программ. Кроме того, можно предположить, что и эффективность государственных НИОКР благодаря возможности лучше их координировать и исключить дублирование выше, чем в частном секторе.

Государственное финансирование НИОКР в первой половине 90-х годов демонстрировало явную тенденцию к росту как в абсолютном выражении, так и по доле в ВВП с учетом затрат на исследования по гуманитарным и общественным наукам)¹⁰:

Финансовый год	Объем государственного финансирования, трлн. иен	Доля в ВВП, %
1991/92	2,504	0,54
1992/93	2,697	0,57
1993/94	2,966	0,62
1994/95	2,918	0,61
1995/96	3,292	0,67

¹⁰ Там же, с. 26–27.

Однако поддержать эту тенденцию оказалось весьма непросто: в 1996/97 фин. г. уровень государственного финансирования НИОКР снизился до 3,159 трлн. иен (0,63% ВВП). И хотя в следующем финансовом году бюджетные ассигнования на НИОКР возросли почти на 7%, в проекте бюджета на 1998/99 фин. г. предусмотрен их рост лишь на 0,9%¹¹.

Впрочем, сам по себе положительный прирост затрат на НИОКР еще не является показателем полного благополучия в этой сфере. Как свидетельствуют официальные материалы, в государственных вузах около половины лабораторного оборудования эксплуатируется более 20 лет. В государственных НИИ доля последнего также весьма высока – более 1/3¹². В частности, это касается многих крупных НИИ, построенных в г. Цукуба во второй половине 70-х годов. Поэтому в Японии неоднократно ставился вопрос о значительном, до двух раз, увеличении государственных ассигнований на НИОКР, что позволило бы повысить к 2000 г. суммарные японские расходы на НИОКР до 17 трлн. иен¹³. Вместе с тем, пока экономическая обстановка в Японии такова, что на передний план выступает задача совсем иного рода – как не допустить снижения расходов на НИОКР.

Характеризуя научно-техническое развитие Японии в 90-е годы, конечно, следует не только говорить о ресурсах, направляемых в сферу НИОКР, но и привести данные об уровне этого развития, оценить японские достижения в сравнении с другими странами. Это можно сделать на основании результатов анкетного обследования, проведенного Управлением по науке и технике¹⁴. Из них следует, что японские технологии, используемые в первой половине 90-х годов в обрабатывающей промышленности, в основном отвечают уровню ведущих индустриально развитых стран. Так, в сравнении с Западной Европой Япония обладает более развитыми технологиями в производстве стали, точном машиностроении, электронной промышленности, электротехническом производстве, а также, хотя и с небольшим отрывом, в автомобилестроении. В химической промышленности и общем машиностроении технологические позиции примерно одинаковы, однако в фармацевтическом производстве Япония значительно отстает от западно-европейского уровня.

При сравнении с США японские позиции выглядят скромнее. Превосходство здесь можно отметить только в производстве стали, общем машиностроении и до некоторой степени в автомобилестроении. В точном и электротехническом машиностроении уровни технологий весьма близки, а в электронной и химиче-

¹¹ STA Today, 1998, № 1, с. 2.

¹² Basic Plan for Science and Technology. Tokyo, 1996, с. 28.

¹³ Там же, с. 15.

¹⁴ Кагаку гидзюцу хакусё. 1997, с. 64

ской промышленности и особенно в фармацевтическом производстве ведущие позиции принадлежат американцам.

О ближайших перспективах японо-американского соперничества в области электронной техники можно вполне достоверно судить по уровню прикладных исследований. Здесь выявляются два направления, по которым с большим отрывом лидируют США, – принципиально новые компьютеры и цифровая техника получения и передачи изображений. В такой области, как создание новых полупроводниковых элементов, Япония несколько уступает Соединенным Штатам, сохраняя лидерство лишь по отдельным технологиям. Вместе с тем в области высокоплотного хранения информации японские прикладные исследования в целом результативнее американских, хотя по ряду направлений впереди американцы.

Что касается фундаментальной науки, то здесь Япония значительно уступает США по целому ряду главных направлений НТП – и в области новых материалов, и по электронной тематике, и в науках о жизни. Лучше выглядят позиции Японии при сравнении с западно-европейским уровнем, здесь серьезное отставание проявляется только в науках о жизни. Следует заметить, что именно на указанных выше направлениях формируются ключевые технологии, радикально изменяющие рынок товаров и услуг и тем самым активно воздействующие на экономику.

Вероятно, эти результаты выглядят несколько неожиданными – ведь еще не так давно считалось, что в прикладных областях науки и на этапе разработок, т.е. на финише НИОКР, Япония обладает большими преимуществами над зарубежными конкурентами и что здесь ее позиции особенно прочны. Но времена меняются, и возникает совсем иная картина. В чем же причина подобной тенденции и что предпринимается с целью улучшить ситуацию?

Ответить на эти вопросы, хотя бы частично, помогают результаты специальных анкетных обследований, особенно направленных на выяснение проблем организации НИОКР. Так, в одном из обследований оценивалось, насколько исследователи и разработчики обеспечены вспомогательным персоналом – ассистентами, техниками и т.д. О серьезном дефиците такого персонала заявило 84% опрошенных исследователей и разработчиков. Из них 11% затрачивает на различные второстепенные работы до 1 часа в день, 26% – от 1 до 2 часов, 30% – от 2 до 3 часов, 18% – от 3 до 4 часов, а 6% – более 4 часов. При этом 75% опрошенных отметили, что это мешает им продуктивно выполнять основную работу – замедляет ее, ограничивает область приложения усилий, затрудняет достижение поставленных целей¹⁵.

Между тем статистика свидетельствует, что начиная с 70-х годов численность вспомогательных работников в расчете на одного исследователя или раз-

¹⁵ Там же, 1996, с. 68.

работчика в Японии довольно быстро сокращается. В 1995 г., когда проводилось указанное выше обследование, на 100 исследователей и разработчиков приходилось в среднем 32 ассистента и техника – вдвое меньше, чем в 1975 г. Несколько лучше положение в компаниях – 40 вспомогательных работников (однако не 95, как это было в 1975 г.). На этом фоне положение исследователей, работающих в области высоких технологий, выглядит как привилегированное: на 100 исследователей здесь приходится в среднем 150 ассистентов и техников. И все же согласно опросам этого недостаточно – число ассистентов желательно увеличить в 1,7, а техников – в 3,2 раза¹⁶.

Следует заметить, что при нынешнем экономическом положении в Японии исправить эти перекосы практически невозможно. При непрерывном возрастании численности исследовательских кадров – с 484 тыс. человек в 1990 г. до 575 тыс. в 1995 г. – контингент ассистентов сократился со 103 тыс. до 87 тыс. человек, а техников – со 103 тыс. до 97 тыс. человек¹⁷.

Известно, что в Японии существует уходящая в историю традиция долговременной работы в одной и той же фирме. Самостоятельный переход на новое место работы противоречит этой традиции, проявляющей себя и в научной сфере. Охарактеризовать свое отношение к возможности по своему желанию менять место работы для японского ученого оказалось непростым делом: 48% опрошенных не смогли высказать по этому поводу ни положительного, ни отрицательного мнения. Лишь 17% готовы к «мобильному» варианту, а 35% не считают его приемлемым для себя (обследование 1996 г.). В то же время более половины респондентов согласно с тем, что мобильность ученых «повышает жизненный тонус» научных организаций и примерно столько же считает, что это способствует обогащению ученых новыми знаниями. Вместе с тем отмечается, что при кратковременных откомандированиях в другие научные учреждения этот эффект может оказаться не столь существенным, а адаптация на новом месте обернется потерями как для ученого, так и для принимающего его учреждения¹⁸.

В Японии хорошо понимают, что значительное отставание на научном фронте является угрозой японской экономической мощи, и видят выход из создавшегося положения в первую очередь в совершенствовании системы исследований и разработок. Понимая всю сложность изыскания дополнительных средств в нынешних неблагоприятных условиях, здесь все более обращают внимание не столько на количественные параметры, сколько на качественное повышение эффективности использования имеющихся средств. В числе важнейших резервов следует отметить лучшее маневрирование имеющимися ре-

¹⁶ Там же, с. 69–70.

¹⁷ Кагаку гидзюцу ёран 1997, с. 46–47.

¹⁸ Кагаку гидзюцу хакусё, 1997, с. 36–37.

сурсами научно-технической деятельности – значительное расширение масштабов совместных исследований, активный обмен специалистами, создание временных научных групп под конкретную проблему, предоставление лабораторных стендов и оборудования внешним учреждениям и др. Так, если на рубеже 80–90-х годов 2/3 фирм делали ставку на проведение НИОКР только собственными силами, то уже во второй половине 90-х годов, по оценкам ответственных работников компаний, эта доля должна была понизиться примерно до 45%. Более того, отмечалось, что совместные НИОКР будут развиваться не столько между компаниями одной и той же отрасли, сколько на межотраслевом уровне¹⁹. Иначе говоря, принципиально новые области исследований, далекие от профиля фирмы, представляется более выгодным осваивать в кооперации с профессионалами из других отраслей.

О том, на что рассчитывают компании, развивая научно-техническое кооперирование, можно судить по результатам упомянутого обследования. Так, проведение НИОКР совместно с другими фирмами ускоряет разработку новой продукции (отмечено в 60% анкет), а сотрудничество с университетами компенсирует нехватку собственных научных кадров (50%). При этом независимо от характера учреждения, с которым фирмы кооперируются (другие компании, НИИ, университеты), обеспечивается проведение работ, которые нельзя было бы выполнить самостоятельно из-за отсутствия профессиональных знаний и опыта (50%). Причем интерес к сотрудничеству с НИИ дополнительно повышается благодаря возможности использовать их уникальное научное оборудование²⁰.

В Японии все больше внимания начинают уделять использованию конкретного метода, при котором наем специалистов производится на короткий период, а возобновление контракта зависит от результатов работы. Реализуемая таким образом интенсификация научной и инженерной деятельности рассматривается одновременно как способ повышения творческого потенциала исследователей и разработчиков, поскольку предоставление большей самостоятельности и повышение индивидуальной ответственности помогает более полно реализовать природные способности.

Следует заметить, что на первую половину 90-х годов, когда значительные усилия направлялись на решение серьезнейших проблем в экономике, пришлось и разработка важнейших мер по совершенствованию научно-технической деятельности. Так, в 1992 г. правительство утвердило вторую редакцию «Основных направлений научно-технической политики». В отличие от первой, принятой в 1986 г., она более конкретно указывает, по каким направлениям правительство должно оказывать содействие научной сфере. Согласно

¹⁹ Там же, 1994, с. 50

²⁰ Там же, 1997, с. 30.

этому документу основополагающим принципом развития науки, техники и технологий в Японии на всю дальнейшую перспективу является обеспечение гармонии в системе «техносфера–общество». Выдвижение его на первое место обусловлено пониманием исключительной социальной значимости научного процесса и его результатов для японского общества, тем более что в последнем присутствует определенный скептицизм по отношению к возможностям науки. Об этом, в частности, свидетельствуют данные обследования, проведенного в 1994 г. Национальным институтом научной и технической политики. Хотя 54% респондентов считают, что наука делает жизнь более здоровой, безопасной и приятной, все же 32%, т.е. практически 1/3, с этим не согласны. Как утверждает 57% респондентов, наука делает нашу жизнь более беспокойной, а 71% разделяет мнение, что в последнее время люди, полагаясь на науку, забывают о духовной стороне жизни²¹.

Судя по этим настроениям, японское общество приветствует лишь такое развитие науки и техники, которое формирует «дружественную» ему техносферу, и именно в этом состоит его социальный заказ ученым и разработчикам. И то, что он нашел четкое отражение в таком важном документе, как «Основные направления научно-технической политики», безусловно, способствует более правильной ориентировке общего инновационного курса страны, тем более в нынешних весьма непростых условиях, когда экономический процесс особенно чувствителен к изменениям потребительского спроса, на который, как известно, влияют и психология потребителя, и его мировоззренческие установки.

В этом документе четко определен перечень направлений, по которым государство будет осуществлять активную поддержку национальных НИОКР, – финансирование исследований и разработок, подготовка кадров и повышение их творческого потенциала, совершенствование научно-исследовательской инфраструктуры, содействие НИОКР в периферийных районах, расширение международной научно-технической кооперации. Далее в пределах каждого направления выделены наиболее актуальные задачи. Например, в качестве одного из главных условий обеспечения НИОКР квалифицированными кадрами указывается воспитание у молодежи интереса к науке и технике, в частности, путем корректировки учебного процесса и выделения значительно большего времени на эксперименты и наблюдения. Соответствующие предложения сформулированы и по другим направлениям.

Создать максимально благоприятные условия для решения поставленных задач призван принятый в 1995 г. Основной закон о науке, технике и технологиях²², который придал научно-технической деятельности высокий общественный статус, указав, что наука и техника обеспечивают основы будущего развития

²¹ Там же, 1995, с. 104.

²² Кагаку гидзюцу ёран. 1996, с. 110–115.

Японии. Исключительно важным является его пункт, указывающий, что развитие науки и техники в Японии должно опираться на органичное взаимодействие между учреждениями государственного и частного секторов. Тем самым существенно ослабляется действие различных административных и бюрократических барьеров, препятствующих активному сотрудничеству между этими двумя частями японского научно-технического потенциала. В частности, открывается возможность интенсификации научного и учебного процессов путем привлечения в вузы практических работников из промышленности, равно как и усиление профессорско-преподавательскими кадрами промышленных НИОКР, чему раньше препятствовали устойчивые консервативные традиции как вузов, так и компаний.

Отдельная глава Основного закона о науке, технике и технологиях вводит в обиход новый документ, которым определяется содержание конкретных организационных мер по совершенствованию сферы государственных НИОКР, – «Базовый план научно-технического развития», подлежащий периодическому пересмотру и уточнению под контролем Совета по науке и технике. Изданный в июле 1996 г., он ориентирован на десятилетний срок, однако указывается, что 1996–2000 годы должны стать периодом его особенно активной реализации.

Характеризуя содержание этого документа, следует отметить, что в нем весьма подробно излагаются намечаемые меры по совершенствованию всей системы государственных НИОКР, но почти не рассматривается механизм их проведения в жизнь. В нем указывается, что именно нужно разработать (ускорить, увеличить, расширить и т.д.), чему следует способствовать, против чего необходимо принять меры, но не раскрывается, каким образом все это должно быть осуществлено. Так что, по существу, данный документ является лишь более подробным и развернутым вариантом упоминавшихся выше «Основных направлений научно-технической политики», но отнюдь не рабочим инструментом осуществления этой политики. Тем не менее – это крупный шаг, возможно даже последний, к созданию такого инструмента, а именно к разработке его финансового механизма. Задача весьма непростая сама по себе, а тем более в нынешних экономических условиях.

Наряду с разработкой новой стратегии научно-технического развития принимались и конкретные меры организационного плана, направленные на повышение эффективности управления и снижение административных расходов. Например, в 1996 г. Японский центр научной и технической информации и Японская корпорация по исследованиям и разработка с целью обеспечения лучшего взаимодействия, в частности, при оказании помощи малым научным группам, были объединены в рамках Японской корпорации по науке и технике. Другой пример – реорганизация государственных программ НИОКР, выполнявшихся под эгидой МВТП. Программы «большие проекты» и «Базовые технологии для промышленности следующего поколения» были объединены в

единую программу «Исследования и разработки в области промышленной науки и техники», а программа «Солнечное сияние», в соответствии с которой разрабатывались новые источники энергии, была укрупнена и в своем новом варианте вобрала в себя ранее самостоятельную программу по энергосберегающей технике «Лунный свет». Но, пожалуй, самой масштабной реорганизацией в системе государственных НИОКР должно стать объединение Управления по науке и технике и министерства просвещения в рамках нового ведомства – министерства образования, науки и технологий. Тем самым общее руководство подготовкой специалистов в государственных учебных заведениях и деятельностью большого числа государственных учреждений, ведущих исследования и разработки, сосредоточивается в одних руках. Это позволяет теснее связать обучение и научные исследования, использовать кадры и лабораторную базу государственных научных и учебных учреждений как для целей образования, так и для выполнения НИОКР, готовить будущих специалистов на более современном уровне, еще на этапе обучения развивать у них способности к научному и инженерному творчеству.

Одним из достижений на пути совершенствования международной научной кооперации, является активизация с начала 90-х годов работ по программе «Human Frontier Science Program» («Передний край наук о человеке»), организованной по инициативе японского правительства еще в начале 80-х годов. Более 80% расходов на ее реализацию (в среднем около 35 млн. долл. в год) оплачивает японская сторона, хотя основной фронт работ по программе проходит не в Японии, а за рубежом. Так, в 1993/94 фин. г. научные лаборатории США и Канады приняли 79 зарубежных ученых (в том числе 16 из Японии), а европейские лаборатории – 23 (семь из Японии). Однако в Японию для работы по данной программе приехал только один зарубежный ученый²³. Конечно, это отражает весьма невысокий уровень японской фундаментальной науки в области живой материи. Но именно с целью сокращения отставания и была организована эта программа, обеспечивающая японским ученым возможность работать в американских и европейских научных центрах и тем самым приобрести недостающие знания и опыт. Кроме того, результаты, полученные и опубликованные зарубежными учеными, также станут достоянием японских исследователей и будут способствовать прогрессу японской науки на одном из самых перспективных направлений.

Таким образом, трудный для Японии период 90-х годов во многом явился и этапом серьезных сдвигов в японской науке. Особенно это проявилось в государственном секторе НИОКР, который стал своего рода полигоном для реализации новых организационных мер и инициатив правительства, направленных на качественное совершенствование исследований и разработок, их ориентиро-

²³ Кагаку гидзюцу хакусё 1994, с. 58.

вание на получение оригинальных, принципиально новых результатов, «прорывных» технологий.

В Японии хорошо понимают, что недостаточно высокий творческий потенциал японской науки превращается в общенациональную проблему. Причем в 90-е годы она усугубилась трудностями в обновлении материальной базы НИОКР, сокращением вспомогательных кадров, что существенно ухудшило условия для творческой деятельности исследователей и разработчиков. И хотя внимание к сфере НИОКР после выхода ряда важных правительственных документов значительно усилилось, тем не менее рассчитывать в ближайшее время на быстрые перемены, пожалуй, не приходится. Ведь о крайней необходимости форсировать усилия в данной области немало говорилось и прежде, например, в Рекомендациях Совета по науке и технике, подготовленных еще в 1984 г.

Дело, по-видимому, не только в том, что система производства «информационных ресурсов» довольно инерционна и трудно управляема. Главное, она, как и искусство, зиждится на подлинных талантах. Недостаточно поднять ее средний уровень, в первую очередь необходимы «гиганты мысли», способные возглавить научные и инженерные школы. Найти крупные таланты, помочь им в росте и созревании, а затем создать условия для творческого соревнования между ними – такова главная проблема, с которой связано будущее японской науки. Эта проблема, пожалуй, гораздо сложнее и масштабнее многих других, стоящих сегодня перед Японией. Ее решение является центром и основой деятельности новой организации науки, крайне необходимой современной Японии. В конечном счете именно такое решение открыло бы путь к выходу японской экономики на уровень стандартов XXI в.

Программа «Технополис» – теория и практика

И.Л. Тимонина

В 1983 г. в Японии был принят Закон об ускорении регионального развития на основе высокотехнологичных комплексов (или закон о технополисах), положивший начало созданию сети технополисов по всей Японии. Сам же проект «Технополис» стал одним из основополагающих в политике регионального развития 80-х годов – эпохи коренных структурных преобразований в экономике страны, выдвижения научно-технического прогресса на роль главного фактора экономического роста.

Теоретические основы

Проект «Технополис» опирается на концепцию «поляризованного развития», которая нашла широкое применение как одна из теоретических основ региональной экономической политики во многих странах, столкнувшихся с необходимостью решать проблемы рационального размещения производительных сил и сбалансированного развития отдельных районов, искать пути преодоления диспропорций между «центром» и «периферией», стимулировать так называемые депрессивные и относительно менее развитые регионы.

Концепция «поляризованного развития» основана на предпосылке, что развитие периферийных районов идет вокруг своеобразных «очагов роста», или «полюсов». Само понятие «полюс роста» одним из первых ввел в научный оборот в начале 50-х годов французский экономист Ф. Перру, занимавшийся проблемами региональной экономики и политики. Согласно его представлениям экономический рост не идет повсеместно, а имеет очаговый характер. «Полюса

роста», по его определению, – это агломерации предприятий, сконцентрированных в определенных местах, где экономический рост, предпринимательская активность, инновационный процесс отличаются наибольшей интенсивностью, оказывая влияние на другие территории, которые не входят в «полюса». Это и есть «поляризованное» развитие¹.

Теоретическая модель регионального развития на основе «полюсов роста» активно разрабатывалась последователями Перру и быстро нашла применение в региональной политике не только европейских стран и США, но и развивающихся государств Азии, Африки и Латинской Америки, где стали появляться высокотехнологичные центры, «долины», «коридоры» и другие разновидности специально формируемых «полюсов роста». В самом деле, если произвольно возникающие «очаги роста» способны влиять на развитие региона, где они располагаются, то государство может содействовать созданию таких «полосов» и с их помощью целенаправленно стимулировать оживление окрестных районов. Привлекательность идеи «поляризованного» развития для плановых органов состояла, по-видимому, в том, что «полюса роста» обещали быстрый эффект. После первоначальных относительно небольших инвестиций в сам «полюс роста» дальнейшее развитие распространяется вовне на собственной самовоспроизводящейся основе без массивного перераспределения ресурсов. В условиях ограниченности государственных финансов и практической невозможности фронтального финансирования регионов идея очагового финансирования, конечно, не могла не заинтересовать политиков и чиновников. В 60–70-е годы правительства многих стран положили концепцию «поляризованного развития» в основу своих региональных программ. Особенно большой резонанс имела эта идея в США, Франции, Бельгии, Италии.

К концу 70-х годов из-за трудностей, связанных с практической реализацией конкретных проектов, идея «полюсов роста» несколько утратила свою популярность, но в 80-е годы вновь возродилась уже на новом витке экономического и научно-технического развития, в том числе и в виде технополисов.

Термин «технополис» появился в Японии, а затем стал широко использоваться и в других странах, приобретая зачастую обобщающий смысл как синоним «полюса роста», для обозначения любого территориального образования научного и (или) высокотехнологичного профиля. Очень точное и универсальное определение дает американский исследователь Р. Приер, который считает, что технополисом может называться регион, генерирующий экономическую активность через создание и коммерциализацию новых знаний. Приер специально подчеркивает, что технополис – это не просто концентрация высокотехнологичных фирм и исследовательских организаций. Смысл технополиса – в

¹Preer R.W. The Emergence of Technopolis: Knowledge-Intensive Technologies and Regional Development, N.Y., 1992, p. 38-39.

творческом процессе создания новых технологий и превращения их в коммерческий продукт или процесс. Созидательная активность приводит в движение спусковой механизм экономического роста через создание новых предприятий, расширение старых, привлечение компаний в регион извне².

Разумеется, понятие «технополис» обогащается и национальной спецификой. Выявление общих и особенных, национальных черт в практическом воплощении идеи технополисов в разных странах представляет не только теоретический, но и практический интерес, в том числе и для России, поскольку позволяет создать методологическую базу для творческой адаптации зарубежного опыта, как позитивного, так и негативного. Пример Японии представляет в этом смысле несомненный интерес.

Строительство технополисов в Японии началось несколько позже, чем формирование аналогичных территориально-производственных образований в других промышленно развитых странах. При подготовке собственной концепции японцы глубоко изучили, обобщили и гибко адаптировали к своим условиям современные методы создания технополисов. Поэтому японская практика, с одной стороны, в некоторой степени представляет собой квинтэссенцию мирового опыта, а с другой – является образцом его творческого применения.

Следует учитывать также, что пример Японии может оказаться наиболее приемлемым для России в силу некоторого сходства взаимоотношений центра и периферии, которое состоит в традиционно сильном воздействии политики и решений центрального правительства на социально-экономические процессы в регионах. Вместе с тем и в Японии, и в России в настоящее время идут активные поиски путей совершенствования системы взаимоотношений «центр – периферия» и оптимальной модели сочетания централизованного руководства, в том числе в области экономики, с инициативой и самостоятельностью регионов. Безусловно, все процессы в данной сфере могут и должны развиваться не иначе как постепенно, исключительно эволюционным путем. Государственная поддержка регионального развития, включая реализацию конкретных проектов, таких, как технополисы, остается насущной необходимостью, что убедительно подтверждает опыт Японии.

Особенности японской версии концепции технополисов

Программа «Технополис» была разработана министерством внешней торговли и промышленности (МВТП) Японии и обнародована в «Перспективах политики внешнеторговой и промышленной политики на 80-е годы» (март 1980 г.). По заявлению авторов, эта «программа строительства городов XXI в. предусмат-

² Ibidem., p. 55

ривала сбалансированное и органичное сочетание высокотехнологичной промышленности, науки (университеты, инженерные вузы, НИИ, лаборатории) и жизненного пространства (процветающие и просторные зоны проживания), а также соединение богатых традиций регионов с передовой промышленной технологией³. В практической плоскости программа «Технополис» предусматривала, что при поддержке правительства в различных уголках страны, но за пределами крупнейших городских агломераций, будут создаваться научно-производственные городки – технополисы, в которых должны быть обеспечены условия для органического слияния научно-исследовательской деятельности с наукоемким производством и подготовкой кадров (ученых, проектировщиков, инженеров, техников, высококвалифицированных рабочих). Одновременно в технополисах предусматривалось строительство комфортабельных жилых зон с хорошими культурно-бытовыми и экологическими условиями, чтобы привлечь туда ученых и специалистов из других районов. Эти территориально-производственные образования и должны были, по замыслу авторов, стать опорными пунктами развития в периферийных районах.

В теоретическом плане концепция технополисов в японском варианте, несомненно, представляет собой современную версию идеи «полосов роста». Имея сходные с предыдущими японскими региональными программами цели – разгрузку районов сверхконцентрации промышленности, оживление экономики регионов путем привлечения туда капиталовложений и производственных мощностей, «Технополис» в то же время принципиально отличается от них по методам решения поставленных задач.

Новизна проекта состояла в том, что в качестве главного рычага подъема периферийных районов здесь выступают передовые наукоемкие отрасли и технологии⁴, в то время как планы 60–70-х годов предусматривали создание новых индустриальных центров на периферии (они назывались «новыми промышленными городами», «специальными промышленными зонами» и т.п.) на базе тяжелой и химической промышленности, т.е. отраслей уже в то время проходивших или прошедших фазу зрелости.

Другой принципиально важной особенностью проекта «Технополис» стала решающая роль самих регионов – органов местного самоуправления (ОМС), местных компаний, населения – в разработке планов развития своих технополисов и их реализации. По замыслу, префектуральные управления и муниципалитеты сами должны были планировать строительство различных объектов

³ Дэждо кайри Т.29, 1986, № 6, с.471

⁴ Среди них – производство авиационно-космической техники и аппаратуры, оптических приборов и волокон, композиционных материалов, медицинской электронной аппаратуры, промышленных роботов, интегральных схем, ЭВМ, промышленной керамики и изделий из нее, фармацевтических препаратов и медицинского оборудования, создание математического обеспечения ЭВМ.

технополиса, развивать местную промышленность и инфраструктуру, решать вопросы размещения частных предприятий и лабораторий, заниматься выделением для них земельных участков. Местные власти должны были взять на себя и большую по сравнению с предыдущими программами часть расходов по созданию необходимой инфраструктуры.

Интересно отметить, что, выдвигая требование повышения степени самофинансирования, авторы проекта руководствовались не только желанием не обременять государственный бюджет дополнительными расходами (иными словами, сделать новую региональную программу как можно более дешевой), но и своего рода этическими соображениями. По их мнению, самофинансирование должно было помочь префектурам избавиться от комплекса провинциальности, придать их действиям больше уверенности и самостоятельности. Вместе с тем, конечно, в проекте с самого начала предусматривалось и государственное финансовое участие, правда, преимущественно в косвенной форме, а также техническое, организационное, научно-методическое содействие.

Отличительной особенностью технополисов стало и то, что в них намечалось строить не крупные комбинаты, как, например, в «новых промышленных городах», а мелкие и средние предприятия, часто более эффективные для высокоспециализированных наукоемких отраслей и производств. С точки зрения интересов гармоничного развития регионов авторы исходили из того, что компактные производственные единицы легче «вписываются» в окружающую природную среду и меньше загрязняют ее, не требуют обширных земельных участков, крупных источников водоснабжения, больших объемов энергоресурсов. К тому же сам набор предлагаемых отраслей и производств в значительной степени гарантирует от возможного ущерба природе, так как большинство высокотехнологичных производств экологически нейтральны (во всяком случае в отношении традиционных загрязнителей). Таким образом, авторы проекта изначально снимали проблему возможного противодействия реализации проекта со стороны местных движений защитников окружающей среды.

Пересмотр представлений об оптимальных размерах производственных единиц, кроме того, позволял расширить круг потенциальных участников проекта и давал возможность присоединиться к нему мелким и средним местным компаниям и предприятиям, используя в новых экономических условиях свои преимущества, а именно – облегченную организационно-управленческую структуру, большую мобильность при переходе к выпуску новой продукции. В то же время по своему технологическому уровню местные небольшие предприятия, как правило, уступали крупным компаниям. Этот факт также учитывался при разработке концепции, поэтому в технополисах предусматривалось обеспечить условия для получения доступа к передовым технологиям местным компаниям, разрабатывать и внедрять на них специальные мелкомасштабные технологии.

Четвертая особенность проекта «Технополис» состояла в том, что в противоположность предшествующей политике стимулирования регионов, когда в целях привлечения промышленности в периферийные районы правительство стимулировало создание там традиционной производственной, или «жесткой инфраструктуры» (строительство дорог, обеспечение промышленной водой, обустройство производственных территорий и т.п.), в данном проекте центр тяжести был перенесен на организацию научных исследований, информацию, подготовку кадров, т.е. элементы так называемой «мягкой инфраструктуры». Особая роль в формировании последней отводилась местным университетам. Они, по замыслу, должны были не только готовить инженерно-технические и научно-исследовательские кадры, но и стать организаторами и координаторами совместных с промышленными компаниями исследований в области новых технологий, прежде всего в интересах повышения технического уровня местной промышленности.

И, наконец, пятое, принципиальное отличие проекта «Технополис» состоит в том, что в нем предусматривается комплексное развитие регионов и самих технополисов как «полюсов роста». Авторы концепции всесторонне учли опыт реализации предыдущих программ. Так, «новые промышленные города» прямо не затрагивали проблемы, связанные с условиями жизни населения, что снижало степень их социальной значимости и популярность у местного населения. В то же время «зоны интегрированного расселения», которые, казалось бы, были призваны формировать новый образ жизни в провинции, не имели большого успеха в первую очередь из-за отсутствия реальных источников роста и саморазвития. В рассматриваемой концепции технополисов авторы попытались избежать односторонности в подходах и найти модель сбалансированного развития – одновременно социально ориентированного и экономически обоснованного.

В ходе подготовки проекта «Технополис» японские специалисты из МВТП, представители заинтересованных префектур и различных промышленных ассоциаций активно изучали зарубежную практику строительства и жизнедеятельности всевозможных академгородков, технопарков, исследовательских парков в других странах, в том числе и академгородка АН СССР под Новосибирском. Думается, что сам подход японских специалистов к проблеме заимствования зарубежного опыта заслуживает специального упоминания и может в некоторых аспектах служить примером для специалистов из других стран.

Общеизвестно и признано, что прообразом технополисов стала американская Силиконовая долина в Калифорнии – промышленно-исследовательский парк, аккумулирующий исследования, технологии и производства, базирующиеся на электронике. Силиконовая долина оказалась, по-видимому, рекорсменом по числу посетивших ее японских делегаций, которые детально изучили и высоко оценили достижения этого центра высоких технологий. Вместе с тем,

судя по отчетам, публикациям, интервью членов делегаций, собранная информация рассматривалась и оценивалась весьма тщательно и критически и, главное, под углом зрения возможностей использования тех или иных элементов американской стратегии инноваций, с учетом существенных различий историко-культурных традиций, предпринимательской практики, взаимоотношений государства и частного сектора в этих двух странах.

Необходимость адаптации зарубежного опыта к японским условиям, безусловно, принималась во внимание специалистами МВТП уже на этапе разработки концепции. Известный американский исследователь технополисов Ш. Тацуно отмечал по этому поводу, что МВТП не пыталось в точности скопировать модель Силиконовой долины, понимая, что спонтанность и индивидуализм, характерные для нее, не приживутся в японских условиях. Вместо этого комитет «Технополис – 90» определил ключевые факторы, обеспечившие успех модели, – наличие университетов, промышленных зон, большого выбора талантливых инженеров, рынка венчурного капитала, инвестиционных банков, консультативных фирм по вопросам управления, различных вспомогательных служб, сети неформальных связей – и соединил этот процесс нововведений с японскими методами управления экономическими и инновационными процессами. Сконцентрировав основное внимание на институтах, которые могут быть перенесены в Японию, МВТП надеялось избежать ловушек, связанных с попытками состояться в системе ценностей⁵.

Так, Силиконовая долина возникла без прямого государственного планирования и руководства, правительство подключилось к ее делам позднее. Для Японии, где государство традиционно играет большую роль в экономическом развитии, такой подход сочли неприемлемым. Поэтому в части сотрудничества бизнеса, науки и государства японские технополисы больше напоминают не Силиконовую долину, а другой американский исследовательский парк – «Треугольник» в Северной Каролине, который был тщательно спланирован и где с самого начала предусматривалось сотрудничество между предпринимателями и правительством.

Кроме того, авторы «Технополиса» внесли еще один существенный корректив в американскую модель и, можно сказать, свою лепту в развитие общей концепции «полюсов роста». Они предложили сбалансированную модель территориально-производственного образования на базе наукоемких технологий, выдвинув в качестве конечной цели не только и не столько технологический прорыв, но и создание среды, в которой люди могли бы развивать свои творческие способности. При этом отдавалась дань и традициям, и особенностям местного развития, включая сложившуюся отраслевую структуру экономики. Например, принимая во внимание наличие в некоторых районах довольно значи-

⁵ Тацуно Шеридан. Стратегия – технополисы..., М., 1989, пер. с англ., с.177, 187.

тельного, по японским меркам, аграрного сектора и связанных с ним перерабатывающих отраслей, учитывая реальное размещение предприятий тяжелой промышленности, авторы стремились заложить в концепцию такие условия и факторы развития, которые сделали бы местное сельское хозяйство, отрасли тяжелой промышленности и наукоемкие производства взаимно совместимыми.

Механизм руководства проектом

Система руководства и методы реализации программы «Технополис», хорошо зарекомендовавшие себя в Японии и обладающие как универсальными, так и сугубо национальными чертами, представляет значительный теоретический и практический интерес для российской хозяйственной практики. Основные составляющие механизма программы «Технополис» это – законодательная база проекта; порядок отбора кандидатов для участия в программе; порядок составления и утверждения планов развития; финансовое обеспечение.

Принятие закона является обычной практикой и необходимым инструментом государственной региональной политики (и не только региональной). Все государственные региональные программы в Японии оформляются законодательно, причем законы имеют сходную структуру. Они содержат цели программы, принципы и критерии отбора регионов для участия в ней, требования к планам развития, указания на то, какие органы утверждают кандидатов и планы развития. Обязательно оговаривается и финансовый аспект программы: кто и в каких пропорциях несет расходы, в чем будет состоять помощь государства.

Конкретность в таких законах обычно удачно сочетается с гибкостью. Так, в законе о технополисах в самом общем виде указывалось, какие территории не могут принимать участие в конкурсе проектов, а именно – большие города и их пригороды, районы высокой концентрации промышленности (ст.3,п.1), но конкретно префектуры или населенные пункты не назывались⁶. Они были перечислены в приказе о приведении закона в действие (это тоже обычная практика). Благодаря параллельному принятию закона и изданию приказа не нужно изменять первый в случае необходимости законодательного закрепления корректировки программы, достаточно издать новый приказ.

В отличие от предыдущих программ и соответствующих юридических документов закон о технополисах предусматривает, что при выборе территории для строительства технополиса правительство ограничивается лишь указанием необходимых условий и критериев, которым должна соответствовать эта территория, а выбор конкретных пунктов поручается местным органам самоуправления. Были выдвинуты следующие требования к зонам технополисов:

⁶ Здесь и далее ссылки на закон о технополисах по тексту, приведенному в «Тиики токэй ёран.1995», (с. 133-140).

- наличие у территорий, где местные власти намерены разместить технополисы, общности с точки зрения природных, экономических и социальных условий (площадь будущего технополиса не должна превышать 130 тыс. га, входящие в зону населенные пункты должны быть связаны между собой);

- наличие предприятий, базирующихся на высоких технологиях, или предприятий, которые в перспективе могут развиваться за счет таких технологий;

- наличие возможностей обеспечения производственными территориями, промышленным водоснабжением, участками под жилищное строительство;

- наличие городов с населением свыше 150 тыс. человек, которые могут стать базовыми, или «материнскими» для технополисов, возможность предоставления последним информационной, финансовой, социальной инфраструктуры (при этом все объекты технополиса должны находиться не более чем в 30 мин. езды от центра базовых городов);

- наличие университета, готовящего специалистов в области высоких технологий и проводящего научные исследования в данной сфере;

- наличие возможностей использования высокоскоростных видов транспорта (аэропорта или станции «синкансэн»).

В соответствии с этими критериями префектуральные власти должны были выбирать территории для участия в программе. Первоначально МВТП предполагало создать семь–восемь технополисов, не ожидая большого интереса к ним на местах. Но в условиях перехода к умеренным темпам экономического роста, когда продолжали действовать финансовые ограничения, и получение правительственных кредитов и субсидий было затруднено, местные власти быстро осознали, какие потенциальные выгоды несет технополис: доступ к государственной финансовой помощи, укрепление базы налоговых поступлений, выдвижение привлекательной для местного населения консолидирующей цели развития «малой родины». Поэтому вскоре после опубликования проекта в 1980 г. 40 из 47 японских префектур заявили о своем желании участвовать в нем, и МВТП решило увеличить число возможных участников.

Для того чтобы присоединиться к программе, префектуры должны были представить *планы развития* зон технополисов, отвечающие юридически закрепленным критериям.

Планы развития составлялись в соответствии с так называемым «руководством», которое было подготовлено ответственными министерствами (внешней торговли и промышленности, строительства, сельского, лесного и рыбного хозяйства, управлением национальной территории) и содержало «направления развития, базирующегося на высокой технологии», которое в законе о технополисах было определено как «промышленное развитие, происходящее за счет размещения в регионе тех предприятий, которые осваивают высокие технологии, а также продвижения уже имеющихся предприятий до уровня осваиваю-

щих высокие технологии или использующих их при разработке изделий, либо при их производстве».

План развития технополиса, в соответствии с законом, должен включать: 1) цели промышленного развития, опирающегося на высокие технологии; 2) перечень лиц и организаций, осуществляющих необходимые для промышленного развития работы, а также положения, относящиеся к управлению этими лицами и организациями; 3) положения, имеющие отношение к обустройству промышленных земельных участков, снабжению водой, обеспечению жильем, земельными участками под жилищное строительство, обслуживанию дорог.

Местные власти представляют подготовленный план в соответствующие министерства. Последние организуют экспертизу и, в случае если содержание плана отвечает предъявленным критериям, одобряют его. При этом особое внимание обращается на возможности данного региона привлечь высокотехнологичные предприятия из других районов, создать необходимую научно-исследовательскую базу, организовать совместные исследования компаний и местных университетов. Оценивается также экономическая эффективность, разработанность социального раздела – наличие конкретного плана строительства жилья, учебных заведений, культурных и рекреационных объектов.

После принятия закона о технополисах в 1983–1984 гг. были одобрены планы развития и утверждены первые 14 технополисов, к настоящему времени их число достигло 26.

Первоначально в качестве целевого года завершения программы, был определен 1990 год. К этому времени намечалось создать базовые структуры технополисов, но предполагалось, что их развитие будет продолжаться и за пределами этого срока.

Финансовое обеспечение. По подсчетам МВТП, средняя стоимость сооружения одного технополиса составляет 550 млрд. иен (в ценах 1980 г.), что существенно ниже затрат на создание «новых промышленных городов», поскольку в технополисах не предусматривается большого объема строительных работ: они нацелены на максимальное использование уже имевшейся в регионах производственной и социальной инфраструктуры. Тем не менее расходы на строительство различных объектов в зонах технополисов для большинства префектур довольно значительны. Поэтому в законе о технополисах предусмотрена система государственной финансовой поддержки, которая включает систему предоставления налоговых льгот и специальную систему кредитования. В законе оговорены принципы предоставления финансовых льгот, а конкретные формы определяются правительством на ограниченный срок (первоначально – пять лет). Затем сроки действия той или иной льготы или схемы получения кредита могут продлеваться в зависимости от их эффективности, необходимости для дальнейшей реализации проекта и состояния государственных финансов.

По данным на конец 1994 г., действовала следующая система финансовой поддержки технополисов.

Налоговые льготы по государственным налогам предусматривают: 1) занесение в разряд убытков расходов частных предприятий, производимых в целях промышленного развития, базирующегося на высоких технологиях; 2) применение системы ускоренной амортизации для оборудования, связанного с высокими технологиями, а также для зданий и сооружений, необходимых для проведения НИОКР.

Налоговые льготы по местным налогам включают льготы при взимании налога на основной капитал для научно-исследовательских учреждений; освобождение от уплаты налога на владение землей при подготовке зданий и сооружений, необходимых для установки высокотехнологичного оборудования, а также для оборудования для НИОКР.

Льготное кредитование осуществляется следующим образом: 1) в целях содействия повышению технического уровня местных мелких и средних предприятий исследования, проводимые муниципальными научно-исследовательскими учреждениями, финансируются по схеме: 1/2 – государство, 1/2 – местные органы власти; исследования, проводимые мелкими и средними компаниями – по схеме: 1/3 – государство, 1/3 – местные власти, 1/3 – само предприятие; исследования, проводимые компаниями – «третьего» сектора: 1/3 – государство, 1/3 – префектура, 1/3 – частный сектор; 2) согласно Закону о перераспределении промышленности (1972) субсидии могут получать зоны технополисов, которые расположены в районах стимулируемого развития; 3) мелкие и средние компании, участвующие в проекте, кредитуются по программам государственной Корпорации финансирования мелкого и среднего бизнеса (займы из расчета 2,7% годовых на 15 лет при снижении количественного ценза группы получателей с 20 до 10 компаний) и Народной финансовой корпорации; 4) компании, участвующие в проекте, могут получить льготные кредиты по программам стимулирования регионального развития Японского банка развития, финансовой корпорации развития районов Хоккайдо и Тохоку (из расчета 7,3 – 7,5% годовых), фонда содействия развитию местных технологий и оживлению местной промышленности; 5) предоставляются беспроцентные займы из средств, полученных от продажи акций государственной Японской телефонно-телеграфной корпорации (через Японский банк развития и Корпорацию развития Хоккайдо и Тохоку), научно-исследовательским организациям при прове-

⁷ «Третий» сектор – смешанные компании, образованные с участием государственного, в том числе местных органов самоуправления, и частного капиталов. Широко распространены в сфере регионального развития, в том числе реализации различных проектов.

дении работ, связанных с укреплением научно-технологической базы в технополисах (до 50% сметной стоимости работ)⁸.

В систему мер государственной финансовой поддержки входит и прямое бюджетное финансирование, однако сфера его применения невелика. Это главным образом покрытие расходов на обследования состояния дел в технополисах, научные исследования и разработки, касающиеся конкретных методов их создания, поддержка плановых и руководящих структур технополисов, информационное обеспечение. Объем бюджетных ассигнований существенно уступает размерам льготного кредитования программы. Например, в 1992 г. он составил около 60 млн. иен, в то время как Японским банком развития и названными выше государственными финансовыми корпорациями в рамках поддержки технополисов было предоставлено кредитов на сумму свыше 550 млрд. иен⁹.

Результаты и перспективы

Мы рассмотрели концепцию и основные организационные механизмы японских технополисов. Однако с точки зрения изучения японской практики строительства технополисов и оценки возможностей его применения в российских условиях не менее важны конкретные результаты реализации этой программы.

В 1990 г. наступил срок завершения первого этапа работ для 20 из 26 японских технополисов, которые были утверждены до 1985 г., и Департамент охраны окружающей среды и размещения промышленности при МВТП принял решение о необходимости разработки планов второго этапа развития технополисов и корректировки общей стратегии в этой области. При этом были подведены некоторые итоги по 20 технополисам, прежде всего, в аспекте активизации промышленного развития в зонах их расположения. Использовались четыре основных показателя: отгрузки продукции, численность занятых, объем добавленной стоимости, созданной в промышленности в целом, а также в расчете на одного занятого.

Среднегодовые темпы прироста в 1980–1989 гг. по всем этим показателям существенно отставали от плановых. Среди причин такого положения дел эксперты МВТП прежде всего отмечают существенное повышение курса иены, при котором промышленные компании стремятся переместиться не в провинцию, а за рубеж, где издержки производства существенно ниже. Кроме того, сыграли свою роль и разнообразные факторы местного характера: разная степень подготовленности префектур к реализации программы, наличие или отсутствие в той или иной местности крупных компаний, способных стать лидерами проекта, наличие сильных лидеров, например, в лице губернатора или мэра и

⁸ Тиики токэй ёран 1995, с. 135

⁹ Нагаока танки дайгаку тиики кэнкю 1993, № 3, с. 59 – 60

т.п. Поэтому за общими показателями скрывается весьма пестрая картина положения дел в отдельных технополисах. Объем статьи не позволяет остановиться на ситуации в каждом из технополисов, хотя само по себе это интересно и поучительно, но общий вывод состоит в том, что наиболее успешно развиваются технополисы в более развитых экономических районах страны – Кюсю, Тюгоку, Хокурику, Канто и Токай.

Вместе с тем нельзя не отметить тот факт, что определенные сдвиги – и качественные, и количественные – прослеживаются во всех без исключения технополисах. Согласно данным доклада, подготовленного в 1992 г. Японским центром по размещению промышленности, число случаев создания предприятий в зонах технополисов и производственные площади под ними увеличивались в 1984–1990 гг. по сравнению с 1981–1983 гг. (в среднегодовом исчислении) в 1,7 и 2,3 раза соответственно, в то время как в среднем по стране в 1,5 и 1,6 раза. При этом темпы прироста тех же показателей для группы высокотехнологичных отраслей и производств опережали в зонах технополисов темпы их прироста для всех отраслей в целом. Эти данные свидетельствуют о тенденции к опережающему промышленному развитию зон технополисов на фоне общестрановой динамики, ускорению роста производства в технополисах во второй половине 80-х годов по сравнению с их началом, о качественных изменениях в отраслевой структуре промышленности в технополисах. Важно отметить также, что доля технополисов в общестрановых капиталовложениях в высокотехнологичную промышленность выше их доли в капиталовложениях во все отрасли (соответственно 19,5% и 10,2%)¹⁰.

Кроме того, практически во всех технополисах созданы или заложены элементы новой научно-производственной и информационной инфраструктуры, построены исследовательские центры, технопарки, высокоуровневые информационные системы и другие объекты, активизировались совместные исследования в области высоких технологий. Наметилась тенденция к замедлению оттока выпускников местных университетов из родных мест, так как с появлением технополисов перед ними открылись большие возможности применения своих знаний.

Учитывая эти обстоятельства, правительство Японии при поддержке местных властей твердо намерено продолжать создание сети технополисов в стране. В 1991 г. МВТП скорректировало общую линию их развития. Стимулирование размещения в провинции высокотехнологичной промышленности остается главной темой программы, но при этом подчеркивается необходимость искать новые пути и формы для эффективного соединения промышленности, науки и образования. На новом этапе еще большее значение придается формированию «мягкой» инфраструктуры. На первый план должна выйти поддержка НИОКР,

¹⁰ Сангэ ритти, 1992, № 6, с. 14

направленных на воспитание «творческих» людей и «творческих» отраслей промышленности, совершенствование сферы услуг, обслуживающих производство, создание благоприятной жизненной среды, обеспечение возможностей для занятий спортом и другими видами активного отдыха. Кроме того, предполагается активизировать связи между отдельными технополисами.

По мнению МВТП, в сфере промышленного развития в зонах технополисов центр тяжести должен быть перемещен со стимулирования привлечения предприятий из других районов непосредственно на поддержку местных предприятий. Поэтому при составлении планов второго этапа префектурам рекомендуется создавать фонды содействия технологическому развитию местной промышленности и ее оживления, улучшать «мягкую» инфраструктуру с тем, чтобы преодолеть разрыв эффективности использования капитала, техники и других ресурсов между «пришедшими» и местными предприятиями¹¹.

Анализ японского варианта концепции «полосов роста» 80–90-х годов и конкретных методов государственного руководства процессом создания технополисов, ставших одной из разновидностей таких «полосов» в Японии, где данная идея реализуется в наиболее масштабной форме, позволяет сделать некоторые выводы, которые могут оказаться полезными для российских центральных плановых и местных органов власти, озабоченных проблемами формирования очагов экономического роста в периферийных районах.

В целом мировой и японский опыт целенаправленного создания «полосов роста» для придания динамизма местным экономикам убедительно доказывает жизнеспособность этой идеи и ее гибкость, т.е. возможность применения в странах, находящихся на различных этапах социально-экономического и научно-технического развития, в том числе и в странах с переходной экономикой.

Пример Японии поучителен в плане адаптации общей концепции к национальным условиям. Как ни банальна эта мысль, но учет особенностей социально-экономических связей в обществе — между центральной и местной властью, государством и бизнесом, местными властями и населением — обязателен так же, как обязательно принимать во внимание специфические черты национального самосознания. Так, например, высокая степень доверия японских предпринимателей к местным властям и готовность сотрудничать с ними создает хорошую почву для широкого распространения компаний «третьего» сектора, которые стали главными субъектами реализации программы «Технополис» и других региональных программ.

Изучение опыта Японии в плане конкретного воплощения концепции технополисов приводит к важному выводу о допустимости и необходимости государственного руководства и государственной финансовой поддержки подобных проектов, которая может осуществляться в различных, в том числе косвенных,

¹¹ Нагаока танки дайгаку тиики кэнкю, № 3, 1993, с. 55, 58–59.

формах, не слишком обременяя госбюджет и не нанося ущерба самостоятельности регионов. Более того, сама идея «полосов роста» позволяет включить механизмы саморазвития регионов и при благоприятном стечении обстоятельств превратить затратный механизм регионального развития в приростной путем максимальной активизации потенциала регионов не только в местных, но и в общенациональных интересах.

Вместе с тем, по-видимому, не следует связывать с технополисами и чрезмерных ожиданий в плане быстрого изменения макроэкономических показателей, в частности долевых, в пользу тех регионов, где они находятся. Результаты программы следует скорее оценивать на локальном уровне с точки зрения создания импульсов для развития территории в заданном направлении.

Развитие коммуникационно-информационной технологии в Японии: проблемы и достижения

А.А. Михайлов

В настоящее время в Японии, как и в других развитых странах мира, правительство и деловые круги уделяют большое внимание развитию коммуникационно-информационной индустрии, созданию необходимой инфраструктуры и подключению к ней как можно большего числа пользователей. Это обусловлено тем, что коммуникационно-информационная индустрия, включающая электронную промышленность, разработку программного обеспечения, интернет, теле- и радиотрансляцию, становится не только главным фактором экономического роста, но и в буквальном смысле тем связующим звеном, которое объединит многие страны в новое глобальное «сетевое» общество XXI в. Новое информационное оборудование и новые виды информационных услуг стремительно меняют характер и стиль ведения бизнеса, жизнь и образ мышления японцев. Косвенным доказательством проникновения электронных средств связи в повседневную жизнь может послужить тот факт, что, по заявлению министерства почт и телекоммуникаций (МПТ), в 1997 г. внутри страны значительно снизились продажа и пересылка открыток, которые японцы любят посылать своим близким и знакомым по разным поводам¹.

В настоящей статье рассматривается, как происходит развитие коммуникационно-информационной индустрии Японии, в частности телекоммуникационной инфраструктуры, какие препятствия существуют на этом пути и как под воздействием информатизации и компьютеризации меняется и становится более «открытой» и «прозрачной» административно-бюрократическая система

¹Нихон кэйдай симбун. 30.09.1998.

страны. Приводятся также некоторые адреса, необходимые для получения информации о законодательно-административной деятельности правительственных органов.

На протяжении всего послевоенного периода, до конца 80-х годов основой роста японской экономики, была обрабатывающая промышленность. В 80-е годы начался процесс переноса главных отраслей обрабатывающей промышленности — автомобильной и бытовой электроники — за пределы Японии. «Центр тяжести» в экономике страны сместился к сфере услуг. Все более значимое место в ней стал занимать коммуникационно-информационный сектор. В 1996 г. стоимость реальной продукции, выпущенной этим сектором, оценивалась в 103 млрд. долл. (11,4% стоимости всей продукции страны). Ежегодный прирост продукции в коммуникационно-информационной сфере в 1993–1996 гг. составлял 3,55%, в то время как прирост продукции в целом — лишь 1,4%. В 1996 г. капиталовложения в указанный сектор экономики составили 14,5% общей суммы капиталовложений и превысили инвестиции в автомобилестроение и производство электроэнергии². Анализ, проведенный министерством почт и телекоммуникаций, показал, что в 1990–1996 гг. более чем 2/3 роста национального продукта было обеспечено коммуникационно-информационным сектором. В 1996 г. парламент полностью удовлетворил бюджетные запросы министерства почт и телекоммуникаций и министерства внешней торговли и промышленности (МВТП) по проектам, направленным на развитие коммуникационно-информационного сектора. В последнем пакете мер по стимулированию экономики страны (июнь 1998 г.) 14% бюджета также выделяется на развитие коммуникационно-информационных технологий³. Все эти изменения оказались возможными благодаря ряду целенаправленных усилий со стороны правительства и частного сектора.

Первый этап по созданию основной коммуникационно-информационной инфраструктуры начался с организации в 1955 г. Японской телеграфной и телефонной компании (Нихон дэнсин дэнва — НДД), осуществлявшей телефонную связь внутри страны, и появления в 1956 г. Международной телеграфной и телефонной компании (Кокусай дэнсин дэнва — КДД) и проходил в условиях господства государственной монополии на средства телекоммуникаций. Второй этап начался с 1985 г., когда была проведена первая реформа телекоммуникационных систем. В результате НДД была частично приватизирована (государство и сейчас сохраняет 60% акций) и на коммуникационно-информационный рынок Японии были допущены другие компании. Таким образом, в этой сфере экономики стали складываться конкурентные отношения,

²Цусин хакусэ (Белая книга по вопросам средств связи). 1998, с. 117–118.

³Utsumi Yoshio. The Economic and Political Importance of Telecommunications. — Telecom Tribune 1998, September. — см.: <http://www.mpt.go.jp/y-utsumi/speeches2-e.html>.

правда, сначала лишь в области связи на дальние расстояния, а в дальнейшем – в использовании сотовых телефонов. Десять лет спустя, в 1995 г., насчитывалось 12 компаний, которым принадлежало 30% рынка связи на дальние расстояния: среди них – «Дайни дэндэн», «Джапан телеком», «Джапан телеуэй», «Осака мэдиа пото» и другие, сумевшие предложить аналогичные с НДД услуги. Однако, несмотря на появившуюся конкуренцию, цены на телефонные разговоры на дальние расстояния внутри страны и на международные разговоры стали снижаться лишь в последние два-три года⁴. Главная причина заключается в том, что НДД как ведущая японская компания в области телекоммуникаций после первой реформы сумела сохранить местные телефонные сети в своем монопольном владении, и поэтому другие компании, осуществлявшие связь на дальние расстояния, вынуждены были использовать принадлежащие НДД местные сети для осуществления связи между своими клиентами. НДД брала сверхвысокую плату с новых участников телекоммуникационного бизнеса за подключение к своим сетям.

Как отмечается в докладе Телекоммуникационного совета Японии, основные трудности в подключении к сетям НДД связаны с отсутствием документации, которая определяла бы расценки на этот вид услуг⁵. Вопрос о праве на подключение и его стоимости решается в ходе переговоров. Естественно, что монополисты в лице НДД, владеющие оборудованием, имеют преимущество и используют его в своих корыстных интересах. На практике предприниматель не знает, сколько необходимо заплатить НДД до тех пор, пока не осуществит подключение к сети. В некоторых случаях эта плата может достигать 50% прибыли. При отсутствии информации о базовой стоимости за подключение новым участникам телекоммуникационного бизнеса трудно планировать размеры своих деловых операций, количество и качество услуг, которые они могли бы предложить потребителю, а также цены на них. В таких условиях начинать бизнес рискованно и выйти на рынок японской коммуникационно-информационной индустрии исключительно трудно. Все это приводит к удорожанию использованием информационной инфраструктурой.

В 90-е годы в результате бурного развития средств мультимедиа, глобализации коммуникационно-информационного рынка, роста требований со стороны потребителей и в целях усиления международной конкурентоспособности японской промышленности возникла необходимость в проведении новой реформы

⁴Например, в 1993 г. стоимость первых трех минут телефонного разговора в дневное время из г. Китаюсю (о-в Кюсю) в г. Китами (о-в Хоккайдо) составляла 180 иен у НДД и 170 иен у «Джапан телеком», в ночное время – 80 иен у НДД и 70 иен у «Джапан телеком»; в 1998 г. цена такого разговора у обеих компаний в дневное время снизилась до 90 иен, в ночное время – до 60 иен у НДД и 50 иен у «Джапан телеком».

⁵Telecommunication Council Report on the Status of Nippon Telegraph and Telephone Corporation 05.03.1996. – см.: <http://www.mpt.go.jp/policyreports/english/telecouncil/ntt-councils.html>

рассматриваемой отрасли. Основными целями новой реформы, начатой в 1996 г., стали дерегуляция телекоммуникаций, т. е. ограничение монополии НДД, реорганизация этой компании и разработка правил для подключения к ее сетям. Министерство почт и телекоммуникаций, надеясь создать равноправные условия для соревнования между НДД и компаниями – «новичками», приняло курс, направленный на разделение НДД на три части – на две региональных компании (восточную и западную) и одну для связи на дальние расстояния. Последней было также разрешено осуществлять международную телефонную связь.

Однако японские политические деятели, чиновники и ученые восприняли целесообразность подобной меры неоднозначно. Одни считают, что разделение НДД необходимо, другие, ссылаясь на опыт Англии, полагают, что либерализацию можно проводить и без разделения главной телефонной компании. Гораздо более важным, по мнению последних, является установление четких правил и регулирующих актов, на основании которых можно было бы создать равноправные условия для подключения других пользователей к сетям НДД⁶. Существует также мнение, что в действительности дерегуляция направлена на повышение конкурентоспособности японских фирм на мировом уровне, а не на удовлетворение нужд японских потребителей, и разделение НДД носит чисто формальный характер⁷.

В 1996 г. в целях либерализации телекоммуникационного рынка были опубликованы «Руководство по выходу на рынок электронно-информационной промышленности» и «Проект основных правил для подключения»⁸. Они содержат выдержки из законов, краткое описание процедур и другие материалы, которые могут быть полезными для «новичков» в телекоммуникационной сфере.

У японского потребителя появилась возможность выбора между различными компаниями и услугами, которые они предлагают. Так, в сфере услуг на дальние расстояния НДД обслуживает 60 млн. человек. К 1998 г. число абонентов «Дайни дэндэн» – второй по величине компании в данной области, составило 16 млн. человек. Другим примером развития конкуренции в области мест-

⁶Касуги Арата. НДД-но бункацу то цусин сэйсаку-но мондай (Разделение НДД и вопросы политики в области коммуникаций в будущем), – Джюрисуго 1997, № 6 (дополнительный выпуск). Кодзё Макото. Нихон-но дзёхо цусин сэйсаку то НДД мондай-но кангазката (Проблема НДД и размышления о политике Японии в области информационной связи) – Джюрисуго 1996, № 15.

⁷Tilton M. Regulation Reform Will Not Open Japan's Markets to Imports; Carlie E.C. The Politics of Japanese Regulation Reform: The Development and Dynamics of the Administrative Reform – Symposium «Japanese Deregulation: What You Should Know», апрель 1997, – см.: <http://www.nimjc.org/jiap/events/previous.html>.

⁸Дэнки цусин дзигё санио маниару (Руководство по выходу на рынок электронно-информационной промышленности), – см.: <http://www.vpt.go.jp/index-e.html>; Сэцудоку-но кихон тэки рупуан (Проект основных правил для подключения), – см.: <http://www.mpt.go.jp/pres-release/english/telecom/Press-info.html>.

ной связи является появление Токийской коммуникационной сети, которая с октября 1998 г. начала обслуживание клиентов в районе Токио. Причем первые три минуты разговора при использовании этой сети стоят 9 иен, что на 1 иену дешевле, чем у НДД⁹.

В последнее время новые телефонные кампании стараются активно конкурировать не только с НДД, но и с КДД, которая на протяжении долгого времени оставалась монополией в области международной связи. Так, «Джапан телеком» стала осуществлять международную связь посредством кабелей и спутников с 1997 г., «Дайни дэндэн» – через Глобальную спутниковую систему с октября 1998 г. Однако, несмотря на упразднение ряда ограничений и появление новых компаний, самый главный вопрос о подключении к местным сетям НДД остается нерешенным до сих пор.

Японское правительство, МПТ и МВТП, а также частный сектор предприятия и другие инициативы, направленные на развитие коммуникационно-информационной индустрии. В 1994 г. в качестве ответа на заявление президента США Б. Клинтона о создании национальной информационной инфраструктуры японское правительство также начало осуществлять аналогичную программу и решило принять активное участие в программе по созданию всемирной информационной инфраструктуры, присоединившись в феврале 1995 г. к четырем из 11 проектов «большой семерки». В Японии был создан Штаб содействия созданию развитого информационного и телекоммуникационного общества XXI в., в который вошли представители всех министерств. В 1995 г. штаб выпустил документ, определяющий основные направления создания развитого информационного общества. Главную ответственность за реализацию программ несут МВТП и МПТ, которые отпускают на них более 1 млрд. долл. в год. Усилия этих двух министерств направлены главным образом на информатизацию и компьютеризацию таких сфер, как образование, медицина, общественное благосостояние, система административных органов. Уделяется внимание развитию исследований, открытию новых центров по разработке новых видов программного обеспечения, созданию нового поколения Интернета, спутниковой связи, мобильных телефонов, электронных библиотек.

Одним из самых больших проектов МВТП в области развития коммуникационно-информационной индустрии является проект 1994 г. по созданию системы поддержки материально-технического обеспечения, оснащенного компьютерами. К 1996 г. на его финансирование было выделено более 30 млн. долл.; в его реализации участвуют свыше 50 компаний, включая НДД, «Шарп», «Фудзицу» и др. Не менее важным является проект по созданию цифровых виртуальных лабораторий – совместного предприятия семи ведущих японских компаний, с целью координации деятельности при разработке технологий, исполь-

⁹Цусин хакусё. 1998, с. 161.

зующих единые стандарты в области бытовой электроники, компьютеров, средств связи и трансляции. Этот проект предполагается завершить к 2000 г. Его стоимость оценивается в 61 млн. долл., из которых 70% выделяет МВТП. Принимаются меры, направленные на улучшение обеспечения безопасности информационных систем. Например, в 1996 г. МВТП поддержало 19 экспериментальных проектов, направленных на совершенствование технологий безопасности и необходимых для развития торговли посредством электронных средств связи, и выделило 93,5 млн. долл. на их финансирование¹⁰.

Другие министерства также участвуют в реализации программы по созданию национальной информационной инфраструктуры. Так, министерство строительства выделило средства на программу по прокладке оптоволоконного кабеля к каждому японскому дому (т. е. примерно к 60 тыс. семей), которую предполагается завершить к 2010 г. Министерство просвещения поддерживает программу по подсоединению всех японских школ к Интернету. Министерство здравоохранения и общественного благосостояния принимает участие в финансировании проектов в области развития дистанционной медицины. Это – новое направление современной медицины, обусловленное, с одной стороны, появлением специального дистанционно управляемого оборудования для обследования и лечения, в том числе хирургического, а с другой – применением компьютерных технологий для поиска и обработки информации при лечении (ведение истории болезни, консультирование, составление баз данных и т.п.). Сюда же относится и распространение медицинских знаний и обучения через Интернет.

Одновременно с правительством о своих намерениях участвовать в создании общенациональной коммуникационно-информационной инфраструктуры заявили частные фирмы, такие, как «Фудзидзу», «Хитати», «Тосиба», «Мицубиси» и др.¹¹. Они выступили с рядом деловых инициатив по осуществлению программ в области исследований, направленных на производство новых продуктов коммуникационно-информационного века, и создали соответствующие подразделения в своих компаниях.

Высокий уровень образования населения и высокая производительность труда в Японии являются благоприятными факторами для развития коммуникационно-информационной индустрии.

Однако несмотря на бурный рост, этот сектор экономики в некоторых областях отстает от ведущих стран Европы и США. Объем предоставляемых им услуг в Японии значительно меньше, чем, например, в США, а цены более высокие. Для подтверждения достаточно сослаться на данные «Белой книги по средствам связи». Из нее видно, что в 1996 г. стоимость продукции коммуни-

¹⁰The Nikkei Weekly. 18.04.1996.

¹¹Information White Paper. Tokyo, 1995, p. 29–31.

кационно-информационной индустрии в США составляла 128 трлн. иен, а в Японии – 90 трлн. иен; информационные услуги в США оценивались в 82 трлн. иен, в Японии – в 46 трлн. иен; на исследования в области индустрии в США тратили 20 трлн. иен, а в Японии – 10 трлн. иен. Япония отстает от США, Англии, Германии, Сингапура по числу персональных компьютеров на душу населения, от США, Германии и Сингапура по числу подписчиков на Интернет¹². Это свидетельствует о том, что в Японии еще недостаточно используются те возможности, которые предоставляет технический прогресс, в частности, цифровые стандарты и протоколы Интернета, позволяющие ускорять и облегчать процесс передачи информации с помощью совмещения многочисленных компьютерных сетей в одну глобальную сеть.

В основе относительного отставания Японии лежит несколько причин. Во-первых, в целом население Японии по сравнению с населением США и Западной Европы находится на более низком уровне компьютерно-информационной грамотности. Отчасти это объясняется некоторыми традиционными и историческими факторами. Так считается, что в силу особенностей иероглифической письменности японцы не привыкли использовать пишущие машинки¹³, а также предпочитают непосредственное и личное общение электронным средствам передачи информации. Кроме того, в японских школах еще недостаточно развито компьютерное обучение.

Во-вторых, в последнее время исключительно возросла роль программного обеспечения. Япония, которая сильна в области технического обеспечения, в области программного обеспечения, за исключением игрового, имеет пока слабые позиции. Многие склонны объяснять такую ситуацию тем, что японская система образования направлена на заучивание, а не на развитие творческого мышления.

В-третьих, одной из причин отставания можно считать структуру японских предприятий с их строгой иерархичностью и забюрократизированностью. Хотя такая структура, известная под названием «кэйрэцу»¹⁴, возможно, и была оправдана в то время, когда Япония ставила своей целью создание развитого индустриального общества и главный упор делала на развитие машиностроения, сейчас она сдерживает творческую активность, необходимую для развития коммуникационно-информационного сектора. Новые технологии, использующиеся в этом секторе¹⁵, требуют реорганизации японских фирм таким образом,

¹²Цусин хакусэ 1998, с. 121.

¹³Там же. с. 91.

¹⁴Кэйрэцу – традиционно сложившиеся в Японии группы связанных между собой материнских и дочерних компаний. Последние часто выступают в роли субподрядчиков. Обычно члены кэйрэцу финансируются банком, входящим в эту же группу.

¹⁵К числу особенностей информационных технологий можно отнести большую «открытость» стандартов, их унифицированность в мировом масштабе, что в принципе облегчает выход на рынок

чтобы они могли быстро и адекватно реагировать на появление новой продукции на внешних рынках. Подобная реорганизация неизбежно приведет к уменьшению числа работающих в отрасли, иными словами, это может подорвать такие традиционные основы социально-экономической системы Японии, как пожизненный наем и оплата труда за выслугу лет, что вызывает беспокойство многих японцев и их скрытое нежелание нововведений.

Наконец, в- четвертых, как отмечалось в докладах многих участников проходившей в ноябре 1998 г. в Токио конференции по коммуникационно-информационным системам Японии (ComJapan), главной причиной замедленного роста коммуникационно-информационной индустрии страны является недостаточно быстрое и гибкое реагирование законодательной и административно-бюрократической систем на стремительный рост отрасли и запаздывание создания соответствующих законов, ограниченная доступность для населения в целом информации об административных правилах и регламентирующих актах, «непрозрачность» административных постановлений.

По мере технологического развития коммуникационно-информационного сектора происходит его структурное усложнение. Предприниматели предлагают все большее число услуг. При этом происходит «сращивание» сфер деятельности, ранее считавшихся традиционно разграниченными (таких, как телефонная связь, радио и телетрансляция, передача данных с помощью электронных средств)¹⁶. По причине новизны коммуникационно-информационной индустрии сложности возникают из-за того, что нередко трудно определить, какой из существующих законов должен быть применен к тому или иному новому техническому достижению. В отличие от законодательства США или ведущих европейских стран, японские законы не меняются в соответствии с возникающими потребностями, а изменения в них вносятся с запозданием, когда в связи с накоплением большого числа прецедентов пересмотр закона или введение нового регламентирующего акта становятся остро необходимыми. Процедуры своевременного или предупреждающего внесения поправок в законодательство по мере технического прогресса не предусмотрено.

Например, трансляция с помощью искусственных спутников земли теоретически может подпадать под сферу действия двух законов: Закона о трансляции и Закона о предпринимательстве в области телекоммуникации. Лишь после того, как такая неопределенность привела к ряду спорных случаев, в 1991 г. министерство почт и телекоммуникаций приняло решение отнести трансляцию с помощью искусственных спутников земли к сфере действия Закона о трансля-

новых предпринимателей и стирает «границы» между странами. Вследствие простоты общения продукты этой отрасли развиваются с большей скоростью, а их объектом становится индивидуум

¹⁶Например, вследствие совмещения телефонной связи с информационной технологией половина международного информационного потока идет сейчас через Интернет. Так, телефонные звонки стало возможно осуществлять через Интернет посредством телевизионных кабельных сетей. Интернет предоставляет возможность смотреть и телевизионные программы

ции¹⁷. Аналогичные сложности возникли и при применении уголовного кодекса в отношении распространения порнографии через Интернет. Статья 175 уголовного кодекса Японии признает незаконной публичную демонстрацию порнографических текстов, рисунков и т. п. Статья 108 Закона о радиовещании определяет меры наказания для тех, кто занимается распространением порнографии посредством беспроводных средств связи. Однако Интернет не относится к числу последних и формально не подпадает под сферу действия указанного закона.

Новизна, «сетевой» характер и динамичное развитие коммуникационно-информационной сферы экономики диктуют необходимость разработки и принятия правил и регламентирующих актов, которые бы облегчали предоставление новых технических достижений потребителю, не создавали препятствий для выхода на рынок новых участников, регулировали их отношения друг с другом, а также с предпринимателями, уже освоившими отрасль. До середины 90-х годов, когда число участников на коммуникационно-информационном рынке было ограничено, сектор еще мог развиваться в условиях прежних правил и регламентирующих актов. Однако появление новых участников, усиление конкуренции между ними, давление со стороны других стран, в первую очередь США, привели к необходимости сделать административно-бюрократическую деятельность в этой области более открытой, разработать более четкие и конкретные правила и регламентирующие акты, широко распространять информацию о них.

В 1997 г. были подвергнуты некоторым изменениям все основные законы в сфере коммуникационно-информационной индустрии, такие, как Закон о предпринимательстве в области телекоммуникаций, Закон об НДД, Закон о КДД, Закон о радиовещании, Закон о кабельном телевидении. Вместе с тем законы, а также правила и регулирующие акты, которые принимаются министерством почт и телекоммуникаций Японии на основе перечисленных выше законов, обычно носят весьма общий характер, без четких объяснений их применения в конкретных ситуациях. Например, текст Закона № 47 законодательства США, регулирующий коммуникационно-информационную сферу деятельности в стране, в 10 раз больше по объему, а следовательно, и подробнее его японского аналога. Поэтому японские чиновники получают возможность трактовать законы и выносить административные решения в своих интересах.

Вплоть до последнего времени в Японии было трудно получить конкретную информацию в письменном или электронном виде о постановлениях и регламентирующих актах министерств. Как отмечает Итико Морита, возглавляющая центр японской документации при Библиотеке конгресса США, в Японии прак-

¹⁷Хамата Дзюн. Дзэдитару дзидай-но мэйдэ юго то хо (Слияние средств массовой информации и законы в век цифровизации). – Дзюрисутто. 1997, № 6 (дополнительный выпуск).

тически все документы такого рода относятся к так называемой сфере «серой литературы», т. е. имеют определенные ограничения, касающиеся издания и распространения. Доступ к ним открыт только для избранных. Информация преимущественно передается устным путем в рамках так называемых «вертикальных групп» — от чиновников министерств к исторически связанным с ними компаниям, при этом она нередко искажается. Многие частные компании Японии вынуждены нанимать ушедших в отставку государственных чиновников высшего эшелона для сбора необходимой информации¹⁸.

В связи с отсутствием подробной, четкой и доступной информации в письменном виде предприниматели при запросе административных инстанций о разрешении на тот или иной вид деятельности или услуг часто не знают, какое правило или регламентирующий акт могут быть применены в данном конкретном случае, какое решение административных органов можно предвидеть. При такой неопределенности степень риска при создании новой компании (предприятия) возрастает и многие могут предпочесть более традиционный и известный вид деятельности. Все это сужает круг предпринимателей в коммуникационно-информационной сфере и количество предлагаемых ими услуг, а следовательно, ведет к необоснованно завышенным ценам на последние. Наоборот, наличие информации в большем объеме облегчает понимание предпринимателями, учеными и потребителями текущих тенденций развития сферы и прогнозирование ее будущего. В современных условиях глобализации мировых связей распространение информации о правилах и законах каждой страны приобретает особо важное значение.

Установление четких правил и административных актов, предоставление подробной информации также необходимо в связи с обострением конкуренции между новыми и старыми участниками телекоммуникационного бизнеса. Все большее число компаний стремится переключить свою деятельность на обслуживание местных линий связи, что становится возможным на основе развития таких технических средств, как беспроводная телефонная связь, кабельное телевидение или оптоволоконный кабель.

Член Общества по исследованию проблемы распространения правительственных материалов Хидэюки Кобаяси выделяет три основные трудности в области доступа к административным документам, которые исторически сложились в Японии и в значительной степени сохранились по сей день. Во-первых, трудно определить местонахождение правительственно-административных документов, поскольку до последнего времени не существовало достаточно развитой системы информации об этом. Во-вторых, даже если местонахождение документа известно, непонятно, куда и кому следует посылать запрос о его полу-

¹⁸ Morita Ichiko. The Promise of Cyberinformation Symposium «Cyber Japan, Technology, Policy and Society». 1996, May, — см.: <http://www.nmjc.org/jdc/cyberjapan/toc.html>.

чении. В-третьих, даже если доступ к документам теоретически возможен, их получение не гарантировано и сама процедура может занять много времени. Следовательно, по-прежнему наиболее типичным способом добывания информации у административных инстанций в Японии является непосредственная встреча с представителем соответствующей инстанции или запрос по телефону. В этих случаях информация, естественно, передается устным путем, что влечет за собой неточности и ошибки, смысл и объем полученной информации становятся несколько условными и в значительной степени лимитированными по сравнению с тем, когда имеется четкий, зафиксированный в письменном или электронном виде документ. В случае большого числа запросов отвечающий на них чиновник не в состоянии давать подробные объяснения всем желающим. Когда информация не преподносится в виде документов, то чувство объективности и доверия к ней снижается.

В последние годы в области доступа к **правительственно-административной** информации и ее открытости произошли определенные изменения. В 1995 г. кабинет министров принял рассчитанный на пять лет план по информатизации административных органов, который ставит своей целью повышение эффективности в распространении информации. В частности, в соответствии с планом 16 министерств создали так называемые «локальные электронные сети» для передачи текстовой информации. Кроме того, появились и другие виды услуг. Например, министерство иностранных дел, министерство сельского, лесного и рыбного хозяйства и другие предоставили возможность получения информации по факсу.

По мере технического прогресса, появления «Всемирной паутины» (WWW) и возможности передавать графические изображения электронным путем началось активное создание «домашних страниц». В 1997 г. уже 20 министерств, включающих 318 организаций, имели свои «домашние страницы»¹⁹. Кроме того, почти все правительственные ведомства создали «электронные информационные доски о совещаниях». Многие министерства стали предоставлять информацию о своей организационной структуре, давать резюме законов и правительственных указов, расписание предстоящих событий, пресс-релизы и т. п. Были также выпущены лазерные диски и магнитофонные записи с различной информацией о правительственной деятельности, включая «Белые книги», годовые отчеты и пр. Таким образом, получение информации стало возможным без непосредственного обращения в правительственно-административные инстанции.

¹⁹Электронный адрес министерства почт и телекоммуникаций – <http://www.mpt.go.jp>, министерство иностранных дел – <http://www.mofa.go.jp>, министерства сельского, лесного и рыбного хозяйства – <http://www.maff.go.jp>, министерства по охране окружающей среды – <http://www.eic.or.jp>.

В 1990 г. министерство почт и телекоммуникаций стало предоставлять услуги по пользованию электронной почтой. В настоящее время в Японии насчитывается 100 таких почт, т. е. более двух в каждом префектуральном центре. В дальнейшем предполагается продолжать развитие этой системы услуг с тем, чтобы в каждом городе, районе и деревне было хотя бы по одной общедоступной электронной почте.

До последнего времени в Японии не уделялось достаточного внимания созданию информационных банков данных. Информацию о стране порой было проще получить за ее пределами, в частности в США. Однако с распространением электронных средств информации ситуация стала меняться. Например, еще в 1992 г. компания «Тотиги кэйсан сента» (ТКС) создала банк данных, который содержит информацию о 205 300 судебных расследованиях в области уголовных, гражданских и административных дел, начиная с 1875 г. до настоящего времени²⁰. Информация в этом банке данных постоянно обновляется. В другом банке данных под названием «Услуги Нитигай/веб» за фиксированную годовую плату пользователи могут получить доступ к информации о периодических изданиях, включая каталоги статей по гуманитарным и естественным наукам, изданных с 1985 г., о книгах, изданных с 1925 г., новинках в области программного обеспечения и о многом другом²¹. В 1998 г. Центр по исследованию правительственных материалов Японии создал «систему поиска электронными средствами баз данных о правительственных материалах»²².

На данном этапе весьма полезным для развития коммуникационно-информационной сферы Японии было бы создание банка данных, показывающих на основе каких законов и регламентирующих актов были учреждены те или иные компании в этой сфере или какие решения принимались на основе действующих сейчас правил при разборе арбитражных дел между компаниями. Именно сохраненные в электронном виде записи о том, какое решение было принято, какое объяснение было при этом дано, какие законы и правила были использованы при разрешении спорных вопросов, явились бы весьма полезной информацией для предпринимателей, планирующих освоить новые виды услуг и думающих о выходе на информационный рынок. С появлением возможности ознакомления с предыдущими опытом стало бы легче понять сегодняшнюю действительность и строить планы на будущее. Кроме того, такой банк данных полезен и для чиновников государственных органов. Он позволил бы им повы-

²⁰ТКС ханрэй кэнсацу сабису сэнта (Центр услуг ТКС по исследованию судебных прецедентов), – см.: <http://www.tkc.co.jp.lexcenter/>.

²¹Нитигай/Веб сабису, – см.: <http://www.nichigai.co.jp:8088/>

²²Сэйфу сирё дэтайбэсу онрайн кэнсаку сисутему (Система поиска электронными средствами баз данных о правительственных материалах), – см.: <http://www.gloss.or.jp/>.

снять уровень своих знаний, подойти к разрешению конфликтных ситуаций с более широких позиций, сэкономить время, затрачиваемое на решение вопросов.

В апреле 1998 г. правительство объявило, что, действуя в соответствии с решением о пересмотре основного плана по распространению административной информации, в Японии будут введены электронные методы осуществления административных процедур, включая подачу заявлений, рассылку уведомлений и хранение данных. До конца 1998 г. предполагается сделать электронными 211 из 321 вида административных процедур, существующих в министерстве почт и телекоммуникаций. Хотя на пути реализации этого плана существует много технических препятствий, все эти меры ведут к созданию «электронной системы управления» XXI в.

Концепция «электронной системы управления» тесно связана с принятием закона о раскрытии информации. В декабре 1996 г. правительство Японии создало комиссию по подготовке соответствующего законопроекта. В 1997 г. он был передан на рассмотрение японского парламента, но пока еще не прошел через стадию утверждения. По мнению японского ученого Масао Хорибэ, важными концепциями, фигурирующими в законопроекте, являются «открытость и ответственность»²³. Другими словами, правительство признало необходимость открыто предоставлять населению полную информацию обо всех административных документах, объяснять их содержание общедоступным языком и взяло на себя ответственность за осуществление этой задачи. По решению правительства все министерства и ведомства Японии до конца 1999 г. должны создать общую информационную систему, которая позволит в кратчайшие сроки определять местонахождение любой информации законодательного или административного характера и соответственно получать ее. Тем самым возрастет уровень «прозрачности» и «открытости» в деятельности административно-бюрократического аппарата, что повысит доверие общества к правительству, даст возможность гражданам Японии более объективно оценивать его деятельность и принимать более активное участие в политической жизни страны.

Таким образом, залогом успеха не только коммуникационно-информационного сектора, но и всей промышленности Японии в целом является развитие коммуникационных сетей и подключение к ним как можно большего числа активных пользователей. Однако из-за медленно меняющихся законодательной и административной систем Японии, зарегулированности рынка и высоких цен ситуация в сфере коммуникационно-информационных услуг еще далеко не полностью отвечает интересам потребителей. Развитие коммуникационно-информационного сектора оказывает в целом революционизирующее

²³ Хорибэ Масао, Тонами Кодзи, Кабаякава Мицуо, Дэёко кокай хоан-о мэгуру кихонтэкина мондай (Основные проблемы, связанные с законопроектом о раскрытии информации). – Дзюрисутто 1997, № 1107.

воздействие на японское общество и побуждает к изменениям даже такую, казалось бы консервативную, его часть, как административно-бюрократическая система. Информатизация правительственно-административной системы неизбежно делает деятельность чиновников более открытой для общества. В свою очередь, предоставляя информацию населению в электронном виде, правительственные органы вынуждены более конкретно разрабатывать и четко формулировать свои решения и постановления. В целом это способствует развитию общества, в котором непосредственное руководство со стороны бюрократии будет ослабевать, а роль юридических норм и знаний о них будет возрастать, что в конечном счете будет содействовать интеграции Японии в мировое сообщество.

Система образования Японии: истоки и симптомы кризиса

И.С.Тихоцкая

Во второй половине XX в. Япония поразила весь мир своими экономическими достижениями. Многие западные исследователи стали предлагать в качестве идеальной модели и образца для подражания различные ее структуры и системы. Пожалуй, объектом особых похвал стала система образования, которая немало способствовала успешному развитию Японии. Вместе с тем японские специалисты более сдержаны в своих оценках и часто настроены весьма критически. Дело в том, что многие зарубежные авторы оперируют в основном количественными показателями. В этом отношении Япония действительно преуспела, являясь не только страной всеобщей грамотности, но и одним из мировых лидеров по степени распространенности среднего и высшего образования. 95% японских школьников продолжают обучение после завершения курса обязательного девятилетнего образования, а доля пытающихся поступить в высшие учебные заведения приблизилась к 50%. Различные международные обследования, проводимые с целью сравнения знаний школьников в форме тестов, также показывают преимущество японцев или, по крайней мере, очень высокие результаты.

Однако можно ли по этим данным судить о качестве японского образования в целом? Не вызывает сомнений важность широкого распространения образования, его массовости, но еще более важны содержание и результаты образовательного процесса. Если же проанализировать эти качественные составляющие японского образования, то окажется, что налицо явные проявления структурного кризиса.

Становление и развитие системы образования в Японии

Первые школы в Японии появились еще в период Токугава (начало XVII – середина XIX в.), причем наряду со школами для детей самураев создавались и школы для детей простого народа. Кроме того, организовывались школы и при храмах (тэра-коя), в которых обучались также дети крестьян. Даже те, кто не посещал школу, имели общий язык, а все население Японии – общую, сравнительно гомогенную культуру. Большинство населения осознавало себя «японцами», и развитие национального самосознания достигло довольно высокого уровня. Хотя феодальная система сохранялась, понимание практической ценности образования постепенно охватывало все слои японского общества, и к концу периода Токугава все более многочисленными становились случаи возвышения отдельных способных, талантливых людей из низших сословий¹. Вообще же, к тому времени японцы уже обошли китайцев и корейцев как по уровню грамотности, так и по развитию образовательных учреждений². К середине 50-х годов XIX в. насчитывалось примерно 14 тыс. школ³.

Важно подчеркнуть, что лидеры феодальной Японии были не просто грамотными людьми, но «часто владели литературным искусством в отличие от неискушенных правителей феодальной Европы»⁴. По некоторым данным, в 1867 г. в Японии функционировало более 100 частных школ, а вообще в школах обучалось 40% мальчиков и 25% девочек, тогда как в Европе – лишь 25% мальчиков, а девочки вообще не посещали школы⁵. Очевидно, что образование уже тогда высоко ценилось в японском обществе (что нельзя не связать с социо-культурными традициями Японии и Азии в целом и влиянием конфуцианства, придававшим большое значение интеллектуальному развитию индивидуума). Массовое образование получило в Японии большее развитие, чем в европейских странах.

Все ученые независимо от того, к какой школе они принадлежат, сходятся в том, что образование развивалось и претерпевало изменения еще с периода Токугава, но первая основополагающая реформа, заложившая основы его современной системы, была проведена в Японии в период модернизации Мэйдзи (1867 – 1912). Большое воздействие на этот процесс оказали различные западные школы: все – от системы образования, программы обучения и учебников до методов подготовки учителей – было заимствовано у За-

¹ Nagai M. Higher Education in Japan. Tokyo, 1971, p.215-216.

² Reischauer E.O. The Japanese Today (Change and Continuity). England, 1988, p 187.

³ Okamoto K. Education of the Rising Sun. Tokyo, 1992, p 9

⁴ Reischauer E.O. The Japanese Today. p. 187

⁵ См.: Kanno X. Кёику кайкакурон (Теория реформы образования). Токио, 1996, с 13

пада. Для преподавания приглашались иностранные учителя. Однако важно подчеркнуть, что почву для проведения этой реформы подготовило именно развитие образовательного процесса в предыдущий период. Иными словами, образование в Японии было модернизировано в типичной для недостаточно развитых стран манере, «когда энергия извне и сверху добавилась к изменениям изнутри и снизу»⁶.

В 1871 г. было учреждено министерство просвещения. С 1872 г., после опубликования Основного кодекса образования, распространение школьного обучения проходило под лозунгом «в деревне – ни одного неграмотного двора, в семье – ни одного неграмотного». Согласно новой концепции к 1880 г. в стране предполагалось создать 25 тыс. начальных школ. В 1886 г. было принято специальное постановление об обязательном четырехлетнем обучении в начальной школе. Затем, в 1907 г. обязательное образование было продлено до шести лет⁷. Важно подчеркнуть, что в это время уже почти все дети посещали школу.

С середины 70-х годов XIX в. стала увеличиваться и посещаемость средней школы, хотя японцы отдавали приоритет всеобщему начальному образованию, справедливо полагая, что в долгосрочной перспективе именно такой подход наиболее целесообразен, во-первых, для развития всеобщего образования, а во-вторых, для создания базы для высшего образования. Кроме того, не исключено, что учитывались и потребности японского общества того времени – очевидна нецелесообразность подготовки высокообразованных специалистов, если они не могут затем найти применения своим знаниям⁸. Вместе с тем для желающих продолжить обучение создавались элитные школы, готовившие учителей, врачей, государственных чиновников.

По мнению М. Нагаи, формирование системы образования в первые годы Мэйдзи столкнулось прежде всего с проблемами, обусловленными как стадией исторического развития, так и незападной культурой страны. На основе анализа того, как лидеры эпохи Мэйдзи пытались их решить, и какие проблемы, нерешенные или незамеченные, они передали следующим поколениям, он приходит к следующему заключению. До опубликования конституции Мэйдзи и Императорского рескрипта об образовании не было догм, сдерживавших воображение, и люди, руководившие судьбой нового государства, экспериментировали, выдвигали различные идеи, что придавало

⁶ Nagai M. Higher Education in Japan, Tokyo, 1971, p.216.

⁷ Ямадзуми Масами. Нихон кёику сёси (Краткая история японского образования). Токио, 1992, с.11-30.

⁸ Уже гораздо позже многие слаборазвитые страны, стремясь к развитию образования, делали акцент на более престижных аспектах высшего образования. Это приводило к тому, что хорошо подготовленные выпускники не находили себе применения в обществе, где в целом преобладали низкие образовательные стандарты. В результате лучшие специалисты уезжали на Запад, т.е. происходило «вымывание мозгов» и ослабление интеллектуального потенциала страны.

гибкость и созидательность их политике.

Однако, несмотря на эклектичность и экспериментальную природу их подходов и действий, ни в коей мере не следует считать, что они искали лишь паллиативные решения с позиций данного момента. Напротив, в основе их политики в области образования лежали, с одной стороны, национализм, а с другой – смелая ассимиляция иностранной культуры. Широта исторического мышления лидеров страны позволяла им постигать новые тенденции и основные направления изменений как внутри страны, так и за границей. Чтобы преодолеть отставание Японии от стран Запада, правящие круги содействовали экономическому развитию.

Для достижения этой цели приоритет был отдан распространению образования и обучению людей практическим знаниям. В преамбуле Закона о новой школьной системе говорилось: «Только путем закладки характера, развития мышления и раскрытия талантов человек может проложить свою дорогу в жизни, мудро использовать свое здоровье, сделать свой бизнес процветающим и таким образом добиться цели в жизни»⁹. Эта вера в практическую ценность образования была подтверждена и позже, когда в 1885 г. министр образования А. Мори заявил, что цель образования заключается прежде всего в процветании государства¹⁰.

В результате под руководством бюрократии в стране была создана «двойственная» система, проводившая резкую границу между образованием элиты, призванной управлять, и практическим образованием для остальной, работающей части населения. При этом, с одной стороны, в начальной школе исподволь внушались принципы национализма, с другой – университетам предоставлялась относительная свобода и в обучении, и в проводимых исследованиях.

Как нам представляется, следует обратить внимание еще на один важный момент – в целях стимулирования вертикальной социальной мобильности и содействия развитию и выдвижению талантов школы для подготовки учителей и военных с самого начала были бесплатными. Кроме того, по сравнению с европейскими университетами двери элитных японских университетов были относительно открыты, а новые знания, полученные из-за рубежа, сначала «переваривались» наверху, а затем тщательно внедрялись на нижних уровнях.

«Успех часто содержит семена неудачи, – пишет М. Нагаи, – а латентный потенциал провала, присущий успехам ранней стадии Мэйдзи, особенно очевиден в ответе лидеров страны на эту комплексную проблему»¹¹. Несмотря на очевидные достижения эпохи Мэйдзи, принятые тогда решения носили

⁹ Nagai M. Higher Education in Japan, p.225.

¹⁰ См. об этом: *Нанивская В.Т.* Система «морального воспитания» в японской школе, – Япония Идеология, культура, литература. М., 1989, с.71.

¹¹ Nagai M. Higher Education in Japan, p.227

ограниченный характер. Видные японские писатели, такие как Исикава Такубоку, Нацумэ Сосэки, Симадзаки Тосон изображали школьное образование как скучное, перегруженное инструкциями, которое душит как учеников, так и учителей. Исикава Такубоку, основываясь на собственном десятилетнем опыте работы в качестве учителя в своей родной деревне в начале XX в., отмечает, что предписания, составленные министерством просвещения, должны были неукоснительно соблюдаться, а инструкции выполняться без малейшего нарушения; в противном случае это будет означать «неправильное поведение» в отношении родителей учеников и «деревенских властей, которые платят высокую заработную плату».

В 1916 г. один из зачинателей «Движения за построение жизни» Э. Асида отмечал, что современное образование страны приносит в жертву уважение убеждений отдельного учителя во имя школьного единства и понижает его до должности обычного рабочего низкой квалификации. Он же утверждал, что обучение, по существу, заложено в человеческой природе, и когда ребенок «по собственной инициативе проявляет интерес к учебе – задача образования завершена». Поэтому, чтобы помочь ребенку выработать такое отношение, «сам учитель должен иметь свежий и активный интерес к своей работе»¹². Однако большинство японских учителей не было подготовлено к восприятию подобной идеи, равно как и обстановка, в которой они работали, не способствовала претворению собственных идей.

Устойчивость жесткой политизированной системы образования ко всякого рода изменениям, по мнению Нагаи, и стала первым шагом к разрушению системы образования Японии, которая впитала в себя худшие элементы японской культурной традиции – исключительность, акцент на статусе и чрезмерно политизированный характер. Нагаи делает вывод, что тогдашняя система образования потерпела крах, разбившись о политические амбиции¹³.

Это наглядно проявилось в том, что когда в Японии возникла потребность в большом числе образованных специалистов, ни бюрократия, ни политические партии, ни профессура не проявили достаточной проницательности для выработки адекватной новым условиям политики и программы соответствующей реформы. Появившийся в тот период так называемый «совещательно-консультативный» метод подготовки решений, который широко распространен и поныне, ставил во главу угла поиск баланса мнений и интересов различных групп посредством достижения компромисса, что зачастую ограничивало возможности долгосрочного планирования и принятия кардинальных решений, имеющих далеко идущие последствия¹⁴.

¹² Ibidem, p. 236.

¹³ Ibidem, p. 239.

¹⁴ Ibidem.

Послевоенная реформа в сфере образования

После второй мировой войны в Японии была проведена так называемая вторая реформа образования, нацеленная на предоставление всем гражданам равных возможностей обучения. В конституции 1947 г. было сказано, что все имеют равное право на образование в соответствии со своими способностями в порядке, предусмотренном законом, все родители должны обеспечить прохождение их детьми обязательного курса обучения и что обязательное образование бесплатно. В рамках этой реформы, на основе принятых в 1947 г. Основного закона об образовании и Закона о школьном образовании, были введены принципы единого и совместного обучения мальчиков и девочек, а обязательное образование продлено до девяти лет (шесть лет — начальное и три года — неполное среднее). Кроме того, в каждой префектуре был создан университет.

Новая система образования Японии приобрела структуру, подобную американской, и включила в себя детские сады, начальные школы, средние школы (с подразделением их на низшую и высшую ступени, по три года каждая), специальные школы для детей с физическими или умственными недостатками, университеты и высшие профессиональные училища. В сфере обязательного образования основная роль отводилась муниципальным школам. Кроме того, были созданы государственные и частные школы, однако все они находились в ведении местных органов управления. Под влиянием требований экономической политики в период быстрых темпов развития были учреждены пятигодичные технические колледжи, призванные готовить инженерно-технические кадры.

В 1952 г. в целях разработки комплексной политики в качестве совещательного органа при министерстве просвещения был учрежден Центральный совет по образованию, а несколько позже назначение на руководящие должности в сфере образования на местах стало осуществляться только «сверху».

Среди важнейших причин стремительного роста популярности образования, несомненно, следует назвать желание большинства родителей во что бы то ни стало дать своим детям образование.

В результате послевоенной реформы в сфере образования был ликвидирован существовавший до этого националистический уклон (что отражалось и в школьных программах), и запрещена идеологическая агитация в учебных заведениях, т.е., по сути, была устранена идеологическая функция образования.

Однако в 60-е годы реформирование системы образования стало согласовываться с потребностями социально-экономического развития страны, и одновременно все больше внимания уделяться «моральному воспитанию» — привитию основных моральных норм и ценностей. Иными словами, посте-

пенно в образовании все более важное значение вновь стало придаваться не только экономическим, но и идеологическим функциям.

Так, в 1962 г. премьер-министр Японии Х. Икэда выступил с программной речью о «формировании человека», в которой подчеркнул важное значение качества рабочей силы и то, что для этого необходимо повышение образовательного уровня и усиление нравственного воспитания молодежи. В соответствии с этим в 60-е годы получила весьма широкое распространение концепция «развития человеческих способностей», которая рассматривала образование как средство совершенствования человека в эпоху научно-технической революции. Ее сторонники утверждали, что проведенная после войны унификация образования отнюдь не является гарантом равных прав на образование, которые могут быть предоставлены только в условиях многообразия возможностей развития личности в соответствии с их способностями. На основе этой концепции в Японии предпринимались попытки осуществить дифференциацию и профессионализацию средней школы, однако в целом единообразие школьного обучения продолжало сохраняться.

Затем Центральным советом по образованию была разработана новая педагогическая концепция, изложенная в документе под названием «Образ идеального японца», которая, по сути, подчеркивала важность «морального воспитания», патриотизма и уважения традиций и вместе с тем подтверждала неизменность веры в практическую ценность образования, заложенную еще в эпоху Мэйдзи.

Однако уже на рубеже 60-70-х годов японская система образования, сложившаяся еще в прошлом веке и за время своего существования дважды кардинальным образом реформировавшаяся, стала испытывать серьезные трудности. Как подчеркивает М. Нагаи, с эпохи Мэйдзи Япония постоянно терпела провалы в достижении исторической задачи перестройки образования в соответствии с требованиями свободы¹⁵ – задачи, которая стала актуальной с момента достижения Японией новой исторической стадии развития, а именно превращения в промышленную державу. Выход в мировые лидеры США и России, бывших отсталыми в период промышленной революции в Европе, М. Нагаи связывает с революцией в области высшего образования, проявившейся в широком развитии прикладного обучения. Согласно традиционным воззрениям на высшее образование сельскохозяйственное и техническое образование считалось «вульгарным», соответственно и осуществлялось оно в учебных заведениях достаточно низкого уровня. Повышение их статуса до уровня колледжей и университетов – что имело место сначала в США, а затем и в России – явилось своего рода революцией в высшем образовании. В Японии же не было своевременно выработано новой модели образования, адекватной новым историческим условиям.

¹⁵ Ibidem, p.237.

Третья реформа в сфере образования: как ее видят в Японии

В 70-е годы в стране повсеместно стали говорить о необходимости новой, третьей реформы в системе образования. В 1971 г. Центральный совет по образованию представил в министерство просвещения доклад, в котором подчеркивалась необходимость реформы школьного образования. Показательно, что большинство политических лидеров страны постоянно в своих речах уделяло должное внимание образованию, однако до конкретных шагов дело не доходило. По мнению японских специалистов, связано это с тем, что японская бюрократия не склонна к переменам и попытки что-либо изменить наталкиваются на ее упорное сопротивление, а используемая ею тактика проволочек подчас приводит к тому, что сама идея в процессе рассмотрения умирает сама по себе.

С приходом к власти Я. Накасонэ, однако, дело сдвинулось с «мертвой точки». В 1984 г. был создан Временный совет по реформе образования, который в качестве первого шага предложил отменить существующую жесткую систему стандартных оценок и вместо нее ввести систему, базирующуюся исключительно на накоплении определенного набора зачетов по пройденным курсам. Накасонэ, выражавший в целом неодобрение существующей системы образования, особенно критиковал недостаточное уважение национальных традиций и «неадекватную интернационализацию» и высказывал беспокойство по поводу единообразия школьных программ, негибкости школьной политики, а также по поводу насилия и преступности в школах¹⁶. По существу, он и явился зачинщиком новой образовательной реформы, которая, по его мнению, должна стать такой же «смелой и всеобъемлющей», как и две предыдущие.

Однако, несмотря на то что Временный совет по реформе образования постоянно собирается и выдает рекомендации, каких-либо заметных изменений до сих пор не произошло.

Надо сказать, что помимо министерства просвещения определенную сдерживающую роль играет и Союз учителей, который отказывается от сотрудничества с правительством в деле проведения реформы и отклоняет большинство предложений Временного совета. Поэтому и сама реформа фактически «забуксовала» – отмечаются лишь отдельные нововведения, а реальные изменения происходят слишком медленно.

Между тем значительные перемены, происшедшие в разных сферах японского общества – в промышленности и разработке новых технологий, увеличение свободного времени и доходов и пр., – вызвали повышенный ин-

¹⁶ См.: *Woronoff Jon. Japan as Anything but Number One. L., 1996, p.121.*

терес к обучению на протяжении всей жизни¹⁷. В этой связи было решено шире использовать университетскую базу и вводить дополнительные программы обучения для желающих повысить уровень своих знаний. В отчете, подготовленном в 1988 г. Временным советом, подчеркивалось, что главный аспект новой образовательной реформы – переход к системе образования на протяжении всей жизни, в которой региональное социальное обучение (ти-ки сякай кёйку) играет роль, сравнимую с образовательной ролью школы. Под этим понимается прежде всего широкая ориентация на обучение, связанное с повседневными потребностями людей разных возрастов, в том числе с развлечениями и спортом, что рассматривается как важный элемент формирования и закалывания характера, самосовершенствования и повышения качества жизни.

Пока реформа замышляется и разрабатывается, жизнь не стоит на месте, и проблемы, возникшие в сфере образования, продолжают обостряться. Согласно опросу общественного мнения, проведенному газетой «Иомиури», лишь 25% опрошенных удовлетворены существующей в стране системой образования, а 58% – не удовлетворены¹⁸.

Реформа образования занимала центральное место и в пакете реформ, предложенных Либерально-демократической партией накануне всеобщих выборов в парламент осенью 1997 г.

Кризис системы образования: понятие, симптомы, причины

Эволюция в сфере образования под влиянием изменения различных факторов в ходе социально-экономического развития – процесс объективный. Однако современное состояние системы образования в Японии таково, что позволяет говорить о ее структурном кризисе.

Понятие «кризис» употребляется в разных науках, но, по сути, везде означает «переходное состояние». В гуманитарных науках оно наделяется негативно-оценочным смыслом, ставящим задачу преодоления «критического состояния». Это касается и кризиса образования, который можно определить как «переходное, и следовательно, подлежащее преодолению состояние образования»¹⁹.

¹⁷ Эти идеи витали в воздухе еще с конца 60-х годов, но лишь в 1988 г. получили свое оформление в виде разработанной министерством просвещения концепции образования на протяжении всей жизни, суть которой – создание общества, все члены которого постоянно обучаются, т.е. на любом жизненном этапе каждый может свободно выбирать и использовать возможности обучения, результаты которого будут одобжающим образом оценены обществом.

¹⁸ См.: *Woronoff Jon* Japan as Anything but Number One, p. 121.

¹⁹ *Тамбов В.Г.* Современный кризис образования и перспективы его преодоления // Современные образовательные стратегии и духовное развитие личности. Материалы Всероссийской научной конференции (27-28 марта 1996 г.). Томск, 1996. ч.III, с.75.

К числу основных симптомов кризиса образования могут быть отнесены: утрата или искажение смысла образования; перегрузки, плохое самочувствие и ухудшение здоровья участников образовательного процесса.

Говорить о наличии структурного кризиса в японской системе образования позволяет несколько причин. Во-первых, чрезмерная ориентация японского общества на диплом («гакурэкисюги») приводит к тому, что главной функцией японской системы образования становится создание «новой социальной структуры, подменяющей старую кастовую», а функция усвоения знаний приобретает второстепенное значение (что подтверждает и приоритетность обучения по месту работы)²⁰. Иными словами, в японском обществе пройденный курс обучения, по сути, определяет социальный статус человека, а стремление к его повышению всегда было присуще японскому менталитету.

Характерный для поступления в японские вузы «экзаменационный ад», явившийся следствием возросшей конкуренции, выливается в извращение всего образовательного процесса, поскольку в результате экзамены, с одной стороны, оказывают огромное стрессовое воздействие на абитуриентов, а с другой – доводят над общим подходом к образованию детей как их родителей, так и педагогов. Вследствие этого искажается и весь учебный процесс на низших уровнях – чрезмерная зависимость от унифицированных экзаменов на каждой ступеньке образовательной лестницы ставит во главу угла память в ущерб творческому, самостоятельному мышлению. Поскольку единственной возможностью для поступления в университет являются экзамены, большое развитие в стране получила «индустрия» подготовки к ним, или всевозможные «школы зубрежки». Фактическое превращение последних во вторую обязательную систему образования само по себе свидетельствует о серьезных просчетах политики в сфере образования.

Безусловно, в любом обществе ценится хорошее образование и так или иначе учитывается. Однако, поскольку в Японии степень престижности оконченного университета играет особую роль на протяжении всей жизни индивидуума, образовательный процесс оказывается извращенным и выхолощенным. Кроме того, нельзя не коснуться и вопроса о том, можно ли считать окончание престижного университета гарантией получения хорошего образования. Дело в том, что как раз одна из отличительных черт японских университетов состоит в том, что все поступившие без особых усилий получают диплом. Сам же период студенчества на практике является «передышкой» после «экзаменационного ада», и большинство студентов расслабляется, прогуливает лекции и живет в свое удовольствие, так как за долгие годы подготовки к экзаменам у молодых японцев наступает моральное истощение и определенный интеллектуальный вакуум и им просто необходимо

²⁰ Galung J. Social Structure, Education Structure and Life-long Education: the Case of Japan – OECD Reviews of National Policies for Education Japan Paris, 1971, p.140

расслабление²¹. Как показал недавний опрос общественного мнения, около 40% студентов поступают в университет для приобретения профессиональных знаний, 25,8% – чтобы учиться, но вместе с тем 35,9% стали студентами из-за того, что «можно делать что хочешь» и 14% – «чтобы иметь диплом»²².

Во-вторых, серьезные проблемы возникли в японских школах. Прежде всего обращают на себя внимание перегрузки и плохое самочувствие школьников. Так называемое явление «югами», или отклонения в развитии детей, превратилось в социальную проблему еще в 70-е годы. Среди основных факторов, способствовавших распространению этого негативного явления, в Японии называют такие, как распространение «массовой культуры», нуклеарных семей, где оба родителя работают, разрушение окружающей среды. Поскольку физическая усталость и умственное переутомление стали постоянными спутниками детей в школьные годы, среди них все больше страдающих от автономной атаксии, или нарушения координации движений, а также имеющих психогенные расстройства, следствием которых являются головные боли, постоянное зевание, хроническая раздражительность и апатия. Возможно, с этим отчасти связано и возникновение такой проблемы школьного обучения, как отставание многих детей, их неспособность усваивать школьную программу. Сейчас уже очевидна необходимость в предоставлении большей степени свободы в школьных программах, а также в изменении существующей системы оценки знаний в японских школах.

О неблагополучии в школьной среде в Японии свидетельствуют участвовавшие случаи детской преступности, насилия, издевательств – «идзимэ», о чем впервые в средствах массовой информации Японии упоминалось еще в апреле 1969 г.

Относительно реже, но встречаются и издеательства со стороны учителей, чаще связанные с элементарным непониманием или нежеланием понять учеников, а также с превышением своих полномочий в форме наказания за посягательства на школьную дисциплину и распорядок.

То, что в школах кого-то дразнят, видимо, не новое явление, но трагические последствия (жертвы издевательств, доведенные до отчаяния, нередко кончают жизнь самоубийством) и их масштабы требуют принятия неотложных мер, которые, по-видимому, в стране еще не разработаны, потому что происходят все новые ошеломляющие по своей жестокости инциденты.

Помимо этого в конце 90-х годов Японию будоражит и все более широкое вовлечение школьников-тинэйджеров в практику «компенсируемых свиданий» («эндзё косай»), не обязательно предполагающих сексуальные отно-

²¹ Например, профессор Международного исследовательского центра японской культуры Цунэо Иида отмечает, что японская молодежь совершенно утратила способность слушать человеческую речь в течение определенного времени. - См. Иида Ц. Нихон-но хансё. Токио, 1996, с.24.

²² Кокумин сэйкацу хакусё. (Белая книга о жизни народа) Токио, 1996, с.33.

шения, когда, как правило, пожилые мужчины платят подросткам за эти свидания.

В среде японских школьников все большее распространение получает и такое явление, как отказ посещать школу (токо кёхи). Проявления его могут быть различны, но в основе обычно лежат причины эмоционального характера. Так, при приближении времени выхода в школу у ребенка начинает болеть голова или живот, повышается температура, может даже появиться лихорадочное состояние – так или иначе, но он не может идти в школу. Как полагают японские специалисты, такого рода «аллергия на школу» возникает вследствие все тех же проблем японского общества – «идзимэ» в среде школьников, жесткой конкуренции на школьных экзаменах, а кроме того, административной строгости школьной атмосферы в целом.

В-третьих, высокая доля поступающих в университеты приводит к снижению уровня качества высшего образования. Так, по оценкам американских специалистов, это происходит тогда, когда число поступающих в университеты превышает 15%. В Японии это произошло уже в 1963 г.²³

Дело в том, что японцам вообще свойственна подражательность, и в период высоких темпов экономического роста массовое производство наблюдалось не только в экономике, но и в образовании. Прогнозируется, что еще до конца текущего века доля поступающих в вузы превысит в Японии 50%. Следует, правда, иметь в виду, что сюда включаются и двухгодичные университеты и колледжи, которые лишь условно можно отнести к разряду высших учебных заведений. Тем не менее, когда более половины населения держит вступительные экзамены в высшие учебные заведения, в масштабах страны возникают серьезные проблемы, а качество обучения в университетах снижается.

Еще в середине 60-х годов в Японии заговорили о необходимости реформ в области университетского образования. Однако развернувшаяся полемика ни к чему не привела, поскольку отсутствовала четкая государственная политика. В 90-е годы вновь активно заговорили о необходимости значительных качественных изменений в университетах с тем, чтобы они соответствовали новой социально-экономической ситуации в стране и отвечали потребностям как общества в целом, так и отдельных его членов. В современных условиях, когда развитым обществам все более свойственна ориентация на реализацию возможностей человека, последнее представляется особенно актуальным.

На современном этапе университеты призваны готовить творчески и самостоятельно мыслящих людей, давать углубленные специальные знания и одновременно осуществлять переподготовку квалифицированных специалистов, а также предоставлять разнообразные возможности для обучения на

²³ Дайгаку кайкаку 2010-гэн-эно снряку (Реформа университетов Стратегия к 2010 г.) Токио, 1996, с.2.

протяжении всей жизни, исходя из культурных и потребительских запросов населения.

В-четвертых, после войны в Японии был усилен курс на унификацию образования, начатый еще во время первой основополагающей реформы в сфере образования, в эпоху Мэйдзи, когда был взят «новый старт» – все ранее возникшие школы очень быстро исчезали, и на смену им создавались новые, унифицированные. Иными словами, в отличие от европейских стран, где сохранялось деление школ на аристократические, религиозные и пр., в Японии система образования с первых шагов своего становления в значительной мере носила эгалитарный характер. Правда, до второй мировой войны еще сосуществовали различные направления в образовании, и школы имели определенную иерархию, признавалась престижность в первую очередь императорских университетов, специально создавались педагогические и профессиональные школы. Однако после войны была принята единая модель образования для всех.

Жесткое единообразие, регламентируемое министерством просвещения страны и мешающее диверсификации образования, проявляется в стране в разнообразных формах. Это и чрезмерный акцент на стандартных критериях оценок на вступительных экзаменах, и одинаковые программы обучения, и использование учителями стандартных пособий, фактически исключающее проявление ими индивидуальности. В результате школы практически лишены индивидуальных особенностей, а свидетельство об их окончании, по образному выражению Дж. Вороноффа, вряд ли означает что-либо, кроме того, что ученик «отсидел» там положенное число лет (так как подготовка к экзаменам осуществляется в основном в «школах зубрежки»). - *И.Т.*)²⁴. На единообразии как недостаток системы образования указывалось еще в опубликованном в 1983 г. специальном докладе Центрального совета по образованию (совещательного органа при министерстве просвещения), где отмечалось, что школьное образование в Японии отличают «единообразие и негибкость», и подчеркивалось, что при сохранении подобного положения оно «не сможет адекватно реагировать на изменения, происходящие в обществе», удовлетворять новым общественным потребностям²⁵.

В настоящее время в рамках общей реформы образования министерство просвещения ставит вопрос об отмене единой модели образования и его разнообразии, включая и предметы, изучаемые в школах.

В-пятых, в Японии чрезмерно ограничен спрос на окончивших аспирантуру. Прием на работу осуществляется сразу после сдачи выпускных экзаменов в университетах, так как японские компании предпочитают получать рабочую силу именно в этот момент. Поэтому для поступающих в аспирантуру

²⁴ Woronoff J. Japan as Anything but Number One, p.101.

²⁵ Доклад цитируется по: *Koyama Kenichi. An End to Uniformity in Education.* – Japan Echo, 1985, N 2, p.44.

уготовлена чисто академическая карьера, поскольку доступ в компании для них практически закрыт. Отсюда напрашивается вывод: уникальность японской системы образования состоит в том, что по мере продолжения обучения уровень образования, по сути, падает.

В-шестых, современная японская система дошкольного воспитания вызывает все больше нареканий, так как не удовлетворяет требованиям, предъявляемым со стороны родителей. Снижение рождаемости неизбежно приводит к повышению запросов родителей в отношении образования детей: все большее их число стремится как можно раньше начинать интеллектуальное развитие своих детей, как, впрочем, и готовить их к вступительным экзаменам. Однако детские учреждения в основном занимаются целенаправленным привитием основных жизненных навыков, а также воспитанием определенных качеств, которые традиционно ценятся в японском обществе. Некоторые специалисты предлагают начинать обучение в школе с более раннего, чем это принято, возраста. На наш взгляд, проще было бы перестроить систему дошкольного образования в соответствии с новыми потребностями. Но, по-видимому, в условиях бюрократической системы в Японии легче заставить детей начинать учиться с пяти лет, чем осуществить подобные преобразования.

В-седьмых, в стране все острее ощущается проблема подготовки педагогических кадров. Для того чтобы получить лицензию, позволяющую работать в качестве преподавателя, отнюдь не обязательно иметь специальное педагогическое образование (исключение составляют школьные учителя), достаточно сдать квалификационные экзамены. На наш взгляд, в этом есть свои определенные «плюсы», однако очевидны и «минусы». В последние годы, в особенности среди университетских преподавателей, возросло число тех, кто полжизни проработал бюрократом или служащим в компании, банке, или журналистом, а после выхода в отставку по возрасту (или незадолго до этого), по словам Ц. Иида, «свое свободное время проводит в качестве университетского преподавателя... и выглядит очень счастливым». В этой иронии много преувеличения, но, несомненно, кроется и доля правды. Вместо учителей, имеющих призвание, целиком отдающихся любимому делу, очень нелегкому и требующему не только знаний, но и терпения, и умения обращаться с детьми и молодежью, работают люди, вполне скрупулезно выполняющие свои обязанности, но не более того, и «ждущие каникул».

Что касается большинства школьных учителей, то привычка строго следовать инструкциям заложена в них настолько прочно, что даже если в отдельных случаях министерство просвещения оставляет проведение каких-то мероприятий на усмотрение школы и учителей, последние все равно просят дать примерные планы или что-нибудь в этом роде. Об этом автору рассказывали в министерстве просвещения, например, в связи с введением пятидневной недели, постепенно осуществляемым в японских школах. Когда

школам предложили организовать каким-то образом школьников, родители которых работают по субботам, в министерство тут же посыпались просьбы прислать соответствующие инструкции.

Интересную мысль высказал известный японский ученый Х. Като, который современных учащихся назвал «студентами из будущего, обучающимися за рубежом», имея в виду то, что им предстоит жить в XXI в., «неизвестном обществе будущего», и подчеркнул: пока преподаватели являются «беженцами из прошлого», образование будет становиться все консервативнее²⁶.

Заключение

Таким образом, основы структурного кризиса были заложены еще в период становления системы образования Японии. Более того, и во время послевоенной реформы образования некоторые черты, требовавшие изменений с позиций модернизации, были сохранены, а в результате Япония столкнулась с теми проблемами, которые позволяют говорить о структурном кризисе в системе образования.

Еще в начале 70-х годов М. Нагаи призывал не забывать, что «взлет» Японии в 1945 г. закончился полным «крахом». Он приходит к выводу о том, что «пока современное образование во многом содержит те же структурные черты, которые характеризовали его в довоенное время, возможность второго «краха» нельзя исключать»²⁷.

Так, «гакурэкисюги» берет свое начало со второй половины XIX в., когда правительство ввело официальное освобождение выпускников юридического факультета Токийского университета от необходимости сдавать квалификационный экзамен при поступлении на работу в различные государственные структуры. В начале XX в. сложилась традиция – на ведущие государственные посты принимать выпускников семи старых императорских университетов. Однако в те времена лишь немногие отваживались поступать в элитные учебные заведения, и «гакурэкисюги» затрагивала небольшую часть населения. Между тем в 20-30-е годы все большее число частных компаний также стали практиковать набор «белых воротничков», принимая во внимание статус оконченного ими учебного заведения. Например, по имеющимся данным, к 1930 г. 72% менеджеров высшего и среднего звена в частных компаниях и 57% инженеров были выпускниками высших коммерческих школ²⁸, а в современной Японии 66% всех высших должностей в

²⁶ См. *Kato X. Кейсү ва кокка хякуэн-но кэй – Мусуби-ни каэтэ* (Столетний итог государственного образования. Вместо заключения). – *Дзиндай какумэй* (Революция кадров). Токио. 1996. с.239-240.

²⁷ *Naagai M. Higher Education in Japan*, p. 214

²⁸ *Ellington Lucien Education in the Japanese Life Cycle*, Canada, 1992. p.126.

государственных структурах занимают выходцы из Токийского университета, хотя в целом на долю его выпускников приходится лишь 5% ежегодно оканчивающих японские вузы. В этой связи резко возросло и значение вступительных экзаменов в университеты, прокладывающих дорогу к жизненному успеху, а «гакурэкисюги» и «экзаменационный ад» в итоге так или иначе затрагивают большую часть населения.

Далее, жестко контролируемая система обязательного образования Японии, приведшая к несомненным успехам в распространении унифицированных знаний, в конце XX в. оказалась в значительной степени оторванной от реалий современного общества с его огромным потенциалом разнообразных возможностей прежде всего вследствие сдерживания и даже уничтожения креативной составляющей образования.

Иными словами, в конце XX в. в системе образования Японии «взошли семена неудач», посеянные как во времена мэйдзийских реформ (бюрократизация и отсутствие демократических свобод, «гакурэкисюги»), так и в период послевоенных преобразований (единообразие, отсутствие четкого планирования, усиление «гакурэкисюги», «экзаменационный ад» и т.д.). В результате налицо структурный кризис всей системы образования. Представляется, что важнейшей причиной является несоответствие системы образования новым потребностям общества, ее отставание. На предыдущей стадии «догоняющего развития» она оправдала себя вполне: вклад образования в высокие темпы экономического роста ни у кого не вызывает сомнений. Однако превращение страны в экономически развитую державу, давно уже ставит на повестку дня вопрос о реформе всей системы образования.

На современном этапе, когда Японии требуется уже не огромная армия гомогенной рабочей силы, а скорее, имеющие выраженную индивидуальность и творческое начало индивидуумы, обязательное образование, которое, по образному выражению Х. Като, «в массовых количествах производит людей, подобных леденцам Кинтаро»²⁹, становится бесполезным и даже приносит вред.

В то же время отказ от обязательного посещения детьми муниципальных начальных и средних школ по территориальному принципу, превращение этих школ в частные³⁰, отход от единообразия в программах обучения и предоставление свободы в их составлении, отказ от полного контроля со стороны министерства просвещения могут открыть новые возможности для развития образовательного процесса, поднятия его на новый уровень. Безуслов-

²⁹ Имеются в виду японские леденцы, на цилиндрическом срезе которых, где ни разломай, всюду появляется лицо Кинтаро. - См.: *Kato X. Кёику кайкакурон*, с. 40.

³⁰ Автор данной статьи разделяет мнение профессора Х. Като о том, что в условиях высокоразвитой страны именно частное образование в наибольшей степени отвечает потребностям людей и общества. Конкуренция, присущая свободному рынку, делает свое дело, и «выживают» лишь те школы и университеты, которые действительно будут удовлетворять предъявляемым к ним требованиям

но, процесс подобной перестройки, а по сути, либерализации образования, сопряжен со многими сложностями и проблемами, но для того чтобы перестроить всю систему японского образования с упором на самостоятельное творческое мышление, необходимо начать именно с преодоления единообразия в школьном обучении, которое накладывает отпечаток на всю систему. Одновременно целесообразно пересмотреть само понимание равенства возможностей: не единообразное образование для всех, как это понималось до сих пор, а свободный доступ к качественному образованию на всем протяжении жизненного цикла, или в любом возрасте, когда есть желание или потребность учиться³¹.

Вступление Японии в XXI век сопряжено с обострением целого ряда проблем, успешное решение которых, похоже, возможно лишь при проведении комплексной политики, взаимосвязанных усилий различных государственных структур, частного сектора и общества. То же можно сказать и о реформе системы образования. Например, чтобы избавить молодежь от «экзамениационного ада», работодатели должны отказаться от присущей им при приеме на работу ориентации на статус учебного заведения, а также перейти от единовременного приема на работу к найму в течение всего года, а еще лучше – к самостоятельному проведению кампаний по найму рабочей силы.

В то же время, если в университетах начинают зарождаться новые тенденции, принимаются меры по реформированию образования – иначе им просто не выжить, то предприятия, особенно крупные, ограничиваются пока декларативным принятием новых предложений, но практических шагов не предпринимают. Вместе с тем для успеха реформы в области образования необходимы их совместные усилия. Иными словами, реформа невозможна и без перестройки предприятий.

Таким образом, в Японии продолжается поиск новой парадигмы образования, а его будущее зависит от того, какие из ряда возможных альтернатив в конечном счете будут выбраны.

³¹ Кстати, в 1990 г. именно подобная доступность образования была признана в качестве главного приоритета развития на специальном совещании Комиссии по образованию в рамках Организации экономического сотрудничества и развития. См.: Lifelong Education in Selected Industrialized Countries. Tokyo, 1992, p. 174.

Вклад культуры Японии в программу «Культура мира»

Э.В. Молодякова

На излете XX в. и второго тысячелетия нашей эры, похоже, впервые человечество серьезно задумывается о судьбе своей цивилизации. Немаловажную роль в этом, возможно, сыграло появление разного рода концепций типа нашумевшей теории «конца истории». На протяжении многих тысячелетий жизнь человека протекала в условиях насилия, конфликтов, войн. Поэтому атмосфера существования людей в те времена в целом вполне справедливо определяется как «культура войны». Безусловно, речь идет о прагматичном, функциональном использовании культуры. Учитывая весь потенциал, накопленный человечеством и в материальной, и в духовной сферах, ЮНЕСКО в начале 90-х годов разработала программу построения «культуры мира», которая сегодня является единственной альтернативой «культуре войны». В данном случае имеется в виду многомерность понятия «культура», ее формы и содержания.

Конечно, «культуру мира» ни в коей мере нельзя представить себе без конфликтов, поскольку в разнообразном и сложном мире конфликт – всегда часть развития. В нем есть и позитивные, ненасильственные аспекты, и, естественно, прямое насилие. Поэтому необходимо использовать позитивные стороны конфликта, в которых есть и инновации, и изменения, и рефлексия. Нужно научиться управлять конфликтом, справедливо разрешать его и предотвращать его деструктивные и разрушительные проявления.

Впервые идея разработки концепции «культуры мира» прозвучала на международном конгрессе ЮНЕСКО в 1989 г. В его резолюции признавалась «необходимость формирования нового видения мира, основывающегося на уни-

версальных ценностях уважения жизни, свободы, справедливости, терпимости, прав человека и равноправия мужчин и женщин»¹.

В соответствии с этой резолюцией в 1994 г. была принята программа ЮНЕСКО «культура мира». В ней говорилось, что ради укрепления мира и безопасности следует поощрять сотрудничество между государствами в области образования, науки и культуры, пропагандировать верховенство права, прав человека и основные свободы, а также мирное сосуществование крупных мировых религий и религиозных движений. Особый упор делался на воспитание людей в духе демократии, укрепление демократического процесса в целом, усиление межкультурного диалога и свободный доступ к информации².

В целом концепция «культуры мира» является одновременно и философией, и процессом. Это – проект, глобальный по своей сути и имеющий многочисленные параметры. Последние можно уподобить большой реке, «в которую вливаются бесчисленные ручьи и потоки всего разнообразия традиций, культур, языков, религий и политических течений. Цель проекта – построение такого мира, в котором все богатое разнообразие культур сосуществовало бы в атмосфере взаимопонимания, терпимости и солидарности: понятие «народ» в этом контексте приобретает всеобъемлющий, глобальный характер и не подменяет собой такие понятия, как «индивидуум», «семья», «сообщество», «этническая группа», «национальность», а опирается на них³.

На пороге третьего тысячелетия нашей эры вполне логично подумать о том, что может дать Япония, прежде всего ее культура, для реализации такой эпохальной концепции, в контексте которой понятие «культура» соотносится с понятием «цивилизация», ибо и то и другое детерминировано отношениями людей в обществе. В большинстве случаев народы смотрят на остальной мир со своей точки зрения, что вполне объяснимо, но это же ограничивает их восприятие себя в мировом культурном пространстве. Необходим также взгляд со стороны другого народа. Иными словами, важно взаимопонимание и взаимовосприятие.

Для Японии наиболее важным является процесс модернизации, свойственный как цивилизации, так и культуре, который обеспечил ей достаточно безболезненное вхождение в систему мировых хозяйственных и культурных связей после длительного периода изоляции страны. В последние десятилетия этот путь, безусловно с вариациями, повторяют многие азиатские страны.

Наиболее часто, и в известной степени справедливо, под модернизацией понимается преобразование традиционного восточного общества в западное, которое предполагает более высокий уровень цивилизации или культуры. В

¹ Цит. по документам, представленным Управлением секретариата Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО. Резолюция конгресса ЮНЕСКО «Мир в умах людей». 1989, с. 1.

² См.: там же. – Программа «Культура мира». 1994, с. 6.

³ См.: там же. – Концепция «Культура мира». Основные принципы. 1995, с. 1.

первую очередь имеется в виду то, что западное общество обладает такими ценностями универсального характера, как разделение властей, свобода личности и другие права человека, свобода предпринимательства, политический суверенитет, право нации на самоопределение, свобода социального выбора. При этом особо следует подчеркнуть важность для судеб цивилизаций хозяйственной жизни общества, по выражению М.Вебера, рационального способа ведения хозяйства, рациональной капиталистической организации свободного (формально) труда, что наиболее всеобъемлюще проявилось в странах Запада. Именно здесь в эпоху становления раннего капитализма возникло явление, которое современная общественная наука назвала «техногенной цивилизацией», или «техногенной культурой» в отличие от «традиционалистской культуры». Она складывалась в Европе в ходе процесса модернизации. По определению крупнейшего современного социолога проф. Ш. Айзенштадта (Еврейский университет, Иерусалим), суть европейской модернизации «заключена в принципе непрерывного направленного развития, расширения человеческой и освоенной природной среды, в принципе саморазвития человеческой судьбы – вместе с тем в овладении этой средой и судьбой через сознательные усилия человека и общества. Центральной в европейском модернизаторстве была идея возможности активного формирования решающих аспектов социального, культурного и экологического бытования человека на путях сознательной деятельности, сознательного участия людей в этом формировании»⁴. В результате сложилось современное западное общество, под влиянием которого на основе межнациональных контактов осуществлялась модернизация других регионов. «Именно на Западе и только здесь, – писал М. Вебер, – возникли такие явления культуры, которые развивались... в направлении, получившем универсальное значение»⁵. В восточных же обществах огромную роль играют самобытные духовные ценности. В настоящее время во многих азиатских странах, идущих по пути модернизации, можно наблюдать резкий контраст между активным и быстрым усвоением техногенной культуры Запада и сохранением локальной духовной культуры, базирующейся на азиатских ценностях.

Безусловно, Япония – яркий пример трансформации традиционного общества в западное. Долгое время японское общество считалось отсталым, а западное – передовым. Во многом это объяснялось тем, что Япония обладала собственными культурными ценностями, которые не вписывались в нормативную европоцентристскую теорию и рассматривались многими западниками лишь как пережитки феодализма. На самом деле, как подчеркивает профессор Токий-

⁴ Айзенштадт Ш. Международные контакты. Культурно-цивилизационное измерение. – Мировая экономика и международные отношения. 1991, № 10, с. 69

⁵ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990, с. 44.

ского университета Н. Кавамура⁶, это – оригинальные духовные ценности восточных культур, которые на Западе зачастую воспринимаются как нечто экзотическое (очарование восточным миром, по словам С.Ф. Ольденбурга, или сношения легкие и пленительные, по выражению Н.Н. Пунина), но отнюдь не равновеликое европейским ценностям. Например, Дальний Восток долгое время воспринимался в целом как Китай, а собственно японские сюжеты выделились лишь с конца XIX в., когда Япония ворвалась в мировое культурное пространство со своей столь не похожей на западную традиционной культурой.

«Культура – прежде всего память. Без знания того, что было раньше, что человечество создало до нас, никакая культура невозможна»⁷, – подчеркивает специалист по отечественной культуре Б.Ф. Егоров. Понятие «культура» в широком значении этого слова есть все то, что создает человек. Поэтому в культуре огромную роль играет память – традиции, навыки, обучение.

Существующее на сегодняшний день множество определений культуры не охватывает ее целиком, не создает ее комплексного представления. Как наиболее приемлемый вариант можно привести определение, данное отечественным культурологом-востоковедом Е.С. Ерасовым. По его мнению, культура «предстает как особая, достаточно самостоятельная сфера ценностей, верований, норм и обычаев, знаний, символов, умений, жизненных ориентаций, в той или иной степени определяющая отношение человека к общим факторам бытия: общество..., жизнь – смерть, богатство, труд, власть, время, трансцендентное начало и т.п. Разумеется, предполагается, что на отношение к этим факторам влияют также и другие компоненты социального регулирования: экономика, политика и социальные структуры»⁸. Не это ли доказательство идентичности понятий «цивилизация» и «культура».

При таком понимании культуры не удивительно, что в десятках вышедших в последнее десятилетие в Японии книг под названием «История японской культуры» анализируются экономические, политические, социальные проблемы, а нередко и вопросы международных отношений.

Культурную традицию можно проследить во всех сферах жизнедеятельности человека. Она пронизывает материальную (трудовую) и духовную сферы. Последние тесно связаны между собой, ибо, например, духовный аспект не может не включать соответствующие материальные компоненты. Так, образование предполагает не только совокупность знаний, но и наличие школьных зданий, религия – необходимость культовых учреждений, литература – изда-

⁶ Подробнее см.: The Japanese Trajectory. Modernization and Beyond Cambridge, 1988, p. 264–283.

⁷ Из истории русской культуры. М., т. V (XIX век), 1996, с. 13.

⁸ Ерасов Б.С. Культура, религия и цивилизация на Востоке, М., 1990, с. 36.

тельств, и, конечно, для реализации всего этого необходима интеллигенция (светская и духовная).

Таким образом, культура объединяет элементы, казалось бы, имеющие мало общего между собой. Взять хотя бы науку и искусство, т.е. материальное и духовное. Их объединяет прежде всего единая схема циклического развития. Это же можно экстраполировать на историю культур разных народов, имеющих ярко выраженный бинарный характер. Он «находит свое отражение в таких оппозициях, как времена подъема – времена упадка, расцвет – декаданс, ренессанс – барокко, классицизм – романтизм и т.д. Подобно качающемуся маятнику... культурные эпохи сменяют друг друга»⁹.

Этот бинарный характер свойствен всей мировой культуре, где ясно просматривается оппозиция культур по линии Восток–Запад: достаточно статичная традиционная культура Востока и динамичная европейская с ее частыми сменами стилей. В категориях восточной философии такую парадигму можно выразить понятием «инь–ян», где «инь» – женское начало – соответствует смутным, темным эпохам, а «ян» – мужское начало – рациональным, светлым. Это можно наблюдать в культурах разных народов, которые даже не имеют представления друг о друге.

Общества, существующие в течение длительного исторического периода, обладают глубоко разветвленной культурой, покоящейся на традициях, и потому называются традиционалистскими. Им свойственна развитая семиотичность, знаковость. Подобные культуры в антиномии разрушающие–утверждающие относятся к последним. Японская культура, безусловно, утверждающая. Значение традиций в ней и в настоящее время трудно переоценить, поскольку они лежат в основе мировосприятия японцев, как и других народов Востока, особенно подверженных воздействию конфуцианской культуры, где действует азиатская система ценностей.

Важный элемент в жизни восточного общества – традиция – это достаточно общий образ действий, «разделяемый личностью или обществом в качестве естественного и само собой разумеющегося пути к достижению каких угодно частных целей...Традиция является не просто бытовым или хозяйственным институтом, но универсальным и интегративным механизмом, организующим любые социальные роли в соответствии с определенными императивами поведения»¹⁰. Или, как кратко определил Ш. Айзенштадт, традиция – это «резервуар самых главных черт социального и культурного быта общества или цивилизации».

⁹ Чучин-Русов А.Е. Культурно-исторический процесс: форма и содержание. – Вопросы философии, 1996, № 4, с. 5.

¹⁰ Игнатьев А.А. Ценности и традиционное общество. – Вопросы философии. 1991, № 4, с. 8.

Для Японии характерен эволюционный процесс трансформации традиций. Новые элементы обычно лишь добавлялись к старой структуре, никогда не разрушая ее, часто сосуществуя с ней, иногда сливаясь, образуя единый сплав, где уже трудно различить, что взято извне, а что традиционно японское. Причем чисто японское, будучи подчас намного слабее, тем не менее оказывало серьезное влияние на процесс адаптации. Это было обусловлено тем, что, по справедливому замечанию крупнейшего отечественного исследователя буддизма О.О. Розенберга, «в национальном элементе скрывалось известное предрасположение, известное характерное мировоззрение, хотя и не заключенное в рамки системы»¹¹. Примечательно, что интегрируя культуру других народов в свои традиции, Япония тем самым часто сохраняла то, что оказывалось у них утерянным.

Новые элементы, видоизменявшиеся по мере приспособления к старой структуре, часто вызывали перестройку всей системы, т.е. происходило как бы разрушение культуры позитивным способом, осуществлялась замена одних знаковых структур другими. Иногда этот процесс шел настолько бурно, что порождал обманчивое впечатление, будто японцы разрушают свои традиции. На самом деле прагматизм японцев давал им большие возможности воспринимать все нововведения, которые они считали целесообразными, старательно обходя возможные катаклизмы и не поступаясь традиционными ценностями.

Суть такого подхода к внешним влияниям исторически отражена в двух формулировках — вакон-кансай (японский дух — китайские знания), что определяло жизнь страны на протяжении веков, и вакон-ёсай (японский дух — западная техника), что стало характерно для постмэйдзийской Японии. Можно сказать, что Япония находилась на периферии великих цивилизаций Востока и Запада и усваивала «цивилизованную» иностранную культуру, адаптируя ее и одновременно сохраняя свои национальные корни. Таким образом, в Японии всегда соединялись глобальная и локальная культуры при сохранении того, что сейчас модно называть идентичностью.

Проблема процесса глобализации и сохранения национальных культур была как раз основной темой XII конференции Ассоциации советов по общественным наукам стран Азии, которая состоялась в октябре 1997 г. в Пекине¹².

Универсальное воздействие традиций способствовало тому, что преобразования в японском обществе, даже достаточно серьезные, происходили без сокрушительных социальных взрывов и революций, путем эволюции и реформ. Решение проблем (противоречий) путем компромиссов — явление характерное для Японии, где, как правило, выбирают золотую середину между разрушением и созиданием. Такой подход базируется на одном из основополагающих прин-

¹¹ Розенберг О.О. Избранные труды по буддизму. М., 1991, с. 55.

¹² См. в частности Kitahara Atsushi Development and Culture in Globalization Contact. — Documents of XII Conference of AASSREC. 1997. October China

ципов японского мировосприятия - ва (гармонии). Мирный путь развития Японии в послевоенный период, сохранение самобытности при глубокой европеизации и американизации служат хорошим примером для развивающихся стран, не вызывая у них чувства опасения потерять свою идентичность в условиях модернизации и интернационализации.

Интернационализация, четко обозначившаяся с середины 80-х годов – понятие достаточно абстрактное. Но оно наполняется всей совокупностью экономических, политических, международных и культурных связей между народами. В данном контексте речь идет лишь о культурном аспекте, но и он весьма многогранен. Поэтому из ранее приведенного определения культуры для конкретного анализа глобальных проблем культурного развития Японии, которые исключительно важны для реализации концепции «культура мира», берется лишь часть, имеющая отношение как к духовным, так и материальным ее сторонам, поскольку они неразделимы.

Как представляется сегодня, вклад активно строящейся информационной общности Японии в мировое культурное пространство в XXI в. будет выражаться прежде всего в форме «техногенной культуры», а не традиционной, с которой она начала свое вхождение в мировое сообщество в середине прошлого века. Культура техногенного общества характеризуется многими выдающимися достижениями науки и техники, которые в значительной степени повысили качество и уровень жизни людей, она же вызвала и целый ряд негативных явлений, приобретших глобальный характер. Достаточно упомянуть проблему экологии. Научно-технический прогресс приобщил многие традиционные общества к техногенной цивилизации, в связи с чем утеряли свое значение такие, казалось бы, вечные противопоставления, как «капитализм–коммунизм», «север–юг», «Восток–Запад». Речь идет теперь о создании глобального информационного пространства, в котором огромную, все возрастающую роль играют наука и техника.

Япония являет пример того, как ценности техногенной цивилизации (приоритет личности, инновации, прогресс, рациональность) органично вписываются в координаты традиционных; как на пути к техногенной цивилизации традиционное общество преодолело присущие ему замедленные темпы развития, как оно приспособилось к внедрению инноваций и изменениям в социальных отношениях и культурной традиции.

Безусловно, дистанция, которая разделяет страны, идущие традиционным и техногенным путями развития, достаточно велика. Многое из того, что в техногенном обществе стало обычным явлением, в традиционном – дело далекого или недалекого будущего, поскольку развитие техногенной цивилизации определяется прежде всего внедрением новых технологий и техники. Японцы достаточно безболезненно сумели преодолеть привязанность человека традиционно-общества к определенному виду деятельности и принадлежность в течение

всей жизни к одной и той же социальной и производственной организации, что в западном понимании ассоциируется с несвободой, отсутствием выбора, подавлением в человеке творческих начал. В результате соединение индивидуального и коллективного, традиций и инноваций происходило не в ущерб одного другому.

В Японии все процессы – переход от традиционного общества к индустриальному и последнего к информационному, постиндустриальному – проходят достаточно спокойно, открывая путь к формированию нового типа культурного развития, который осуществляется через внедрение информационных и коммуникационных технологий. Информация превращается в жизненно важный и пользующийся большим спросом «товар». Этот термин можно взять на вооружение хотя бы потому, что информационные технологии нацелены прежде всего на потребителя – государственные учреждения, бизнес, индивидуума. Достаточно упомянуть глобальную компьютерную сеть Интернет, к которой подключены пользователи более чем в 150 странах. В Японии их на многие тысячи больше, чем в Англии или Германии.

Кроме того, последнее время японцы вывели на уровень современных технологий и такой популярный в мире вид масскультуры, как караокэ. Для более чем 60 млн. пользователей аппаратурой караокэ предложен новый вид услуг – получение заказа музыкального произведения по телефону, подключенному к персональному компьютеру. Рынок программного обеспечения караокэ постоянно растет. Многие известные фирмы – производители ЭВМ начали производство персональных компьютеров со встроенным оборудованием для караокэ.

Верные своей традиции постоянно модернизироваться японцы все время осваивают все новые и новые научные направления. «Изделия с маркой «Сделано в Японии» сформировали, без преувеличения, новую экономическую эпоху, они оказали серьезное влияние на образ жизни сотен миллионов людей во всем мире»¹³.

С полным правом сюда можно добавить и интеллектуальную сферу. Совершенствование мультимедиа (Интернет, спутниковое телевидение, сотовые телефоны международной связи) делают связь между людьми поистине глобальной. Рождается ощущение, что время, пространство и сама природа подчинены человеку, ставшему, казалось бы, ее властелином. Но в значительной степени – это иллюзия. Оставшись один на один с продукцией высоких технологий, человек не может не испытывать потребности непосредственного общения с другими людьми, книгой, газетой, освободившись от «физической» зависимости, например, от компьютера, на язык которого переведено огромное количество информации.

¹³ См. подробнее: *Денисов Ю.Д.* Япония в современном технологическом пространстве. – Япония Конец XX в. М., 1996, с. 109.

Для того чтобы достижения передовых техногенных цивилизаций могли стать достоянием мирового сообщества, необходимо единое информационное пространство, формирование которого обеспечивается планетарными интегрированными информационными системами, что требует унифицированной вычислительной техники, поэтому она и разрабатывается с учетом совместимости. Появляются компьютерно интегрированные предприятия и производства. «С распространением вычислительной техники, которая рано или поздно свяжет мировое сообщество интегрированной информационной системой, этот процесс «унификации» языка ускорится»¹⁴.

В современных условиях активного внедрения новых информационных технологий, встает вопрос, ведут ли они к культурному униформизму, либо создают предпосылки для тесного взаимодействия и сохранения разнообразия культур. Наиболее вероятно последнее. Примером тому может служить сохранение национальных языков. Более того, народы, особенно малые, проявляют повышенный, если не сказать «болезненный», интерес к сохранению национальной культуры и ее основы – национального языка. Язык служит как бы ядром идентичности личности, группы, локального общества, народа в целом. Особенно отчетливо данная тенденция просматривается у японцев, поскольку с древних времен это был единый этнос с единым языком. Им вообще свойственно подчеркивать уникальность своей культуры в целом, усматривая в этом даже биологический аспект, другими словами, считать ее частью физического бытования.

Видимо, это связано с особенностями мировосприятия японцев, являющегося доминирующей константой. При всех нововведениях их собственное «я» остается неизменным. И в настоящее время японцы все еще достаточно далеки западному человеку. В силу психологического настроя они держат его на периферии своего сознания, употребляя слова «иностранец», «иностранное» в смысле «неяпонец», «неяпонское».

Специфическое отношение японцев к своему языку и иностранцам служит немалым препятствием для подлинной интернационализации, вхождения Японии в мировое культурное пространство. Тем не менее высокий уровень развития японской экономики и продвижение ее промышленной продукции на мировые рынки вынудили японцев изменить отношение к своему языку. В последнее десятилетие они активно «проталкивают» его на международную арену. Если раньше для контактов с другими народами японцы изучали их языки, то теперь стремятся к тому, чтобы иностранцы учили японский. Для этого они предпринимают немалые усилия. По данным Японского фонда, в 1993 г. в 99 странах

¹⁴ Бирюков Б.В., Эджубов Л.Г. Простое и сложное в социокультурологических концепциях – Вопросы философии. 1996, № 12, с. 39–40

мира в 6800 школах японскому языку обучалось свыше 1,5 млн. человек¹⁵. По прогнозам, в конце нынешнего века в самой Японии будет обучаться более 100 тыс. студентов в основном из стран Азии, а скоро к ним присоединятся, по словам президента России, и тысяча наших. Им в будущем отводится роль проводников японской культуры во всем ее многообразии. Ведь язык и культура – две стороны одной медали: чем лучше человек знает язык другого народа, тем быстрее он воспринимает его культуру. Например, в японском языке очень много понятий, суть которых неясна без знания обычаев и истории. Для овладения, в частности, секретами японской системы управления менеджеры из Республики Корея осознали необходимость постигнуть суть «японской души».

Безусловно, мощным инструментом для изучения японского языка являются персональные компьютеры, но по-прежнему важную роль играют печатные издания. В последнее время в газетах, издаваемых в Японии на иностранных языках, отводятся целые полосы, посвященные японскому языку и культуре в целом. Старейшая из таких газет «The Japan Times» (в 1996 г. отметившая свое столетие) каждую пятницу, начиная с апреля 1990 г., посвящает страничку рубрике «Bilingual» – «Двуязычие», где помещаются не только параллельные тексты на двух языках, разъясняются сложные языковые понятия, но и публикуются компаративные исследования японских и зарубежных ученых по проблемам взаимовлияния культур.

Влияние Японии на другие страны мира, особенно азиатские, как уже говорилось, осуществлялось посредством ее дешевых, но надежных товаров массового спроса. Например, благодаря японской радиоэлектронике многие народы включились в глобальный процесс информатизации, модернизируя свой образ жизни. На эти же цели втягивания традиционных обществ в техногенную цивилизацию работает и оказание Японией различного вида помощи странам Азии, Африки и Латинской Америки. Япония постоянно расширяет сферу предоставления этой помощи, выводя ее на новый качественный уровень – интеллектуальный. Особое внимание обращается на использование помощи для решения глобальных проблем мирового сообщества.

Но самое главное, что, очевидно, даст японская техногенная культура миру в XXI в., это концепция строительства «всевозможных информационных и «высокофункциональных» городов, телепортов, торговых и курортных комплексов, крупных транспортных объектов (мостов, тоннелей, аэропортов), высокотехнологичных и научных «парков» и «садов», «экополисов» и т.п. в дополнение к более чем двум десяткам технополисов, которые начали строиться ранее в рамках долгосрочной программы первой половины 80-х годов»¹⁶. Подобные проек-

¹⁵ The Nikkei Weekly. 24.02.1997.

¹⁶ Тимонина И.Л. Региональное планирование в Японии. – Япония 1994–1995. Ежегодник. М., 1995, с. 51.

ты, конечно, разрабатываются и в других странах, но, и это важно, жителям тихоокеанского бассейна образ Японии будущего намного ближе чем образ Запада. Возможно, поэтому, став равноправным членом западного общества, Япония в 90-е годы берет курс на возвращение в Азию, прежде всего в Юго-Восточную. В странах этого региона в начале 90-х годов заговорили об «азиатском ренессансе», базирующемся на местном национализме. Провозглашенный здесь «азианизм» представляет собой попытку определить всю совокупность отношений между Востоком и Западом уже не на основе европоцентризма, а с позиций стран региона с азиатской системой ценностей, базирующейся в основном на конфуцианской этике.

Как известно, азиатским народам свойственно стремление к гармоничному сосуществованию, выбору золотой середины, предпочтение интересов группы, а не индивидуума, уважение семейных связей, подчиненность авторитету, трудолюбие, скромность и экономность, высокая значимость образования и обеспечение морального климата для комфортного существования. Подобные культурные характеристики этих народов, воспитанных на конфуцианских доктринах, позволяют им достигать значительного прогресса в области экономики, социальных отношений, соблюдения правопорядка. Начало этому процессу было положено «японским экономическим чудом», успешно повторенным рядом азиатских стран. В этой связи стоит привести мнение сингапурского дипломата и ученого Т. Ко, выраженное им в статье с примечательным названием «Поведенческие подсказки из Восточной Азии: больше – нам, меньше – мне». Он пишет: «Поколениями азиаты учились у Запада, и мы продолжаем это делать. Я надеюсь, что настало время, когда Запад должен также проявить желание поучиться у Востока»¹⁷. И это вполне справедливо, ибо для формирования «культуры мира» чрезвычайно важную роль играет политическая безопасность, которая все в большей степени будет обеспечиваться системой представительной демократии. Именно в условиях демократии конфликт как таковой (о неизбежности которого уже говорилось) будет разрешаться через диалог, компромисс, широкое участие всех заинтересованных сторон.

При этом нельзя забывать, что термин «демократия» в западных и азиатских странах понимается по-разному. Развитая демократия в Японии, созвучная демократиям в таких странах, как Малайзия, Южная Корея 90-х годов, Тайвань, Сингапур, Индия, имеет свои специфические черты. Демократия была привнесена в Японию извне после сокрушительного поражения во второй мировой войне силовыми методами и стала главной ценностью в обществе. При этом она не привела к утрате традиций и национальной идентичности, что нередко случается в традиционных обществах, поскольку демократические принципы

¹⁷ Цит. по: Арин О. Азиатско-тихоокеанский регион: мифы, иллюзии и реальность. М., 1997. с. 158.

вступают в противоречие с основами их устройства. Во многом это было обеспечено тем, что политическая элита проявляла максимум прагматизма и реально оценивала сложившуюся ситуацию. Она прекрасно понимала, что парламентская демократия со всеми ее издержками представляется альтернативой авторитарному правлению.

На японскую модель огромное влияние оказали социокультурные особенности народа, этнопсихологические черты национального генотипа, традиции политической культуры. При том, что японская демократия обладает всеми необходимыми атрибутами, в ней нельзя не заметить исторического своеобразия. Например, законодательная власть уступает исполнительной. Парламент в Японии не так влиятелен, как парламент в Англии, или конгресс в США. Правительство обладает определенными преимуществами перед законодателями, что позволяет ему в определенной степени быть «глухим» к их критике и часто не принимать в расчет общественное мнение. Весьма серьезные недостатки в системе японской демократии (всевластие бюрократии, зависимость прессы от власти, подкуп голосов, патернализм, большая роль частных политических пожертвований, недостаточное внимание к правам человека в западном понимании) иногда порождают большие сомнения на ее счет. Но, и это очень важно, недостатки не затрагивают фундаментальных основ демократии (регулярность проведения выборов, действенность вынесения вотума недоверия правительству, способность к реорганизации, в частности избирательной системы). Кроме того, существуют механизмы защиты демократических принципов. Правда, они не всегда работают быстро и без сбоев, но, главное, они есть.

В Японии, за исключением очень короткого периода 1947–1948 гг., власть бесспорно находилась в руках консерваторов, принадлежащих к одной и той же партии. Таким образом, Япония единственная среди демократических стран, где консервативное правительство по сути никогда не уступало место социал-демократам.

Политическая элита страны с первых послевоенных лет исповедывала консерватизм. Если на Западе в то время работала социал-демократическая, реформистская модель, которая отвечала потребностям развития экономики западных стран и служила общественному прогрессу, то в Японии никогда даже не ставился вопрос о возможности ее использования. В теоретическом плане правящие круги признавали концепцию «государства благосостояния», в которой «наиболее полно реализовалась одна из основополагающих идей социал-демократии, в соответствии с которой демократическое государство представляет собой инструмент общественных преобразований в буржуазном обществе»¹⁸. В Японии, и это ее особенность, основные достижения политической демократии, связанные с этой концепцией, явились результатом важнейших про-

¹⁸ Мировая экономика и международные отношения. 1990, № 5, с. 7.

грессивных реформ. Для осуществления демократизации широко использовались все социальные и политические силы, заинтересованные в радикальных переменах, при том, что власть находилась в руках элиты с консервативной идеологией, которая умело использовала ее для регулирования баланса сил.

Формированию японского понимания консерватизма способствовали как объективные (подъем экономики), так и субъективные (сложившаяся политическая система) факторы. В политической системе удачно соединились пришедшие извне парламент, партии, принцип государственного устройства, с одной стороны, и традиционная политическая культура – с другой. Последняя основывается на национальных духовных ценностях, нормах поведения и структуре общества. Главными являются корпоративизм, свойственные группе нормы отношений и поведения, эгалитаризм и склонность к компромиссу. Безусловно, традиционные нормы политической культуры постоянно подвергаются воздействию демократических принципов.

Японский консерватизм не представляет собой строгой системы. Это, скорее, система, открытая для постоянного впитывания разных идей, которые в каждый конкретный момент необходимы для решения тех или иных задач. (Стоит вспомнить, что открытой системой был и синтоизм, сформировавший адаптивное мировосприятие японцев.) Отсюда характерная черта японского консерватизма – реализм, а не искусное «философствование», по определению старейшего деятеля Либерально-демократической партии (ЛДП), автора ряда работ по проблемам японского консерватизма Райдзо Мацуно. Он различает в консерватизме основное и побочное направления. Представителями первого, естественно, являются либерал-демократы, а второе представлено широким спектром политических партий, которые в настоящее время, за исключением Коммунистической партии Японии (КПЯ), демонстрируют свою приверженность этой идеологии.

Процесс укоренения демократии в Японии развивался, безусловно, одновременно с укреплением ее экономической мощи. Именно последняя служит базой для вхождения страны в мировое культурное пространство на пороге XXI в. Даже культура в ее узком понимании (изобразительное искусство, литература, музыка, язык, печатная и видеопродукция) распространяется с помощью высоких технологий. Но в условиях быстрого роста и развития информационных систем в других странах Японии постоянно необходимо идти на шаг впереди, чтобы не поблекла привлекательность феномена ее развития.

Известный японовед Карел ван Вольфрен в своей нашумевшей книге «Тайна власти в Японии» иронично заметил, что японцы не создали ничего равновеликого их экономике ни в литературе, ни в искусстве. Однако именно экономика дает возможность Японии широко пропагандировать свою культуру и, например, литературу. Значительными тиражами на иностранных языках издаются произведения современных японских писателей, пользующихся популяр-

ностью у себя в стране. Достаточно назвать имена Банана Ёсимото (1964 г.), живущей в Париже, и Харуки Мураками (1949 г.), чьи постмодернистские творения, не имеющие ничего общего с японской традицией, дали Западу представление о японской литературе. Проявляют к ней интерес и зарубежные издательства, в первую очередь американские¹⁹.

Возможно, К. Вольфен и прав в отношении литературы, но страна берет реванш не только в Азии, но, похоже, и во всем мире своими манга, большая часть печатной продукции которых это так называемая культура комиксов. В последнее время они переводятся и на язык видеофильмов, что формирует новый тип культуры визуального восприятия событий и информации. Манга – культовое явление техногенного общества, и Япония – признанный лидер в этой области. На заре появления комиксов, в начале 60-х годов, никто не воспринимал их всерьез. В настоящее время свыше четверти всей печатной продукции Японии приходится на манга. В стране выпускается более 600 видов книг и журналов в стиле манга. Более половины всех журналов – комиксы. Тираж таких журналов в начале 90-х годов превышал 12 млн. экземпляров. (Статистику этого вида литературы начали вести с конца 60-х годов.) Одним из самых популярных еженедельников является «Сёнен джамп» – более 4 млн. экземпляров. Ни в одной стране подобная литература не издается такими тиражами. Журналы комиксов выходят один – два раза в месяц или еженедельно. Их объем достигает нескольких сот страниц. Популярны сериалы, продолжения которых написаны разными авторами.

Появление комиксов в Японии связано с первым демографическим бумом рождаемости после войны. Традиционно они предназначались в первую очередь для развлечения детей. Но в связи с быстрым прогрессирующим развитием бытовой видеотехники они становятся одним из популярных источников получения информации вообще. Появляются так называемые образовательные манга типа научно-популярных брошюр по конкретным разделам экономики: фондовой бирже, налогам, менеджменту. В книжных магазинах подобные манга стоят уже не в отделах комиксов, а в разделах познавательной литературы. Несколько лет назад бестселлером стала книга «Введение в японскую экономику», изданная в виде манга. Двухмиллионный тираж разошелся моментально. В книге весьма реалистично в виде отдельных конкретных сюжетов излагались экономические проблемы. По мнению специалистов по производству манга, задача такого рода литературы – передать точную информацию легкодоступным путем. Этой книгой заинтересовались в Китае, Германии, Великобритании и Франции, где она была переведена и издана. То же произошло и со всемирно известной книгой бывшего президента корпорации Сони Акио Морита «Сделано в Японии».

¹⁹ Look Japan Vol. 42, 1996, № 487, p. 30, 31

Используя повальное увлечение манга, фирмы издают свои рекламные буклеты также в виде комиксов. Не остались в стороне от моды и правительственные учреждения. В 1988 г. Управление экономического планирования использовало манга для краткого изложения содержания «Белой книги по экономике». Соотношение развлекательных и познавательных манга постепенно меняется в пользу последних.

Японская визуальная масскультура завоевывает все больше сторонников не только в стране, но и за рубежом. Первоначально манга появились в азиатских странах в виде пиратских копий, но с начала 90-х годов подобная продукция там стала производиться по лицензиям. Крупнейшее японское издательство «Коданся», специализирующееся на издании книг на иностранных языках, продало лицензии на свои манга многим азиатским издательствам в Сингапуре, Гонконге, Малайзии, Тайване, Таиланде, Индонезии и Южной Корее. Рынок для такой японской продукции расширяется по мере роста экономики азиатских стран и подъема их культурного уровня. Например, из предлагаемых японцами на рынке 100 манга европейские страны покупают лишь три, а азиатские – практически все²⁰. В Республике Корея свыше 70% видеоманга японского производства, и лишь 12% приходится на США.

Велико влияние японской индустрии манга, оцениваемой в несколько миллиардов долларов (в 1995 г. – 4,73 млрд. долл.²¹), и на местное производство. Японцы используют этот канал для пропаганды своей культуры, образа жизни, морали, стараясь избегать в манга жестокости и насилия. В Японии резко возросло число поклонников манга, когда цветное телевидение пришло практически в каждый дом. О популярности комиксов у подрастающего поколения свидетельствует любопытный факт изложения в виде манга древнего памятника Кодзики, являющегося своего рода Священным писанием национальной религии синто.

Несомненно, в утверждении «культуры мира» значительную роль не могут не играть крупные мировые религии и религиозные движения. С 1993 г. состоялось три так называемые барселонские встречи представителей различных конфессий, посвященные определению возможного вклада церквей в создание «культуры мира». Ведь на протяжении тысячелетий религия – важный социальный институт, включающий систему верований, мораль, право, образ жизни, – была организующим началом общества. В Европе христианское миропонимание обеспечивало единое культурное пространство, которое с течением времени по большей части замкнулось на искусстве. А на Востоке, в частности в Япо-

²⁰ The Japan. 17.04.1996.

²¹ The Nikkei Weekly 17.02.1997.

нии, религия пронизала всю социальную ткань общества, ибо в основе мировосприятия здесь лежит традиция²².

Жизнь современного японца с ее ультрасовременной материальной культурой (радио, видеоаппаратура, караокэ, компьютерные игры, бытовая техника) неразрывно связана с обрядами, которые во многих случаях уже потеряли свой религиозный смысл. Но до сих пор для многих японцев это – примечательные события.

Издrevле японец воспринимал окружающий мир через национальные праздники, обряды, обычаи, общение с природой. Именно последнее послужило основой одного из главных принципов дальневосточной эстетики – созерцательного восприятия природы. Традиционалист Ясунари Кавабата в своей нобелевской речи подчеркнул, что сменяющие друг друга четыре времени года олицетворяют красоту природы и передают сокровенную суть Японии²³.

Природное окружение человека, природная среда, то, что сейчас мы называем глобальной проблемой экологии (без своевременного разрешения которой невозможно представить будущее человечества), привлекает внимание современных японцев. Не случайно поэтому в настоящее время происходит переосмысление эпохи Дзёмон (X – III вв. до н.э.), в которой видят корни нации, культуры и языка. На основе многочисленных археологических раскопок последних десятилетий выстраивается модель жизни человека того времени в гармонии с природой, прежде всего с лесом, что определяется как «культура леса» в противовес «культуре камня» на Западе.

Японцы рассматривали лес как жизнеобеспечивающую и жизнеподдерживающую систему. Жизнь людей эпохи Дзёмон в значительной степени детерминировалась именно лесом. Им было свойственно обожествлять дерево, благоговейно относиться к нему. Деревья были как бы связующим звеном между человеком и божеством, поэтому им возносили молитвы перед тем как срубить. Понимание вечности в Японии в принципе отличается от западного, где она зафиксирована в камне. Вечность синтоистских святынь в Исэ поддерживается перестройкой основных храмов каждые 20 лет с тем, чтобы каждое поколение увидело их в первоизданном виде.

Таким образом, в Японии, как ни в одной другой стране, универсальная техногенная культура сосуществует с культурой традиционной, принесшей в мировую сокровищницу принцип взаимодействия человека с природой, адаптации человека к ней. В общем «чем древнее и созидательнее культура, тем теснее спаяны в единое целое по содержанию и форме все ее элементы. Скрытые и явные течения пронизывают ее во всех направлениях. Люди, боги, природа, закон, музыка, язык, письменность, кухня, мода – все отзывается бесконечным

²² Подробнее об этом см. выше, с 66 – 83.

²³ Кавабата Ясунари. Избранное М., 1971, с. 387, 388.

эхом, словно голоса в дремучем и величественном лесу», — пишет итальянский японовед Ф.Мараини²⁴. На протяжении более ста лет модернизации облик Японии, безусловно, менялся, древние традиции частично утрачивались, возникали новые, но многое сохранилось в неизменном виде. Прежде всего это относится к театральному искусству, икэбана, чайной церемонии, вообще церемониалу, народным промыслам. Более или менее традиционной остается кухня, многие элементы традиционной японской архитектуры вошли в практику новейшего строительства, влияние старинной одежды заметно в моделях дизайнеров.

В условиях глобальной интернационализации Японии, опираясь на достигнутую экономическую мощь, вырабатывает стратегию расширения своего присутствия во всех сферах мирового сообщества. При этом особое внимание уделяется сохранению собственных культурных ценностей. Речь идет не только о достоянии далекого, но и относительно близкого прошлого. Специальный консультативный комитет при правительстве разрабатывает программу включения в культурное наследие материальной и духовной культуры конца XIX — первой половины XX в. Разработчики программы исходят из того, что «однажды потерянное нельзя восстановить». Предлагается сохранить для потомков предметы культуры быта, которые сейчас кажутся обыденными, а в середине следующего века могут стать экспонатами музеев. В настоящее время японцы благоговейно взирают на котелки, в которых заваривали чай во время чайной церемонии в средние века, а лет через пятьдесят так будут, возможно, смотреть на рисоварки.

Техногенная культура вносит коррективы в устоявшееся понятие «культурное наследие». В докладе, подготовленном этим комитетом для управления культуры, рекомендуется ввести новую позицию — культуру быта — в добавление к архитектуре, крупным формам скульптуры, предметам искусства и письменным памятникам. В двух последних категориях предлагается выделить науку и технологию. Вокруг определения расширенного понимания культурного наследия в стране ведутся оживленные дискуссии. В частности, обсуждается вопрос, нужно ли считать памятником мирового значения так называемые памятные руины Атомного дома, или отнести их к культурным ценностям, как современную поп-музыку, которой сейчас увлечена молодежь.

Однако Япония не была бы Японией, если бы не выстраивала государственную политику распространения своей культуры за рубежом, т.е. вхождения в мировое культурное пространство. В официальном издании министерства просвещения, в ведении которого находятся вопросы культуры, указывается: «Международный культурный обмен исключительно важен не только для развития культуры нашей страны, но и для расширения взаимопонимания между народами. В последние годы повышается интерес к японской культуре во всем мире. В связи с этим необходимо активно содействовать международному куль-

²⁴ Мараини Ф. Япония. Образы и традиции. М., 1980, с. 67.

турному обмену для углубления понимания Японии другими народами и для внесения вклада самой Японии в мировую культуру»²⁵. Эта задача была поставлена еще и потому, что согласно мнению примерно 60% опрошенных японцев мир не понимает и не воспринимает их культуру.

На формирование мирового культурного пространства в современных условиях, как известно, огромное влияние оказывает интенсификация экономических, политических и культурных связей народов мира, усиление взаимозависимости и взаимовлияния локальных обществ и регионов, их собственный опыт в решении глобальных проблем. Каждое общество вырабатывает свое отношение к проникновению чужеземного влияния, что обеспечивается самобытностью каждого этноса, неидентичностью интеллектуальной сферы, многообразием систем ценностей, спецификой национального самосознания.

История японской культуры свидетельствует о том, что ни одна культура, даже такая мощная как китайская или западная, не может быть универсальным образцом для подражания. Ее воздействие на другие народы имеет свои пределы, поскольку этот процесс протекает в условиях абсолютно других укладов, образа жизни и менталитета. В то же время ни одна культура не развивается абсолютно независимо, как бы в вакууме. Речь идет о сложном и деликатном процессе взаимодействия культур, на который огромное влияние оказывают социопсихологические факторы, в частности, отношение того или иного народа к чужеродному опыту. Примером может служить хотя бы отношение китайцев и японцев к остальному миру: первые не могли расстаться с идеей Срединной империи и допустить наличие ценностей, отличных от их собственных, и необходимость чему-нибудь учиться у других народов. В китайском обществе конфуцианство признавалось эталоном развития культуры не только собственной, но и мировой, а потому другие культуры считались недостойными для заимствования. Японцы же, находясь в сфере влияния конфуцианской культуры, сумели, не теряя своей уникальности, воспринять и западные ценности. Все заимствованное они органично вплетали в контекст своей культуры. Догоняя Запад, принимая его модель в значительной степени под давлением обстоятельств, Япония, и это очень важно, не теряла своего лица, делала это на своих условиях, входя таким образом в мировое культурное пространство.

Выступая за повышение своего статуса в мировой политике, Япония не упускает из вида и сферу культуры. Особенно активно она начала действовать в 90-е годы. Япония стала членом Научно-исследовательского центра по сохранению и восстановлению культурных памятников, который является межправительственным органом. По линии министерства иностранных дел Япония активно участвует в работе ЮНЕСКО, в Фонде по сохранению культурных па-

²⁵ Вага куни-но бункё сикаку. Хэсэй 5 нэндо (Политика нашей страны в области культуры). Токио, 1993, с. 160.

мятников. В 1992 г. она присоединилась к Соглашению о сохранении культурных памятников мирового значения, которое было принято на ХУП сессии ЮНЕСКО еще в 1972 г. Для реализации поставленных целей был создан комитет, который подготовил реестр мировых культурных ценностей, и учрежден денежный фонд. Такой реестр формируется на основе заявок каждой страны. В него включаются не только рукотворные памятники, но и природные объекты (Версаль во Франции, Анкор в Камбодже, Большой барьерный риф в Австралии). На 1993 г. в этот реестр входило 378 наименований, в том числе 276 рукотворных, 87 природных и 15 антропософоландшафтных объектов. Японии удалось с первого захода в 1994 г. включить четыре названия: храмовый ансамбль Хорюдзи (преф. Нара), замок в Химэдзи (преф. Хёго), о-в Яку (преф. Кагосима) и гора Сираками (на границе преф. Аомори и Акита)²⁶. Этот реестр ЮНЕСКО ежегодно пополняется в октябре. В 1996 г. Япония, например, добавила грандиозный храмовый ансамбль Хонгандзи и храм Бёдоин в Киото.

Япония уделяет большое внимание (а главное – финансирует) реставрации произведений своего древнего искусства, находящихся в музеях разных стран. В 1993 г. в управлении культуры был учрежден даже специальный комитет по реставрации и сохранению таких произведений. Япония также выделяет средства для сохранения памятников архитектуры других стран, прежде всего Юго-Восточной Азии. Официальная пропаганда японской культуры ведется через устройство всевозможных выставок, фестивалей, научных конференций и симпозиумов, обмен искусствоведами, а также путем обучения в Японии зарубежных специалистов и организации гастролей. Список подобных мероприятий можно продолжить..

* * *

XX век оказал огромное влияние на судьбу Японии, которая из страны отшельника, догоняющей западное общество, превратилась в экономическую супердержаву, использующую все богатства мирового сообщества, умело сочетающую общечеловеческие и традиционные ценности и стремящуюся распространить свое влияние на другие народы. По словам Карела ван Вольферена, Япония просто ошеломляет мир. «Став державой мирового уровня, – пишет он, – она не ведет себя так, как того от нее ожидают. Иногда даже складывается впечатление, что она и не хочет принадлежать этому миру... Япония далека от того, чтобы побеждать Запад по его правилам, она, возможно, вообще не играет по западным правилам»²⁷. Безусловно, в большей степени это относится к ее торгово-экономическим отношениям с Западом. Что же касается просветитель-

²⁶ Там же, с. 169–170.

²⁷ *Wolferen V.K. The Enigma of Japanese Power* London, 1989, p. 1, 2.

ской, образовательной и культурной деятельности, которая как раз и направлена на поддержание мира, то здесь Япония накопила очень серьезный позитивный опыт²⁸. И здесь к ней не может быть никаких претензий.

²⁸ Подробнее см.: Япония. Конец XX века, с. 241–264.

К столетию со дня рождения

Ясунари Кавабата

Ясунари Кавабата. «Снежная страна».

Лиро–эпический синтез в повести

Ким Рехо

1

«Эта повесть, я думаю, европейцам будет не понятна, – сказал однажды Кавабата. – «Снежная страна» написана вопреки общепринятым нормам европейского романа...»

Опасения Кавабата не оправдались. Произведения писателя самой «японской Японии» постоянно издаются в России большими тиражами. На русском языке сборники избранных произведений Кавабата выходили четыре раза.

В 1968 г. Ясунари Кавабата присуждена Нобелевская премия за «писательское мастерство, которое с большим чувством выражает суть японского образа мышления». Речь идет о самобытной трактовке понятия о прекрасном в произведениях японского писателя, о специфике его художественного видения мира.

О творчестве Ясунари Кавабата написано немало книг и статей не только на родине писателя, но и за ее пределами. По-видимому, сегодня уже можно говорить о наличии «кавабатаведения» в японской филологической науке.

В японской критике бытуют противоречивые суждения о творчестве Кавабата. У писателя есть не только верные последователи, но и ярые противники. Одни, например Сэй Ито, превозносят талант писателя, причисляют его лучшие работы к «шедеврам современной лирической прозы»; другие, как Мимпэй Сугиура, считают его произведения устаревшим, называют их вчерашним днем литературы: «Произведения Кавабата, преклоняющегося перед «Гэндзи монога-

тари» как перед первоисточником прекрасного, представляют собой подражание средневековой литературе»¹, – писал Сугиура.

Эти расхождения в оценках объясняются прежде всего сложностью исходной эстетической позиции писателя, близкой к постулатам дзэн, а также спорными проблемами синтеза традиции и современности.

Кавабата всегда говорил о неразрывной связи своего творчества с классическим японским представлением о прекрасном. В своей нобелевской речи писатель подчеркивал, что изначальным образом его вдохновения является творчество дзэнского поэта Догена, жившего в XIII в.

Дзэнский принцип естественности образа, исходящий из восприятия природы как главного всеобщего начала, не отводит человеку какой-либо исключительной роли. Мир не рассматривается как арена человеческих деяний, на которой человек – герой и творец. В эстетике дзэн человек выступает как одно из явлений природы и находится с ней в нерасторжимом единстве.

Японский идеал красоты в его существенных чертах выражен уже в «Такэтори моногатари» (VIII в.), где использован сюжет одной из старинных легенд. Старик Такэтори (букв. «собирающий бамбук») нашел в колосе бамбука крошечную девочку, красота которой обворожила знатных юношей. В повести говорится: «Кагуяхимэ ростом в три сун (мера длины, равная 3,03 см. – К.Р.) была прекрасна». Эстетизм японцев основан на противопоставлении внешним признакам ложной значительности истинной значительности слабого, малого.

Мы остановимся несколько подробнее на японских представлениях о прекрасном, поскольку эта тема является центральной в интересующей нас повести «Снежная страна».

В японском языке слово «красота» («уцукуси») заимствовано из китайского: иероглиф «мэй», состоящий из двух компонентов – «ян» («баран») и «да» («большой», «великий»). Вероятно, у древних китайцев представление о прекрасном было связано с развитием скотоводства, с понятием изобилия, силы и могущества, как в скульптуре и живописи европейской античности. Японцы же, заимствовав чужое слово, вложили в него свое понятие о прекрасном.

«В вопросах вкуса японцы очень просты и превыше всего ценят естественность, как и показывает их образ жизни, – пишет Ивао Мацухара. – В живописи китайцы любят все величественное, ясно очерченное, что кажется японцам вульгарным и безвкусным. Китайцы любят пионы, розы, орхидеи – все сильно пахнущие и яркие цветы, что во многом совпадает со вкусами западных народов. Японцы же больше всего любят такие цветы, как сакура, которая не очень ценится в Китае, а также многие полевые цветы, и даже безымянные травы...»².

¹ Сугиура Мимпэй. Гэндай нихон-но сакка (Писатели современной Японии). Токио, 1956, с. 220.

² Цит. По: Овчинников В. Ветка сакуры. М., 1971, с. 38.

Противопоставление это, возможно, несколько прямолинейно. В Китае тоже любят цветы мэйхуа, похожие на сакуру, или карликовые кривые деревья. Но все же Ивао Мацухара нащупывает некоторые черты национальной специфики художественного вкуса японцев и китайцев.

Син Ооно, автор книги «Возрастные кольца японских слов» («Нихонго-но нэнрин») пишет: «Я думаю, что представление о прекрасном у японцев связано не с понятием добра и обилия, скорее всего, оно согласуется с понятиями чистоты, опрятности и миниатюрности»³.

Особенности художественного мышления и осмысления природы поэтического слова, своеобразие миропонимания Кавабата тесно связаны с «изначальным образом» дзэнской поэзии.

Кавабата преклонялся перед романом «Гэндзи моногатари» (XII в.), который был для него первоисточником прекрасного. Утверждая всеобщую гармонию и равновесие в изменчивой и недолговечной жизни, эта классика возвеличивала красоту мягкой женственности в противоположность грубой мужской силе. «Во время войны, – вспоминает Кавабата, – при тусклом свете лампы я продолжал читать «Гэндзи моногатари»... Читал я даже в трамвае, едущем после вражеского налета через пепелище, и удивлялся, как мир романа не гармонирует с тем, что происходит вокруг, и еще в большей мере был поражен, почувствовав полную гармонию моей души с литературой, созданной тысячу лет назад... Это было моим протестом против духа времени»⁴.

Благодаря приверженности национальной классике, утверждающей мир, красоту и гармонию, Кавабата смог сохранить свою творческую индивидуальность не только в годы военных лихолетий, но и в условиях послевоенной переоценки ценностей.

В произведениях Кавабата нет образа героя-воина. Он и жизнь рассматривает не с точки зрения героики, а ищет лирику в обыденности. Как и искусство дзэн, произведения Кавабата не замыкаются в сфере исключительного, наоборот, самые рядовые явления и предметы становятся объектом художественного освоения. Отсюда его особое внимание к человеческой личности не в ложногероическом обличье, а в естественности своего индивидуального существования. Под знаком традиции японской художественной культуры созданы лучшие произведения Кавабата «Снежная страна», «Тысяча журавлей», «Стон горы» и другие, в которых наиболее ярко выражено своеобразие творчества писателя.

³ См.: Гундзо. 1969, № 2, с. 187.

⁴ Кавабата Ясунари. Дзэнсю (Полное собрание сочинений). Токио, т. 12, 1961, с. 260–261.

Повесть «Снежная страна» создавалась долго, с перерывами, с 1934 по 1947 г. В начале у Кавабата не было четкого представления о жанре произведения. В 1935 г. вышла его новелла «Зеркало вечернего пейзажа». Недосказанное, или, как это обозначается в японской поэтике, «послечувствование» («ёдзё»), породило у писателя массу поэтических ассоциаций, и он приступил к написанию новой новеллы. Так возникла своего рода серия зарисовок, связанных между собой не столько единством сюжета, сколько общим лирическим настроением.

В центре «Снежной страны» образы прекрасных японок – юной Йоко и гейши Комако. С последней завязывает близкие, интимные отношения Симакура – человек средних лет, без определенных занятий, выросший в торговых районах Токио. Это – человек одаренный и по натуре художественный, но не умеющий найти применения своим силам в общественной жизни, своего рода японский «лишний» человек».

Поэтизация женской красоты – пафос произведения. В вечернем поезде, сидя у окна, Симамура, едуший в снежный край полюбоваться природой, переживает высшее эстетическое наслаждение, когда отраженный в оконном стекле вагона глаз Йоко совмещается с дальним огоньком в поле, и ее зрачок вспыхивает и делается невыразимо красивым. И голос ее, окликнувший начальника станции, «до боли прекрасен». «Пронзительная красота» образа переносится в план возвышенного поэтического созерцания.

Комако же поражает Симамура, скорее, не внешней красотой, а душевной чистотой, что является первоэлементом японского представления о прекрасном. «Симамура посмотрел в ее сторону... Глубина зеркала была совершенно белой, зеркало отражало снег, и на этом белом фоне алело, пылало лицо женщины. Удивительная, невыразимо чистая красота»⁵.

Изобразительная манера Кавабата напоминает нам знаменитую серию рисунков художника Утамаро («Семь женщин за туалетом», XVIII в.). Стремясь предельно выразить обаяние японки, художник дает ее изображение в фас и в профиль посредством отражения в зеркале. Как и Утамаро, Кавабата стремится не просто нарисовать, а выразить лицо женщины.

Мужчина в окружении двух красавиц... По нормам романного повествования читатель вправе ожидать любовные коллизии треугольника. Но ничего подобного в повести не происходит. Может быть, Кавабата имел в виду это, когда

⁵ Кавабата Ясунари. Повести, новеллы, рассказы, эссе М., 1971, с. 208–209.

говорил, что повесть написана вопреки общепринятым нормам современного романа.

Писателя интересуют не драматические коллизии жизни, он стремится художественно воссоздать образ прекрасной японки и через нее выразить свою мечту о Красоте. Примечательно, что ни Йоко, ни Камако, взятые отдельно друг от друга, не выражают авторскую мечту о прекрасном: каждая из них выступает носителем определенных свойств японского представления о красоте. Вместе взятые, они, дополняя друг друга, создают как бы единый образ прекрасной японки.

Йоко, ее красота, кажется, живет в мире ирреального: вспомним отраженный в окне вагона вечернего поезда глаз Йоко. Симамура чудится «мистический мир символики». Образ же Комако подчеркнуто реалистичен, красота ее от земли, у нее «здоровое, упругое сильное тело». «Ее кожа, без пудры... подпитанная горным воздухом, была свежа, как только что очищенная луковича, и прежде всего удивляла своей чистотой»⁶.

Эпитет «чистый» наиболее часто употребляется в характеристике Комако. Симамура стоило только раз взглянуть на Комако, и он понял, что «не из таких она, очень уж чиста». Обаяние Комако – и в самой ее натуре. Ведь и гейшей она стала, пожертвовав собой ради спасения больного сына своей учительницы танца: она хотела заработать деньги ему на лечение. Но Симамура, воспитанному в «расчетливом» Токио, поступок Комако показался только банальным. Непредодолимый «нравственный барьер» мешает ему поверить в искренность чувств Комако.

Вслушиваясь в завораживающую игру Комако на сямисэне, Симамура впервые придумался: в чем сила воздействия ее игры? И приходит к выводу: причина в слитности ее души с природой. «Общаясь с величавой природой гор и долин, и от этого, должно быть, удар ее плектра налился такой силой. Ее одиночество, разорвав и растоптав свою печаль, порождало в ней необычайную силу воли», – рассуждает Симамура. И здесь, в этой стихии, где нет вокруг «ни театральных стен, ни зрителей, ни городской пыли», звук сямисэна Комако «звенел и беспрепятственно летел все дальше, к далеким снежным вершинам». И Симамура почувствовал «самостоятельную ценность ее собственной жизни». Он проникся к ней благодарным ощущением близости.

«Снежная страна», по мнению Кинья Цурута – видного исследователя творчества Ясунари Кавабата, – произведение, «насыщенное чувством первозданного бытия (гэнсэй-но кандзё), в чем нуждались японцы»⁷. Это – «чувство живой жизни, врожденная сексуальность, чистота как черта характера, материнская

⁶ Там же.

⁷ Цурута Кинья. Кавабата Ясунари-но гэйдзюцу (Искусство Ясунари Кавабата) Токио, 1981, с. 50.

душевная теплота и самоотверженность», – все то, что олицетворяет собой Комако.

Несомненно, образ Комако разрушает некоторые стереотипы японок, неотъемлемым атрибутом которых считалось фаталистическое смирение и пассивное созерцание жизни. В героине подчеркнуто прежде всего активное отношение к жизни, природное свойство натуры, но все же образ Комако не является воплощением авторского представления о прекрасной японке.

Идеальный мир прекрасного находится там, где «чувство живой жизни» Комако гармонически сливается с «пронзительной красотой» Йоко. Не случайно в мыслях Симамура они возникают вместе. Увидев Йоко, он вспоминает то зеркало в вагоне поезда, отражавшее вечерний пейзаж и «невывразимо прекрасное лицо» девушки. И это впечатление в свою очередь вызвало в памяти «яркие щеки Комако, пылавшие в зеркале на фоне снега». Слившись в единое целое два зеркала – воспоминания создают гармоническую сферу прекрасного. «Снежная страна» – это поиски и открытие красоты.

3

Ясунари Кавабата – несравненный лирик. Мы настолько привыкли к этому определению свойства таланта японского писателя, что порой не обращаем должного внимания на другие поэтические компоненты, составляющие единство и целостность его произведений.

Между тем в повести «Снежная страна», определившей во многом стиль Кавабата, особенности его художественного мышления, заметно проступает тенденция слияния лирического и эпического в повествовании. Не только лирическое, но и эпическое – определяющий структуру произведения поэтический элемент.

Но существуют и другие мнения. Восхищаясь мастерством лирического повествования писателя, многие критики утверждают, что наличие эпических элементов в повести как раз и нарушает ее художественное единство. Этим и объясняется, почему некоторые исследователи, можно сказать, преднамеренно пренебрегают образом Симамура, хотя без него рушится вся конструкция повести. Через восприятие Симамура дается реалистическая картина жизни обитателей снежной страны.

Нечто подобное случилось и с повестью Л. Толстого «казаки», названной Роменом Ролланом «лучшим из лирических романов»⁸. Современная писателю критика, например, Я. Полонский, считая, что эпическое мастерство составляет

⁸ Роллан Ромен. Собрание сочинений. М., т.2, 1954, с. 237.

самую «резкую черту» творческой манеры Толстого, утверждал, что наличие лирических элементов в повести как раз и нарушает ее художественную целостность, «разбивает, двойит внимание читателя»⁹.

Для японской критики, касающейся «Снежной страны», характерна та же логика суждений, только наоборот: лирики не приемлют эпического тона повести. Отсюда нередко полное пренебрежение образом Симамура. В иерархии уровней персонажей, построенной Кинья Цурута, нет даже упоминания о Симамура. В центре Комако, следом идет Йоко, затем Юкио – персонаж весьма эпизодический. Словом, лирика и эпос в творчестве Кавабата не сочетаемы так же, как бамбук и сосна... Кинья Цурута считает, что сама фамилия Симамура, которая означает «поселок на острове», уже говорит о его полном одиночестве, его изолированности от других персонажей¹⁰. Подобного взгляда придерживается Кэнкити Ямамото, утверждая, что Симамура – «подсобный материал» («вакияку») и ему отведена лишь роль пассивного наблюдателя¹¹.

Конечно, такая точка зрения подвергалась критике в самом японском кавабатаведении. Тэцую Хаттори, например, пишет, что «красота не существует отдельно от реального мира»¹².

Симамура относится ко всему скептически, считая единственно реальным ирреальную «чистую» красоту. Но Симамура меняется в течение повествовательного времени, писатель заостряет внимание на движении его души под впечатлением общения не только с Комако, но и знакомства с жизнью крестьян сурового снежного края.

Вопрос о том, как Кавабата достигает гармонического целого, сливая воедино раздельно существующие поэтические элементы – лирическое и эпическое, имеет существенное значение: решение его во многом проявит прием поэтического преобразования жизненного материала в «Снежной стране», склонность писателя видеть жизнь не только субъективно, через отражение в зеркале, но и объективно, через реальную действительность.

Однобокое толкование творчества Кавабата, игнорирование эпического тона в повести «Снежная страна» характерны для тех исследователей, которые видят в японском писателе лишь традиционалистского художника, чуждающегося современного литературного опыта. Считают, что его увлечение западным искусством и литературой, связь с авангардистской группой так называемых «неосенсуалистов» были преходящими и не оставили какого-либо следа в его творчест-

⁹ Статья Я. Полонского «По поводу повести графа Л.Н. Толстого «Казаки»» была опубликована в 1863 г.

¹⁰ Цурута Кинья. Кавабата Ясунари-но гэйдзюцу, с. 52.

¹¹ См.: Ямамото Кэнкити. Киндай бунгаку кансё кодза (Лекции по современной японской литературе). Токио, 1959.

¹² Хаттори Тэцую. Сакка Кавабата-но тэнкай (Становление и развитие Кавабата как писателя). Токио, 1993, с. 361.

ве. Между тем в знаменитом зачине «Снежной страны», который, как любая истинная поэзия, трудно поддается переводу, ощутима экспрессивность неосенсуалистской изобразительной манеры. Или другой пример: «Ее (Комако. – К.Р.) губы, влажные и изящные, как свернувшаяся колечком пивяка». Типично неосенсуалистская метафора.

Надо сказать, что экспрессионизм нашел благодатную почву в Японии. Абстракция, отвлечение, усиление субъективно-эмоционального начала, характерные для эстетики экспрессионизма, изначально присутствуют в японском искусстве. «Для японцев, хорошо знакомых с театром Кабуки и Но, – пишет Хироси Комацу, – вовсе не чужд прием абстрагирования в искусстве. Более того, трудно найти другие страны, где, как в Японии, так близко сердцу представление о том, что зримый мир является лишь выражением внутреннего, субъективного «я» художника». Стилистические приемы авангардизма не были чужды традиционному искусству Японии. Они находятся как бы в состоянии диффузии, проникают одно в другое. Не случайно одни сравнивают зачин «Снежной страны» с «ута-макура» («изголовье песни» – стилистический прием классической японской поэзии¹³), а другие видят в нем отпечаток авангардистского стиля.

Примечательно в этой связи замечание видного ученого Идзуми Хасэгава о том, что Ясунари Кавабата нельзя втиснуть в узкие рамки традиционализма, его необходимо рассматривать и в контексте мирового литературного процесса. Он пишет, что тенденция воспринимать Кавабата как сугубо традиционалистского писателя «присуща, скорее, зарубежным исследователям».

Кавабата пришел в литературу в 20-е годы, когда синтез традиции и современности был актуальной темой для японских писателей. Он внимательно следил за новейшими тенденциями в западном искусстве, переводил Чехова и Дж. Голсуорси. Это отнюдь не противоречило его заявлению о том, что, будучи восточным человеком, он «никогда не терял из виду собственного пути».

Образ Симамура уже не уместается в традиционные рамки, в нем явно выступают черты, сближающие его с героями мировой литературы.

Симамура, несомненно, человек с причудами, своего рода оригинал, у него нет определенных занятий, он живет в праздности благодаря отцовскому наследству. Дилетантски увлекаясь то музыкой, то национальными японскими танцами, он пытается привнести нечто новое в искусство, но быстро изменяет своим привязанностям. Начинает писать о европейском балете, которого никогда не видел, переводит статьи Валери и Аллана и даже считается знатоком русского балета, но сам же смеется над самим собой, над своей абсолютно бесполезной, по его словам, работой. Скука привела Симамура в снежную страну, у

¹³ Герасимова М.П. Бытие красоты. Традиции и современность в творчестве Кавабата Ясунари. М., 1990, с. 59.

него не было заранее составленного плана или цели. Здесь он знакомится с Комако, которая горячо полюбила его. Повесть могла развиваться по схеме: случайно пришел человек, увидел и от нечего делать погубил. Но события в повести развиваются иначе.

Симакура – рефлектирующая личность. Он недоволен собой, в глубине души надеется на новую жизнь. Увиденное и прочувствованное в снежной стране поколебали прежние его ценностные представления, его взгляд на красоту. Что дала ему новая жизненная сфера, осуществится ли его, правда, еще до конца не осознанное желание начать новую жизнь? Это – одна из составных тем повести. Из объекта повествования Симакура превращается в повествующего субъекта. Произведение становится многональным, что свидетельствует о сложности идей автора, вернее о его отношении к изображаемому предмету.

Внимательный читатель, несомненно, заметит фабульные совпадения повести Кавабата с «Казакими» Толстого. Оленин болен тем же недугом, что и Симакура: неудовлетворенный своей праздной жизнью в столице Оленин отправляется на Кавказ в надежде начать новую жизнь, влюбляется в красавицу Марианну, но своего счастья он не находит. Когда разыгрываются трагические события в деревне в снежной стране (пожар, гибель Йоко) и в станице гребенских казаков (стычка с чеченцами, смертельное ранение Лукашки) Симакура и Оленин чувствуют себя одинаково лишними, ненужными людьми, отвергнутыми местными жителями.

Был ли знаком Кавабата с повестью «Казакки»? Японский писатель, тяготевший с юных лет к русской литературе, несомненно, читал произведения Толстого. Повесть «Казакки» появилась в Японии уже в 1893 г. в переводе Катай Таяма – в будущем одного из корифеев новой японской литературы. (Уместно здесь вспомнить пророческие слова Фета: «Неизъяснимая прелесть таланта... «Казакки» должны явиться на всех языках».)

«Лучи заходящего солнца проникали сквозь окна моей комнаты, – писал Катай Таяма, вспоминая, как он переводил повесть Толстого. – Отовсюду слышалось гудение бесчисленных насекомых. Лампа горела до глубокой ночи. И я вдумывался в страдания Оленина, думал о жизни Лукашки, об отношении старика Ерошки к природе. Странная жизнь на Кавказе переплелась с мечтой и страданием безымянного начинающего писателя из страны Дальнего Востока»¹⁴.

Из слов Таяма ясно видно, чем привлекала японских читателей повесть русского классика: им были близки духовные искания Оленина, а также толстовская мысль о слитности человека и природы.

¹⁴ Таяма Катай. Токио-но сандзюнэн (Тридцать лет в Токио). Токио, 1917, с. 87–88.

Повесть «Казаки» привлекла внимание и Рока Токутоми – крупнейшего писателя Японии того времени. Его книга «Толстой», изданная в 1905 г. в серии «12 великих писателей мира», к 1915 г. выдержала шесть изданий. Примечательна характеристика Оленина. «Он происходит из богатой аристократической семьи, – пишет Токутоми. – Рано потеряв родителей, Оленин получил огромное состояние в наследство, но вскоре промотал его, нигде не учился, не служил. И все же он не стал рабом соблазнов и даже подумывал, что его безделье является следствием обстоятельств, а не распутства души. Он едет на Кавказ, надеясь, что там начнет новую жизнь»¹⁵. Вслед за Тургеневым Токутоми называет повесть «Казаки» самым совершенным, изысканным шедевром русской литературы.

Возможно, что Ясунари Кавабата читал «Казаки» в переводе Таяма и был знаком с книгой Токутоми о Толстом. Известно, что он в молодости зачитывался произведениями писателей из группы «Сиракаба» («Белая береза»), находившейся под глубоким влиянием Л. Толстого. Так или иначе в глаза бросается некоторое сходство между двумя повестями: близость фабул, социальных характеристик героев и т.д. Правда, Толстой и Кавабата – писатели совершенно разных творческих темпераментов. Кавабата, увлекавшийся русской литературой, в частности, творчеством Чехова, не воспринимал эпической мощи Толстого. Однако пример «Снежной страны» говорит о том, что Кавабата, приверженный традициям, нуждался и в подвижных связях с мировым художественным опытом.

Еще в 1917 г. Сосэки Нацумэ отметил в своей записной книжке: «Жизнь. Я был удивлен, читая русские романы, что там повествуется о том же самом, что и у меня. Разница лишь в том, каким образом герои справляются с трудностями, находясь в критических ситуациях». Своих же героев Нацумэ называл «привилегированными бездельниками». Симамура из повести «Снежная страна», несомненно, близок героям произведений Нацумэ, которых в свою очередь можно соотнести с типами лишних людей в русской литературе.

Интересно, что говорит сам Кавабата о своем герое: Симамура – лишь «отражение Комако», он играет роль «инструмента», который оттеняет, делает более заметной Комако. «Я стремился глубже проникнуть в мир Комако и повернулся спиной к Симамура... Может быть, в этом неудача повести, а может быть, и удача», – так писал Кавабата в 1948 г. в послесловии к новому изданию повести «Снежная страна». Спустя год Кавабата, вспоминая сказанное ранее о Симамура, говорит: «Может быть, так и есть, но говорить об этом однозначно нельзя. Симамура причинил мне, как автору повести, немало беспокойства. Не которым кажется, что его характер не раскрыт, но я сомневаюсь в этом».

¹⁵ Токутоми Кэндзиро (Рока). Торусутэй. Токио, 1905, с. 81–82.

Как обычно, Кавабата выражает свою мысль завуалировано, даже двусмысленно. Очень опасно поэтому изымать фразу из общего контекста и делать скоропалительные выводы. Одностороннее возвеличивание Комако и умаление роли Симамура в общей структуре повести, что нередко можно наблюдать в критических работах о «Снежной стране», – тому наглядный пример.

Конечно, воспевание женской красоты у Кавабата связано, как уже упоминалось выше, с эстетикой дзэн-буддизма. Оно напоминает нам «Книгу о чае» (1906) выдающегося деятеля японской культуры Тэнсин Окакура. «С тех пор, – писал Окакура, – как Япония устроила на полях Манчжурии кровавую бойню невиданного масштаба, они (европейские обыватели. – *К.Р.*) называют ее цивилизованной страной... Если цивилизованность зависит от успеха кровавых войн, мы, скорее, согласимся остаться варварами»¹⁶. В пору шовинистического угара Окакура был убежденным противником войны и возвеличивал не бусидо – кодекс самурайской чести, а тядо (букв. путь чая) – мирный обряд, в котором проявилось особо развитое у японцев чувство красоты.

Контекст времени ощутимо проступает и в повести «Снежная страна». Возвеличивание Красоты в годы военных лихолетий означало осуждение грубого насилия, завоевательных войн. Характерен и образ жизни Симамура. Он – бездельник, нигде не работает. Да и сам Кавабата называет свое произведение «творчеством бездельника», поскольку, как он с иронией замечает, по его вине герой не имеет ни профессии, ни определенных занятий, живет в праздности, ничего не делая. Но у него есть на это оправдание: в «сегодняшней Японии», рассуждает Симамура, нет другого способа жить, как проводить дни без дела. Его совесть спокойна от того, что «в наши дни» (т.е. военные 30–40-е годы) он не выполняет какие-то обязанности. В этом позиция автора совпадает с позицией героя.

Снежная страна, отгороженная длинными туннелями на границе двух провинций, вовсе не является земным раем, как представляют некоторые критики. Впечатляет реалистическое описание действительности этого сурового края: «Большинство крыш было крыто мелкой дранкой, в нескольких местах придавленной камнями. На солнечной стороне снег подтаивал, и камни казались совсем черными. Впрочем, черными они были скорее всего не от влаги, а от продолжительного выветривания на морозе. Дома чем-то походили на эти камни – приземистые, с низкими крышами»¹⁷.

Белизна снежных гор контрастирует с чернотой выветренных на морозе камней на крышах приземистых домиков; на подошвах покрасневших от холода босых ног деревенской девочки виднелись трещины; чердак дома шелководы, где живет Комако, напоминает «старую бумажную коробку». Но писатель видит

¹⁶ Окакура Тэнсин сю (Избранные произведения Тэнсин Окакура). Токио, 1970, с. 158.

¹⁷ Кавабата Ясунари. Повести, новеллы, рассказы, эссе, с. 210.

не только безысходную бедность крестьян, он испытывает глубокие симпатии к ним за их тяжкий ежедневный труд. Нет, пожалуй, другого произведения у Кавабата, в котором бы такое большое место занимал внешний мир, жизнь простых тружеников. Нигде раньше Кавабата не достигал такого равновесия, такой гармонии в изображении материального и духовного.

Жизнь ткачих, из года в год натруживавших свои искусные руки, была отнюдь «не такой приятной, светлой, как произведения их рук – креп».

Запоминаются переживания Симамура в поселке ткачих, когда он сопоставил свою жизнь с жизнью тружениц: «Претерпевшие все тяготы труда безвестные мастерицы давным-давно умерли, и только прекрасный креп остался памятью о них. Теперь такие, как Симамура, носят роскошные кимоно из старинного крепа, который летом дает прохладу их телу. Вообще-то в этом ничего удивительного не было, но Симамура вдруг почти задохнулся от удивления. Неужели деяния любви, совершенные человеком когда-нибудь где-нибудь со всем пылом сердца, потом возвращаются к нему болезненными ударами кнута?»¹⁸.

Кавабата начинает повествование в эпическом тоне от автора, но «объективный» тон не выдержан до конца, он переходит к прямой речи героя. Чувство высказывается непосредственно, на языке лирической взволнованности. И все это в одном абзаце. Авторское повествование неразрывно сплетается с внутренним переживанием героя.

Это, конечно, противоречило поэтическим нормам XIX в., согласно которым в эпическом произведении автор-рассказчик должен быть «чужд действующим лицам»¹⁹. Может быть, этим объясняется, в частности, почему Симамура казался критикам лишним персонажем. Но такая манера повествования становится нормой для прозы XX в. В лирической прозе теряются, размываются границы между словами автора и словами героя: одинаково взволнованы и повествования от автора и внутренний монолог героя.

В эссе «Грусть» (1947) Кавабата пишет: «Кажется я отдаляюсь и от сясэй (букв. рисование с натуры), которое лежит в основе романа нового времени». Будет ли ошибкой понимать слова Кавабата в том смысле, что писатель, стремясь расширить изобразительный диапазон, дистанцируется от одномерного, плоскостного реализма, который был весьма живуч в японской литературе и критике?

Повесть «Снежная страна», несомненно, сочетает в себе изображение действительности, присущее и лирике и эпосу: срастаясь друг с другом, они образуют оригинальное художественное единство.

«Всякий раз, когда я читаю произведения Ясунари Кавабата, – пишет известный критик Суэтики Аоно, – я чувствую, что вокруг меня замирают звуки, а

¹⁸ Там же, с. 273

¹⁹ Шеллинг Ф. Философия искусства. М., 1966, с. 399.

воздух становится прозрачным, чистым... Я не знаю других произведений, которые оказывали бы на меня такое же сильное воздействие. Это происходит от того, что в лирической прозе Кавабата нет ничего мутного и вульгарного»²⁰.

К таким произведениям Ясунари Кавабата относится в первую очередь повесть «Снежная страна», которая вошла в число выдающихся творений японской художественной литературы XX в.

²⁰ См.: Гэндай сакка рон (Статьи о современных японских писателях). Токио, 1955, с. 70–71.

Рассказы Итиэ Ватанабэ

От переводчика

Итиэ Ватанабэ – известная японская писательница. Ее перу принадлежит несколько книг, рассказов и эссе, в числе которых предлагаемые читателям рассказы из книги: «Хороший вид из комнаты» («Нагамэ-но ии хэя»). Тема этой книги – повседневность, увиденная сквозь призму наблюдательного и поэтического взгляда писательницы. Обычные вещи и явления, будь то географические карты, кухонная и домашняя утварь или даже вывешенное на просушку белье в окнах соседнего дома превращаются в символы уютного и прочного бытия, которым и должен быть счастлив каждый человек. Не ищите ничего необычного, как бы говорит писательница. Все, что нужно для счастья – рядом с вами. Наслаждайтесь обыденным. Но в обыденном Ватанабэ раскрывает, как правило, что-то свое, до нее никем не замеченное. Вот, например, зарисовка из жизни бродяг в подземном переходе. Даже в этом, забытом Богом мире писательница увидела нечто сугубо положительное. Оказывается, бродяги организовали самоуправление, с помощью которого наводят порядок в своем «общежитии». Сочувствие и тепло – вот главные достоинства бытописательницы Итиэ Ватанабэ.

Но не только быту посвящены ее произведения. На другом полюсе ее творчества – экзотические путешествия, такие, как многочисленные поездки в Тибет и Монголию. Кстати, путешествуя по Тибету, большую часть времени Ватанабэ проводит в седле. Именно поэтому я послал ей репродукцию известной картины Брюллова «Всадница» – ибо писательница по-своему столь же изысканна и элегантна, как и женщина, изображенная на картине, с той лишь разницей, что в одежде отдает предпочтение дорогим кимоно неброских расцветок.

Кстати, ее путешествия в Тибет и Монголию запечатлены на прекрасных фотографиях, которые не раз выставлялись по всей Японии.

Есть у писательницы еще одно увлечение – она занимается изготовлением хина – японских кукол для «Хинаматури» (это можно перевести и как «праздник кукол», и как «праздник девочек»). В своей книге-альбоме «И снова пришел праздник Хинаматури» Ватанабэ рассказывает об изготовлении кукол из разных подручных материалов (бобов, катушек, камешков, раковин, растений и т.д.), а также куклах, которые она собирала в поездках по Японии.

Мы надеемся, что напечатанные здесь переводы рассказов Итиэ Ватанабэ вызовут интерес у нашего читателя и найдут путь к его сердцу.

Г.Г. Свиридов

БЕЗМЯТЕЖНОСТЬ

Вокруг моего дома много аллей, где гнездятся птицы, да и во двор они тоже прилетают. Садятся на ветки сакуры и сливы, склевывают насекомых, пьют нектар. Это – белоглазки, синицы, воробьи. Весной прилетают соловьи. А чуть позже появляется острокрылый дятел. Когда созревает хурма, прилетает голубая сорока и полностью уничтожает ее – мы-то до плодов дотянуться не можем. Иногда появляется и зеленушка – во двор она не рискует сунуться и лишь шепечет из ближних рощиц своим прелестным голоском.

Во дворе у нас живет пес, и каждое утро мы выносим для него завтрак. Этот «собачий корм» норовят склевать голуби, горлицы, рыжеухие бульбули и серые скворцы. Горлицы и скворцы не враждуют между собой, но и те и другие не сошлись характером с голубями. Как я посмотрю, голуби и впрямь страшно нахальные, неприятные существа. В сравнении с ними у рыжеухих бульбулей такие прелестные пушистые перышки на головке, а у скворцов такие шеголеватые клювы и лапки. В голубях нет ни дикости, ни очарования, они только глухо стелают. К тому же, голуби любят подраться. Не могу понять, почему их считают символом мира. Поэтому, когда бульбули и скворцы уворовывают корм у нашего пса Мори-тяна, я делаю вид, будто ничего не замечаю, но уж если появляются голуби, то непременно открываю окно и гоню их прочь.

Так было и сегодня утром. Противные голуби, которых я пыталась, крича, отогнать, отходили примерно на метр и снова возвращались клевать «собачий корм». Я осыпала их всеми бранными словами, какие только могла вспомнить: «Эй, вы, голуби! Бесстыжие твари! Мерзкие твари! Бандиты, рядящиеся под порядочных!» Похоже было, что они и сами понимали, что они голуби. Побранив их как следует, я чувствовала, что выговорила и успокаивалась. Скворцы тоже были не прочь отхватить собачьего корма. Они, боязливо оглядываясь, подлета-

ли поближе и тарашили свои глазки. Хватали по чуть-чуть, взмывали вверх и только тогда проглатывали. Потом снова осторожно подлетали и хватали еще по крошке. Им было достаточно поклевать совсем немного, чтобы насытиться. Но вот прилетели голуби, и я про себя стала считать, сколько раз они клонут. Оказалось, один голубь клонул шестьдесят один раз.

Однако, в конце концов, даже то, что я кричала на голубей, было лишь еще одним доказательством, насколько безмятежными были эти дни.

БЕСПОКОЙНАЯ ЖИЛИЧКА

Пока я не видела ее, я о ней и не беспокоилась. Но, изредка встречая, радовалась до глубины души. И потом, испытав эту радость, волновалась, что она опять пропала. Однако проходило немного времени, и я опять забывала о ней. Такая вот была у меня знакомка. Подобное бывает и в отношениях с людьми, но сейчас я говорю о ящерице, поселившейся у меня в доме.

Вот уже несколько лет она живет у нас. Показывается изредка. Иногда вдруг является и пищит: «Кью-кью!» И тогда я говорю ей: «Ах, это ты! Ну как, здорова? Где была и что делала?» И тут она остолбеневаает. Или просто мне так кажется. Что-то теплое пробуждается во мне, и я хочу подойти поближе, чтобы получше разглядеть ее, — и она тут же исчезает.

Когда же я видела ее в последний раз? Я уже и забыла о ее существовании, но вот несколько дней назад она снова повстречалась мне. Это была еще совсем маленькая ящерка (какое уж поколение?), не больше указательного пальца моей руки. Она прилипла к дополнительной раме, которую мы установили на зиму. Я увидела ее сквозь матовое стекло и сказала: «Что ты там делаешь, иди сюда!» — и открыла створку.

Только я хотела поприветствовать ее, как ящерица уже скрылась. Я так хотела, чтобы она забежала в комнату обогреться. В тот день на улице дул холодный ветер, а она ведь совсем еще ребенок. В следующий раз я увидела ее в доме, она забилась в уголок под лестницей. Заметив ее, я громко позвала мужа и дочь. Ящерица проникла в дом утром, но и днем была все еще там. Успокоенная, я отправилась по своим делам, но когда вернулась, ее уже не было.

С тех пор я каждый день ищу ее. Куда она делась? Где и когда вдруг снова объявится? Но сейчас ее нет, и я очень беспокоюсь. Скажу вам по секрету, ведь я даже дала ей имя. До сих пор она была просто какая-то там ящерица, просто жила при доме. Но когда я увидела ее прилипшей к раме вниз головой, она получила имя Яму-кун. Я теперь ее крестная мать и волнуюсь о своем, хоть и не кровном, ребенке. И меня очень беспокоит, куда она подевалась.

Вообще-то, у нас в доме полно всякой живности: и богомол, и паук, и сверчок. И хотя они на глазах у нас каждый день, все они —однодневки. Как-то у нас жила даже летучая мышь, но она почти сразу же исчезла. Только ящерица долго

существовала вместе с нами и даже получила имя. Вот я и волнуюсь, когда же она вернется.

КОТЕНОК

С тех пор, как я пошла в начальную школу, мы всегда дома держали собак. Мой первый пес был беспородный, его кто-то бросил. Я привязалась к нему, и как-то незаметно он поселился в нашем доме. Этот пес был мне как младший брат, каждое утро он провожал меня в школу, и по дороге, у железнодорожного переезда я говорила ему: «Ну, возвращайся!»

После того, как он погиб в дорожном происшествии, у меня жила дворняжка с примесью крови «мартизу». Для меня, подростка, эта Миська была самым близким существом. Когда она умерла от старости, я как раз вышла замуж. Избранник мой тоже любил собак, и мы стали вместе держать собаку. С тех пор и до сего дня собаки всегда жили у нас. Одни из них погибли под колесами, другие умерли от болезни, а некоторые просто таинственно исчезли, несмотря на крепкий забор. И каждый раз мы оплакивали собаку, ставшую для нас членом семьи. Тем не менее вскоре у нас снова появлялась собака. Печаль о погибшей предшественнице не оставляла нас, но вместе с тем появление новой собаки приносило много радости. У нас и сейчас живет одна...

Короче говоря, я думаю, что и собака может жить вместе с человеком, и человек хочет иметь собаку рядом с собой. Другое дело кошка. Я не люблю кошек. Нет, не то, чтобы я не любила именно кошек, я не люблю жить с кошками. У кошки свой образ жизни, а у человека свой, и сочетать их не позволяет кошачье чувство собственного достоинства. Уж извините, воспитывать кошку — это попусту терять время, увольте меня. И члены моей семьи знают про эту мою нелюбовь к кошкам.

Тем не менее у нас жила кошка. Ее подобрал мой сын. В тот осенний день непрерывно шел дождь, и на обочине дороги сын заметил плачущего и насквозь промокшего котенка. Он был совсем крохотный, наверно, еще питался маминым молочком. Сын выпаивал его кошачьим молоком из бутылочки. В то время наша семья, включая и сына, все мы беспокоились, кому бы отдать котенка. А пока вынуждены были терпеть его. День шел за днем, котенок все рос и рос, а желающих взять его все не было.

Кот любил быть там, где люди. Пока сын находился в своей комнате, котенок торчал там, но как только сын выходил, котенок перебирался в мою комнату. И я стала наблюдать за ним. Часто он безмятежно спал. Но когда он просыпался, начиналось интересное. То он играл с ручкой ящика, то лапой хватал листья комнатного растения. Поиграв с листьями, он начинал носиться за маленьким шариком по полу. Котенок располагал к себе. Невольно я засматривалась на него. Похоже и впрямь не зря говорят, что иривость котенка — это какое-то

чудо. Все в семье подшучивали, каким «кошачьим» голосом зову я котенка. Мой сын прозвал его «Д.Д.», а я звала его просто: «Кот! Кот!»

Через два месяца, когда эта кличка стала привычной, котенок трагически погиб. Сын плакал. Он вырыл маленькую могилку. На то место возле окна, где любил сидеть котенок, падали мягкие солнечные лучи.

ВЕРНУСЬ С КРАСНЫМИ ЦВЕТАМИ

Моя первая книга была о цветах полей и гор. Может быть, поэтому меня часто спрашивают: «А какие цветы вы любите больше всего?» Мне очень трудно ответить на этот вопрос. Но если вы спросите меня, какие цветы я люблю в зависимости от времени года, я отвечу вам сразу. Весной это ниринсо. Я люблю их милый, опрятный вид. Летом я люблю нокандзо, мне нравится их открытый, мужественный абрис. Ну а осенью – это хиган-бана – цветок осеннего равноденствия. Я люблю цветение многих цветов, но всегда жду не дождусь, когда же зацветет именно этот красный цветок.

Вот снова прошел год, и опять зацвел цветок осеннего равноденствия. Давным-давно я посадила в саду его луковицы, и с тех пор каждый год число цветов все прибавляется и прибавляется. Когда цветут хиган-бана, я хочу любоваться ими каждый день. Я срываю их и разбрасываю там и сям по всему дому. Продолговатые лепестки изогнуты еще сильнее, чем торчащие тычинки – и все это красное, да еще зеленый цвет тянувшихся прямо из земли листьев. Я так очарована и оттенками, и формой этих цветов. Но в этом году, когда летом не было палящих солнечных лучей, хиган-бана отцвели быстрее, чем всегда. Их красный цвет не пылал, как обычно. Наверно, когда в земле много воды, цветок становится бледнее. А может, это только в моем дворе они стали такими...

Как и одуванчики, цветущие весной, эти цветы имеют много названий. Их называют «цветок умершего человека», «цветок-призраку», «цветок-сирота», «похоронный цветок», «адский цветок», «отцеубийца», «дизентерия», «могильный цветок». Происхождение почти всех этих названий неизвестно. Может быть, дело в том, что много хиган-бана растет на кладбищах. Этот цветок ядовит, а если его вымочить в воде, то выделяется крахмал.

Красный цвет хига-бана – это и не «сербский» красный, и не красный цвет растения канна, и не красный цвет петушиных гребешков. Красный цвет хиган-бана я люблю больше всего. В этот сезон я часто выхожу побродить, чтобы полюбоваться в поле красными полосами его цветения. Пойди наудачу – хоть на реку, хоть в поле – не ошибешься. Под прозрачным голубым небом на поле или у реки, в зелени трав увидишь, как тянутся красные яркие полосы цветущих хиган-бана.

Имеющий много разных названий, этот цветок издавна называется также «мандзюсягэ» – красный «небесный цветок». Значит, кто-то и прежде восхи-

шался им. Если так, то его красный цвет – это, может быть, цвет крови, дающей жизнь.

Завтра – день осеннего равноденствия. Завтра я пойду туда, где красными полосами цветет этот цветок. Несомненно, в полях пылает его красный цвет.

И я принесу домой полную охапку хиган-бана.

В КРУГУ ОБЫДЕННОСТИ

Я люблю все виды домашней работы – и рис готовить, и стирать, и подметать, и прибирать. Иногда мне кажется, что хорошо бы всем этим не заниматься. Но не потому, что мне это не нравится. Просто много дел и помимо этого – не хочется терять время.

За последние десятилетия прибавилось много электрических домашних помощников, так что работа по дому выглядит теперь совсем иначе, чем прежде. Все это удобно, и все-таки есть несколько видов работы, которые я упорно не хочу отдавать машинам. Например, я не использую электрическую рисоварку. Рис я варю в обычной кастрюле. Не знаю, получается ли он у меня по утрам вкусным, но я всегда понемногу меняю сорта риса, его количество, уровень воды и силу огня. И ждать результат тоже удовольствие, подобное тому, как игрок трясет стаканчик с костями, предвкушая, какое число выпадет.

Моя стиральная машина – полуавтоматическая, она состоит из двух емкостей. Но и это лишь компромисс. Если бы у меня было больше времени, я бы вообще все стирала руками. Ведь я люблю и стирать, и выжимать, и сушить. Особенно я люблю снимать высохшее белье. Когда погожими вечерами я снимаю с сушилки белье, я чувствую, как по всему моему телу из груди распространяется гормон здоровья. Это ощущение счастья продолжается и тогда, когда я вдыхаю аромат пропитанного солнечными лучами белья, чувствуя, как мои руки касаются его... И я пообещала себе, что, пока живу в этом доме, выходящем окнами на солнечную сторону, никогда не куплю сушильную машину.

Рядом с нами находится несколько университетов, и в домах поблизости живут студенты. Нынешней весной еще один такой дом был построен по дороге на станцию. Окна этого дома не обращены к солнцу, поэтому, пока шло строительство, я безрадостно наблюдала за этим, сокрушаясь, какое унылое строение воздвигают у нас под носом. Но как только стройка была завершена и дом заселили студенты, с карнизов окон, выходящих на улицу, стали свисать выстиранные вещи. Сколько бы я ни проходила мимо, окно одной комнаты было всегда сплошь завешено выстиранными вещами. Видя это, я улыбалась и мысленно обращалась к этому неизвестному мне студенту: «Давай, давай, трудись!» Он серьезно занимался стиркой и у него всегда висели трусы, футболки, полотенца, а иногда даже простыни и наволочки. Я глядела на это, представляла себе его маму и думала: «Как хорошо она его воспитала».

Однако моя дочь с тех пор, как построили этот дом, стала избегать ходить по дороге мимо него. Проход был узкий, и выстиранные вещи всегда лезли в глаза прохожим. «Мне это неприятно», – говорила дочь, и я ее понимаю, она ведь молоденькая. Но все-таки мне ближе точка зрения студента из той комнаты. Наверно, по возрасту он не очень отличается от моей дочери. И, конечно, когда он сушит белье, то думает: «Хорошо бы окно моей комнаты выходило на солнечную сторону!»

Вот почему мне так хочется, чтобы трусы и футболки не просто висели на его окне, а развевались, как олимпийские знамена над широким полем, залитым солнцем.

ПРИГЛАШЕНИЕ ЗА СТОЛ

Я люблю деревянные столы. Хороши те, что из обструганных досок. Говорят, что стол из цельной доски легче коробится, чем из клееной. Когда-то давно в моем доме стоял изготовленный на заказ стол, сидеть за которым было одно удовольствие. Положишь на него руки – а он такой мягкий и теплый. Столы из тонких или клееных досок, не говоря уж о металлических или пластиковых столах, лишены тепла.

В этом городе есть несколько облюбованных мною кафе. После прогулки в толпе меня тянет к лесной тишине. Я иду в такое кафе, где в глубине зала стоит огромный стол. Он такой большой, что за ним вполне могут усесться человек десять. Толщина его доски тоже изрядная – больше десяти сантиметров. Похоже, что этот стол уже порядком послужил людям. Его поверхность очаровательного коричневого цвета с «глазками». Он сработан из криптомерии, а это – мягкая древесина. Для того чтобы протереть стол, используют мягкую тряпку. Но вытирать его приходится по несколько раз в день, поэтому поверхность постепенно стирается и отчетливо проступает фактура дерева.

В кафе подают не обычные кофе или коричневый чай, а в диковинку – сорта зеленого чая – «дзэнтя» и «маття». И это еще одна причина, чтобы сюда зайти. Но большой стол из цельной доски – главная причина моего посещения.

Всякий раз, направляясь туда, я предчувствую, что сяду за этот большой стол. Хотя его окружают маленькие столики, я непременно сажусь за него. Подойдя к кафе, я украдкой заглядываю с улицы, – может быть, за ним уже сидят посетители, тогда я обожду в другом кафе и появлюсь здесь, когда большой стол освободится.

Мне достаточно просто сесть за него, чтобы настроение мое стало хорошим. В ожидании, когда примут заказ, я поглаживаю стол ладонями. При этом я иногда говорю незнакомым людям: «Хороший стол! Я очень люблю этот стол!»

Оказывается, стол стоит здесь уже тридцать лет.

Интересно, где выросла эта криптомерия? Сколько человек, взявшись за руки, могли бы обхватить ее ствол? Мне вспоминается деревня, в которой я жила короткое время в детстве. Синтоистский храм в этой деревне был окружен горами. В храме росла огромная криптомерия, украшенная священными канатами симэнава¹. Поглядишь снизу вверх – и не видишь ни верхушки, ни неба. Только нижние ветки над головой свисают, да еще слышен шум ветра: «сава-сава». Под этим деревом, где сумрачно даже днем, стоять было и страшно и соблазнительно.

Когда я сижу за этим столом, детство воскресает во мне.

КАК НА ВСТРЕЧУ С ВОЗЛЮБЛЕННЫМ

В апреле и мае я несколько раз ездила в Нагоя. Там, в художественном музее префектуры Айти проходила выставка Пауля Клее.

Прошло уже более тридцати лет с тех пор, как я впервые увидела картины Клее. В школе, куда я ходила, на доске объявлений был вывешен плакат об открытии выставки Клее. На плакате была репродуцирована картина Клее «Синдбад-мореход». Она изображала Синдбада-морехода с трезубцем в руке. Здесь же были изображены три рыбы...

И я, тогда еще школьница, пошла в музей Сэйбу на встречу с этой картиной.

С тех пор я не пропустила почти ни одной из проводившихся в Токио и его окрестностях выставок Клее. А их состоялось, наверно, уже более десяти. Я и сама не могу объяснить, чем же меня так приворожил Клее. Но всякий раз, видя его произведения, я обнаруживаю что-то новое, и это еще больше пленяет меня. Его наброски или акварели, или картины маслом, конечно, разнятся между собой, но в любом из этих произведений я узнаю Клее. Мне не столько нравятся его картины, сколько очаровывает сам Пауль Клее.

На любой из его выставок я встречаю картины, от которых мне трудно оторваться и перед которыми я провожу долгое время.

Всякий раз, как я приезжала на выставку в Нагоя, на ней было мало народу, и я могла неторопливо осматривать экспозицию. Я садилась на стулья, расставленные в зале, и погружалась в общение с картинами. Это было замечательно. Прежде я бывала на выставках в толпе народа, и картина оказывалась в поле моего зрения лишь в те моменты, когда ее не заслоняли головы посетителей.

До сих пор меня так утомляли эти толпы, что я не имела обыкновения ходить на выставку повторно. И это всегда меня огорчало.

Вот почему этой весной я с душевным подъемом, будто направлялась на встречу с возлюбленным, ездила в Нагоя.

¹ Считается, что симэнава защищает храм от злых духов.

СЛУЧАЙНОЕ СЧАСТЬЕ

Недавно состоялась встреча одноклассников той поры, когда моя дочь училась в шестом классе начальной школы. Но встречались не дети, встречались их родители. Пока дети учились, между их родителями как-то незаметно установились дружеские отношения, возникла приятная атмосфера. Не то, чтобы мы постоянно собирались, чтобы что-нибудь делать. Просто поначалу мы виделись, когда школа предлагала нам посетить занятия, а после принять участие в дружеской дискуссии. Вот тогда-то между нами и возникли эти теплые чувства.

Прошло уже десять лет, как дочь окончила начальную школу. С тех пор дети как-то собирались один раз. Но родители взяли за правило встречаться каждые два года. Хотя мы видимся раз в два года, ощущение тепла не пропадает. Мы говорим не столько о детях, сколько о наших родительских новостях, расспрашиваем друг друга. Говорим о болезнях, о поездках в Киото, о перемещениях мужей по службе, а среди других дел упоминаем и о детях. Но и эти разговоры о сыновьях и дочерях сводятся к тому, как мы, родители, думаем о них, то есть это разговоры о нашем понимании, о наших ощущениях. И это вызывает еще большее чувство близости между нами, еще более волнует нас.

В этих встречах участвует, конечно, и бывшая классная руководительница наших детей. Думаю, именно ее обаяние мы обязаны такой теплотой нашего общения. Родители у нас разного возраста, и эта преподавательница – ровесница самым молодым из нас. Она энергична, говорит всегда без обиняков. И, вообще, она – хороший человек. Одна из матерей как-то сказала ей: «Мы всегда рады были быть на ваших занятиях. Вы все так понятно объясняли, что и мы, родители, с удовольствием узнавали что-то новое. Но вы, сэнсэй, во время наших посещений чувствовали себя скованно?»

Учительница искренно и тепло ответила: «Некоторые учителя говорят, что им нравится работать, потому что они не чувствуют скованности. Но если откровенно, то мужчины-преподаватели не любят запаха косметики и духов, который источают мамы. Но я – женщина, и меня это не раздражает». И учительница весело рассмеялась.

КАТТЯН

В конце прошлого года я прочла в газете заинтересовавшую меня статью. Она была про бездомных, которые живут у западного входа на станцию Синдзюку. Оказывается, они образовали что-то вроде самоуправления, чтобы увещевать тех, кто пьет и дебоширит и пишет где попало. Кроме того, они следят, чтобы пища доставалась и тем, кто не смог раздобыть ее, а также ухаживают за больными.

Число бездомных растет, наверно, из-за депрессии. Вот почему в их самопальной конституции значится – старожилам не теснить новичков и хорошо к ним относиться. В те дни, когда на улицах хлещет холодный дождь, здесь, в подземном переходе – сухо. Конечно, здесь нет солнца, но зато нет и промозглого ветра. Тут нет обогревателей, которые устанавливаются в домах, поэтому воздух здесь прохладный. И все же жизнь здесь гораздо приятнее, чем на парковой скамейке или на улице, где дует холодный ветер и моросит дождь. Они не хотят, чтобы их выгнали отсюда, вот почему и родилась их самопальная конституция. Если кто-то не следует ее правилам, товарищи делают ему замечание. Мне все это представляется какой-то утопией.

Недавно мне довелось проходить там. И я увидела, что за большими квадратными колоннами лежат аккуратными стопками перевязанные бечевкой, спрессованные картонные коробки. Из этих коробок перед каждой колонной сооружают домики на одного человека. К вечеру, когда я возвращалась домой, работа по сооружению этих домиков была в полном разгаре.

Домики были самые разные. Например, такие, в которых можно было сидеть, – с высокой крышей. А у других крыша была плоская – в них можно было только спать. Со стены одного домика свисал симпатичный тряпичный медведь. Был и такой домик, от которого к колонне была протянута бечевка, а на ней висел черный дождевой зонтик. Некоторые обитатели домиков приделывали к колонне фукку и вешали плечики, на которых красовались пиджак или брюки.

Проснувшись поутру, обитатели такого жилища складывали его, как складывают футон, а вечером раскладывали домик, как раскладывают футон. Они делали так каждый день. И наверно, каждый день, поступая так, думали: «Ну-ка, сделаю себе домик! Вот и хорошо!»

Когда я была маленькая, у нас в городе жило много бродяг. Бабушка называла их «нищими» и обращалась с ними совсем не сурово. Благодаря этому я до сих пор помню некоторых из них. Одного из них звали «Каттян с деревянной повозки». Стоило крикнуть: «Каттян!», как он приветственно поднимал руку.

Может быть, он еще здравствует и сейчас. Если это так, то он уже глубокий старик.

И СНОВА ПРАЗДНИК КУКОЛ

Весной, в марте, бывает одна радость – праздник кукол. У меня дома есть комната, которая так и называется – «палата кукол». Там кукол полно – хотя я их и не считала, но, наверно, штук семьдесят. Нет, много больше. Но куклы «поселились» и в других местах дома. Они украшают и переднюю, и кухню, и другие комнаты. Почти всех их сделала я сама, кроме того, несколько кукол я привезла из своих путешествий – и каждая из них хранит аромат той страны, откуда она приехала. Через раздвижные перегородки, оклеенные рисовой бумагой, струятся нежные солнечные лучи, и ковер, устилающий комнату, выглядит от этого каким-то более шелковистым. Когда я нахожусь в этой комнате, меня охватывает ощущение некоего счастья. Но наряду с этим где-то в глубине души таится грусть.

В моей памяти совсем не сохранилось ярких воспоминаний о том, как в детстве меня поздравляли с праздником кукол. Однако одна фотография все же повествует о том, как некогда, в давние дни у меня было такое время.

Это было весной, когда я закончила лицей. Мама тогда подарила мне старую фотографию – маленькую выцветшую карточку с заломленными уголками. С каким-то сомнением я взяла ее в руки. Но мама сказала: «Это фотография твоего первого праздника кукол». Хорошенько всмотревшись в нее, я увидела, что между тряпичной собакой и целлулоидным «не падающим стариком» стоит пара кукол. Мой первый день кукол состоялся в Маньчжурии, в Харбине, весной 1945 г. Я много раз слышала рассказ о том, как тянулись дни после войны и как мама среди немногих вещей отца обнаружила эту фотографию. Отец, который вскоре после моего первого дня кукол ушел на фронт, не вернулся домой.

Наверно, поэтому я и решила делать куклы. Потому что получила от мамы эту фотографию. «Когда-нибудь я выйду замуж и рожу дочку. И когда буду поздравлять ее с праздником кукол, я подарю ей куклу, сделанную своими руками». И я начала делать куклы. Я делала эти маленькие куклы из подручного материала – из раковин и камешков, из бобов и катушек. Через несколько лет я вышла замуж, потом прошло еще несколько лет – и я родила дочку. С тех пор я делаю куклы каждый год. Теперь у меня полно этих кукол, и они стоят в комнате рядами.

Есть у меня набор кукол, который называется «Домашнее сокровище – куклы с головками из бобов». К бобовым личикам я приладила одеяния из узорчатой шелковой ткани. Набор состоит из пятнадцати кукол, он включает императора и императрицу, трех придворных дам, пятерых оркестрантов, правого и левого министров и трех слуг. Еще я сделала из бумаги и ниток маленький сто-

лик для подношения и «угошения», бочонок из раковины и кукольную утварь. Но это еще не все. Теперь я планирую сделать еще повозку с быком, дамский паланкин и сундук нагамоти². Сделанные из изношенной старой ткани куклы похожи на выцветшие фукуса – платки для подношения денег.

Кукла с лицом из спиральной раковины, которую муж привез с «блуждающего озера» Лопнол, напоминает спящую красивую девочку, откопанную археологами в Лоянь (Западный Китай). Кукла с личиком из камня в форме омусуби. ...Этот камушек я нашла на берегу моря у храма Бодайдзи, где погребен мой отец, во время погребальной службы по нему.

Я делаю куклы для своей дочери, но, может статься, я делаю их, думая о папе и маме, делаю для себя самой, какой я была во времена детства. Я ощущаю счастье тех дней, когда семья собирается и все мы живем вместе. И мне хочется каждую весну снова и снова встречать новыми куклами.

Комната кукол полнится ароматами цветов.

СТРАНА, ИЗ КОТОРОЙ ВИДЕН КРАЙ НЕБА

Я уже шестой раз путешествую по Монголии. И как всегда, за исключением первой поездки, веду бивачный образ жизни. Доверху набиваем джип палатками, продуктами, всякими дорожными принадлежностями, ну и удочками. Как-то раз даже взяли с собой каноэ и спустились в них по реке. Конечно, самое большое удовольствие на биваке – это вести разговоры, поглядывая на костер и на рвущиеся вверх языки пламени. В такой обстановке разговор становится особенно душевным. В этом году я отправилась в путешествие вместе с сыном и дочкой. В качестве гида и водителя мы наняли монгола Артандоша – уже в четвертый раз. Переводчиком у нас был Арумасу, мы с ним друзья еще с первой моей поездки в Монголию, а на бивак он поехал со мной во второй раз. Из-за большого количества провианта и багажа нас сопровождал еще один джип. Водителя второго джипа звали Гамбат, а помогал ему Перинри. С этими двумя монголами я встретилась впервые, оба они очень симпатичные.

Прибыв на место, мы прежде всего разбиваем палатку, а тем временем Перинри вытаскивает ящики с провиантом и раскладывает кухонную утварь. Затем мы кипятим воду и пьем кофе. После чего распределяем работу и приступаем к приготовлению еды. В основном пищу на огне готовят у нас мужчины, а салат – мы с дочерью. Когда еда готова, мы пьем арху, передавая чашу друг другу, затем начинаем есть приготовленную пищу и одновременно приступаем к разговору. Во время беседы мы поглядываем на небо. В этих местах параллель высокая и солнце садится поздно. Наконец, к одиннадцати часам оно садится за горизонт и начинают сверкать звезды. К нашему полному счастью, к

² Продолговатый сундук для домашних вещей

началу нынешнего путешествия было новолуние. Ведь когда луна полная, она, что ни говори, затмевает звезды. А сейчас над нами – небо, полное звезд.

В последнюю ночь нашей бивачной жизни мы выжали всю мощь из моторов наших джипов и забрались на горку, где и разбили палатку. С северной стороны от горки была роща китайских сосен, с юга, где противоположный склон был еще выше, – поле цветов – колокольчики, кровохлебка, гвоздика, курослепник, скабиоза. В этих северных местах в середине июля встречаются цветы, которые в Японии расцветают лишь осенью на горных плато.

Сразу напротив нашей зеленой столовой – роща китайских сосен. Мы собираем сухие ветки – и они горят еле заметным голубым пламенем. Спрашиваю монголов: «Этот цвет называется «фуфу» («голубой»)». «Да», – отвечают они.

К вопросу о применении принципа законности в российско-японских отношениях

К. Е. Черевко

Заключение мирного договора между Россией и Японией предполагает необходимость преодоления разногласий сторон в отношении пограничного размежевания. В Токийской (1993 г.) и Московской (1998 г.) декларациях зафиксировано обоюдное намерение сторон решать территориальный спор в духе компромисса на основе принципов законности и справедливости. На наш взгляд, вопрос о применимости принципа справедливости требует отдельного специального анализа, поэтому в данном случае мы сконцентрируем внимание преимущественно на требованиях, вытекающих из принципа законности как основополагающего принципа международного права. Этот принцип однозначно диктует необходимость соблюдения как обычных норм международного права, признаваемых мировым сообществом, так и требований его договорных норм, в наиболее полном виде сформулированных в Венской конвенции (1969 г.) о праве международных договоров¹.

Одной из таких фундаментальных норм является принцип «договора должны соблюдаться (*pacta sunt servanda*)», закрепленный в упомянутой Венской конвенции (ст. 26)². Согласно этому принципу договаривающиеся страны должны учитывать прежние двусторонние и многосторонние договоры и соглашения, связанные с объектом договора, и в той или иной форме выразить свое отношение к их соблюдению или пересмотру. Это необходимо для того, чтобы

¹ В данной статье ссылки на текст этой конвенции даются по: Венская конвенция о праве международных договоров. Комментарий. М., 1997.

² Там же, с. 64.

избежать в последующем прямых коллизий или возможности неоднозначного толкования заключенного договора.

Применительно к нашей теме прежде всего необходимо остановиться на проблеме нарушения Советским Союзом в августе 1945 г. советско-японского пакта о нейтралитете, так как именно эта проблема нередко трактуется в Японии как отправная точка для возникновения территориального спора. Данный пакт был заключен в 1941 г. сроком на пять лет с условием заблаговременного (за год до истечения срока действия) уведомления о его односторонней денонсации. СССР, как известно, не выполнил этого условия, объявив войну Японии уже через четыре месяца после заявления о денонсации пакта. Таким образом, формально имело место явное нарушение обычных норм международного права.

Однако при оценке данного политического шага СССР было бы недостаточно ограничиться только данной констатацией, необходимо учесть ряд важных обстоятельств. В апреле 1945 г. на сессии ООН был принят Устав этой организации, который требовал от ее членов совместных, коллективных мер против агрессора. СССР ратифицировал данный Устав в июле 1945 г., т.е. еще до своего вступления в войну против Японии и объявил войну Японии только после ее отказа восстановить мир на условиях Потсдамской декларации, принятой 26 июля 1945 г. США, Великобританией и Китаем, к которой он присоединился на Берлинской (Потсдамской) конференции союзных держав. И несмотря на то, какие субъективные цели преследовало советское руководство во главе со Сталиным, вступая в войну с Японией, объективно они соответствовали важнейшей на тот период цели ООН, сформулированной в ст. 1 ее Устава, а именно «принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии и других нарушений мира»³. И хотя Устав ООН вступил в силу 24 октября 1945 г. положения этой его статьи к началу войны СССР с Японией уже действовали как нормы обычного и отчасти договорного международного права (например, Парижского пакта 1928 г.).

Таким образом, с точки зрения принципа «договора должны соблюдаться» налицо, вроде бы, явное противоречие между обязательствами СССР по двустороннему пакту о нейтралитете с Японией и по Уставу ООН. Однако это противоречие на самом деле оказывается только мнимым. Во-первых, эта императивная норма не является абсолютной, поскольку в международном праве – как обычном, так и договорном – из нее допускается исключение, а именно случай применения принципа «коренного изменения обстоятельств (*rebus sic stantibus*)», на который как раз и ссылалось правительство СССР, объявляя войну Японии, – ведение Японией военных действий против его союзников по ан-

³ Дурденецкий В.Н., Крылов С.Б. Организация Объединенных Наций. Сборник документов, относящихся к созданию и деятельности М., 1956, с. 14.

титлеровской коалиции. Во-вторых, подобного рода коллизия была предусмотрена учредителями ООН, и форма ее разрешения зафиксирована в ст. 103 Устава ООН, которая гласит: «В том случае, когда обязательства членов Организации по настоящему Уставу окажутся в противоречии с их обязательствами по какому-либо другому международному соглашению, преимущественную силу имеют обязательства по данному Уставу»⁴. Кроме того, ст. 75 упомянутой Венской конвенции (случай государства-агрессора) предусматривает, что «положения настоящей конвенции не затрагивают никаких обязательств в отношении договора, которые могут возникнуть для государства-агрессора в результате мер, принятых в соответствии с Уставом ООН в связи с агрессией со стороны этого государства»⁵.

Из этого следует, что вступление Советского Союза в войну против Японии после денонсации двустороннего пакта о нейтралитете *не может рассматриваться как нарушение международного права*. Наоборот, действия СССР полностью соответствовали этому праву, и любые обвинения на этот счет не имеют под собой никаких юридических оснований. Япония в соответствии с актом о безоговорочной капитуляции на условиях Потсдамской декларации, которая включала в себя положения Каирской декларации с определением Японии как агрессора, признала себя страной-агрессором со всеми вытекающими из этого последствиями. Это означает, что Токио не вправе апеллировать к вопросу о нарушении пакта о нейтралитете, а сама проблема нарушения СССР этого пакта должна быть раз и навсегда полностью исключена из повестки двусторонних переговоров.

Иными словами, при обсуждении юридической стороны территориального спора между Россией и Японией в расчет должны браться другие международно-правовые соглашения и договоры, а именно Потсдамская декларация (1945 г.) и Сан-Францисский мирный договор (1951 г.) 48 союзных держав с Японией. Что касается Ялтинского соглашения (1945 г.), то в данном контексте от него вполне можно абстрагироваться по двум причинам: во-первых, оно преимущественно регулирует *взаимные обязательства союзников* по антигитлеровской коалиции *в отношении СССР*, а во-вторых, правомочность его применения к двусторонним российско-японским отношениям является спорной и требует дополнительного обоснования.

Как представляется, в настоящее время самым важным вопросом в рамках территориального спора России и Японии является вопрос о точном определении содержания понятия «Курильские острова».

Известно, что Потсдамская декларация ограничивала суверенитет Японии четырьмя главными островами с границей по северному побережью о-ва Хок-

⁴ Там же, с. 58.

⁵ Венская конвенция..., с. 197.

кайдо и с включением некоторых менее крупных островов, если таковые будут конкретно определены участниками декларации. Однако такое определение так и не было вынесено. Также общеизвестно, что по ст. 2 Сан-Францисского мирного договора Япония отказалась «от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и ту часть острова Сахалин и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому мирному договору от 5 сентября 1905 года»⁶. В тексте договора также не содержится точного определения Курильских островов⁷.

При этом японская сторона нередко выдвигает аргумент о нерешенности территориального спора с Россией, исходя из того, что в отличие от первоначальных проектов Сан-Францисского мирного договора в его окончательном тексте переход суверенитета над Курильскими островами к Советскому Союзу не зафиксирован. Следует признать, что, действительно, правовой титул СССР (России) в отношении Курил формально не оформлен. Однако юридически это – *совершенно другая проблема, никак не связанная с зафиксированным в договоре отказом Японии от этого титула*. По сути, этот отказ означает, что Япония не в праве не только претендовать, но также вести какие-либо переговоры в отношении Курил⁸, так как это ей прямо запрещено ст. 26 Сан-Францисского мирного договора. При этом обычно считается, что точно так же и Россия, не обладая правовым титулом на Курилы, юридически не имеет права передавать – полностью или частично – этот титул какой-либо стране.

Однако здесь следует иметь в виду, что в соответствии с обычным международным правом после окончания военных действий занятая территория может быть обретаема оккупирующим государством (дебеляция) даже без договора (цессии), *если прежний суверен от нее отказывается*⁹. Ссылка на эту норму имеется и в письме сенатора А. Уоткинса Д.Ф. Даллесу по территориальным вопросам в Сан-Францисском мирном договоре: «В международном праве су-

⁶ История войны на Тихом океане. М., Т. 5, 1958, с. 338-339.

⁷ Попутно отметим, что и в Ялтинском соглашении глав союзных держав точного определения Курил, которые союзники обязывались передать СССР в качестве «платы» за его вступление в войну против Японии, дано не было.

⁸ Следует отметить, что в момент подписания и ратификации Сан-Францисского мирного договора японское правительство вполне это осознавало. В подтверждение можно привести официальное высказывание 6 января 1952 г. в парламенте высокопоставленного дипломата К. Нисимура, который более чем определенно разъяснил правительственную позицию: «Поскольку Японии пришлось отказаться от суверенитета над Курильскими островами (Тисима рэтто), она утратила право голоса на окончательное решение вопроса об их принадлежности. Так как Япония по мирному договору отказалась от суверенитета над этими территориями, данный вопрос... является разрешенным». – Дайдзюникай койкай. Кова дзёяку оёби андзэн хосё дзёяку гокубэцу иинкай гидзюроку (12-я сессия палаты представителей парламента Японии. Протоколы специального комитета по мирному договору и японо-американскому договору об обеспечении безопасности). Токио, 1951, № 8, с. 5-6.

⁹ Фердросс А. Международное право. М., 1959, с. 259.

существует принцип, согласно которому территория, завоеванная силой оружия, не должна рассматриваться включенной в состав владений завоевателя *без отказа от нее в мирном договоре или без длительного и постоянного пребывания ее во владении завоевателя* (выделено нами. – К. Ч.)¹⁰. Иными словами, Россия как страна-продолжатель СССР обладает – пусть не бесспорными, но косвенными основаниями для распоряжения завоеванными территориями, однако, что касается Японии, то *предметам переговоров могут быть только те территории, от которых Япония не отказывалась, т.е. не Курильские острова*.

Выдвигая требование возвращения «северных территорий», японская сторона также утверждает, что о-ва Хабомаи, Шикотан, Итуруп и Кунашир не входят в понятие «Курильские острова», как оно сформулировано в Сан-Францисском мирном договоре. Россия (так же как и СССР) с этим не соглашается, поэтому вопрос о толковании этого понятия оказывается ключевым в рамках переговоров по заключению мирного договора между РФ и Японией.

Для выяснения данного вопроса обратимся к основополагающим международным документам, а именно к Венской конвенции. Ст. 31 ее гласит: «Договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и цели договора». При этом наряду с контекстом учитываются «последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования (и) любые соответствующие нормы международного права, применяемые в отношениях между участниками. Специальное значение придается термину в том случае, если установлено, что участники имели такое намерение». Кроме того, ст. 32 устанавливает, что «возможно обращение к дополнительным средствам толкования, в том числе к подготовительным материалам и к обстоятельствам заключения договора, чтобы подтвердить значение, вытекающее из применения ст. 31, или определить значения, когда толкование в соответствии со ст. 31: а) оставляет значение двусмысленным или неясным; или б) приводит к результатам, которые являются явно абсурдными или неразумными»¹¹.

В ст. 31 определяется также, что к контексту договора при его толковании, помимо преамбулы, текста и приложений, относится «любой документ, составленный одним или несколькими участниками в связи с заключением договора и принятый другими участниками в качестве документа, относящегося к договору»¹².

¹⁰ Цит. по: Славинский Б. Ялтинская конференция и проблема «северных территорий». М., 1996, с.177.

¹¹ Венская конвенция..., с. 79-80.

¹² Там же, с. 79.

Согласно ст. 32 к таким документам, несомненно, относится текст выступления 7 сентября 1951 г. перед подписанием Сан-Францисского договора главы японской делегации, премьер-министра Японии С. Ёсида. Последний заявил в частности: «Что касается Курильских островов (Тисима рэтто) и Южного Сахалина, я не могу согласиться с утверждением советского делегата, что Япония захватила их в результате агрессии. В период открытия Японии владение ею *двумя островами южной части Курил (Тисима намбу-но нито) – Итуруп и Кунашир* – совсем не подвергалось сомнению царским правительством России. Но *Северные Курилы (Кита Тисима сёто) – севернее острова Урупа* – и Южный Сахалин являлись районами, открытыми как для японских, так и для русских поселенцев. Как Сахалин, так и *Северные и Южные Курилы* были односторонне заняты Россией... после капитуляции Японии. Даже *острова Хабомаи и Шикотан, составляющие часть Хоккайдо*... все еще оккупированы советскими вооруженными силами...» (выделено нами. – К. Ч.)¹³.

Из этого документа совершенно очевидно, что термин «Курильские острова» употреблялся японской стороной в тексте Сан-Францисского мирного договора как единое понятие «Курилы», включающее в себя о-ва Кунашир и Итуруп как их неотъемлемую составную южную часть. Лишь о-ва Хабомаи и Шикотан выделялись из понятия «Курилы» как часть о-ва Хоккайдо.

Позднее, вопреки требованиям упоминавшейся ст. 32 Венской конвенции и содержащемуся в конституции Японии (ст. 98) обязательству добросовестного выполнения международных договоров, МИД Японии начал истолковывать понятие «Курильские острова» не в обычном, а в специальном значении. Очевидно, что в соответствии с Венской конвенцией (ст. 31 п. 4) предъявление на этой основе территориальных претензий к России не может быть признано правомочным без необходимого на то установления, что участники договора имели намерение о таком специальном толковании¹⁴.

Из аналогичного выступления 5 сентября 1951 г. полномочного представителя США Дж. Даллеса также следует, что южные пределы Курил включают в себя Кунашир, Итуруп и Шикотан и только в отношении о-вов Хабомаи на этот счет имелись сомнения. И хотя США склоняются к отрицательному мнению

¹³ Кимура Хироси. Курильская проблема. Приложение. МИД РФ – МИД Японии. Совместный сборник документов по истории территориального размежевания между Россией и Японией. Киев, 1996, с. 227.

¹⁴ Причем бремя доказательства такого намерения возлагается на страну, выдвигающую подобное специальное толкование. Так, в деле о правовом статусе Гренландии Постоянная палата международного правосудия Лиги Наций вынесла в 1933 г. ставший правовым прецедентом вердикт: «Географическое значение слова «Гренландия», т.е. название, которое обычно употребляется на карте для обозначения всего острова должно употребляться как обычное значение слова. Если одна из сторон полагает, что этому слову следует придавать необычное или исключительное значение, то эта сторона должна обосновать свое утверждение» (цит. по: Венская конвенция..., с.83-84). Япония, как известно, никакого сколько-нибудь исчерпывающего доказательства до сих пор не представила.

лишь в отношении Хабомаи, указанное сомнение по желанию других государств подлежит, в соответствии с данным договором, разрешению в Международном суде ООН. В этом выступлении американский представитель заявил: «Потсдамские условия капитуляции являются единственным определением условий мира, которые выполняют и которыми связаны Япония и все союзные державы в целом... Поднимался вопрос о том, включает ли географическое название «Курильские острова», упомянутое в ст. 2 п. «с», о-ва Хабомаи. По мнению США – нет. Однако если возникнет по этому вопросу спор, то на основании ст. 22 договора его можно передать для рассмотрения в Международный суд»¹⁵.

К подобного же рода документам относится и меморандум Государственного департамента США правительству Японии, в котором со ссылкой на Сан-Францисский мирный договор в связи с советско-японскими переговорами о заключении мирного договора, в том числе по вопросу о территориальном размежевании в районе Курильских островов, обращалось внимание на то, что «Япония не имеет права передавать суверенитет над территориями, от которых она отказалась». При этом госдепартамент США в данном документе сделал акцент на том, что «о-ва Итуруп и Кунашир (вместе с о-вами Хабомаи и Шикотан – частью префектуры Хоккайдо) всегда были частью собственно Японии», и поэтому должны «по справедливости (но не на основе законности. – В.Ч.) рассматриваться как находящиеся под суверенитетом Японии»¹⁶.

Госдепартаменту можно было бы напомнить, что в отличие от Хабомаи и Шикотана, Итуруп и Кунашир никогда не входили в префектуру Хоккайдо, и это подтверждается многочисленными японскими документами¹⁷. Более того, в недавно рассекреченном документе американской военной контрразведки «Границы между Курильскими островами и Хоккайдо» (от 1 декабря 1945 г.) прямо указывается, что Итуруп и Кунашир «с исторической и географической точек зрения, а также исходя из административного деления Японии рассматриваются как часть Курильских островов»¹⁸. Считать же их не частью Курил, от которых Япония отказалась, а частью каких-либо других префектур (скажем, на о-

¹⁵ Курилы в океане проблем, М, 1998, с. 211; Кайтэй дзохо хонпо рёдо мондай сирёсю (Исправленный и дополненный сборник материалов по проблеме северных территорий). Токио, 1968, с. 88.

¹⁶ Хонпо рёдо-но тин. Тисима Карафуто-но сёмондай. Кобунсё (Статус северных территорий. Проблемы Курил и Сахалина. Официальные тексты). Токио, 1962, с. 599-600.

¹⁷ См. подробнее: Русская тихоокеанская эпопея. Хабаровск, 1979, с. 579. Кстати, эти же документы подтверждают, что и о-в Шикотан с 1885 г. включался в провинцию Тисима (Курильские острова).

¹⁸ Иомиури симбун, 25.01.1999. Кстати, об о-вах Хабомаи и Шикотан в этом документе сказано, что «за исключением о-ва Суйсё (ныне – о-в Танфильева), входящего в административном отношении в г. Нэмуно, оснований для включения их в состав префектуры Хоккайдо не имеется».

вах Хонсю, Сикоку или Кюсю) было бы вообще полным абсурдом, недопустимым с точки зрения ст. 32 Венской конвенции.

Нелишне также напомнить, что в своей последующей практике применения положений ст. 2 Сан-Францисского договора, японская сторона в сущности подтвердила трактовку понятия «Курильские острова» как единого целого, конкретизировав ее в отношении их южной части. Так, в разделе «О жителях Южного Сахалина и Курильских островов» уведомления департамента по гражданским делам министерства юстиции Японии (НА-438 от 19 апреля 1952 г.) предписывалось, что для сохранения своего подданства лица, имевшие первичную регистрацию в этих районах, должны пройти в собственно Японии процедуру новой первичной регистрации по измененному месту жительства в связи с тем, что территории Южного Сахалина и Курил «после вступления в силу мирного договора оказываются за пределами территории японского государства»¹⁹. Это положение в отношении жителей южной части Курил, кроме о-вов Хабомаи²⁰, действовало во внутреннем праве Японии вплоть до 14 ноября 1961 г., когда было издано циркулярное письмо-уведомление главы того же департамента руководителям местных управлений юстиции и директору департамента по делам местных судебных органов об оформлении изменений в регистрации лиц, имеющих первичную регистрацию на о-вах Кунашир, Итуруп и Шикотан (НА-2756). Вводимая процедура предусматривала не новую первичную регистрацию по измененному месту жительства, а необходимость заявления о его изменении по сравнению с местом первичной регистрации, что формально означало рассмотрение указанных островов в качестве территории Японии.

Эти документы (наряду с рескриптами императора N 651 и 652 от 20 ноября 1945 г., и сводкой МИД Японии о репатриации японских граждан с Курильских островов от 5 июля 1951 г.²¹) свидетельствуют о том, что после вступления в силу мирного договора Япония до середины ноября 1961 г., в течение почти десятилетия применяла на практике определение Курильских островов, в основном соответствующее смыслу ст. 2 этого договора и Потсдамской декларации²², а затем в одностороннем порядке изменила свое правовое поведение, по сути прекратив действие этой статьи договора. С этого момента внутреннее право Японии (а административные акты представляют его неотъемлемую часть)

¹⁹ Россия. Еженедельник (специальный выпуск). М., 1992, сентябрь, с. 4.

²⁰ Жители которых были зарегистрированы как проживающие в провинции Хоккайдо.

²¹ Напомним, что репатриация проводилась в соответствии с советско-американским соглашением (Деревянко – Миллера) от 19 декабря 1946 г. во исполнение директивы Главнокомандующего союзных войск в Японии Д. Макартура № 1421 от 16 марта 1946 г. с дополнениями от 3 мая и 10 сентября 1946 г. и от 3 марта 1949 г. Из этого следует, что и у США в это время не возникало сомнений в том, что эти острова отторгаются от Японии.

²² Это подтверждается и картой Японии Национального картографического управления 1956 г., где Южные Курилы обозначены как не входящие в территорию Японии.

фактически вступило в противоречие с международным договорным правом. В ст. 27 Венской конвенции на этот счет говорится: «Участник не может ссылаться на положение своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора»²³.

Что же касается дополнительных средств толкования понятия «Курильские острова» в тексте ст. 2 Сан-Францисского мирного договора, то согласно ст. 32 Венской конвенции к ним как обстоятельствам заключения Сан-Францисского договора в полной мере относятся запросы депутатов парламента Японии и ответы на них представителей японского правительства непосредственно перед его ратификацией. Так, 19 октября 1951 г. депутат С. Такакура задал вопрос: «Я считаю, что так называемые Курильские острова, упоминаемые в тексте договора имеют в виду группу (гряды) Курильских островов (Тисима гунто). Хотел бы спросить, какие при этом Курильские острова имеются в виду?». Премьер-министр С. Ёсида ответил, что «скорее всего, правительство США... намеревалось определить их как так называемый Курильский архипелаг (Тисима рэтто)» и тут же поручил дать конкретный ответ в качестве члена правительства от его имени заведующему договорным департаментом МИД Японии К. Нисимура. Последний заявил, что *«территориальные пределы Курильских островов (Тисима рэтто), о которых говорится в договоре, включают в себя как Северные Курильские острова, так и Южные Курильские острова. Причем, по мнению дипломатических кругов США, о-ва Хабомаи и Шикотан в состав Курил не входят»*²⁴. А на уточняющий вопрос о возможности истолковать понятие «Курильские острова (Тисима рэтто)» как «группа (гряда) Курильских островов (Тисима гунто)», К. Нисимура ответил: *«Понятие «Курильские острова», содержащееся в договоре, истолковываются как означающее, что оно включает Северные Курильские острова и Южные Курильские острова (выделено нами. – К. Ч.)»*²⁵. При этом упоминание об особой позиции японского правительства «в отношении того, что оба района с исторической точки зрения находятся в совершенно разном положении», не имеет никакой связи с трактовкой понятия «Курильские острова» в Сан-Францисском мирном договоре и потому не должно приниматься во внимание.

В последующем это разъяснение в ответах на запросы депутатов парламента М. Огавабара и Ё. Кусуми было подтверждено другим представителем правительства Японии – парламентским заместителем министра иностранных дел Т. Кусаба, который указал на недопустимость разрыва термина «Курильские острова» посредством выделения из их состава Кунашира и Итурупа²⁶.

²³ Венская конвенция... с. 68

²⁴ Русская тихоокеанская эпопея. с. 586

²⁵ Дайдзюникай коккай № 4 с 18

²⁶ Там же. № 5. с. 22

При этом 24 октября 1951 г. оба упомянутых представителя правительства объяснили, что ст. 2 договора об отказе от Курильского архипелага была принята как окончательное решение, с учетом мнения премьер-министра Японии и без каких-либо оговорок, в соответствии с Потсдамской декларацией²⁷. И подобное толкование понятия «Курильские острова» нашло свое отражение в официальной картографии Японии 40–50-х годов²⁸, административных актах и японском законодательстве о репатриации, налогообложении, правах, рыболовстве и т.п.

Тем не менее начиная с 1955 г. в дипломатической практике, а с 1961 г. и в своих административных актах внутри страны Япония стала прибегать не к обычному толкованию понятия «Курильские острова», а к его специальному юридическому толкованию на основе подмены, по сути дела, этого термина понятием «гряда (группа)» Курильских островов с необоснованной ссылкой на Санкт-Петербургский трактат 1875 г. и в нарушение процитированного выше п. 4 ст. 31 Венской конвенции. Однако, как указывалось выше, поскольку внутригосударственное толкование, даваемое министерством иностранных дел и другими дипломатическими, судебными и административными органами, носит односторонний характер, оно необязательно для других заинтересованных государств, прежде всего участников того или иного договора или соглашения²⁹.

Имеются возражения некоторых юристов-международников в отношении того, что Венская конвенция 1969 г. вряд ли применима к международным договорам и соглашениям Японии, в том числе с нашей страной, до ее вступления в силу и принятия ее СССР и Японией на том основании, что в этом документе имеется на этот счет специальная статья (ст. 4), в которой говорится, что «настоящая конвенция не имеет обратной силы и применяется только к договорам, заключенным государствами после ее вступления в силу» в 1980 г. Однако с этим утверждением нельзя согласиться, так как в той же статье устанавливается, что приведенное положение действительно только в том случае, если оно используется «без ущерба для применения любых норм, изложенных в настоящей конвенции, под действие которых попадали бы договоры в силу международного права, независимо от конвенции». А это означает, что отсутствие у Венской конвенции обратной силы никак не затрагивает применения норм международного права, вытекающих из других, чем данная конвенция, источников,

²⁷ Там же, № 5, с. 5-6.

²⁸ Полупно отметим, что это не просто признание «новых реальностей», а вполне традиционный взгляд на проблему: в ст. 2 японского текста Санкт-Петербургского трактата 1875 г. записано, что «отныне Японской империи будут принадлежать все Курильские острова (Куриру дзэнто)», из чего становится совершенно очевидным, что в их состав японцами включалась не только северная, но и южная часть Курил южнее Урупа. *Мураяма С.* Куриру сёто-но бунгакутэки кэнкэо. Сирёхэн (Текстологические исследования понятия «Курильские острова»). Материалы. Токио, 1987, с. 184.

²⁹ См.: *Талалаев Н.М.* Международные договоры в современном мире, М., 1973, с. 146.

например, из Устава ООН, а также общепризнанных принципов обычного международного права. И что особенно существенно, в преамбуле Венской конвенции недвусмысленно подчеркивается, что в ней осуществлены кодификация уже существовавших до нее норм и прогрессивное развитие международного права в отношении толкования международных договоров и соглашений. Необходимость же употребления терминов в их обычном значении соответствует решению Постоянной палаты международного правосудия Лиги наций 1933 г.

СССР присоединился к этой конвенции в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР (№ 4407-XI от 4 апреля 1986 г.). В связи с этим Япония, для которой эта конвенция вступила в силу с 1980 г., возразив против некоторых оговорок СССР (ст. 20 п. 3, ст. 66 и Приложение), заявила 4 апреля 1987 г., что договорные отношения с нашей страной не будут включать в себя ч. V конвенции (т.е. ст. 42-72) при сохранении в силе остальных ее статей. Таким образом, применимость упоминавшихся выше статей Венской конвенции о международных договорах остается в силе и их нормы должны учитываться при подготовке мирного договора РФ с Японией.

В заключение кратко остановимся на проблеме одновременного применения принципов «законности и справедливости (*justia el jus*)». Обращение к сочетанию этих принципов для того, чтобы попытаться добиться компромисса по проблеме территориального размежевания между Россией и Японией и заключить двусторонний мирный договор, политически весьма привлекательно, но конкретная реализация такого намерения связана с существенными трудностями. Так, с одной стороны, применительно к международному праву наиболее распространенное и общепризнанное толкование этих принципов сводится к тому, что законность означает соблюдение международных договоров и соглашений, а также международных обычаев, а справедливость – точное соблюдение или соответствие законности³⁰. Такое толкование вполне может трактоваться как приоритет принципа законности над принципом справедливости.

С другой стороны, именно принципом справедливости в соответствии со ст. 1 Устава ООН обязаны руководствоваться все ее члены во взаимоотношениях между собой и третьими странами. Более того, ст. 38 Статуса Международного суда ООН предусматривает право разрешать спорные вопросы «по совести и справедливости (*ex aequo et bono*)», если стороны с этим согласны.

Однако, во-первых, в соответствии с международным правом этот принцип не может противоречить принципу законности или подменять его. Во-вторых,

³⁰ Мацуо К. Сэйги (Справедливость). – Сэкай дайхякка дзитэн (Большая всемирная энциклопедия). Токио, т. 12, 1967, с. 668. Аналогичной является и трактовка российских правоведов: урегулирование территориальных споров на основе международного права и справедливости «означает объективное и беспристрастное применение всех норм международного права». – Клименко Б. М. Мирное решение территориальных споров. М., 1982, с. 51.

само понятие справедливости воспринимается разными сторонами, как правило, неоднозначно³¹. В-третьих, у Международного суда отсутствует практика рассмотрения дел на основе этого принципа, что весьма затрудняет оценку критериев, по которым он мог бы вынести свое решение. Наконец, в-четвертых, в международном праве практически совершенно не разработан вопрос о взаимосоотнесенности принципов законности и справедливости, в частности о методах разрешения возможной коллизии между ними.

В связи с этим, как представляется, чрезвычайно сложно достигнуть согласия сторон применительно к проблеме пограничного размежевания между Россией и Японией на основе одновременного использования двух этих принципов. На наш взгляд, более продуктивным является использование одного принципа, а именно принципа законности.

³¹ Достаточно напомнить, что в ранее упомянутом выступлении при подписании Сан-Францисского договора премьер-министр Японии С. Ёсида прямо указывал на «справедливость договора» (выделено нами. – К.Ч.) и небывалое в истории великодушие, хотя договор весьма жестко ограничивал суверенитет Японии четырьмя основными и «несколькими малыми островами» – Совместный сборник документов..., с. 37.

Жизнь и смерть «сацумского сокола»: политик Сэйго Накано

В.Э. Молодяков

Политическая и идейная палитра довоенной Японии оставалась весьма пестрой и красочной, несмотря на все преследования оппозиции и настойчивое стремление властей к «унификации» общественной жизни страны. И те, кто находился у власти, и те, кто объявлял себя оппозицией, сходились в признании святости и нерушимости фундаментальных национальных ценностей: императора и императорской системы, традиционной религии Синто, учения о «государственном организме» *кокутай*, исторической миссии Японии и т. д.¹. Открытое отрицание этих ценностей вело к немедленному «изъятию» несогласных из политической жизни, поэтому тем, кто хотел остаться в ней, приходилось принимать правила игры. Но это не означает, что в политике не было места инакомыслящим.

Организаторы Коммунистической партии Японии, оставшиеся верными линии Коминтерна, с конца 20-х годов сидели в тюрьмах или находились в эмиграции (отметим, кстати, что сколько-нибудь массовой политической эмиграции современная Япония не знала никогда), но пропаганда марксизма с университетских кафедр – то скрытая, то довольно явная – не прекращалась до конца 30-х годов. Передовой отряд социал-демократов, Социалистическая массовая партия на протяжении всего предвоенного десятилетия не без успеха участвовала в выборах и в отличие от большинства правых партий и организаций имела в парламенте свою фракцию. В свою очередь тайная полиция следила за правыми

¹ Молодяков В.Э. Метафизика «государственного организма» (концепция *кокутай* и японская Традиция). – Знакомьтесь: Япония. 1997, № 17.

экстремистами не менее тщательно, чем за левыми, а лидеры националистов не раз оказывались под судом, попадая кто в тюремную камеру, как Сьюмэй Окава, а кто и под пули стрелкового взвода, как Икки Кита.

В то время очень много говорили и писали о «японском фашизме», применяя этот термин то к отдельным праворадикальным идеям и движениям, а то и к существовавшему режиму в целом. Порой говорят об этом и сейчас, хотя историки убедительно показали ошибочность такой трактовки, конечно, если использовать термин «фашизм» исторически, а не в качестве универсального ругательства. Едва ли не единственным настоящим японским фашистом, соответствовавшим европейским образцам или, по крайней мере, стремившимся к их копированию, был Сэйго Накано (1886-1943), один из наиболее своеобразных политиков довоенной эпохи². Имя его практически неизвестно в России, как и вообще за пределами Японии, хотя на родине он до сих пор вызывает интерес и даже определенное уважение. Причиной тому, конечно, не его политические симпатии, а трагическая и необычная судьба, достойная внимания.

Но прежде необходимо сказать несколько слов о том, что мы понимаем под словом «фашизм». Пожалуй, никакой другой термин современной политической лексики не вызывает такого решительного неприятия и отторжения – и это вполне понятно и оправдано. Однако «фашизмом» уже с начала 20-х годов называли явления, не имеющие никакого отношения к итальянскому «оригиналу», а именно любую национально-ориентированную диктатуру вне зависимости от ее политического характера, будь то консервативно-авторитарные режимы Хорти и Франко или германский национал-социализм, соединивший тоталитарные черты «пруссачества» с расистской идеологией. Для фашизма, в чистом виде существовавшего только в муссолиниевской Италии, но вдохновившего ряд движений за рубежом (например «Черный фронт» О. Штрассера в Германии), были характерны сочетание модернистских устремлений и индивидуализма с этатизмом, а также отрицание материализма и расизма как философских основ жизни. В этом его коренное отличие и от консервативных диктатур, и от коммунизма с национал-социализмом. Что же касается таких черт, как подавление оппозиции или наличие однопартийной системы, то они присущи всем авторитарным и тоталитарным режимам и не являются собственно фашистскими³. Все

² В Японии существует обширная литература о Накано (преимущественно апологетического характера), но за ее пределами работы о нем единичны. Автором использованы его лучшие биографии: *Иномата Кэйтаро*. Накано Сэйго-но сёгай (Жизнь Сэйго Накано). Токио, 1964; Накано Ясуо. Сэйидзика Накано Сэйго (Политик Сэйго Накано) Токио, т. 1-2, 1971 (последняя книга написана сыном Накано и включает ряд его текстов).

³ Понимание фашизма в настоящей работе восходит к концепции А. Мелера (Элементы. 1993, № 4); о «японском фашизме» см.: *Молодяков В.* Консервативная революция в Японии: идеология и политика. М., 1999 (приложение).

это необходимо учитывать как при анализе идейной и политической жизни довоенной Японии, так и при рассмотрении судьбы нашего героя.

Накано был выходцем с юга Кюсю, из нынешней префектуры Фукуока – местности, сравнимой по мятежному духу ее уроженцев только с Мито, гнездом самурайской оппозиции режиму сёгуната в годы, предшествовавшие «реставрации Мэйдзи». Накано происходил из земель, принадлежавших клану Сацума, и вполне проникся его воинственным и непокорным духом, а потому уже в молодости получил прозвище «сацумский сокол». С юных лет он избрал своим героем Такамори Сайго (1827–1877), «великого Сайго», в котором видел истинного японского патриота, народного заступника и «благородного беззаконника». Сайго выступил против сёгуна во имя верности императору, которому хотел вернуть всю полноту власти, принадлежавшей ему по праву. Сайго не только поддерживал «открытие Японии», но и призывал к расширению ее внешней экспансии, в том числе и для того, чтобы самураям, оставшимся без дела и потерявшим свое привилегированное положение, было куда приложить силы. Сайго выступил против модернизации японской армии по европейскому образцу, посчитав это изменой самурайскому духу и «заветам отцов». Отчаявшись в действенности всех других средств, он поднял знаменитое Сацумское восстание, окончившееся поражением и самоубийством его вождя.

Жизнь и смерть «великого Сайго», ставшего легендой сразу после завершения его земного пути, как бы содержат сценарий жизни его последователя. Историк Т. Надзита удачно заметил, что в представлении Накано Сайго «был верен долгу и полон любви к простому народу, но в то же время был бунтовщиком»⁴. Таков был и наш герой, всю жизнь пытавшийся примирить верность императору и родине – как он ее понимал – с так и не изжитым бунтарским духом, традиционно присущим его землякам. А среди них был и легендарный Мицуру Тояма (1855–1944), патриарх «неофициального», экстремистского, национализма, «полу-террорист, полу-мистик»⁵, которого ученики почтительно называли «народным *гэнро*», противопоставляя его «придворному *гэнро*» («старейшине», главному советнику императора) принцу Киммоти Сайондзи. Оппоненты же предпочитали сравнивать их с «доктором Джекилом и мистером Хайдом»⁶.

В памяти современников Накано остался под двусмысленными ярлыками «рупора Берлина» и «японского Гитлера». Единственный крупный политик и публицист довоенной Японии, открыто ориентировавшийся на фашистский и нацистский канон, он не сводим к подобным определениям, потому что они затрагивают только внешнюю сторону его деятельности и игнорируют его эво-

⁴ *Najita Tetsuo. Nakano Seigo and the Spirit of the Meiji Restoration in Twentieth-Century Japan. – Dilemmas of Growth in Prewar Japan. Princeton, 1971, p. 377*

⁵ *Deacon Richard. Kempeitai. The Japanese Secret Service. Then and Now. Tokyo. 1991, p. 43.*

⁶ *Byas Hugh. Government by Assassination. N.Y. 1942, p. 174*

люцию. А она была сложной и болезненной, хотя и не лишенной внутренней логики. Это отражение эволюции достаточно большой группы японских мыслителей, идеологов и политиков радикально-националистической и консервативно-революционной ориентации, но мало кто из них в результате пришел к тем же «идолам и идеалам», что и наш герой. Он был исключением из правила, потому что даже самые радикальные представители японских правых неизменно отмежевывались от Гитлера и Муссолини, доказывая неприменимость, непригодность для Японии любых иноземных доктрин и систем. «Диктатор! Как может страна, имеющая три священных сокровища (меч, зеркало и яшма – регалии императорской власти.– В.М.), мечтать о диктаторе!» – восклицал в 1933 г. генерал Садао Араки, пламенный трибун и лидер националистов⁷. Накано избрал другой путь.

Выпускник престижного токийского университета Васэда, элитарного, но до сих пор гордящегося своей независимостью и сохраняющего налет оппозиционности, Накано всегда сочетал верность идеям прогресса и националистические симпатии. Смолоду он был вхож в «патриотические» круги как зять известного публициста Сэцурэй Миякэ (1860–1945), издателя журнала «Япония и японцы», но далеко не всегда разделял господствовавшие или принятые там воззрения. В этом корень оригинальности его идей – и одновременно причина будущего одиночества даже в кругу потенциальных единомышленников.

Так, для японских националистов и консервативных революционеров одним из наиболее принципиальных вопросов было отношение к наследию «Мэйдзи исин», в которой одни видели начало новой Японии, а другие – шаг назад, от золотого века патриархальной и «аграрноцентричной» эпохи Токугава, какой представляли ее идеологи *нохонсюги*, своеобразного крестьянского варианта консервативно-революционной идеологии. Накано был восторженным поклонником духа и идей «реставрации Мэйдзи». Он считал ее единственным примером для подражания и источником духовного возрождения страны – но только в ее первоначальной, революционной фазе, которую склонен был даже отождествлять с Великой французской революцией. В этом проявились и природный романтизм нашего героя и общее увлечение эпохой Мирабо, Дантона и Робеспьера, присущее бунтарям последних столетий, которые часто закрывали глаза на кровавые эксцессы якобинской диктатуры. А зря...

В центре политической философии и идеологии Накано было Движение – массовое движение народа против узурпаторского «привилегированного правительствa». Выразителем духа Движения он считал Сайго и обвинял его противников – политическое руководство Японии первого десятилетия эпохи Мэйдзи – в измене великому делу мэйдзийских преобразований. От Сайго он протягивал нить к «движению за свободу и народные права» («дзию минкэн ундо») 70-

⁷ Ibidem, p. 72.

80-х годов XIX в., которому в 1913 г. посвятил свою первую книгу⁸. В то же время сам Накано с юности был индивидуалистом и преклонялся перед Личностью, считая ее роль в истории определяющей: не случайно одним из его любимых авторов был Томас Карлейль⁹. В исторической Личности (а к этой категории он, бесспорно относил и самого себя) ему особенно импонировала способность к Решению, т. е. к тому, чтобы во имя «высшей цели» и «высшей справедливости» преступить, по словам поэта, все черты. Его национализм никогда не был консервативным, пассаистическим – и, подобно другому вечному бунтарю Икки Кита (1883–1937), его менее всего можно считать рыцарем status quo.

Рассматривая жизненный путь Накано, исследователи обычно выделяют в нем два периода – «либеральный» (примерно до 1931 г.) и последовавший за ним «фашистский». Изменения в его политической позиции очевидны, но не менее очевидно и наличие в его идеологии ряда явственно просматривающихся констант. В первую очередь – это неконформизм, порой доходящий до демонстративного упрямства, решительность и бескомпромиссность в критике сильных мира сего и отстаивании собственных идей. Накано всегда готов был «идти на костер» за свои убеждения – это вызывало уважение противников, но едва ли могло привести к желанному триумфу.

«Либерал» Накано был депутатом парламента от партии Кэнсэйкай (предшественницы Минсэйто) и видным публицистом левой ориентации: он прославлял демонстрации против правительства Таро Кацура в 1913 г. (что стоило ему престижного места в главной редакции газеты «Асахи»), поддерживал китайскую революцию и уже в 1911 г. требовал невмешательства в тамошние события со стороны Японии, а несколькими годами позже открыто критиковал генерал-губернатора Кореи Хисаси Тэраути за то, что тот препятствует осуществлению местного самоуправления. Наконец, Накано выступил против интервенции в Сибири, а в 1928–1929 гг. прямо обвинял премьер-министра Гиити Танака в причастности к убийству диктатора Маньчжурии «старого маршала» Чжан Цзолина. Накано не симпатизировал ни большевизму, ни республиканским идеям, но считал, что они не опасны для Японии и что Россия и Китай должны сами решать, какая форма правления им подходит. «Фашист» Накано на протяжении многих лет выступал за союз не только с Германией, но и с Советской Россией и превратился в злейшего врага «сёгуна Тодзио» и его режима.

Весьма интересен взгляд Накано на государство. Этатистом он не был в общем-то никогда, уже в молодости резко критикуя «прусский» тип японского государства, который считал реакционным и подавляющим личность.

⁸ Накано Сэйго. Мэйтзи минкэн сирон (Исторические очерки движения за народные права в эпоху Мэйтзи) Токио, 1913.

⁹ Иномата К. Накано Сэйго-но сёгай, с. 308–309.

В послеэмэйдзийском государстве он видел отступление от первоначальных прогрессивных тенденций «реставрации-революции», как ее нередко называли. Интересно, что в критике современного ему этатизма он был солидарен с Сэйкё Гондо, видным идеологом *нохонсюги* и своим непримиримым оппонентом в отношении теории исторического прогресса, который Гондо отрицал. Накано приветствовал Гитлера именно как революционера, освободившего Германию от оков «пруссаческого» этатизма¹⁰, да вдобавок с опорой на массовую поддержку, т. е. на Движение.

Политический и идейный «пантеон» Накано был своеобразен и разнообразен. Раньше всех в нем появились знаменитый теоретик неоконфуцианства Ван Янмин, известный в Японии как Оёмэй, и такие «благородные беззаконники», как Хэйхатиро Осио, руководитель восстания в Осака в 1837 г., и, конечно, Сайго. В самом начале 30-х годов почетное место среди кумиров занял Муссолини, прямым подражанием которому были отмечены первые самостоятельные политические шаги нашего героя. Они были связаны с Кэндзо Адати (1864-1948) и созданной им партией Народный союз (Кокумин домэй)¹¹.

В 90-е годы прошлого века Адати, принадлежавший к тому же поколению что и упоминавшийся Миякэ, тесть Накано, был довольно заметной фигурой в среде националистических тайных и полутайных обществ, действовавших независимо от правительства, но посвятивших себя подготовке японской экспансии на континент. Сам Адати был причастен ни много ни мало к убийству корейской королевы в 1894 г., которое открыло дорогу будущей аннексии этой страны Японией. Тридцать лет спустя он стал уважаемым и респектабельным политиком, депутатом парламента и одним из лидеров партии Минсэйто (где считался правым), а в 1931 г. даже был министром внутренних дел во втором кабинете Рэйдзиро Вакацуки – вполне подходящая должность для бывшего террориста! Недовольный умеренным курсом либерала Вакацуки, который в качестве главы японской делегации подписал Лондонский договор об ограничении морских вооружений в 1930 г., Адати выступил за создание коалиционного правительства с участием более правой Сэйюкай, а получив отказ, подал в отставку. Его уход повлек за собой отставку всего кабинета и новые выборы, окончившиеся победой Сэйюкай. Тогда Адати объявил о создании собственной партии, парламентскую фракцию которой составила группа его единомышленников во главе с Накано, его ближайшим помощником.

Так появился Народный союз. До своего самороспуска летом 1940 г. он неизменно имел в парламенте небольшую фракцию – несколько десятков

¹⁰ Накано Сэйкё. Синко Доицу-но сидзю Хитгора (Гитлер – вожь обновленной Германии). – Накано Сэйкё. Тамасий-о хаку (Дух живой). Токио, 1938, с. 14-23

¹¹ Литература об Адати и Народном союзе весьма малочисленна, хотя этот видный политик заслуживает специального исследования. См. также: Адати Кэндзо дэтэн (Автобиография Кэндзо Адати). Токио, 1960

человек, сопоставимую с фракцией Социалистической массовой партии. Более многочисленные фракции имели только Сэйюкай и Минсэйто, которым избиратели по традиции продолжали отдавать свои голоса и даже тогда, когда они скомпрометировали себя и потеряли не только реальную возможность, но и какое-либо желание влиять на текущую политику. Народному союзу предстояло доказать свою жизнеспособность в соревновании с этими «тяжеловесами», а трудность задачи усугублялась тем, что принципиальных различий между Адати и другими политиками традиционного типа в общем-то не было. И тут ему на помощь пришел Накано, решивший создать первую в Японии «партию нового типа». Именно тогда посетивший Японию Борис Пильняк, один из популярнейших советских прозаиков тех лет, назвал нашего героя «собирателем японских фашистов»¹².

За образец был взят Муссолини, и члены партии, включая депутатов парламента, облачились в черные рубашки. Правда, сам почтенный Адати надеть ее отказался. Это давало обильную пищу для газетных толков о «японском фашизме»¹³, но популярности новой партии не прибавило, потому что хорошим тоном как раз считалось от фашизма отрешиваться. Как например делал это в 1932 г. барон Киитиро Хираума (1867–1952), будущий премьер-министр, а в ту пору глава влиятельного Общества государственных основ (Кокухонся), элитарного националистического клуба. Разъясняя позицию своей организации, он совершенно определенно заявил: «Фашизм является продуктом чужого государства и результатом его национальных условий. Наша страна – совсем иное, и у нее совершенно иная миссия. Наша суть и наша миссия основаны на морали. Кокухонся основывается на этих принципах и не имеет ничего общего с фашизмом»¹⁴. Справедливости ради заметим, что и черные рубашки не были японцам в новинку: еще в 20-е годы появилась Японская лига политической справедливости (Дай Ниппон сэйгидан), созданная осакским строительным магнатом Эйдо Сакаи, который стилизовал ее под итальянских чернорубашечников, но занимался больше рэкетом и защитой интересов «своих» бизнесменов¹⁵.

Отход Накано от традиционного либерализма и партийной политики (добавим, что в начале 20-х годов он был близок к влиятельному Цуёси Инукаи) объясняется прежде всего разочарованием в их возможностях и реформаторском потенциале. Следуя популярному в то время в Японии учению германского политолога и юриста Карла Шмитта, он доказывал необходимость принятия Решения в «чрезвычайных обстоятельствах», считая ситуацию 30-х годов именно таковой. При этом Накано осуждал заговор-

¹² Пильняк Б. Камни и корни. М., 1935, с. 196

¹³ Инамата К. Накано Сэйго-но сёгай, с. 344–346

¹⁴ The Japan Advertiser 21.04. 1932 (Выступление перед журналистами)

¹⁵ Об этой и других аналогичных организациях, стоявших на грани «патриотизма и преступности» (выражение Х. Байеса), см. подробнее: Киносита Хандзи Нихон кокусасюги ундо (История японского национал-этатистского движения). Токио, т.1, 1952, с. 16–35

щическую тактику радикальных националистов и тем более индивидуальный политический террор, считая Движение единственной возможной силой и средством будущей «патриотической реорганизации» (так называл он предлагавшиеся преобразования)¹⁶. В начале 30-х годов Накано все более активно выступал за контролируемую экономику и государственный протекционизм (все это вошло в программные документы Народного союза 1931–1932 гг.), но предупреждал о нежелательности чрезмерной бюрократизации аппарата и тем более единоличной диктатуры. Следует заметить, что поклонником Сталина Накано не был.

В 1936 г. Накано вместе с группой единомышленников покинул Народный союз, превратившийся в «частную антрепризу» Адати, и создал Общество восточного направления (Тохокай), еще более явно подражавшее европейским образцам. В поисках союзников он налаживает сотрудничество с Кацумаро Акамацу (1894–1956), в прошлом коммунистом и рабочим лидером, затем социал-демократом, в 30-е годы ставшим идеологом национального социализма. Некоторое сочувствие встречает Накано и в Социалистической массовой партии. Однако его политические амбиции связывались не только с безнадежными оппозиционерами. В условиях политического шока, вызванного военным мятежом в Токио 26–29 февраля 1936 г., и последовавшей за ним смены кабинета он всерьез рассчитывал на пост в новом правительстве Коки Хирота и был явно разочарован, когда его туда не позвали¹⁷.

Накано был в числе основателей созданного тогда же Февральского общества (Нигацукай), название которого недвусмысленно указывало на только что совершившийся «инцидент». Однако оно просуществовало недолго и ничего не добилось. Входявший в его руководство видный националист Тацуо Цукуи вспоминал: «Дух меланхолии давил на лидеров и убивал их энтузиазм», – и добавлял со значением: «Генеральный штаб полагал внутренние реформы делом кабинета Хирота, а не японского националистического движения»¹⁸. Правым радикалам на поддержку властей рассчитывать более не приходилось.

Тогда Накано уже в одиночку предпринимает попытку создать Движение по европейскому образцу, выдвигая себя в «фюреры». Он снова вводит униформу, нарукавные повязки с иероглифом «Восток» (который европейцы нередко принимали за особый вид свастики), митинги и шествия. Ко времени своего первого национального конгресса (январь 1939 г.) Тохокай насчитывало до миллиона членов, но подлинно массовым движением так и не стало. В 1938 г. Накано ез-

¹⁶ Наиболее полное изложение: *Накано Сэйго*. Кокка кайдзо кайкаку корё (Программа действий национальной реконструкции). Токио, 1933.

¹⁷ *Молодяков В.Э.* «Инцидент 26 февраля» шестьдесят лет спустя. – Япония 1995–1996. Ежегодник. М., 1996, с. 214–229.

¹⁸ *Цукуи Тацуо*. Ниппон коккасюги ундо сиро (Исторические очерки японского националистического движения). Токио, 1942, с. 106.

дил в Европу, встречался с Муссолини и стал называть его не только «итальянским Сайго», но и «со-оябун»¹⁹ (Адати он называл просто «оябун»), убедившись в тождестве фашизма с философией и идеологией Оёмэй²⁰. Их общими чертами он считал индивидуализм, радикализм и дух восстания – в этом отношении Накано, конечно, в большей степени фашист, нежели нацист. Однако, его восхищение Муссолини и фашизмом было более эмоциональным, чем политическим – идея корпоративного государства его, похоже, не увлекала. Накано явно преувеличивал революционный потенциал фашизма и особенно национал-социализма к концу 30-х годов (ту же ошибку сделал его единомышленники во Франции, например Дриё ля Рошель и Робер Бразийяк). Ни Муссолини, ни Гитлер не потерпели бы рядом с собой ни «великого Сайга», ни Хэйхатири Осии.

«Сацумский сокол» вскоре испытал это на себе. В отличие от лидеров Социалистической массовой партии он без особого восторга воспринял проект «новой политической структуры»²¹, выдвинутый весной-летом 1940 г. принцем Фумимаро Коноэ и его окружением и влился в нее с явной неохотой. Причина проста: Накано и другие лидеры радикальных националистов вроде Кингоро Хасимото (Партия молодежи великой Японии) и Нобумаса Суэцугу (Восточно-азиатская лига) опасались, что «новая структура» и ее основа – Ассоциация помощи трону (АПТ) – станут не Движением, а квазигосударственной структурой под контролем бюрократов, как оно и получилось в результате.

Однако проект выглядел внушительно и был с одобрением встречен общественностью, а потому группа Накано-Хасимото-Суэцугу при поддержке Акамацу, а также лидеров «бюрократов-реформаторов» Тосиио Сиратори и Фумио Гото попыталась захватить в ней руководящее положение. Радикалы добились немалых успехов в подчинении себе центральных органов АПТ, но их призывы и действия вызвали беспокойство как в консервативных финансовых и бюрократических кругах во главе с Хиранума, так и среди милитаристов, которых представлял решительный и властный военный министр генерал Тодзио. Все они видели в «новой структуре» только потенциального конкурента в борьбе за власть, а потому выступили единым фронтом против ее радикального крыла. К весне 1941 г. борьба внутри АПТ закончилась полной победой бюрократов. С этого времени Накано переходит в тотальную оппозицию.

На первом национальном конгрессе Тохокай он заявил: «Некоторые говорят, что ни фашизм, ни нацизм неприемлемы для нас. Однако я уверен, что нет

¹⁹ «Оябун» – почтительное обращение к старшему, как «бабушка» (к отцу); «о-оябун» – патриарх.

²⁰ Накано Сэйго. Итари-но оябун (доти) Мусорини (Итальянский оябун (дуче) Муссолини). – Накано С. Тамасий-о хаку, с. 9-11.

²¹ Ито Такаси. Коноэ синтайсэй: тайсэй ёкусанкай-э-но мити («Новая структура» Коноэ: путь к Ассоциации помощи трону). Токио, 1983; Молодяков В.Э. «Новая структура» 1940 г.: последняя попытка самореформирования. – Япония 1997–1998. Ежегодник. М., 1998, с. 203-221.

никакой разницы в решительном духе народа, который стремится к преодолению трудностей, будь то в Германии, Италии или Японии (аплодисменты). И фашизм, и нацизм решительно отличаются от деспотизма прошлых эпох. Они представляют не консерватизм, который всегда стоит за демократией, но являются формой более демократического правления, которая сменит демократию. Демократия утратила свой дух и превратилась в механизм, который существует только благодаря арифметическому большинству, не считаясь с личностью. Говорят, что большинство – это хорошо. Я не согласен, потому что именно власть большинства является первопричиной нынешнего упадка... Нас не удовлетворит ни консенсус большинства, ни простое участие в выборах... Мы должны относиться к проблемам других так, как будто это наши проблемы: наши проблемы – проблемы других, проблемы народа – наши проблемы, проблемы государства – наши проблемы»²².

Единственный настоящий японский фашист пришелся не ко двору ни режиму Коноэ с его «новой структурой», ни «унифицированному» режиму Тодзио. Открытым вызовом системе было его поведение во время парламентских выборов 1942 г., на которых фигурировал список кандидатов, «рекомендованных» АПТ (отметим в нем среди прочих Хасимото и Сиратори). Представители оппозиции выступали порознь как независимые кандидаты, и одна только группа Накано, сменившая самораспустившееся Общество восточного направления, но сохранившая основу своей структуры, решилась выступить с альтернативным списком кандидатов. Выборы, проводившиеся, как считается, в условиях крайней «тоталитаризации», показали рекордное число кандидатов в депутаты и принесли оппозиции почти 20% мест. Небольшая фракция Накано, конечно, не делала погоды в парламенте, но сам факт ее существования говорил о многом. В созданную 20 мая 1942 г. Политическую ассоциацию помощи трону не вошло лишь восемь из 500 с лишним депутатов палаты представителей, но это было смелой и симптоматичной демонстрацией, объединившей патриарха японских либералов Юкио Одзаки и националиста Рэйкити Кита – младшего брата Икки Кита, казненного после мятежа 1936 г. Их открыто подвергали остракизму, но год спустя к ним присоединились еще шесть человек во главе с Накано, потом еще и еще²³.

Накано до последнего оставался бунтовщиком и называл Тодзио деспотом и врагом народа, заявив, что будет бороться за свои идеалы, даже если останется в полном одиночестве²⁴. 10 ноября 1942 г. он выступил с трехчасовой речью в университете Васэда, который некогда окончил. Осторожная критика существующего режима перемежалась с экзотическими похвалами Гитлеру, в кото-

²² Цит. по: Накано Я. Сэйдзика Накано Сэйго, Т. 2, с. 365-366.

²³ Ben-Ami Shillony. Politics and Culture in Wartime Japan. Oxford, 1981, p. 19-29.

²⁴ Иномата К. Накано Сэйго-но сёгай. с. 430-437.

ром Накано видел воплощение духа свободы, идущего от Лютера и Реформации. Он славил его как индивидуалиста и Героя, видимо, не понимая, что опоздал лет на двадцать. Он славил «Mein Kampf» – книгу, давно превратившуюся для ее автора в «мертвые слова», – и говорил, обращаясь к молодежи: «Вы должны написать ваш собственный «Mein Kampf», основываясь на реалиях вашей жизни, как свидетельство вашей личной борьбы на этой земле»²⁵. Но исход «моей борьбы» Сэйго Накано был предreshen: критика режима неизбежно повлекла за собой запрещение выступать и печататься (это в отношении депутата парламента!), домашний арест и – в знак протеста – ритуальное самоубийство *сэппуку*, с биографией Сайго, положенной рядом. Можно сказать, он умер так же, как и жил. Похороны Накано были последним появлением на людях Мицуюру Тояма, а распоряжался ими один из руководителей газеты «Асахи», влиятельный публицист и будущий министр Такэтора Огата, который год спустя организовывал похороны самого Тояма²⁶. Круг замкнулся.

В заключение остановимся еще на одном, любопытном и малоизвестном сюжете – отношении нашего героя к Советской России. То, что в 1918–1922 гг. он выступал против японской интервенции в Сибири, еще ни о чем не говорит: известно, что ее поддерживал министр иностранных дел Итиро Мотоно, известный русофил и бывший посол в Петербурге, стремившийся «спасти» Россию от большевиков, в то время как лидер атлантистской фракции МИД Кидзюро Сидэхара считал это делом, не стоящим сил и средств. Каких-то особых чувств к России Накано – в отличие от долго жившего там Мотоно – не питал, но, трезво оценивая ситуацию, предпочитал иметь ее среди друзей, нежели среди врагов. Интересно, что в 1926 г. политические противники обвиняли Накано – в ту пору депутата парламента от Кэнсэйкай – в получении денег от Москвы, хотя это едва ли имело под собой какие-то реальные основания²⁷. Затем в 1932 г., когда в Японии оживленно обсуждалось советское предложение о заключении двустороннего пакта о нейтралитете, Накано снова был среди весьма немногочисленных сторонников сближения с СССР и не раз выступал на эту тему в печати, например в авторитетном журнале «Кайдзо» («Обновление»), само название которого свидетельствовало о радикально-реформистской ориентации.

К этой идее Накано не раз возвращался и позднее. Так, в последних числах августа 1939 г., откликаясь на только что подписанный советско-германский пакт о нейтралитете, он темпераментно писал: «Престарелые руководители японского правительства беззастенчиво критикуют Герма-

²⁵ Текст выступления см.: Накано Я. Сэйзика Накано Сэйго, т. 2, с. 668–683

²⁶ *Storry Richard. The Double Patriots. A Study of Japanese Nationalism. L., 1957, p. 150.*

²⁷ *Bamba Nobua. Japanese Diplomacy in a Dilemma. New Light on Japan's China Policy, 1924–1929 Kyoto. 1972, p. 68*

нию за заключение пакта о ненападении с СССР. Стоит напомнить этим старцам, что виноваты именно они, упустив из-за собственной нерешительности шанс заключить трехсторонний союз»²⁸. Действительно, именно выжидательная позиция японского правительства, которое никак не могло решиться на военно-политический союз с Германией, была в числе решающих факторов, толкнувших Гитлера к договору с Москвой. Подписание «пакта Молотова-Риббентропа» вызвало политический кризис и смену кабинета в Токио, поскольку Германия нарушила Антикоминтерновский пакт с Японией, заключив договор с СССР без ведома своего союзника. В результате тем, кто агитировал за союз с Берлином, пришлось несладко, но они выдвинули новый глобальный проект – евразийский блок Берлин—Москва—Токио. Его главным теоретиком стал Сиратори, но и Накано в статьях и выступлениях по мере сил поддерживал эту идею вплоть до нападения Гитлера на Советский Союз. Позднее он предпочитал о советско-японских отношениях в контексте идущей войны не высказываться.

* * *

Накано Сэйго ушел из жизни, «громко хлопнув дверью», как более четверти века спустя скажут про Юкио Мисима. Жизненный путь этих двух неординарных людей многим схож – и тотальным нонконформизмом, и верностью традициям (как они их понимали), и одиночеством, обрекавшим их проповедь на неудачу. В Японии многие восхищаются ими – как «последними самураями», как людьми чести и долга, помня только о последнем жесте и забывая об их проповеди, далеко не во всем достойной подражания. «Жизнь кончилась, началось житие», – говорил один из героев Лескова. Однако жизнь Накано, какой она видится историку, ничуть не менее интересна, чем легенда о «сацумском соколе», созданная мастерами житийного жанра.

²⁸ Накано Сэйго. Докусо фукасин дзёяку то Нихон (Германо-советский пакт о ненападении и Япония). – Бунгэй сюндзю. 1939, сентябрь, спец. выпуск, с. 1-4.

Голландский след в истории Японии

Н.Ф. Лещенко

На протяжении более двух столетий голландцы практически были единственными европейцами, которым было дозволено жить в Японии и вести торговлю. Хотя такое же разрешение было дано в начале ХУП в. и англичанам, но торговля у них не заладилась и они довольно быстро покинули страну – в 1623 г.

Жизнь голландцев в Японии была строго регламентирована, круг японцев, с которыми они общались, был ограниченным. Даже в Нагасаки, где они вели торговлю, их видел далеко не каждый. Об их внешнем облике ходили всевозможные слухи. «Говорят, будто у голландцев нет пяток, что глаза у них, как у зверей, и что они великаны. Но все дело в том, что жители разных стран всегда несколько отличаются друг от друга. Из того, что голландцы не похожи на нас, вовсе не следует, будто они похожи на животных. Все мы порождение одного творца», – так писал один автор. А вот впечатления японца, однажды посетившего голландский корабль: «Лица у них темные, болезненно-желтоватые, волосы желтые, а глаза зеленые. Кто при виде их не обратился бы в бегство от страха». Вызывало у японцев удивление и незнакомство голландцев с китайской наукой и письменностью, что служило явно не в пользу голландцев. Но следует отметить, что в ХУП в. мнение о них начинает меняться в лучшую сторону. Уже другой автор отмечает, что хотя у голландцев всего двадцать четыре буквы, но они могут записать все, что нужно. «Они самые лучшие в мире мореходы, сведущие в астрономии, географии и предсказаниях. Они также перво-

классные медики»¹. И именно в области развития медицины в Японии голландцы и оказали большое влияние.

Впервые голландцы появились у берегов Японии 19 апреля 1600 г. – это было судно «Лифде», единственное уцелевшее из пяти кораблей, которые в июне 1598 г. вышли из Роттердама. Экспедиция должна была установить торговые отношения с Ост-Индией и Японией. Прокладывать новые торговые пути в восточные страны голландцев заставила жизненная необходимость. После того как Голландия освободилась от испанского ига в 1600 г., испанский король Филипп II приказал закрыть лиссабонский порт для голландских судов. (В 1581-1640 гг. Португалия была подвластна Испании). Это было серьезным ударом для голландцев, поскольку они закупали там пряности и шелк, которые португальцы привозили с Дальнего Востока. Эти товары они с большой выгодой для себя перепродавали в странах Северной Европы.

Судьба этой экспедиции сложилась трагически. На «Лифде» в живых осталось лишь 24 человека, и если бы судно не достигло берегов Японии, команда погибла бы от голода. Находившийся на борту судна англичанин Уильям Адамс, которого Изясу Токугава сделал своим советником, сыграл большую роль в развитии торговых японо-голландских отношений². Потребовалось несколько лет, чтобы голландцы смогли наладить торговлю с Японией. Большую роль в этом сыграла Ост-Индская торговая компания (1602-1798), где заправилами выступали амстердамские купцы. Компания имела монопольное право торговли, мореплавания, размещения факторий и т.д. Амстердам стал европейским центром торговли и кредита.

Для развития торговли необходимо было наладить контакты с голландцами, проживавшими в других восточных странах. Но Изясу не разрешал ни У. Адамсу, ни голландцам покидать Японию. В конце концов Адамсу удалось уговорить Изясу отпустить кого-нибудь из голландцев, чтобы найти в Ост-Индии своих соотечественников. В 1605 г. капитан «Лифде» Якоб Квакернак и Мелькиор ван Сантворт, имея письмо Изясу, в котором он приглашал голландцев торговать, отплыли в Сиам, где у голландцев был один из торговых постов.

Но прошло еще четыре года, пока первые голландские торговые суда с капитаном Якобом Спексом в июле 1609 г. прибыли на о-в Хирадо, где и была открыта голландская торговая фактория. Хотя голландцам предлагали обосноваться в г. Урага вблизи Эдо, они выбрали о-в Хирадо по одной веской причине – там не было португальцев – их главных соперников в торговле. Кроме того, голландцы нашли поддержку и покровительство со стороны главы княжества

¹ Цит. по: *Николаева Н.С.* Япония – Европа. Диалог в искусстве. М., 1996, с. 90-91.

² Дружба между голландцами и Адамсом продолжалась до самой его смерти – благодарные голландцы не забыли о большой роли, которую он сыграл в развитии японо-голландских торговых отношений. Более подробно см.: *Роджерс Ф. Дж.* Первый англичанин в Японии. Пер. с англ. М., 1987

даймё Сигэнобу Мацура. К тому же Хирадо и Нагасаки были центрами торговли.

Следует иметь в виду, что голландцы не занимались миссионерской пропагандой, не вмешивались во внутренние дела страны, что и определило их дальнейшую судьбу в Японии.

Голландцам с разрешения Иэясу было предоставлено право торговать во всех портовых городах. Но по мере того, как бакуфу (правительство сёгуна) стало проводить политику ограничения миссионерской деятельности, торговля с иностранцами также подверглась ограничениям. Правительство стремилось установить над ней правительственный контроль. После новых указов против европейских миссионеров 1612-1613 г. иностранцам было разрешено торговать только в Нагасаки и Хирадо. И когда в 1639 г. последовал указ, запрещающий португальцам приезжать в Японию, голландцы стали единственными европейцами, с которыми Япония поддерживала торговые отношения (но не дипломатические. — Н.Л.).

В 1631-1636 гг. голландцы столкнулись с большими трудностями в своей торговой деятельности на о-ве Хирадо. Резко поменялось отношение к иностранцам со стороны нового сёгуна Иэмицу, внука Иэясу, от которого голландцы получили большие привилегии в торговле. Теперь же они должны были подчиниться жестким правилам. В 1633 г. их обязали продавать шелк-сырец только по фиксированным ценам, как португальцев в Нагасаки; им было сказано, что и другие товары могут поступать в продажу лишь после того, как будут определены цены на шелк-сырец. Когда же глава фактории Николаес Кукебакер попытался проигнорировать это требование, его строго предупредили³. Более того, новый глава фактории Ф. Карон (он жил на Хирадо с 4 февраля 1639 по 24 октября 1641 г.)⁴, который прибыл в Эдо, чтобы засвидетельствовать свое почтение сёгуну, был принят с пренебрежением. Это можно объяснить тем, что бакуфу в то время решало вопрос — не применить ли указ об изгнании и к голландцам. К тому же киотоский сёсидай (наместник сёгуна) считал, что все христиане представляют угрозу для Японии. Кроме того, правительство опасалось возможных контактов между голландцами и тодзама-даймё⁵.

В августе 1640 г. голландцы закончили сооружение большого каменного товарного склада, но на свою беду на фронтоне они поместили дату постройки по христианскому календарю. Последовал незамедлительный указ разрушить не только этот склад, но и все другие постройки, где есть такого рода надписи.

³ Goodman G.K. Japan: The Dutch Experience. L., 1986, p. 12-13.

⁴ Его книгу «Описание о Японе» перевели в России в 1734 г. Это была первая книга о Японии. См.: Библиография Японии. Литература, изданная в России с 1734 по 1917 г. М., 1965, с. 118, № 2540

⁵ Тодзама -даймё — «сторонние даймё», феодалы, выступавшие против Иэясу Токугава в битве при Сэкигахаве.

Голландцы подчинились, поскольку глава фактории понимал всю опасность их положения (допускалась возможность физического уничтожения)⁶.

Но на этом неприятности голландцев не кончились. Последовал еще ряд унижительных распоряжений. Кроме того, они должны были перебраться на о-в Дэсима. Послушание и покорность помогли им избежать многих осложнений. То, что Ост-Индская компания проводила трезвую, с учетом местных условий, политику, было одной из причин, которая и помогла Голландии удержаться в Японии. Внешняя торговля играла большую роль в экономической жизни Голландии, принося большие денежные доходы, поэтому приходилось всячески избегать возможных трений с японскими властями.

24 июля 1641 г. голландцам пришлось перебраться на небольшой о-в Дэсима по соседству с Нагасаки, где не так давно обитали португальцы. В период Токугава Нагасаки находился под непосредственным контролем бакуфу, будё назначался из Эдо. Воинские силы княжеств Фукуока и Сага попеременно охраняли город.

Дэсима был искусственным и крошечным островом, его общая площадь составляла 3,969 цубо. Он был примерно в 120 м в длину, 75 м в ширину и возвышался над уровнем моря на 1 – 2 м, очертаниями напоминал раскрытый японский веер. Остров был обнесен высоким забором, по верхней части которого шел двойной ряд железных шипов. В западной части острова находились ворота, но они открывались лишь тогда, когда прибывали голландские суда – чтобы разгрузить судно и затем нагрузить японскими товарами. Вокруг острова в воде были размещены столбы с табличками, запрещающими причаливать к нему. Дэсима сообщался с берегом небольшим каменным мостом, и стража зорко следила за тем, чтобы никто без разрешения не мог подойти к острову или покинуть его⁷. Голландцы могли совершать прогулки по двум узким улочкам на острове, а для выхода в город требовалось специальное разрешение властей. Раз в год глава фактории и несколько его подчиненных совершали поездки в Эдо, чтобы преподнести подарки сёгуну и засвидетельствовать свою верность.

Шведский врач К.П. Тунберг, служивший в голландской фактории в 1775–1776 гг., писал, что европеец, которому пришлось бы жить до конца своих дней на Дэсима, мог считать себя заживо погребенным. Здесь не было ни малейшего намека на какую-либо интеллектуальную деятельность, которая скрашивала бы монотонно текущие дни. «Так же, как в Батавии, мы каждый день после прогулки, которая состоит в том, что мы несколько раз пройдемся вверх и вниз по двум улицам, наносим визит директору. Обычно эти вечерние визиты начинаются в шесть и заканчиваются в десять, иногда в одиннадцать или двенадцать часов ночи; образ жизни весьма неприятный, годный только для тех, кто

⁶ Goodman G.K. Japan: The Dutch Experience, p. 15 – 16.

⁷ Ibidem, p. 19; 1 цубо = 3,31 кв.м.

не умеет иначе проводить свой досуг, чем пыхтеть трубкой»⁸. К.П. Тунберг принадлежал не к тем, кто лишь «пыхтел трубкой», он стремился, насколько позволяли условия, общаться с японцами.

На острове размещались жилые дома, товарные склады, а также помещения для официальных лиц, переводчиков и охраны. В доме было четыре комнаты, кухня и туалет. Обстановка во всех постройках оплачивалась голландцами. Голландцы разбили на острове сад для цветов, у них было и небольшое подсобное хозяйство – коровы, овцы, свиньи, куры. Питьевая вода привозилась из Нагасаки, за нее было необходимо платить отдельно. А аренда острова обходилась голландцам в 55 каммэ серебром⁹.

Число голландцев, проживавших на острове, не было постоянным, оно колебалось от года в год, но редко превышало 20 человек. По распоряжению бакуфу после 1640 г. главу фактории меняли ежегодно, дабы он не успел наладить слишком дружественные отношения с японцами. За весь период существования фактории ее глава менялся 162 раза, но довольно часто случалось, что вновь появлялся человек, уже бывший в этой должности. У главы фактории был и помощник, обычно один; один или два секретаря, сторож на товарном складе; врач (один или два) с помощником; библиотекарь (один или два) – ему тоже полагался помощник. Кроме того, в состав служащих фактории входили канониры, корабельные плотники, столяры и негритянские слуги.

Число чиновников и различного обслуживающего персонала с японской стороны значительно превышало число иностранцев, проживающих на Дэсима. Одних переводчиков было около 150 человек, что преследовало цель воспрепятствовать каким-либо попыткам голландцев изучать японский язык. Никому из японцев не позволялось жить в доме у голландцев. Более того, не разрешалось хоронить голландцев в Японии. Не дозволялось совершать и религиозные отправления ни на острове, ни на кораблях. Местные власти строго следили, чтобы никакая иностранная религиозная литература не достигала японских лавок. Прибывшие иностранные корабли находились под жестким контролем местных властей и морякам не разрешалось посещать другие судна.

Кроме подарков, вручаемых сёгуну во время визитов в Эдо, голландцы должны были одаривать и власти в Нагасаки.

Японцы поставляли на о-в Дэсима не только воду, продукты, повседневные товары, но и проституток. На мосту была надпись: «Только для проституток, вход для других женщин воспрещен»¹⁰. Можно сказать, что такое маленькое послабление было сделано, чтобы скрасить голландцам одиночество – им не разрешалось приезжать в Японию с женами. Проституток поставляли те же тор-

⁸ Кин Д. Японцы открывают Европу М., 1972, с. 12.

⁹ Каммэ (кэн) – мера веса, равная 3,75 кг; денежная единица значительной стоимости.

¹⁰ Goodman G.K. Japan: The Dutch Experience, p. 21 – 22.

говцы, что снабжали остров продовольствием. Они приходили в сопровождении молоденьких слуганок из чайных домиков. Содержать девушку можно было год или несколько лет, но не менее трех дней. Кроме жалования, голландец должен был дарить ей шелковые платья, шляпы, пояса и т.д.

В ХУШ в. голландцам разрешили посещать веселые кварталы в Нагасаки в районе Маруяма. Но и здесь их подвергли своеобразной дискриминации – они платили 65 моммэ¹¹ серебром, тогда как китайские торговцы – только 5 моммэ. Но это можно объяснить тем, что число китайских «визитеров» примерно в три раза превосходило число голландцев, посещавших Маруяма.

Если рождался ребенок, то японке разрешалось жить в доме его отца в качестве кормилицы, но ребенок считался японцем; уже с самого раннего возраста он подвергался таким же ограничениям, как и другие японцы, имеющие (или имевшие) контакты с иностранцами. Детям предоставлялась одна маленькая поблажка – их голландским отцам разрешалось с ними встречаться в строго установленное время; кроме того, отцы могли оказывать им материальную поддержку и заботиться об их образовании. Часто отцы помогали своим взрослым сыновьям приобрести какую-либо должность в Нагасаки или в другом месте.

Жизнь на острове давала мало поводов для радостей, она вряд ли приносила удовольствие живущим там иностранцам, можно сказать, была довольно суровой. Что же тогда удерживало там голландцев? Главное – это монопольное право торговли с Японией, что существенно помогло развитию экономики Голландии. Совершенно очевидно, что именно экономические интересы и удерживали голландцев в Японии. Наибольшие доходы от торговли с Японией они получили с 1638 по 1641 г. Даже тогда когда торговля переживала периоды упадка, голландцы не теряли надежду на улучшение и стойко переносили все ограничения и унижения, строго подчиняясь условиям многочисленных указов японской стороны¹².

Голландцы аккуратно выполняли еще одну обязанность – совершали ежегодные поездки в Эдо, чтобы засвидетельствовать свое почтение, уважение, благодарность сёгуну. Во время этого визита они преподносили сёгуну подарки. А поскольку только даймё имели право быть допущенными к сёгуну, главе фактории был пожалован статус даймё, что следует рассматривать как величайшую милость по отношению к иностранцам. Для голландцев поездки в Эдо были единственной возможностью получить дополнительную информацию о Японии, увидеть ее вне пределов Нагасаки, а местным жителям предоставлялась возможность узнать об иностранцах, проживающих в их стране.

Голландская миссия обычно состояла из главы фактории (или специального представителя), секретаря, врача и еще нескольких человек. Благодаря Энгель-

¹¹ Моммэ – весовая и денежная единица; 1 моммэ = 3,75 г.

¹² Ibidem, p. 23, 24.

бергу Кемпферу, немцу по национальности, который в качестве врача служил в фактории и в составе миссий 1691 и 1692 гг. ездил в Эдо, мы имеем интересные сведения о Японии тех лет, описание миссий и церемоний представления голландцев сёгуну¹³.

К поездке готовились заранее, бутё Нагасаки решал вопрос о подарках, и если, по его мнению, они не соответствовали этому торжественному случаю, их следовало заменить. Переводчики и официальные лица назначались властями Нагасаки. Мэцукэ (полицейский инспектор) тоже был в числе членов миссии. Нанимались лошади и носильщики, необходимо было взять с собой все, что могло потребоваться в пути – столы, стулья, а также вино, сыр и другие западные продукты.

Путешествие обычно длилось 90 дней: сначала по воде на лодках, потом по основному тракту в Эдо. Каждую ночь путешественники останавливались на ночлег в гостинице или в доме местного чиновника. Во время пути голландцам не разрешалось осматривать достопримечательности и отклоняться от маршрута.

В Эдо голландцы проводили две-три недели, останавливались они в доме, который находился на Нихомбаси, в центре города и который бакуфу предоставляло для официальных лиц, приезжавших из Нагасаки, поэтому он и назывался «Нагасакия». Гулять свободно по Эдо голландцам не разрешалось. Но зато в «Нагасакия» приходили японцы, которые интересовались медициной и астрономией. Все посетители должны были иметь официальное разрешение от бакуфу. Голландцы жаловались на большое число любопытных, которые приходили в дом в любое время дня и ночи. Голландцы часто были не в состоянии ответить на вопросы японцев, многие из которых ставили их в тупик. Кроме того, следует учитывать и уровень переводчиков, знание языка которых ограничивалось торговой и бытовой лексикой.

В назначенный для посещения сёгуна день подарки отправлялись на проверку. Затем голландская миссия торжественно прибывала в сёгуновский замок. Аудиенции устаивался лишь глава фактории. Вот как описывает Э.Кемпфер визит в Эдо, свидетелем которого он был. «Мы ожидали, стоя, в течение часа, пока император¹⁴ займет свое место в зале для аудиенции. Затем вошел Синогами с двумя своими помощниками и провел нашего начальника пред императорские очи, нас же оставили ждать. Как только начальник наш вошел в зал, раздался громкий крик «Голланда-капитан», что было знаком подойти ближе и нюкайше поклониться. В соответствии с указанием он полз на коленях, опираясь о пол руками, к отведенному для него месту, между подарками, разложенными в надлежащем порядке, и возвышением, на котором восседал император.

¹³ Kaempfer E. The History of Japan. Glasgow, vol. 3, 1906.

¹⁴ Так ошибочно Э. Кемпфер называет сёгуна Цунаёси.

Затем, не поднимаясь с колен, он поклонился так низко, что коснулся лбом пола, и в той же позе должен был пятиться назад, словно краб, так и не вымолвив ни единого слова»¹⁵.

Спустя несколько часов голландцы вновь были вызваны в замок. Сёгун и его ближайшее окружение сидели, скрытые от гостей решетками, сделанными из тростника. Они были накрыты красивым шелком, однако между полотнами были оставлены большие щели, что позволяло наблюдать за голландцами. С точки зрения иностранцев им задавали «наглые и нелепые вопросы». Их спрашивали о возрасте, заставляли каждого написать свое имя на листе бумаги. Главу фактории расспрашивали о том, каково расстояние от Голландии до Батавии и от Батавии до Нагасаки, кто обладает большей властью – глава Ост-Индской компании или «государь» («Prince») Голландии. Непосредственно Э.Кемпферу задавали вопросы о том, какие болезни представляют наибольшую опасность – внутренние или наружные и что труднее вылечить; как он лечит раковые опухоли и внутренние нарывы. А вот его записи о поездках в Эдо в следующем, 1692 г.: «После выполнения всех положенных церемоний император приказал нам сесть прямо, снять наши плащи, назвать имена и возраст, встать, походить, повернуться кругом, спеть песни, поприветствовать друг друга, рассердиться, побеседовать любезно как будто отец с сыном, продемонстрировать как два друга или муж и жена здороваются или прощаются друг с другом, изобразить игру с детьми, поносить их на руках, словом показать множество других вещей... Затем нас заставили поцеловать друг друга, как это делают муж и жена»¹⁶.

Подобные шутовские представления прекратились в конце ХУШ в. Ежегодные миссии в Эдо приобрели более формальный характер. После 1790 г. миссия стала приезжать в столицу раз в четыре года. Правда, следует отметить, что и объем торговли к этому времени резко сократился. По данным, собранным Ф. Зибольдом, за столетие, с 1609 по 1709 г. Нагасаки посетило 480 голландских судов, а за последующее столетие – с 1709 по 1809 г. – всего 70¹⁷. Однако голландцы, несмотря на ухудшение дел, не ушли из Японии, свою монополию на торговлю им удалось сохранить до 1854 г. И подарки сёгуну отправлялись ежегодно, хотя не такие дорогие, как раньше. Несмотря на униженный характер визитов голландской миссии, возможность видеть сёгуна и вручать ему подарки следует рассматривать как большую привилегию, которой никогда не удаивались японские купцы, занимавшие самую низшую ступень социальной лестницы, а голландцы в основном и были представлены купцами. Тот же Э. Кемпфер был вынужден признать, что не лучший прием оказывался и знатным даймё. Кроме того, голландцы получали подарки от сёгуна и чиновников. Так, в

¹⁵ Цит. по: *Кин Д.* Японцы открывают Европу, с. 8.

¹⁶ Цит. по: *Goodman G.K.* Japan: The Dutch Experience, p. 29.

¹⁷ *Понов К.М.* Япония. М., 1964, с. 190.

апреле 1692 г. сёгун подарил им 30 платьев (кимоно?); одежду им также пода-рили родзю (старший государственный советник) и другие чиновники¹⁸. Может быть, следует сказать, что то, что было унижительным для голландцев, объяснялось их незнанием тонкостей японского этикета, который в корне отличался от европейского. Но их согласие подчиняться местным обычаям, вне всякого сомнения, обеспечило им столь длительное сотрудничество с бакуфу.

Как уже отмечалось, число голландских судов, доставлявших в Японию шелк, пряности и другие редкие для Японии товары, которые закупались в Китае и Юго-Восточной Азии, постепенно уменьшалось. Первоначально голландцы, как и португальцы, получали плату за товары серебром. Во второй половине XVI в. и на протяжении всего XVII в. в Японии добывалось наибольшее количество серебра по сравнению с другими азиатскими странами. Вывозилось из Японии и золото. Но постепенно на первое место выходит медь. В XVIII в. на амстердамском рынке японская медь выполняла важную роль в торговых сделках¹⁹. Если в начале XVII в. внешняя торговля осуществлялась в больших масштабах, то в XVIII в. наблюдается ее резкое сокращение. Так, в 1622 г. голландцы завезли в Японию товаров на сумму в 4 579 878 кан серебра, то в 1729 г. – 1 477 757 кан серебром, а в 1789 г. – 593 859 кан серебром²⁰. В привозных товарах преобладали шелк-сырец и сахар. Однако постепенно японцы сами начинают производить эти товары, что и позволило сократить их импорт. В 30-е годы XIX в. Япония полностью прекратила завоз сахара²¹. Закрывтие внутреннего рынка для иностранных товаров можно рассматривать как дальнейшее развитие политики изоляции страны. Но в то же время эта мера преследовала цель сохранить природные ресурсы и создать условия для развития собственного производства. Поэтому политика ограничения масштабов внешней торговли проводилась бакуфу сознательно.

Но вторая половина XVIII в. отмечена возросшим интересом к западным наукам. Носителями европейских знаний для японцев являлись голландцы, хотя среди обитателей голландской фактории не так уж много было людей по-настоящему образованных и культурных. Можно сказать, что в этот период японцы в общении с Западом переключили свои интересы на интеллектуальную сферу. Кроме того, японцам повезло, что длительное время они имели дело именно с Голландией, которая была более развитой страной, чем Испания и Португалия. Голландцы быстро переводили на свой язык все то значительное, что появлялось в Европе, поэтому в переводе на голландский в Японию попадала литература и европейских авторов. Голландия более 200 лет играла роль

¹⁸ Goodman G.K. Japan: The Dutch Experience, p. 30.

¹⁹ Нихон кайдзай си (История японской экономики). Токио, т. 1, 1988, с. 19, 21.

²⁰ Иванами кодза. Нихон рэжиси (Очерки истории Японии). Токио, т. 13, 1964, с. 51, 63.

²¹ Нихон кайдзай си, с. 236.

своеобразного моста между Европой и Японией, и каким бы хрупким и узеньким не был этот мостик, он служил проводником новых веяний, узнать которые стремились передовые люди Японии тех лет.

В 1720 г. сёгун Ёсимунэ (1684–1745) разрешил ввозить в Японию голландские книги по прикладным наукам, что сделало возможным более широкое изучение голландского языка. Читая эти книги, японцы могли применять в практических целях достижения европейской науки – астрономии, медицины, математики и др. В конце своего правления сёгун Ёсимунэ разрешил нескольким японцам отправиться в Нагасаки, чтобы изучить там голландский язык²².

В 1741 г. сёгун Ёсимунэ приказал изучать голландский язык Гэндзё Норо (1693–1761) и Конъё Аоки (1698–1769). Аоки был специалистом по китайскому языку и литературе, ему сёгун поручил составить японо-голландский словарь, работа над которым была закончена в 1758 г. Он долгие годы продолжал изучение голландского языка, используя ежегодный приезд голландской миссии в Эдо. Ему принадлежит издание голландского алфавита. Аоки выполнял и работу библиотекаря при бакуфу. За свои заслуги был удостоен почетного титула «отца голландских знаний в Японии».

Гэндзё Норо должен был освоить научную терминологию голландских книг. Позже ему поручили хранение получаемых из Голландии книг, их просмотр и отбор наиболее ценных для перевода. Он получил титул «управляющего» голландскими книгами²³.

Так постепенно голландская наука, перешагнув порог сёгуновского замка, выходила за пределы узкого круга переводчиков. Шел процесс становления школы рангокуся (голландоведов), ее зачинателями была самурайская интеллигенция. Представители этой школы являлись пропагандистами европейской науки и выступали за расширение связей с заграницей, за что подвергались преследованиям со стороны бакуфу. Но истоки школы рангакуся следует искать в деятельности небольшой группы японцев-переводчиков, которая изо дня в день контактировала с голландцами сначала в Нагасаки, потом на о-ве Дзсима. Они были первыми, кому открывался далекий западный мир, так отличавшийся от японской системы моральных ценностей.

Надобность в переводчиках, знающих голландский, появилась гораздо раньше. Следует вспомнить, что долгое время языком общения с иностранцами был португальский. Именно знание этого языка и явилось определяющим, когда У. Адамса выбрали из числа членов команды, чтобы отправить на допрос к Иэясу Токугава. Но после изгнания португальцев из Японии практическая надобность в использовании португальского языка отпала и голландский более

²² Очерки новой истории Японии. М., 1958, с. 65.

²³ Nagao Takeo. History of Japanese Medicine in the Edo Era. Nagaya, 1991, p. 53-54; Понов К.М., Япония, с. 195.

двух столетий являлся единственным языком общения с иностранцами, хотя со временем появились японцы, владеющие и другими европейскими языками, но их было чрезвычайно мало.

Японцы-переводчики, которые имели ежедневные контакты с голландцами при заключении торговых сделок, являлись не только переводчиками – они сочетали в себе также функции торговых агентов и шпионов. Каждый переводчик имел определенный ранг, от которого зависел размер его оплаты. У них был свой глава – цудзиката-но касира. В течение ХУШ в. сложились следующие ранги переводчиков.

Оцудзи – старший переводчик.

Коцудзи – младший переводчик.

Коцудзискэ – помощник у младшего переводчика, коцудзинами – младший переводчик среднего класса.

Коцудзимассэки – младший переводчик низшего класса.

Кэйкоцудзи – начинающий переводчик.

Найцудзи – переводчик, который получал комиссионные за перевод во время ежегодных продаж голландских товаров.

К концу ХУП в. переводчиков было более 100 человек. К концу периода Токугава переводчиков всех рангов насчитывалось более 140²⁴.

Переводчики на о-ве Хирадо не были государственными служащими, их нанимали голландцы так же, как они нанимали слуг из местного населения. Восемь семей переводчиков переехали с о-ва Хирадо на о-в Дэсима: Хидэсима, Иномата, Исибаси, Кимоцукэ, Намура, Садаката, Такасаго и Ёкояма. Семья переводчиков Ниси переквалифицировалась с португальского языка на голландский, а семья Баба – с китайского на голландский. На о-в Дэсима к переехавшим семьям переводчиков присоединились семьи Хори, Имамура, Кафуку, Мотоки, Нарабаяси и Сигэй, в которых ремесло переводчика тоже являлось наследственным. Они представляли собой закрытую корпорацию переводчиков-профессионалов. Большая часть из них находилась в родственных связях друг с другом – браки, как правило, заключались внутри корпорации. Переводчики создали что-то вроде гильдии и дело переходило от отца к сыну.

Конец ХУП в. можно охарактеризовать как своего рода расцвет этой профессии. Только приобщившись к ней и можно было что-то узнать о Западе. Изучение чужого языка с абсолютно несхожей грамматической структурой в то время было делом довольно трудным – не было ни словарей, ни учебников, ни настоящих учителей.

О том, как шло обучение голландскому языку на первых порах, сохранились сведения, относящиеся ко второй половине ХУП в. Обучение было устным, для запоминания произношения слово записывалось катаканой (не совсем точно,

²⁴ Goodman G.K. Japan: The Dutch Experience, p. 32-33.

так как у японцев нет буквы «и»). Позднее японцев стали обучать и письму. В 1671 г. бугё Нагасаки распорядился отправить на о-в Дэсима мальчиков в возрасте от 10 до 12 лет, где их должны были обучать чтению и письму по-голландски. В 1673 г. мальчики в возрасте от 12–13 лет, сыновья переводчиков, ежедневно приходили в факторию, где голландцы в установленные для занятий дни давали детям уроки. Сохранился список учеников, относящийся к 1693 г., в котором каждому из них давалась оценка способностей и уровня знаний голландского языка²⁵.

В японоведческих работах, посвященных ХУП в., остаются неясными следующие вопросы: запрещало или нет бакуфу ввоз голландских книг и могли или нет японцы читать по-голландски.

Общеизвестно, что согласно указу 1630 г. запрещались все книги, где хоть в какой-то мере упоминалось о христианстве, причем правительство не делало различия между религиозной и иной литературой. Подлежали уничтожению даже книги по китайской истории, если там упоминалось о христианских миссионерах и т.п. Но в тексте указа 1630 г. речь не шла о книгах, написанных по-голландски. Получается, что бакуфу и не давало полного запрета на ввоз иностранной литературы. Поэтому переводчики в Нагасаки не только видели голландские книги, но и старательно учились читать по этим книгам. Кроме того, бакуфу получало книги в виде подарков; в 1650 г. правительство запросило книгу по анатомии; в 1659 г. бакуфу получило в подарок копию книги ХУІ в. по ботанике, автором которой был профессор Лейденского университета Ремберт Донунс; в 1663 г. глава фактории Хендрик Индийск подарил сёгуну голландское издание перевода с латинского книги о животных с иллюстрациями Мэттью Мериана (1593-1650)²⁶. Другое дело, что многие книги долгое время хранились не востребованными в библиотеке сёгуна и на глаза ученым попались лишь в ХУШ в. Таким образом, книги из Голландии привозились в Японию и после 1630 г. Кроме того, переводчикам не возбранялось читать голландские книги. Но предупреждалось, что текст следовало переводить так, как есть, без внесения каких-либо изменений²⁷.

До того как европейские медицинские знания начали проникать в Японию, в стране пользовалась авторитетом китайская медицинская школа (кампо игаку). Следует отметить, что несмотря на распространение западных медицинских знаний, китайская медицина не утратила своего значения и сохраняла свое влияние и использовалась в медицинской практике. Но в V – VII вв. несомненный приоритет имела в Японии корейская медицинская школа. Корея первой

²⁵ Ibidem, p. 34, 36.

²⁶ Ibidem, p. 35.

²⁷ Ibidem, p. 36-37.

ознакомила японцев с новейшими достижениями дальневосточной культуры, в том числе и с медициной.

В 458 г. когурёский врач по имени Ток Аэ поселился в г. Нанива, его ученики и потомки еще долго практиковали в этих местах. В 544 г. там устанавливается должность сборщика трав; в 552 г. из Пэкче приезжают врач и два аптекаря с лекарствами; в 593 г. при храме Ситэнъодзи открывается лечебница. Буддийские монахи, начавшие проникать в Японию в это время, также обладали медицинскими познаниями, которые передавали японцам. К этому времени влияние корейской медицины в Японии достигло своего пика.

Но постепенно Корея перестала быть для японцев тем источником, из которого они почерпнули множество знаний; кроме того, японцы осознали, что истоки этих знаний находятся в Китае. А при династии Тан (618-907) роль Китая становится для Японии первостепенной. Туда направляются не только посольства, но и студенты-школяры и паломники, в пути их сопровождают лекари, кузнецы, ремесленники, живописцы, которым надлежало повысить свою профессиональную квалификацию. Возвращаясь, они привозили с собой книги. Непосредственное знакомство с китайской медициной относится к 608 г., когда в Китай прибыли японские лекари для усовершенствования медицинских знаний, в 623 г. они вернулись на родину с книгами и лекарствами²⁸.

Китайская медицина доминировала в медицинской практике и в токугавской Японии. Но в отличие от Китая в Японии не было строгой регламентации для получения звания лекаря. В Китае надо было пройти курс обучения и сдать экзамены, только после этого можно было получить доступ к медицинской практике.

В Японии профессия врача была скорее наследственной и часто зависела не от индивидуальной квалификации, а от умения делать прижигание или иглоукалывание и прописывать лекарство. Не было никакой системы выдачи лицензий, и человек, который хотел заниматься медицинской практикой, объявлял себя лекарем. Но статус лекаря был высоким, поскольку согласно китайской конфуцианской традиции эта профессия была уважаемой. Престиж врачей резко возрастал, если они получали покровительство официальных лиц или даймё²⁹. Однако жизненная практика, где лекари сталкивались со многими непонятными вещами, связанными с болезнью человека, заставляла их расширять свои знания, а доступ к европейским книгам помогал познать природу человеческого тела, болезней и открывал новые методы лечения.

Появление голландцев в Японии совпало с периодом, когда в XVII в. медицина в Европе достигла большого прогресса. Но именно Лейден в XVI – XVII

²⁸ Воробьев М.В. Япония в III-VII вв., М., 1980, с. 41, 214-215, 228-230.

²⁹ Nagayo Takeo. History of Japanese Medicine in the Edo Era, p. 47.

вв. являлся крупным медицинским центром, куда стремились попасть студенты из других стран.

Наиболее сильным влияние голландской науки было в медицине, и в эпоху Токугава (1603 – 1867) она являлась главным объектом изучения в Японии.

Всего за время существования голландской торговой фактории в Японии побывало 150 врачей. Большая часть из них не имела высшего медицинского образования и не обладала хорошей квалификацией. Те же, кто получил образование в лучших университетах и добился успехов до поездки в Японию, оставили заметный след в развитии медицины в этой стране, их имена сохранились в японской истории, а их портреты можно увидеть в музеях. Виллем тен Рийне (1647-1700) окончил Лейденский университет, позже учился в Сорбонне. Это был первый врач с университетским образованием, приехавший в Японию. Он интересовался традиционной японской медициной, и благодаря его работам в Европе узнали о методах иглоукалывания и прижигании, применяемых в Японии³⁰. Э. Кемпфер (1651–1716), немец, обучался в нескольких университетах Европы, обладал глубокими знаниями не только в медицине, был широко образованным человеком. Ф. Зибольд (1796–1866), немец, получил университетское образование, имел обширные знания не только в сфере медицины, но и в области ботаники, зоологии, географии, культуры и т.д.

Японцы узнавали о европейских новостях в области медицины или из книг, читая их по-голландски, или от врачей, служивших в голландской фактории. Следует отдать должное практичности японцев – они всегда старались заимствовать у иностранцев то, что можно было с пользой применять в повседневной жизни. И первыми извлекли для себя выгоду японские переводчики. Им вменялось в обязанность не только переводить, но и надзирать за голландцами. Когда кто-либо из голландцев заболел, японцы-переводчики присутствовали при его лечении, наблюдали хирургические операции, запоминали латинские названия лекарств, что позволяло им потом изображать из себя врачей, хотя хирургия внушала им страх. Но как ни странно, эти «врачи» имели неожиданно большой успех среди японцев, к ним часто обращались за помощью. И это занятие приносило им доход³¹.

Первую группу японцев-переводчиков, практикующих как врачи, называли «Кацупаруру» («Casper-style»), поскольку они обучались в Нагасаки и Эдо под руководством ученого Каспара Шамбергена, который жил в Японии в 1649–1651 гг. Но постепенно в Японии складываются свои династии врачей со своими методами лечения. Например, Тиндзан Нарабаяси (Сингобэй) (1648–1711) создал школу медицинской практики. Он происходил из семьи переводчиков Нагасаки, занятие это передавалось по наследству. Поэтому Нара-

³⁰ Ibidem, p. 37.

³¹ Goodman G.K. Japan. The Dutch Experience, p. 39.

баяси с детства обучался писать и говорить по-голландски, потом совершенствовал свои знания под руководством врачей фактории и через 20 лет получил ранг старшего переводчика. В 1691 г. он был назначен официальным врачом при бакуфу. В 1706 г. он написал два трактата, где описал свои методы хирургического лечения³².

Профессию врача стали приобретать люди, которые никак не были связаны со средой переводчиков. Большой известностью пользовался Арасияма Хоан (1633-1693) – сын торговца из провинции Тикудзэн. В Нагасаки он обучался западному стилю медицины, в 1665 г. получил свидетельство от врача голландской фактории Даниеля Буша³³.

Хотя в XVIII в. медицина по-прежнему оставалась главным объектом изучения, японцы начинают проявлять интерес и к другим отраслям знаний – ботанике, астрономии, а в XIX в. – к европейской технике и технологии, административным методам управления. Берегов Японии достигли и западные общественно-политические идеи. Но справедливости ради стоит отметить, что западные знания в целом, названные по-японски «рангаку» – это слово появилось в 70-х годах XVIII в., получили его по заслугам – именно голландцы и были носителями и распространителями этих знаний. Вся информация о делах и событиях в мире тоже шла через голландцев. «Голландоведами» («рангакуся») стали называть ученых, интересующихся западными науками, в отличие от японцев-переводчиков в Нагасаки. Однако стало ясно, что понятие «рангаку» имеет более широкий смысл – посредством голландских книг в Японии пришли европейские знания, поэтому и появился термин «ёгаку» («западные знания»), который наиболее точно отражал суть происходящего. «Рангаку» и «ёгаку» заменили собой прежний термин «бангаку» («варварская наука»), что свидетельствовало о признании и уважении к западным знаниям; занятие «рангаку» переходило в разряд достойных, человеку благородного сословия заниматься этим делом не возбранялось.

С конца XVIII – начала XIX вв. усиливается интерес к западным знаниям, что видно на примере отдельных княжеств, главы которых интересуются ими в чисто практических целях. Жизненная необходимость заставляет их создавать условия для изучения западной литературы в своих владениях, чтобы справиться с экономическими трудностями, решать вопросы обороны княжества и сельского хозяйства, развивать у себя промышленные производства, научиться более рациональному использованию природных ресурсов. Это дело дайте поручают способным низкоранговым самураям.

В XIX в. появляется много частных школ, где изучаются западные науки. Школы открывались не только в городах, но и в некоторых княжествах; именно

³² Ibidem, p. 38-39.

³³ Ibidem, p. 40.

в эти школы и отправляли даймё молодых самураев. Как правило, главным предметом была медицина, но во многих школах программа обучения была шире. Например, Коан Огата (1810-1863) в Осака на одной из центральных улиц – Каварамати – открыл школу Тэкигэкисай дзюку. Он сам изучал медицину в Эдо и в Нагасаки у голландского врача Ёханеса Эдвина Ниемана; вернувшись в 1838 г. в Осака, открыл свою школу, где, кроме медицины, преподавали ботанику, химию, науку об артиллерии. Среди его учеников были Юкити Фукудзава (1834-1901) и Эйджю Сано (1827-1907) – будущий организатор Красного Креста в Японии. Коан Огата активно работал и в области перевода³⁴.

Процесс освоения западных знаний в Японии в XIX в. можно продемонстрировать на примере некоторых княжеств.

Княжество Сага находилось недалеко от Нагасаки. Несколько самураев из этого княжества отправили на обучение в Нагасаки. Большую роль в изучении западных наук сыграл глава этого княжества Наомаса Набэсима (1814-1871), у которого были тесные контакты с голландцами. В 1834 г. он открыл медицинскую школу Рангакурё, где велось обучение западному стилю медицины. Приобретая знания, Набэсима сразу же находил им практическое применение. Он укрепил побережье княжества, освоил литье и в 1853 г. в княжестве была отлита пушка. Многими своими мероприятиями в деле укрепления обороны княжество обзавелось Сюхан Такасима (1798-1866) – городскому старшине Нагасаки. Эту должность он унаследовал от своего отца. Такасима детально изучил европейскую военную науку, чтобы модернизировать оборону Нагасаки (в обязанности княжества Сага входила оборона этого города). На свои собственные средства он закупил через голландцев ружья, полевые пушки и мортиры; голландцы, жившие на о-ве Дэсима, обучили его обращаться с оружием. Такасима изучал и западный стиль строевой подготовки пехоты и проводил артиллерийские учения. Все это он продемонстрировал бакуфу во время парада в Эдо в 1841 г. Инициатива Такасима пришлась как нельзя кстати – правительство знало о печальных для Китая результатах англо-китайской опиумной войны. Поэтому оно не только наградило Такасима, но и поручило ему ознакомить японцев с этой новой западной военной техникой и научить их обращаться с ней. Такасима успел обучить 280 даймё и самураев. Однако против него ополчились те, кто не хотел распространения западных знаний. Традиционная конфуцианская группировка внутри правительства добилась высылки Такасима из Эдо, его посадили в тюрьму и освободили лишь в 1853 г. Но его идеи о полезности использования западной военной техники нашли отклик не только в Сага, но и в других княжествах.

³⁴ Ibidem, p. 181-183.

Такасима выступал и за открытие страны для внешней торговли, что также вызывало резкое порицание со стороны тех членов бакуфу, которые пытались сохранить политику изоляции страны³⁵.

Но распространение и развитие западных знаний никакими репрессивными мерами остановить было уже невозможно, поскольку это было вызвано практическими потребностями времени.

Глава княжества Сацума Сигэхидэ Сималзу (1746–1833), тесть сёгуна Иэнари, проявлял интерес ко всему спектру естественных наук. Его очень интересовали пути повышения продуктивности сельского хозяйства. Он стремился расширить у себя в княжестве производство разных товаров, поощрял ремесла и внешнюю торговлю. В 1771 г. с разрешения бакуфу Сималзу отправился в Нагасаки, где осмотрел голландское судно, конструкция которого ему очень понравилась. В Нагасаки он остановился в доме переводчика Гэнъуэмон Имамура (Акинори), общаясь с которым, он почерпнул много знаний о западной культуре. В 1779 г. Сималзу построил обсерваторию при астрономической школе Мэйдзикан, где велось изучение астрономии и календаря под руководством переводчика Гэнко Мацумура.

Сималзу разбил сад, где выращивались лекарственные растения, и написал книгу о птицах, где названия птиц были указаны на латыни. Он переписывался с Зибольдом, используя ромадзи³⁶.

Следующий глава княжества Нариакира Сималзу (1809–1858) в освоении западных знаний сделал акцент на военных новшествах и значительно укрепил оборонные силы Сацума. В главном городе княжества Кагасима основал школу Рангаку косюдзё. Это были своего рода курсы для изучения западных наук. Он построил гостиницу для иностранцев – Гайкокудзин сэттайсё, создал предприятие по производству стекла – Хари сэйдзосё³⁷. Нариакира не ограничился тем, что приглашал ученых к себе в княжество, а заботился о том, чтобы там были свои кадры. Для этого Нариакара отобрал среди молодых самураев способных людей и отправил их учиться. Можно сказать, что он смотрел далеко вперед – с помощью западной техники и технологии наладить собственное производство товаров, используя природные и сельскохозяйственные ресурсы и возможности своего княжества.

Глава княжества Фукуи Ёсинага Мацудайра (1828–1890) был человеком предприимчивым. Здесь тоже заботились об укреплении обороны княжества, прилагали большие усилия, чтобы поднять продуктивность сельского хозяйства, уделяли внимание здоровью. Через Тэйсай Хино (1797–1850), который обучался у Зибольда, Ёсинага узнал о вакцине от оспы. И в княжестве Фукуи Хино

³⁵ Ibidem, p. 154–156.

³⁶ Ромадзи – латинская транскрипция японских слов, латинизированное японское письмо.

³⁷ Ibidem, p. 151.

открыл своего рода медицинский пункт, где делали прививки от оспы, стремясь охватить ими как можно больше жителей княжества.

Ёсинага Мацудайра был заинтересован как во внутренней, так и во внешней торговле. У него были товарные склады в Нагасаки и он успешно торговал по всей Японии бумагой, шелком, чаем, нитками и пенькой³⁸.

Как уже говорилось выше, среди европейских наук, получивших распространение в Японии, были медицина и астрономия. И благодаря сподвижническому труду Гэмпаку Сугита, Рётаку Мазно, Сэян Такэбэ, Гэнтаку Оцуки, Гэндзуй Удагава, Сампаку Имамура эти знания стали доступны японцам, поскольку эти люди выступали также и в роли переводчиков.

В освоении западных знаний помогли японцам и контакты с образованными служащими голландской фактории, но таких было не много. К их числу принадлежали швед Карл Тунберг, работавший врачом в Японии в 1775–1776 гг., и Филипп Зибольд, врач фактории в 1823–1829 гг.

Не следует забывать о докладах, касающихся важнейших событий в мире, которые глава фактории представлял правительству во время визитов в Эдо. Правда, иногда правительство не придавало должного значения происходящим в мире событиям. Так было с сообщением о гражданской войне между Севером и Югом на американском континенте. Тогда трудно было предугадать чем обернется для Японии победа северян. В 1776 г. возникло государство – США, которое очень быстро встало на путь внешней экспансии.

Постепенно знание одного лишь голландского языка становится недостаточным – в Японию попадают книги и на других европейских языках. Обучение европейским языкам началось в 1808 г., когда Хендрик Дефф, глава фактории, стал давать уроки французского языка шестерым ученикам. В следующем году группа японцев начала заниматься русским и английским языками, и с этого времени оба эти языка стали регулярно изучаться³⁹. Одним из первых стал изучать английский язык потомственный переводчик из Нагасаки Дзюбэй Нарабаяси, его в 1798 г. пригласили в княжество Мито, где начали изучать западные науки.

Тема японо-голландских связей давно заслуживает отдельной работы, поскольку она весьма многогранна. Контакты с голландцами длительное время являлись для японцев единственным каналом проникновения европейских знаний в страну. Их роль оценило и правительство, создав в 1811 г. специальное учреждение для перевода иностранных книг – Бансёвагэгоё, которое в 1855 г. было переименовано в Ёгакусё, а в 1856 г. – в Бансёсирабэсё. В 1839 г. группа

³⁸ Ibidem, p. 151.

³⁹ Кин Д. Японцы открывают Европу, с. 85.

ученых, специализирующихся в изучении западных наук, стала называть себя «Банся» («варварская группа»)⁴⁰.

Нельзя утверждать, что европейские знания доходили до Японии в систематизированном виде. Часто информация носила отрывочный характер. Но японцы, обладая длительным опытом заимствования, практической смекалкой, смогли извлечь и применить на практике много полезного из европейского опыта. А с XIX в. получение информации носило целенаправленный характер. Имели ли европейцы точную информацию о Японии того времени мы судить не беремся, но полностью согласны с Д. Кином, когда он пишет, что «грубую ошибку совершают некоторые историки, недооценивая знание Запада в жизни Японии до прибытия Перри»⁴¹.

⁴⁰ Goodman G. K. Japan: The Dutch Experience, p. 5

⁴¹ Кин Д. Японцы открывают Европу, с. 85.

СОДЕРЖАНИЕ

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Сенаторов А.И. Структурные реформы: идеология и политическая борьба 5

Цветова И.А. История Партии новых рубежей – один из фрагментов «реорганизации политических сил» Японии 23

Стрельцов Д.В. Избирательная система: первые уроки реформы 47

Маркарьян С.Б. История взаимоотношений религии и государства в Японии 66

Стапран Д.А. Япония и Латинская Америка – на пути к взаимовыгодному сотрудничеству 84

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Лебедева И.П. Истоки и ход экономической депрессии 90-х годов 101

Денисов Ю.Д. Японская наука перед лицом сложных проблем 121

Тимонина И.Л. Программа «Технополис» – теория и практика 135

Михайлов А.А. Развитие коммуникационно-информационной технологии в Японии: проблемы и достижения 150

ОБЩЕСТВО И КУЛЬТУРА

Тихоцкая И.С. Система образования Японии: истоки и симптомы кризиса 164

Молодякова Э.В. Вклад культуры Японии в программу «Культура мира» 181

Рехо Ким. Ясунари Кавабата. «Снежная страна». Лиро-эпический синтез в повести 201

Рассказы Итиэ Ватанабэ 214

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Черевко К.Е. К вопросу о применении принципа законности в российско-японских отношениях 227

Молодяков В.Э. Жизнь и смерть «сацумского сокола»: политики Сэйго Накано 239

Лещенко Н.Ф. Голландский след в истории Японии 251

Научное издание

Япония 1998–1999

Ежегодник

Редактор Н. П. Дмитриевская

Институт востоковедения РАН
Ассоциация японоведов
Москва, ул. Рождественка, д. 12

ЛР № 063999 от 04.04.95

Подписано в печать 21.04.99 Формат 60х90^{1/16}

Печать офсетная Бумага офс. № 1

Печ. л. 17,0 Тираж 500 экз. Зак. 1405

Издательство АО "Диалог-МГУ"

119899, Москва, Воробьевы Горы, МГУ

Тел. 939-38-90, 928-10-42, Факс 939-38-91

Отпечатано в Производственно-издательском комбинате ВИНТИ,
140010, г. Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-т, 403.

Тел. 554-21-86